

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ XIII–XIV

The Free Economic Society of Russia
Conversations about Economy

关于经济学的对话

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2024–2025, Москва

Под редакцией С. Д. Бодрунова

УДК 33

ББК 65

Ведущие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы социально-экономического развития страны. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, состоявшиеся на площадках Вольного экономического общества России и Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко учитываются при разработке государственных программ развития. Издание содержит глубокий экскурс как в историю страны, так и в историю Вольного экономического общества России, которое в этом году отмечает 260 лет со дня основания. «Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

© ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ, 2024–2025
© С.Д. БОДРУНОВ, 2024–2025

ISBN 978-5-00020-136-7

БЛАГОДАРНОСТИ

Редакционный совет,
редакционная коллегия,
научный совет выпуска,
группа выпуска

ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ

за активное содействие в реализации идеи серии «Беседы об экономике»:

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по промышленности и торговле,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по экономической политике,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Российскую академию наук,
- Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
- Центральный экономико-математический институт РАН,
- Институт экономики РАН,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- Информационное агентство ТАСС,
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Торгово-промышленную палату Российской Федерации,
- Государственный Пекинский университет,
- Китайский народный университет,
- Экспертно-деловой Совет ВЭО России по вопросам развития российско-китайского сотрудничества,
- Пресс-службу ВЭО России,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий
Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы:

- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
- Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
- Уральский государственный экономический университет,
- Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БОДРУНОВ
Сергей
Дмитриевич

Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

АВТОНОМОВ
Владимир
Сергеевич

Научный руководитель факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

АГАНБЕГЯН
Абел
Гезевич

Академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

АКБЕРДИНА
Виктория
Викторовна

Заместитель директора Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

АКСАКОВ
Анатолий
Геннадьевич

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы РФ по финансовому рынку, к. э. н. (г. Москва, Россия)

ГЛАЗЬЕВ
Сергей
Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОРШКОВ
Михаил
Константинович

Член Президиума ВЭО России, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н. (г. Москва, Россия)

ГРОМЫКО
Алексей
Анатольевич

Член Президиума ВЭО России,
директор Института Европы РАН,
член-корреспондент РАН, д. полит. н.
(г. Москва, Россия)

ДЕМЕНТЬЕВ
Виктор
Евгеньевич

Руководитель научного направления
«Макроэкономика и институциональная теория»,
заместитель председателя Ученого совета ЦЭМИ
РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор
(г. Москва, Россия)

ДЫНКИН
Александр
Александрович

Вице-президент ВЭО России, председатель
Международного комитета ВЭО России, президент
ФГБНУ «Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е. М. Примакова РАН», академик РАН, д. э. н.,
профессор (г. Москва, Россия)

ЕРМАКОВА
Жанна
Анатольевна

Заведующая кафедрой банковского дела
и страхования Оренбургского государственного
университета, член-корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор (г. Оренбург, Россия)

КАЛАШНИКОВ
Сергей
Вячеславович

Член Президиума ВЭО России,
председатель Президиума Международного союза
общественных объединений «Российская ассоциация
международного сотрудничества», д. э. н.,
профессор (г. Москва, Россия)

КЛЕПАЧ
Андрей
Николаевич

Член Правления ВЭО России,
главный экономист ВЭБ.РФ,
к. э. н. (г. Москва, Россия)

МАКСИМЦЕВ
Игорь
Анатольевич

Член Правления ВЭО России,
ректор Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, д. э. н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**МУРЫЧЕВ
Александр
Васильевич**

Член Президиума ВЭО России, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, д. э. н. (г. Москва, Россия)

**НЕКИПЕЛОВ
Александр
Дмитриевич**

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

**НИГМАТУЛИН
Роберт
Искандерович**

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор (г. Москва, Россия)

**ПОПОВ
Гавриил
Харитонович**

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

**ПОПОВ
Евгений
Васильевич**

Директор Центра социально-экономических исследований Уральского института управления — филиала РАНХиГС, член-корреспондент РАН, д. ф.-м. н, д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

ПОРФИРЬЕВ
Борис
Николаевич

Вице-президент ВЭО России, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

РЯБУХИН
Сергей
Николаевич

Вице-президент ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, д. э. н. (г. Москва, Россия)

СИЛИН
Яков
Петрович

Вице-президент ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

ЭСКИНДАРОВ
Михаил
Абдурахманович

Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН
Юрий
Васильевич

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель АО «ИД «Экономическая газета», генеральный директор АО «ИД «Экономика и жизнь», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БАРСУКОВ

Игорь Евгеньевич

Член Правления ВЭО России,
заместитель директора Центра
Национальной технологической
олимпиады НИУ ВШЭ, к. э. н.
(г. Москва, Россия)

ГОЛОВ

Роман Сергеевич

Член Президиума ВЭО России,
заведующий кафедрой менеджмента
и маркетинга высокотехнологичных
отраслей промышленности Московского
авиационного института (национального
исследовательского университета),
д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ

Александр Анатольевич

Вице-президент ВЭО России,
исполнительный директор Института
нового индустриального развития имени
С. Ю. Витте, к. э. н.
(г. Санкт-Петербург, Россия)

РАТНИКОВА

Маргарита Анатольевна

Вице-президент ВЭО России,
директор ВЭО России (г. Москва, Россия)

СМАГИНА

Валентина Викторовна

Член Президиума ВЭО России,
главный ученый секретарь Тамбовского
государственного университета
имени Г. Р. Державина, д. э. н.,
профессор (г. Тамбов, Россия)

УСЕНКО

Людмила Николаевна

Член Президиума ВЭО России,
заведующая кафедрой анализа
хозяйственной деятельности
и прогнозирования Ростовского
государственного экономического
университета, член-корреспондент РАН,
д. э. н., профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С. Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

**С. Ю. ГЛАЗЬЕВ, М. В. ЕРШОВ,
С. Г. МИТИН, Б. Н. ПОРФИРЬЕВ,
О. Н. СМОЛИН, С. Н. РЯБУХИН,
А. А. ШИРОВ**

ГРУППА ВЫПУСКА

Главный редактор **Сергей Бодрунов**

Редакционный директор **Мargarита Ратникова**

Шеф-редактор **Дарья Парафонкина**

Концепт-редактор **Галина Никитина**

Переводчики **Екатерина Демидова, Виктория Викленко**

Верстка **Юрий Смирнов**

Препресс **Юрий Смирнов**

Фоторедактор **Стас Казаков**

Контрольный редактор **Юлия Прилуцкая**

**Фотографии предоставлены пресс-службой ВЭО России,
фотобанк Shutterstock**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

НОВОЕ КАЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

БЕСЕДА 1

Россия-2025: траектория динамичного, сбалансированного социально-экономического развития СТР. 22

 Russia 2025: a Trajectory of Dynamic, Balanced Socioeconomic Development СТР. 70

БЕСЕДА 2

Российская экономика: от адаптации к лидерству СТР. 112

 The Russian Economy: From Adaptation to Leadership СТР. 120

БЕСЕДА 3

Национальные цели развития России: на пути к обществу справедливости СТР. 126

БЕСЕДА 4

Дефицит кадров: кто виноват и что делать СТР. 144

БЕСЕДА 5

Энергетика России: вызовы и возможности СТР. 158

ЧАСТЬ II

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ РОССИИ

БЕСЕДА 1

Новый мировой порядок: полицентризм или биполярность? СТР. 186

 The New World Order: Polycentrism or Bipolarity? СТР. 202

БЕСЕДА 2

Мировая экономика: новые тренды и риски СТР. 216

 The Global Economy: New Trends and Risks СТР. 232

БЕСЕДА 3

Архитектура мировых финансов: в поиске решений СТР. 246

 Global Financial Architecture: In Search of Solutions СТР. 256

БЕСЕДА 4

Российско-китайское сотрудничество: новые решения СТР. 264

 China-Russia Cooperation: New Solutions СТР. 270

 俄中合作：新方案 СТР. 274

Материалы, переведенные на английский или китайский, отмечены флажками
Articles Translated to English and/or Chinese Marked by Flags

ЧАСТЬ III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

БЕСЕДА 1

На пути к ноообществу:
технологии, труд и культура СТР. 280

 On the Way to a Noosociety:
Technology, Labor and Culture СТР. 312

БЕСЕДА 2

Пути развития
экономического образования СТР. 338

БЕСЕДА 3

Экономическая грамотность
как условие роста СТР. 358

БЕСЕДА 4

Экономические основы:
как ковалась Великая Победа СТР. 368

ЧАСТЬ IV

ВЭО И ГЛАВНЫЕ РЕФОРМЫ РОССИИ. 260 ЛЕТ В АВАНГАРДЕ ПРОГРЕССА

БЕСЕДА 1

Роль ВЭО России в истории Отечества СТР. 392

TABLE OF

PART I

THE NEW QUALITY OF THE RUSSIAN ECONOMY: STRATEGY AND TACTICS

CONVERSATION 1

Russia 2025: a Trajectory of Dynamic, Balanced Socioeconomic Development P. 70

CONVERSATION 2

The Russian Economy: From Adaptation to Leadership P. 120

CONVERSATION 3

Russia's National Development Goals: Towards a Society of Justice P. 126

CONVERSATION 4

Staff Shortage: Who is to Blame and What to Do P. 144

CONVERSATION 5

Russian Energy Industry: Challenges and Opportunities P. 158

PART II

TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ECONOMY: OPPORTUNITIES AND RISKS FOR RUSSIA

CONVERSATION 1

The New World Order: Polycentrism or Bipolarity? P. 202

CONVERSATION 2

The Global Economy: New Trends and Risks P. 232

CONVERSATION 3

Global Financial Architecture: In Search of Solutions P. 256

CONVERSATION 4

China-Russia Cooperation: New Solutions P. 270

🇨🇳 俄中合作：新方案 P. 274

CONTENTS

PART III

ECONOMIC SCIENCE AND EDUCATION

CONVERSATION 1

On the Way to a Noosociety:
Technology, Labor and Culture P. 312

CONVERSATION 2

Ways to Develop Economic Education P. 338

CONVERSATION 3

Economic Literacy
as a Condition for Economic Growth P. 358

CONVERSATION 4

Economic Fundamentals:
How the Great Victory was Won P. 368

PART IV

VEO AND THE MAIN REFORMS OF RUSSIA. 260 YEARS AT THE FOREFRONT OF PROGRESS

CONVERSATION 1

The Role of the VEO of Russia
in the History of the Fatherland P. 392

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В этом издании собраны тексты ключевых научно-экспертных дискуссий Вольного экономического общества России, которые состоялись в конце 2024 — начале 2025 года.

Материалы дают объемную, многослойную палитру представлений ученых о том, что происходило как в экономике России, так и в мировой экономике последние несколько лет.

Мы живем в уникальное время, когда Россия и мир оказались на перепутье: прежние модели развития себя исчерпали, а контуры новых пока туманны. Поэтому нам, экономистам, поневоле приходится смотреть за горизонт событий, быть визионерами или, если хотите, футурологами. Как ие решения помогут преодолеть концептуальный цивилизационный кризис и перейти к новому состоянию общества — ноосостоянию, создать более безопасный и справедливый мир, где во главу угла будут поставлены принципы равноправия, взаимоуважения, открытости, солидариз-

ма, стратегического межгосударственного партнерства? Сегодня это, пожалуй, ключевой вопрос, который волнует как национальные правительства, так и мировое научно-экспертное сообщество. В этом томе мы попытались приоткрыть завесу грядущего и представить, каким может быть будущее мирового порядка.

Ни у кого не возникает сомнений в том, что дни однополярного мира и гегемонии Запада истекли, но что придет на смену текущему миру-порядку? Полицентризм, новая биполярность или некий гибридный вариант, сочетающий черты этих двух моделей? Какие факторы определяют развитие мировой экономики? И как России подняться по технологической лестнице, занять свое место среди мировых лидеров? Мы посвятили этой теме целый блок нового тома «Бесед об экономике». Как будут реализованы прогнозы, сформированные ведущими экономистами, представителями структур ООН, политологами, дипломатами и экспертами в области мировой экономики и финансов, посмотрим через несколько лет.

Пожалуй, самая животрепещущая тема, которой было уделено много внимания как в наших дискуссиях, так и на страницах этого издания, — это разработка новой модели социально-экономического развития России. В сентябре этого года Минэкономразвития снизило прогноз роста российской экономики на 2025 год с 2,5 до 1%. Приходится признать, что аналитики ООН были правы. Согласно их расчетам, приведенным

в докладе ООН «Мировое экономическое положение и перспективы», ВВП России по итогам 2025 года вырастет на 1%. В начале года многие российские эксперты сочли эти оценки излишне пессимистичными и даже алармистскими. Но спустя девять месяцев стало очевидно: прежние факторы роста больше не работают, а ограничения нарастают. Наше развитие тормозят санкции, направленные на снижение российского экспорта и разбалансировку торгового баланса, дефицит рабочей силы, жесткая денежно-кредитная политика и зависимость от импортного оборудования в высокотехнологичных секторах экономики.

Какие новые факторы позволят ускорить структурную трансформацию отечественной экономики? Эксперты Московского академического экономического форума, материалы которого представлены в этом томе, полагают, что локомотивами роста могут стать увеличение производительности труда и эффективности производства (за счет роста инвестиций в машины и оборудование), преодоление парадокса российского потребления, то есть расширение спроса населения на качественные товары и услуги, новая промышленная политика, которая предполагает развитие отраслей и производств, формирующих высокую добавленную стоимость с точки зрения прироста ВВП, и обеспечение технологической безопасности в сфере критически важных технологий.

Мы, экономисты, — люди, которые призваны прочно стоять на земле, опираться в своих сужде-

ниях, как правило, на цифры и факты. Вместе с тем следует принимать во внимание огромную созидательную роль таких «нематериальных» активов, как историческая память и определяющие экономические практики ценности. Для подавляющего большинства россиян не секрет: мы за ценности, называемые традиционными. Поэтому в этом томе представлены дискуссии, призванные сохранить память о ратном и трудовом подвиге советского народа, ученых и экономистов, заложивших фундамент Великой Победы, а также о значительном вкладе первого института гражданского общества — Вольного экономического общества России (260-летний юбилей которого отмечают в 2025 году) — в развитие народного хозяйства и социальной сферы страны.

«Страна, забывшая свою культуру, историю, традиции и национальных героев, обречена на вымирание» — эти слова выдающегося русского писателя и члена Вольного экономического общества Льва Толстого служат нам напоминанием о том, что, как говорится, не ВВП единым определяется национальная сила страны и ее вес на мировой арене.

Сергей Бодрунов,
главный редактор
серии «Беседы об экономике»,
президент ВЭО России,
член-корреспондент РАН,
д. э. н., профессор

DEAR READERS!

This publication contains the texts of key scientific and expert discussions by the VEO of Russia, which took place in late 2024 and early 2025. These materials provide a comprehensive, multi-layered palette of scholarly insights into developments in both the Russian and global economies over the past few years.

We live in a unique time when Russia and the world find themselves at a crossroads: the old models of development are exhausted, and the contours of new ones are hazy. Therefore, we economists have no other choice but to look beyond the event horizon, to be visionaries, or, if you will, futurologists. What solutions will help overcome the conceptual civilizational crisis and transition to a new state of society — a noostate — to create a safer and fairer world where the principles of equality, mutual

respect, openness, solidarity, and strategic interstate partnership are paramount? Today, this is perhaps the key question that concerns both national governments and the global scientific and expert community. In this volume, we have attempted to draw back the curtain and imagine what the future of the world order might look like.

There is no doubt that the days of the unipolar world and Western hegemony are over, but what will replace the current world order? Polycentrism, a new bipolarity, or maybe some hybrid combining features of both models? What factors will determine the development of the global economy? And how can Russia climb the technological ladder and take its place among the world leaders? We have dedicated an entire block of “Conversations on Economics” to this topic. We shall see in a few years how the forecasts formulated by leading economists, UN representatives, political scientists, diplomats, and experts in global economics and finance will play out.

Perhaps the most pressing issue, which received much attention both in our discussions and on the pages of this publication, is the development of a new model for Russia’s socioeconomic development. This September, the Ministry of Economic Development lowered its forecast for Russian economic growth in 2025 from 2.5% to 1%. We must admit that UN analysts were right.

According to their calculations, cited in the UN report "World Economic Situation and Prospects," Russia's GDP is expected to grow by 1% by the end of 2025. At the beginning of the year, many Russian experts considered these estimates overly pessimistic and even alarmist. But nine months later, it became clear: the former growth drivers are no longer working, and constraints are mounting. The main obstacles to our development are sanctions aimed at reducing Russian exports and unbalancing the trade balance, a labor shortage, a tight monetary policy, and dependence on imported equipment in high-tech sectors of the economy.

What new factors will accelerate the structural transformation of the domestic economy? Experts from the Moscow Academic Economic Forum, whose materials are part of this volume, believe that growth drivers could include increased labor productivity and production efficiency (through increased investment in machinery and equipment), overcoming the paradox of Russian consumption (that is, expanding consumer demand for high-quality goods and services), a new industrial policy that involves developing sectors and production facilities that generate high added value in terms of GDP growth, and ensuring technological security in critical technologies.

We economists are people who are called upon to stand firmly on the ground, basing our judgments

primarily on figures and facts. However, we must take into account the enormous creative role of "intangible" assets, such as historical memory and the values that define economic practices. For the vast majority of Russians, it is no secret: we stand for values called traditional. Therefore, this volume presents discussions intended to preserve the memory of the military and labor feats of the Soviet people, the scientists and economists who laid the foundation for the Great Victory, as well as the significant contribution of the first civil society institution — the VEO of Russia (that celebrates its 260th anniversary in 2025) — to the development of the country's national economy and social sphere.

"A country that has forgotten its culture, history, traditions, and national heroes is doomed to extinction" — these words by the outstanding Russian writer and member of the VEO, Leo Tolstoy, serve as a reminder that a country's national strength and position on the global stage do not rely on GDP alone.

Sergey Bodrunov,
Editor-in-Chief
of "Conversations on Economics",
President of the VEO of Russia,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor

尊敬的讀者！

本

期刊收錄了俄羅斯自由經濟社會在2024年底至2025年初舉行的主要科學與專家討論的文本。這些資料提供了學者對過去幾年俄羅斯經濟以及全球經濟情況的廣

泛、多層次的看法。

我們生活在一個獨特的時代，俄羅斯和世界發現自己處於十字路口：以前的發展模式已經耗盡，新的發展模式的輪廓仍然模糊。因此，我們經濟學家不由自主地必須超越事件視野，成為有遠見的人，或者，如果你願意的話，成為未來學家。哪些解決方案將有助於克服概念文明危機，並進入新的社會狀態——新狀態，創造一個更安全、更公平的世界，平等、相互尊重、開放、團結和國家間戰略夥伴關係的原則將處於最前沿？今天，這也許是各國政府以

及全球科學和專家界都擔心的關鍵問題。在這本書中，我們試圖揭開即將發生的事情的面紗，想像世界秩序的未來會是什麼樣子。

沒有人對單極世界和西方霸權的日子已經結束這一事實產生懷疑，但取而代之的將是什麼樣的世界秩序？是多中心主義、新的兩極格局，還是結合這兩種模式特徵的某種混合形式？哪些因素將決定全球經濟的發展？俄羅斯又該如何在技術階梯上攀升，佔據世界領導者的位置？我們在新版《經濟對話》中專門設立了一個專題來探討這個問題。由世界頂尖經濟學家、聯合國機構代表、政治學家、外交官及全球經濟與金融領域專家所形成的預測，將如何實現，我們將在幾年後見分曉。

也許最熱門的話題，在我們的討論和本出版物的頁面上都受到了很多關注，是俄羅斯社會經濟發展新

模式的發展。今年9月，經濟發展部將俄羅斯2025年經濟增長預測從2.5%下調至1%。我們必須承認，聯合國分析家是對的。根據聯合國《世界經濟形勢與展望》報告中引用的他們的計算，到2025年底，俄羅斯的GDP將增長1%。今年年初，許多俄羅斯專家認為這些評估過於悲觀，甚至危言聳聽。但九個月後，很明顯，舊的生長因子不再起作用，限制也越來越多。我們的發展受到旨在減少俄羅斯出口的制裁和貿易平衡失衡、勞動力短缺、緊縮的貨幣政策以及經濟高科技部門對進口設備的依賴的阻礙。哪些新因素將有助於加速本國經濟的結構性轉型？莫斯科學術經濟論壇的專家們在本卷中提供的資料指出，增長的引擎可能包括提高勞動生產率和生產效率（透過增加機械和設備投資）、克服俄羅斯消費悖論，即擴大居民對高品質商品和服務的需求、推行新的產業政策——重點發展能夠創造高附加值的行業和產業以促進GDP增長，以及確保關鍵技術領域的技術安全。我們，作為經濟學家，是被賦予責任堅實立足於現實的人，在判斷中通常依據數字和事實。同時，也應

考慮到諸如歷史記憶和塑造經濟實踐的價值觀等「無形」資產的巨大建設性作用。對於絕大多數俄羅斯人而言，毫無秘密：我們支持所謂的傳統價值。因此，本卷呈現的討論旨在保存對蘇維埃人民、科學家和經濟學家所作出偉大勝利基石的戰爭與勞動功績的記憶，以及對俄羅斯自由經濟學會（其260周年將於2025年慶祝）——作為第一個公民社會機構——在國家經濟和社會領域發展中的重要貢獻的回顧。

「忘記自己文化、歷史、傳統和民族英雄的國家，注定會走向滅亡」——這句話是傑出的俄羅斯作家及自由經濟學會成員列夫·托爾斯泰所說，提醒我們，正如俗話說的，國家的國力與其在世界舞台上的地位，不僅僅由GDP來決定。

謝爾蓋·博德魯諾夫，
「經濟對話」系列主編，
俄羅斯外經濟協會會長，
俄羅斯科學院通訊院士，
經濟學博士，教授

ЧАСТЬ I

НОВОЕ КАЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

**РОССИЯ-2025:
ТРАЕКТОРИЯ ДИНАМИЧНОГО, СБАЛАНСИРОВАННОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**RUSSIA 2025: A TRAJECTORY OF DYNAMIC,
BALANCED SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT**

**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА:
ОТ АДАПТАЦИИ К ЛИДЕРСТВУ**

**THE RUSSIAN ECONOMY:
FROM ADAPTATION TO LEADERSHIP**

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ:
НА ПУТИ К ОБЩЕСТВУ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

ДЕФИЦИТ КАДРОВ: КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ

ЭНЕРГЕТИКА РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

РОССИЯ-2025: ТРАЕКТОРИЯ ДИНАМИЧНОГО, СБАЛАНСИРОВАННОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Как реализовать потенциал российской экономики и выйти на траекторию динамичного, сбалансированного социально-экономического развития, обсудили участники VII Московского академического экономического форума (МАЭФ-2025), который объединил более 17,5 тысячи специалистов из 32 стран мира. Среди важных факторов роста отечественной экономики эксперты МАЭФ назвали расширение внутреннего спроса, рост производительности труда и загрузки производственных мощностей, наращивание инвестиций в технологическое развитие и развитие научно-технологической кооперации с дружественными странами.

Организаторы МАЭФ-2025: Вольное экономическое общество России, Российская академия наук

Геннадий Красников,
сопредседатель МАЭФ,
президент Российской академии наук,
академик РАН

Сергей Бодрунов,
сопредседатель МАЭФ, президент ВЭО России,
директор Института нового индустриального
развития имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН

Александр Дынкин,
президент Института мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН,
академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Сергей Глазьев,
академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Федор Войтоловский,
директор Института мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН,
член-корреспондент РАН

Ван Вэнь,
эксперт международного дискуссионного клуба «Валдай»,
директор Института финансовых исследований «Чуньян»,
сопредседатель Экспертно-делового совета ВЭО России
по вопросам развития российско-китайского сотрудничества

Александр Широ,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Валерий Крюков,
директор Института экономики и организации
промышленного производства Сибирского отделения
Российской академии наук, академик РАН,
член Президиума ВЭО России

Владимир Стародубов,
академик-секретарь Отделения
медицинских наук РАН,
академик РАН

Николай Бортников,
академик-секретарь Отделения наук о земле РАН,
научный руководитель Института геологии рудных
месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН,
член Президиума РАН, академик РАН

Альберт Бахтизин,
директор Центрального экономико-математического
института РАН, член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Станислав Прокофьев,
ректор Финансового университета
при Правительстве РФ,
член Правления ВЭО России

Андрей Клепач,
главный экономист государственной
корпорации развития ВЭБ.РФ,
член Правления ВЭО России

Борис Титов,
специальный представитель Президента Российской Федерации
по связям с международными организациями
для достижения целей устойчивого развития,
член Правления ВЭО России

Олег Смолин,
первый заместитель председателя Комитета
Государственной Думы по науке и высшему образованию,
член Президиума ВЭО России

Анна Романовская,
директор Института глобального климата
и экологии имени академика Ю. А. Израэля,
член-корреспондент РАН

Михаил Головнин,
директор Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Красников: Уважаемые коллеги! Рад вас приветствовать в Российской академии наук, в Александровском дворце, который имеет богатую историю. Поздравляю вас с началом центральных мероприятий VII Московского академического экономического форума. Как и в предыдущие годы, в мероприятиях форума принимает участие много ученых, экономистов, исследователей в области социального и технологического развития страны, медицины, наук о земле и в других сферах. Традиционно эксперты форума обсуждают приоритеты социально-экономического развития, роль научно-технологической политики в повышении качества жизни населения, эффективность проводимой экономической политики, процессы в национальной экономике, а также предлагают решения задач, которые стоят перед страной.

VII МАЭФ приурочен к значимой дате — 260 лет со дня основания Вольного экономического общества России. Российская академия наук в прошлом году отметила свой 300-летний юбилей. РАН является надежным партнером и активно сотрудничает с ВЭО России по широкому спектру вопросов. Благодаря нашей совместной работе были подготовлены профильные рекомендации, а экспертная проработка тем, обсуждаемых на различных уровнях государственной власти, способствовала подготовке качественных решений.

Важно, что наше пленарное заседание посвящено поиску путей динамичного, сбалансированного социально-экономического развития страны. Рассчитываю, что предложения, которые прозвучат в ходе сегодняшнего заседания и других мероприятий МАЭФ, будут синхронизированы со стратегией научно-технологического развития страны, с национальными проектами технологического лидерства, стратегическими документами научно-технологического развития регионов.

Мы высоко ценим диалог с отраслевыми специалистами, общественную оценку экономических процессов и явлений в жизни страны, поэтому с радостью принимаем участников и друзей VII Московского академического экономического форума в стенах Российской академии наук. Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Восемь решений для экономического роста

Бодрунов: Уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на VII Московском академическом экономическом форуме!

За годы работы форум стал значимым событием в научной и экономической жизни страны, зарекомендовал себя как авторитетная диалоговая площадка для поиска решений задач социально-экономического развития.

С момента основания МАЭФ ежегодно наращивает свой масштаб и охватывает все более широкий спектр и приоритетных тем, и научных направлений. Он прирастает новыми участниками и расширяет географию. При этом МАЭФ — одна из немногих интеллектуальных площадок в стране, которая начиная с 2021 года является постоянно действующей.

Что для нас важно? Благодаря форуму активно расширяется влияние Академии наук, ее Отделения общественных наук, и в первую очередь Секции экономики, на формирование повестки исследований многих научных центров во всей стране, объединяя их потенциал и сосредотачивая его на исследовании главных проблем российской экономики под руководством Академии. При этом визитной карточкой МАЭФ стала сильная региональная составляющая. В этом году в преддверии нынешних центральных мероприятий форума наши коллеги вели работу на 115 региональных площадках, которые были сформированы на базе ведущих вузов и научных центров страны, подразделений РАН, региональных организаций Вольного экономического общества России. На научно-практических мероприятиях в регионах уже выступило более тысячи специалистов. Научные конференции МАЭФ-2025 начиная с апреля работают на территории всей страны — на Урале и в Сибири,

в Вологде и в Камчатском и Хабаровском краях, на новых территориях России. Отрадно, что мероприятия форума поддержаны руководством многих субъектов Российской Федерации. Отмечу с благодарностью активность и разносторонность работы региональных площадок МАЭФ-2025 в Свердловской, Волгоградской и Саратовской областях, в Санкт-Петербурге, в Крыму. Не буду далее перечислять — подчеркну лишь, что, по мнению Программного комитета форума, в этом году все региональные площадки демонстрируют высокий организационный уровень и, судя по представленным материалам, значительное научное содержание дискуссий, что позволило не только вовлечь в обсуждение заявленной темы МАЭФ-2025 ведущих специалистов страны, но и получить результаты, весьма значимые для подготовки научных рекомендаций по проблемам долгосрочного устойчивого и динамичного развития страны, сформировать верные акценты для подготовки программных документов экономического плана в системе государственного управления, обратить внимание на проблемы, которые требуют безотлагательного решения, и, наконец, задать, что сегодня важно для нас, приоритетные векторы и для дискуссий на данной пленарной сессии, и для обсуждения проблем в рамках центрального блока в Архитектуре мероприятий форума.

Коллеги! Сегодня этой пленарной сессией мы открываем работу блока центральных мероприятий МАЭФ-25. Данная сессия призвана не только обозначить ключевые проблемы развития отечественной экономики, но и задать векторы для их детального обсуждения, которое будет продолжено завтра на площадках ведущих вузов и научных центров столицы. Теперь несколько слов о тех задачах и проблемах, о которых мы сегодня собираемся поговорить.

Программный комитет МАЭФ-25 ориентировался, представляя слово спикерам и дискуссионным группам пленарной сессии, на те задачи, которые являются базовыми для страны, для нашей экономики в современных условиях.

По словам президента России Владимира Владимировича Путина, «наша задача на текущий год — выйти на траекторию сбалансированного роста». Мы, экономисты, понимаем эту задачу, поставленную президентом, в максимально широком контексте. Поэтому в этом году мы посвятили Московский академический экономический форум теме «Россия-2025: траектория динамичного сбалансированного социально-экономического развития», поскольку экономический рост, и мы все это четко осознаем, нам нужен не ради формального роста, а как мощный драйвер и четкий индикатор позитивного развития — как в экономике, так и в социальной сфере — с учетом условий, в которых функционирует сейчас и глобальная, и российская экономика.

Последние годы были непростыми для нашей страны. Однако, как констатировал МАЭФ прошлого года, и нет оснований эту констатацию пересматривать, — российская экономика выстояла и продолжает нормально функционировать в условиях санкционного давления, более того — смогла сделать новый приличный рывок. Согласно обновленным данным Росстата, в 2024 году ВВП России увеличился на 4,3%. Бесспорно, расти далее аналогичными темпами с такой высокой базы сложно, и Минэкономразвития в этом году (в базовом варианте) прогнозирует рост экономики страны на 2,5%, не рассматривая сценарии «резкого обвала» показателя ВВП, «технической рецессии» и т.п. Активно выполняются принятые в последние годы государственные программы, направленные на достижение поставленных президентом России целей национального развития. Эксперты Вольного экономического общества России отмечают немалые позитивные подвижки

в наращивании технологического базиса и индустриальной компоненты экономики, обеспечивающие технологический и национальный суверенитет страны, в жилищном строительстве, в развитии транспортных систем — автомобильных и железных дорог, аэропортовой сети и новых региональных авиахабов; имеются достижения в сельском хозяйстве, особенно в области производства зерновых и зернобобовых культур. Нельзя не упомянуть и о развитии такой компоненты экономики, как наш оборонно-промышленный комплекс.

Однако проблем немало, и многие из них — это вызовы, проистекающие из тенденций глобального цивилизационного развития, имеющих существенный негативный потенциал. Мы не можем не учитывать глобальные проблемы в технологическом развитии, в экологии, в росте неравенства и социальной напряженности во многих регионах мира, приводящих к конфликтам, в том числе вооруженным. Мир вступил в полосу трансформации и в социальном, и в экономическом развитии, сопровождаемым нарастанием глобального кризиса.

Обеспечить в этих условиях динамичное, сбалансированное социально-экономическое развитие нашей страны — задача не из простых. При этом, как полагают многие экономисты, факторы роста, которые существовали до сих пор, по сути, исчерпали себя.

Какие механизмы и меры государственной политики позволят придать ускорение экономической динамике и обеспечить траекторию сбалансированного развития?

Группа ведущих экспертов Вольного экономического общества России, следуя традициям ВЭО, которое в этом году отмечает 260 лет своего служения России, ее экономике и экономической науке, совместно с членами Программного комитета МАЭФ-2025, прорабатывая тематику форума, отметила в рамках перечня «главных ударов» следующее.

Первое. Необходимо создание условий для масштабного наращивания инвестиций при безусловном приоритете вложений в развитие технологий, производство машин и оборудования (в том числе и в первую очередь — в рамках стратегии импортозамещения). Необходимо тотальное обновление и модернизация производственного потенциала страны в целом путем осуществления реиндустриализации экономики, новой индустриализации на базе передовых технологий NBICS-группы, цифровизации, искусственного интеллекта. Необходимо подчеркнуть, что именно быстрорастущие отрасли формируют итоговые высокие темпы роста динамично развивающихся экономик мира, и этот опыт надо учесть.

Для нас сейчас важно обеспечить опережающее развитие отечественного машиностроения, станкостроения, материаловедения, ориентированных на производство машин и оборудования для всех отраслей народного хозяйства, с конкурентным качеством в рамках технологической кооперации с дружественными странами.

Второе. В этой связи необходимо активное развитие международной технологической кооперации, взаимодействия иностранных и российских технологических компаний в совместных проектах с применением элементов селективной государственной протекционистской политики по защите инвестиций в специальные блоки технологий, обеспечивающих технологическое лидерство России в базовых отраслях. Элементами такой политики должны стать сбалансированная денежно-кредитная политика, а также поддержка достаточного уровня защиты отечественного производителя на отдельных товарных рынках.

Третье. Важнейшим фактором обеспечения эффективности мер по интенсификации экономического роста России должен стать строгий подход к обеспечению конкурентного качества выпускаемой отечественной продукции и услуг, оказываемых населению и бизнесу, что ставит задачу внедрения наиболее передовых технологий, повышения значимости производства, экономики в целом и социальной сферы.

Четвертое. Важное место сейчас в качестве фактора экономического роста должно занимать использование современных управленческих технологий, ускорение цифровизации и использование искусственного интеллекта в решении управленческих задач и формировании программ развития и технотруктуры общественного производства, совершенствование регуляторных, тарифных, финансовых и других институциональных механизмов.

Пятое. Существенное внимание необходимо уделить развитию трудовых ресурсов — в первую очередь повышению их качества и знаниеемкости труда. Необходимо принципиальное повышение качества профессионального обучения на всех уровнях — от уровня рабочего, знания и профессиональные навыки которого должны, как правило, позволять управлять современными технологическими системами и инструментами, до уровня среднего персонала и топ-менеджмента. Необходимо не просто возврат специалитета в преподавании в вузах, а восстановление и усиление связки «производство — наука — образование» путем активного поощрения мер широкого вовлечения научных учреждений (и, приоритетно, институтов РАН) в процессы экспертно-технологических работ в реальном секторе экономики, а также в подготовке, экспертизе и совершенствовании соответствующих про-

грамм учебных курсов в университетах. Особое внимание необходимо уделить восстановлению трудовых традиций, нарративов ценностей производительного труда, общности коллективистских начал в трудовой деятельности. ВЭО России поддерживает, в частности, идею формирования современных центров создания компетенций по ключевым направлениям инновационного развития на базе комплексов, объединяющих предприятия, вузы и научные институты в таких важных для нашей экономики сферах, как микроэлектроника, робототехника, композитные материалы и спецхимия, новые источники энергии и фотоника.

Шестое. Лозунгом новой экономической модели России должен стать тезис «не человек — для экономики, а экономика — для человека». Предстоящая структурно-технологическая трансформация российской экономики, меры по повышению ее эффективности, устойчивости и позитивной динамики развития должны сопровождаться в приоритетном порядке усилением внимания к человеческому потенциалу. Решение социальных задач должно стать основой для принятия экономических программ развития на всех уровнях. Среди приоритетов здесь, и об этом уже не раз говорилось, качество образования, доступность знаний, здоровье людей, создание достойных условий жизни в городе и в селе (с наращиванием современной транспортной, жилищной, социально-бытовой и информационной инфраструктуры) и, конечно, сохранение природы и окружающей среды.

Седьмое. В качестве масштабного модернизационного инструмента предлагается воспринимать систему пространственного развития страны, повышения связности регионов, формирования локальных центров экономического притяжения. Важно обратить внимание на необходимость дальнейшей поэтапной корректировки программы пространственного развития России и регионов с учетом современных тенденций в общественной и трудовой деятельности. Например, с учетом изменения тенденций в сфере трудовой деятельности (повышения творческой компоненты труда, удаленного способа работы, фриланса и т.п.), с учетом необходимости создания по примеру ряда городов мира (Сингапура, Лондона, Шанхая) центров развития творческих индустрий и других специальных образований в структуре городов. Необходимо также обратить внимание на обеспечение городов и поселений современными транспортными коммуникациями с учетом технологических и экономических тенденций в этой сфере (стремительного развития ассоциативных отношений, технологических решений, связанных с использованием новых видов транспорта, и т.д.). Учитывая повышение знаниеемкости труда и сокращение рабочего времени, на первый план выходит задача создания современной инфраструктуры рекреации и поддержания здорового образа жизни.

Восьмое. В условиях современной конфликтной международной обстановки необходимо особое внимание, как представляется, уделить восстановлению роли ОПК в качестве одного из базовых драйверов технологического развития — как в целях поддержания возможностей защиты национальных интересов России, так и в целях повышения темпов и качества технологического развития в целом.

Коллеги! Безусловно, в кратком вступительном докладе невозможно перечислить не только все предлагаемые меры, но даже все их направления. Да это и не нужно. Уверен, что сегодняшняя пленарная сессия, а также пленарные конференции МАЭФ завтрашнего дня существенно дополняют этот краткий и неполный перечень видимых задач и путей их решения, о которых я только что сказал.

В заключение лишь добавлю: следуя призыву президента России, экспертное и научное сообщество активно включилось в общественное обсуждение проектов и инициатив, призванных ускорить достижение национальных целей развития страны. МАЭФ сегодня объединяет значительную часть этого сообщества. Рекомендации форума, учитывая состав и компетенцию его участников, уверен, будут полезными для выработки и реализации такой политики.

Нефть — донор экономики России

Дынкин: Мы собрались в непростой момент для развития нашей экономики. Я думаю, что сегодня, если смотреть реально, у нас на повестке дня смена экономической модели. Действующая модель связана с двумя принципиальными решениями.

Во-первых, в 1999 году правительство Евгения Максимова Примакова смогло сбалансировать бюджет. С 1985 года бюджет был дефицитный.

Во-вторых, в 2005 году правительство Михаила Ефимова Фрадкова стало стерилизовать нефтяные доходы сначала в резервном фонде правительства России, затем в Фонде национального благосостояния.

Первое решение заложило траекторию экономического роста на следующие 25 лет, второе — позволило преодолеть четыре кризиса (2008, 2015, 2020 и 2022 годов). Сегодня действия этих решений, на мой взгляд, полностью исчерпаны. В I квартале 2025 года экономика заметно сбавила темп, произошло охлаждение. Темп роста составил 1,4%. Это самый низкий показатель со II квартала 2023 года. Ну если говорить о прогнозах, ни Минэкономразвития России, ни Центральный банк не прогнозируют возвращения к темпам роста 2023–2024 годов. Замедления темпов роста в России ожидают и международные организации. Европейская комиссия полагает, что в 2025 году ВВП России вырастет на 1,7%, в 2026 году — на 1,2%, ОЭСР — на 1,3% и 0,9%, МВФ — на 1,5% и 0,9% соответственно.

Уже заметна негативная динамика опережающих индикаторов экономического роста. Потребление электроэнергии в I квартале 2025 года увеличилось на 0,1% (без поправки на температуру), а с учетом более теплой зимы, чем в 2024 году, снизилось на 1,7%. Совокупные перевозки грузов падают с февраля 2025 года из-за снижения загрузки железных дорог. Перевозки грузов РЖД в январе — апреле снизились на 6,8%. Вынужденно растет дефицит бюджета, а нефтяная отрасль осталась, по сути, несущей конструкцией экономики на фоне заметного сжатия сектора природного газа и трудностей в угольной отрасли. Сегодня нефтянка обеспечивает 80% нефтегазовых доходов федерального бюджета. Доля экспорта нефти и нефтепродуктов в совокупном товарном экспорте в 2024 году и первые два месяца 2025 года составила 44%.

Сценарное моделирование ИМЭМО РАН показывает, что 1 рубль дополнительных инвестиций в нефтяную отрасль генерирует 0,65 рубля дополнительных инвестиций в остальной экономике и приводит к росту ВВП на 1,19 рубля. Увеличение экспорта нефти на 1 млн тонн в год приведет с учетом косвенных эффектов к росту доходов федерального бюджета на 54 млрд рублей и доходов всей бюджетной системы — на 63 млрд рублей.

Главные вызовы для нефтяной отрасли сегодня — это снижение добычи и попытка вытеснить нашу нефть с мирового рынка. Объем добычи нефти сегодня опустился до уровня 2011–2012 годов, ускоряется выбытие старых месторождений. Новые запасы существенно более капиталоемкие. Согласно расчетам ИМЭМО РАН, минимальный объем инвестиций в нефтегазовую отрасль за 2025–2030 годы должен составить 46–52 трлн рублей, или 420–509 млрд долларов. Причем, с моей точки зрения, капиталовложения в нефтедобычу должны быть сделаны при реализации любого сценария и любой макроэкономической политике. В противном случае сокращение нефтедобычи неизбежно. Причем после 2027–2028 годов оно будет ускоряться. Если это произойдет, нефть перестанет быть донором нашей экономики. В результате недоинвестирования этого сектора может быть серьезно подорвана вся конструкция национальной экономики. Если мы допустим это, России будет вытеснена с мирового рынка нефти. Таковы современные реалии.

Резервы роста

Глазьев: Экономическое развитие России замедляется. В 2025 году Россия занимает последнее место в ЕАЭС по темпам роста ВВП. Так как на Россию приходится 80% экономического потенциала ЕАЭС, вниз идут все показатели Евразийского экономического союза. Темпы экономического роста в России опускаются ниже среднемировых, соответственно, сокращается доля нашей страны и ЕАЭС как в мировой экономике, так и в ШОС.

Какие у нас есть резервы роста? Центральный банк оперирует только одним из четырех факторов экономического роста: рабочей силой. Денежные власти утверждают, что они не могут дать больше денег в экономику, потому что это вызовет инфляцию. В России очень низкий уровень безработицы. Какие еще есть факторы экономического роста?

Первый фактор — основной капитал. Загрузка производственных мощностей остается низкой. В последние годы этот показатель вырос, но, по официальным данным, в промышленности он составляет 70%. Мы положим, что

за счет увеличения загрузки производственных мощностей можно удвоить темпы роста промышленности. Доказательством служит высокая динамика роста промышленного производства последних 3 лет на существующих производственных мощностях. Обрабатывающая промышленность росла на 9% в год, а по некоторым отраслям (производство компьютеров, электротехническое оборудование, оптическое оборудование) темпы роста были двузначными.

Второй фактор — научно-технический потенциал. В России продолжается сокращение количества ученых и исследователей. Идет утечка умов. Очевидно, что объем финансирования нашей науки и инноваций существенно ниже среднемирового уровня и в разы ниже уровня передовых стран. Недоиспользование научно-технического потенциала (главного фактора экономического роста в современном мире) говорит о том, что у нас есть возможности для ускорения экономического развития.

Третий фактор — денежный капитал. Из страны по-прежнему утекает 100 млрд долларов ежегодно. В совокупности за последние 15 лет мы потеряли больше триллиона долларов. Если бы эти деньги оставались в стране, темпы экономического роста были бы выше.

Главная причина замедления экономического развития — это недоступность кредитов. Предприятиям не выгодно использовать заемные средства, процент по кредитам выше нормы рентабельности. Это хроническая болезнь нашей экономики. Очевидно, что мы не можем развиваться без кредитов. Если мы говорим о сбалансированном росте, без кредитов растут только те отрасли, где рентабельность позволяет самофинансировать инвестиции. Это прежде всего добывающая промышленность. Поэтому у нас такая

уродливая структура экономики с гипертрофированной долей добывающих отраслей при сокращающейся долей обрабатывающих отраслей. У нас нет механизма перераспределения ресурсов в пользу наукоемкой промышленности, которая является главным драйвером современного экономического развития. При текущей денежно-кредитной политике говорить об экономическом росте невозможно. Очевидно, что между процентными ставками по кредитам и инвестициями есть обратная зависимость: из-за хронически завышенных процентных ставок нормы накопления капитала в России существенно ниже среднемирового уровня.

Денежно-кредитная политика тормозит наше развитие. Центральный банк под предлогом борьбы с инфляцией повышает процентные ставки, что влечет сокращение кредитования инвестиций и технологическое отставание от передо-

вых стран. Соответственно, конкурентоспособность нашей экономики падает, за что нам приходится платить девальвацией рубля (это главный фактор инфляционных волн, которые сокрушают макроэкономическую стабильность). Мы много лет находимся в этом порочном круге.

Невозможно в современной открытой экономике планировать инвестиции при чрезмерной волатильности курса национальной валюты. Имея валютные резервы в три раза больше, чем объем денежной базы, Центральный банк не делал ничего для стабилизации обменного курса рубля, фактически разрушая инвестиционный климат в стране.

Необходимо переходить к принципиально иной денежно-кредитной политике, исходить из того, что деньги в современной экономике — это не товар, как считают наши коллеги в Центральном банке. Они борются с инфляцией, поднимая процентные ставки, думают, что это позволит сократить предложение денег и они будут более ценными. На самом деле деньги — это инструмент, который связывает ресурсы в экономике. Это давно известно теоретикам денежного обращения. Джеймс Тобин доказал, что главная цель денежно-кредитной политики и Центрального банка — создание условий для роста инвестиций. Растут объемы выпуска товаров, снижаются издержки, повышается качество продукции, и, соответственно, достигается долгосрочная макроэкономическая стабильность. Исходя из современной теории денежного обращения, сокращение количества денег при наличии свободных производственных мощностей ведет к росту инфляции, потому что растут издержки, снижается выпуск товаров и падает эффективность производства.

Это наш случай. Насыщенность нашей экономики деньгами низкая. Центральный банк искусственно изъяс из нее сегодня порядка 30 трлн рублей. Поэтому мы можем заняться целевым кредитованием производственных инвестиций без риска роста инфляции. Рост производства будет сопровождаться снижением издержек, а наращивание инвестиционной активности поддержит экономический рост и обеспечит макроэкономическую стабильность.

Согласно нашей стратегии опережающего развития, Россия может форсировать экономический рост за счет технологической модернизации на базе нового технологического уклада (это комплекс нанобиоинженерных, информационно-коммуникационных, аддитивных и цифровых технологий), поддержки передовых отраслей (например, авиационной промышленности), развития импортозамещения. Именно благодаря импортозамещению в последние 3 года производство компьютеров, вычислительной техники, информационно-коммуникационного оборудования росло темпами в 20–40%. Но для реализации такой стратегии

нужны инвестиции, а значит, и доступные кредиты. Если посмотреть на опыт таких стран, как Китай, Индия, Япония, которые совершили экономическое чудо, все они применяют целевые инструменты рефинансирования. В России на монетарном жаргоне их называют «специальные инструменты рефинансирования коммерческих банков под определенные цели». Специальные инструменты рефинансирования банков должны быть привязаны не к ключевой ставке, как у нас в стране, а к приоритетам, которые формирует правительство в национальных проектах или федеральных программах, и устанавливаться на уровне того же Китая. Например, ставка для кредитования лизинга оборудования должна составлять 1–2%, если речь идет о приоритетных направлениях.

Убежден, что реализация стратегии экономического развития должна формироваться через специальные инструменты рефинансирования, которые должны сочетаться со стратегическим планированием.

Очень важно развернуть поток капитала, который образуется за счет экспорта наших ресурсов, в страну. Не оставлять валютную выручку за рубежом, а изымать ее за счет экспортных пошлин для инвестиционных целей и финансирования науки: такие меры позволили бы поддержать наши институты развития.

На пороге новой биполярности

Войтоловский: Я специалист по внешней политике. Поэтому сегодня я буду говорить о тенденциях в мировой экономике и о том, как формируется полицентричный миропорядок.

В 2000 году западная наука говорила о расцвете глобализации, о том, что взаимозависимость стран сильно меняет систему отношений на межгосударственном уровне, формирует глобальные цепочки стоимости. Распределение сил в мировой экономике выглядело следующим образом: роль лидеров была отведена США и Евросоюзу, более скромную роль играли развивающиеся страны (Китай, Бразилия, Россия и Индия). Казалось, что это навсегда.

Прошло совсем немного времени, и мы видим стремительный рост Китая, Индии и России, увеличение их доли в мировой экономике. Происходит формирование незападных транснациональных корпораций, в Азии появляются новые центры формирования глобальных цепочек стоимости. Роль США и Евросоюза будет снижаться до 2040 года, а Китая, Индии и других развивающихся стран — расти. Эти процессы будут определять структуру системы международных отношений и мировой экономики.

Очевидно, что США будут оставаться безусловным лидером с точки зрения динамики ВВП на душу населения в течение нескольких десятилетий. При этом мы видим, что в Китае и других развивающихся странах растет потребление, средний класс и научно-технический потенциал, и этот тренд будет трансформировать глобальные цепочки добавленной стоимости.

По совокупной динамике ВВП 10 стран — участниц БРИКС уже обошли государства «Большой семерки». Мы видим тенденцию к формированию новой биполярности в рамках полицентричной структуры экономического, политического и в перспективе военно-политического миропорядка.

Одна из ключевых задач администрации Дональда Трампа — разорвать экономическую и технологическую взаимозависимость между США и Китаем. Администрации Джо Байдена отчасти удалось это сделать в сфере технологий двойного назначения. Но в дальнейшем решить эту задачу будет все труднее. США попытались с помощью пошлин оказать давление на экономику Китая и переговорные позиции КНР, но столкнулись с очень серьезным внутренним сопротивлением со стороны американских компаний, которые зависят от китайских подрядчиков, производств и логистических мощностей, которые связывают эти две гигантских экономики — американскую и китайскую.

Для американских высокотехнологичных компаний задача номер один — вытеснить Китай из наиболее высокомаржинальных, интересных с точки зрения возможностей дальнейшего технологического и экономического развития рынков.

Качественно меняется ситуация на мировых энергетических рынках. США уже сформировали долгосрочную стратегию. Первая задача — остаться ключевым игроком на мировом рынке нефти, на региональных рынках газа и на формирующемся глобальном рынке сжиженного природного газа с точки зрения процессов ценообразования. Вторая задача — максимально снизить издержки для тех американских компаний, которые готовы возвращать производство в США или локализовывать его в странах, связанных с США отношениями экономической, политической и технологической унии. Сегодня США делают ставку на Индию и страны Юго-Восточной Азии. С точки зрения потребления СПГ Индия — очень перспективный рынок. В стране растет доля среднего класса и населения, которое способно к высокому уровню потребления. Индия ориентирована на технологическое развитие, и ей нужны инвестиции, технологии и партнер.

Важный элемент с точки зрения новых высокотехнологичных глобальных цепочек стоимости — это редкоземельные металлы. Китай стремится к лидерству на рынках редкоземельных металлов, а США стараются расширить на них свое присутствие.

Есть виды ресурсов, которые, по мнению специалистов ИМЭМО РАН, недооценены с точки зрения их рыночного потенциала. Один из важнейших — это питьевая вода. Полагаю, что здесь динамика мировых рынков питьевой воды будет очень много определять в мировой экономике. Вода может быть товаром, который тянет за собой целый комплекс производств и технологий.

Посмотрим на то, что происходит в военно-политической сфере. Главным стабилизатором мировой международной безопасности и стабильности, который удерживает ведущие державы от прямого военного столкновения, по-прежнему остается ядерное оружие. До 2026 года потолок по стратегическим боезарядам России и США — это 1550 и 700 носителей соответственно. Однако, когда завершится договор об ограничении стратегических вооружений, мы увидим возможный рост носителей, потому что перед США стоит задача двойного сдерживания России и Китая. США, как бы они ни пытались делегировать своим европейским союзникам задачу сдерживания России и Китая с помощью усиления азиатских союзников, придется нести существенное бремя. Окружение Дональда Трампа понимает, что задача двойного сдерживания, которую поставила администрация Джо Байдена, может быть невыполнима и чревата долгосрочными рисками. Но главное — ведет к сближению позиций по военным и политическим вопросам между Россией и Китаем. Это стратегический вызов для США. Мы видим устойчивую динамику роста военных расходов стран Европейского союза и Великобритании и Японии. В странах Азиатско-Тихоокеанского региона разворачивается гонка вооружений. И это реальность, в которой нам предстоит жить.

Конкуренция между Китаем и США в военно-технологической сфере будет нарастать в следующих сферах: это межконтинентальные и орбитальные ракетные комплексы, в том числе с гиперзвуковыми планируемыми головными частями; это баллистические ракеты средней дальности наземного, морского и воздушного базирования в обычном и ядерном оснащении; это дозвуковые, сверхзвуковые высокоточные системы наземного, морского, воздушного базирования, в том числе с ядерными боезарядами; это аэробаллистические ракетно-планирующие системы в ядерном и в обычном оснащении; это ударные беспилотные

морские воздушные системы; это новые космические разведывательные и противоспутниковые системы и, конечно, техника ВМФ и ВМС нового поколения, потому что борьба будет идти на пространстве Тихого океана.

В такой достаточно напряженной, остроконкурентной международной среде нам предстоит жить. Нам не привыкать, но будет трудно.

Сообщество единой судьбы Китая и России

Вэнь: Благодарю за приглашение вновь выступить на этой важной площадке и поделиться с вами взглядами на перспективы китайско-российского сотрудничества, а также представлениями о будущем в контексте развития интеллектуальных технологий.

Как известно, в третьем десятилетии XXI века мир стремительно вступает в эру интеллектуальных технологий, определяемых развитием искусственного интеллекта, больших данных и автоматизации. Стремительный подъем Китая и его технологические прорывы разрушают многолетнюю монополию Запада, и особенно Соединенных Штатов, в сфере высоких технологий, открывая для всего мира, и в первую очередь для стран, не относящихся к коллективному Западу, новые пути к технологической независимости и устойчивому развитию.

Что касается России, то подъем Китая создает для нее не угрозу конкуренции, а беспрецедентные возможности для развития и новые перспективы двустороннего китайско-российского сотрудничества.

Таким образом, ключевой тезис моего выступления заключается в следующем: сообщество единой судьбы Китая и России — это не только политический лозунг, но и стратегический план научного и технологического развития. Поддержка китайского роста со стороны России станет для нее важнейшей гарантией технологического прорыва и национального возрождения. Пользуясь случаем, я призываю российских ученых, государственные структуры и представителей бизнеса воспользоваться золотым окном возможностей китайско-российского сотрудничества для совместного формирования будущего западных технологий. Я хотел бы чуть подробнее остановиться на этой теме.

Развитие глобальной конкурентной среды в сфере науки и технологий претерпевает масштабную трансформацию — переход от западного доминирования к многополярной модели, что, несомненно, представляет собой крупный исторический шанс для Китая и России.

Только за последнее десятилетие глобальные базовые инвестиции в сферу ИИ выросли с 8 млрд долларов в 2014 году до 110 млрд долларов в 2024 году. В 2023 году объем государственных инвестиций Китая в квантовые технологии достиг 15,3 млрд долларов — больше, чем у любой другой страны мира. В 2024 году пять китайских компаний вошли в список 50 ведущих мировых организаций по объему инвестиций в НИОКР, постепенно разрушая сложившуюся систему американского доминирования.

Во всем мире активно формируются различные региональные технологические альянсы: страны БРИКС, АСЕАН и другие незападные игроки через совместные НИОКР и выработку общих стандартов укрепляют собственную инновационную экосистему, создавая более справедливую и открытую структуру международного технологического управления и способствуя становлению глобального многополярного технологического порядка.

За последние 20 лет неуклонно росло количество совместных публикаций ученых стран БРИКС, и в настоящее время оно превышает 15 тысяч статей в год, что свидетельствует о появлении нового фундамента глобальных научно-технологических инноваций.

В то же время внутри западных стран наблюдается поляризация и обострение технологической конкуренции. Трения и конфликты между США и ЕС по вопросам цифровых налогов и контроля за экспортом электронных компонентов подрывают их координацию. Стремительный рывок Китая в области интеллектуальных технологий вносит структурные изменения в глобальную картину, ускоряя процессы дестернизации и деамериканизации.

Я убежден, что углубление сотрудничества между Китаем и Россией позволит нашим странам возглавить движение незападного мира к достижению технологической самостоятельности и устойчивому развитию в сфере интеллектуальных технологий.

Набирающий силу Китай становится стабилизирующим фактором текущих глобальных процессов дестернизации, деамериканизации и технологической диверсификации, выступая знаменосцем в снижении зависимости от западных промышленных технологий и технологических платформ.

Стимулируя независимые инновации и формируя открытую инклюзивную технологическую экосистему, Китай направляет развитие глобального технологического ландшафта в сторону большей справедливости и многополярности.

Программа «Сделано в Китае 2025» значительно снизила внешнюю зависимость во многих сферах и способствовала глобальной технологической многополярности через экспорт технологий и региональное сотрудничество. Китайская космическая станция («Тяньгун»), квантовый компьютер (серия «Цзю Чунчжи»), глубоководная энергетическая платформа (Deep Sea One) и другие проекты стали мировыми лидерами в области девестернизации.

Говоря более конкретно, Китай достиг значительной самостоятельности в таких сферах, как железнодорожный транспорт, энергетическое оборудование, сельскохозяйственная техника, а также в других областях, полностью сократив зависимость от импорта и обеспечив технологическое лидерство. Страна добилась определенной глобальной конкурентоспособности в области морского инженерного оборудования, информационных технологий, станков с ЧПУ и электромобилей.

В части областей, таких как новые материалы и биомедицина, пока сохраняется некоторая зависимость от иностранных инвестиций и импорта, но и здесь имеется значительный потенциал для технологических инноваций.

Огромный инженерный корпус Китая и его инновационная экосистема стали ключевым фактором девестернизации. В стране работает почти 20 млн инженеров, а количество действующих патентов на изобретения превысило 4 млн.

В 2024 году китайские вузы выпустили около 4,7 млн специалистов в области точных дисциплин (наука, технологии, инженерия, математика), и это мировой рекорд. Многие компании, такие как Huawei и DJI, смогли противостоять санкциям благодаря собственным разработкам. Сегодня они задают глобальные стандарты в сферах 5G и искусственного интеллекта. Их уникальный опыт создания независимых технологий может дать России ценные уроки и ориентиры для развития.

Для незападных стран Китай стал новым партнером в технологическом развитии, способным полностью заменить участие Запада. Масштабы китайского рынка имеют важное геополитическое значение для экспорта российских ресурсов, энергоносителей и технологий. Высокотехнологичное сотрудничество между Китаем и Россией способно дать импульс модернизации российской промышленности.

Китай и Россия могут выполнять функцию синхронизаторов в системе глобального управления, совместно противостоять односторонним действиям, продвигать справедливый и инклюзивный миропорядок, а также сообща противодействовать технологической гегемонии и экономическим санкциям.

В условиях технологической монополии и институциональных барьеров, контролируемых Западом, Китай и Россия как растущие державы сталкиваются с беспрецедентными общими вызовами и получают новые возможности для сотрудничества.

В период с 2022 по 2024 год общее количество санкций и ограничений, введенных против России основными странами, достигло 15 628, причем на долю США пришлось 3,5 тысячи. Это вынудило Россию уделить внимание большей самостоятельности, независимости и управляемости в области производства. Россия активизировала процесс импортозамещения в таких сферах, как радиоэлектронная промышленность, разработка программного обеспечения и цифровая инфраструктура, создала множество центров промышленных компетенций и системных центров разработки ПО, а также занимается локализацией критически важного программного обеспечения и промышленных решений.

В этот переломный момент, когда переформируется глобальный технологический ландшафт, Китай и Россия совместными усилиями внесут мощный вклад в построение более многополярного и справедливого технологического порядка.

На уровне теоретической базы Китай продолжает добиваться прорывов в области цифровой трансформации и применения интеллектуальных технологий, а Россия обладает глубокими наработками в фундаментальной науке и ключевых алгоритмах. Технологические структуры двух стран обладают высокой степенью взаимодополняемости.

На уровне промышленного сотрудничества и Китай, и Россия находятся на начальной стадии развития в таких сферах, как интеллектуальное производство, алгоритмы ИИ, робототехника, проектирование микрочипов и т.п. При этом страны имеют потенциал для стратегического рывка.

С точки зрения коммерческого потенциала Китай обладает преимуществами в области внедрения технологий, а также большими рыночными возможностями. У Китая лидирующие мировые позиции в области масштаба данных, инженерных возможностей и развитости производственных цепочек. Страна демонстрирует выдающиеся способности к быстрой коммерциализации продуктов, включая проектирование микросхем, интеллектуальное производство, платформы искусственного интеллекта и т.п. В Китае большое число пользователей, огромный рынок и возможности для внедрения технологий. В свою очередь, у России есть богатые природные ресурсы и большой технологический задел.

Взаимодополняющие преимущества двух стран создают прочную основу для совместного решения проблемы технологических «узких мест» и выстраивания независимой и управляемой научно-технической системы. Углубляя промышленное сотрудничество и технологическую интеграцию, Китай и Россия имеют все шансы сформировать ориентированное на будущее стратегическое сообщество инноваций в сфере интеллектуальных технологий.

С учетом технологической гегемонии и внешней блокады научно-техническое сотрудничество Китая и России не только становится стратегическим выбором, но и требует концентрации на практической реализации и эффективности. В этом контексте особую важность приобретает институционализация сотрудничества через создание конкретных механизмов, проектов и платформ, что позволит существенно углубить взаимодействие и повысить его устойчивость.

В связи с этим я хотел бы предложить следующие инициативы.

Во-первых, Китаю и России следует выступить инициаторами создания Научно-технологического альянса развивающихся стран.

Китаю и России необходимо сформировать глобальную систему для совместных НИОКР и промышленной кооперации в таких сферах, как чипы для искусственного интеллекта, операционные системы, беспилотные технологии, возобновляемая энергетика и т.п. Это будет способствовать становлению нового мирового технологического порядка, где ведущая роль будет принадлежать развивающимся экономикам, а также усилит голос и инновационный потенциал развивающихся стран в области передовых технологий и научных разработок.

Во-вторых, Китай и Россия должны совместно разработать деамериканизированную систему технических стандартов в сферах этики искусственного интеллекта и интеллектуального производства. Такой шаг поможет создать открытый, справедливый и инклюзивный глобальный нормативный порядок в научно-технологической области, усилит институциональное влияние и стратегическую автономию стран Глобального Юга в ключевых технологических областях.

Сегодня мировая система стандартов в основном контролируется западными странами через такие структуры, как EN (Европейские стандарты), IEC (Международная электротехническая комиссия), ISO (Международная организация по стандартизации), ITU (Международный союз электросвязи). Нашим странам необходимо активно формировать альтернативную систему правил, ориентированную на потребности

развивающихся рынков. Через создание совместных институтов стандартизации и платформ технической сертификации мы сможем укрепить свои позиции и влияние в таких перспективных областях, как искусственный интеллект, цифровая безопасность, интеллектуальное производство.

В-третьих, Китаю и России следует учредить совместную экспертную платформу по интеллектуальным технологиям для формирования незападной системы научно-технологической мысли, обладающей глобальным влиянием.

Сотрудничество наших стран должно концентрироваться на передовых направлениях, таких как алгоритмы ИИ, квантовые вычисления, нейроморфные технологии. Параллельно необходимо развивать механизмы кооперации между университетами, НИИ и бизнесом, создавать транснациональные лаборатории и центры коммерциализации технологий, ускоряя перевод фундаментальных исследований в промышленные решения. Регулярное проведение китайско-российских технологических форумов на высоком уровне и программ молодежного обмена позволит заложить прочную основу для долгосрочного стратегического научно-технического партнерства.

В-четвертых, университетам и научным центрам двух стран следует внедрить совместные программы подготовки кадров, сочетающие теоретическую подготовку с получением практических навыков.

Китаю и России следует создать программу научно-технического обмена, которая позволит молодым российским ученым работать в Китае для расширения технологического рынка, а китайским исследователям — изучать теоретические дисциплины в России. Одновременно в рамках БРИКС, ШОС, инициативы «Один пояс — один путь», программ глобального развития и глобальной безопасности необходимо расширять влияние наших стран в научно-технической сфере, совместно продвигать создание инклюзивной, открытой и справедливой международной сети научно-технического сотрудничества, предоставляя странам Глобального Юга больше общественных благ для обмена технологиями и развития потенциала. Китаю и России также следует совместно продвигать региональные научно-технические проекты, создавать пилотные проекты многостороннего сотрудничества, укрепляя институциональное влияние незападного мира в глобальном научно-технологическом управлении.

В заключение хочу подчеркнуть: сегодня Китай и Россия сталкиваются с общими вызовами технологического сдерживания и институционального давления со стороны Запада, что объективно формирует необходимость и взаимодополняемость нашего стратегического научно-технического сотрудничества.

Наши страны могут совместно сформировать полную технологическую цепочку — от фундаментальных научных исследований до инженерной реализации, создать технологическую экосистему и систему стандартов, ориентированную на незападные страны.

Такое сотрудничество усилит конкурентные позиции и Китая, и России в сфере интеллектуальных технологий и будет способствовать формированию более справедливой, открытой и многополярной системы глобального технологического управления.

Научно-технический прогресс Китая несет миру не новую гегемонию, а новые возможности. Технологический подъем Китая имеет инклюзивный характер и создает основу для взаимовыгодного будущего и Китая, и России. Давайте вместе стремиться к такому будущему.

Факторы развития

Широв: На МАЭФ мы, как правило, говорим о том, что может академическая наука сделать с точки зрения обоснования решений в области экономической политики.

Впервые, наверное, и в советской, и в российской истории мы имеем жесткие ограничения развития и по труду, и по капиталу. А это значит, что требования к обоснованию экономической политики, прежде всего в области демографии, трудовых ресурсов, производительности труда, технологического развития, резко повышаются.

Итак, можно выделить три направления требований к обоснованию экономической политики. Первое — это оперативность. Второе — это многоуровневость. Третье — это фундаментальность.

Почему оперативность? Мы живем в экономике, которая быстро меняется. Адаптационная модель развития перестала функционировать. Чтобы не допустить переохлаждение экономики, мы должны делать краткосрочные оценки и использовать соответствующие инструменты.

Почему многоуровневость? Факторы роста в нашей экономике быстро меняются. Поэтому для оценок нам нужны макроструктурные межотраслевые модели.

Наконец, про фундаментальность. Фундамент нашей экономики — это долгосрочные факторы экономического развития: демография и технологии. Мы должны делать научно-технологические прогнозы — это работа, которая носит междисциплинарный характер.

Весь комплекс этих инструментов позволяет проводить прикладные работы в области обоснования экономической политики как в кратко-, так и в средне-, и в долгосрочной перспективе.

Какие факторы тормозят экономический рост в России? Дефицит на рынке труда ограничивает рост производства и приводит к «гонке» зарплат и инфляции издержек. Опережающий рост расходов на оборону создает дефицит ресурсов для развития гражданского сектора экономики. Риск разбалансировки платежного баланса в условиях санкционного давления на российский экспорт и сохраняющегося оттока капитала. Неспособность отечественного гражданского машиностроения обеспечить необходимый объем предложения товаров для внутреннего рынка. Сохраняющаяся высокая зависимость от импортного оборудования при его дефиците.

Поговорим о факторах, которые позволят нам более-менее эффективно развиваться.

Первый фактор — это спрос. Многие коллеги считают, что расширение предложения решит все проблемы в нашей экономике. Это не так. Основная проблема спроса населения — в его консервативности. Несмотря на то что за последние 20 лет доходы населения выросли более чем в 2,2 раза, структура спроса остается крайне примитивной. Причинами являются опережающая динамика цен на продовольствие, услуги ЖКХ и общественный транспорт, низкий уровень доходов значительной части населения, особенности потребительского поведения. Это просто парадокс российского потребления, который сдерживает развитие частного бизнеса в стране. В России не хватает спроса на качественные товары и услуги. И с этим нужно что-то делать. Поэтому управление параметрами спроса должно быть в фокусе внимания экономических властей.

Второй фактор — это рост эффективности. У нас есть просадка по доле машин и оборудования в структуре инвестиций в основной капитал. Необходимый рост эффективности производства достигается только при высокой роли вложений в машины и оборудование (не менее 40% от всех инвестиций в основной капитал). Есть проблемы с производительностью труда. При этом потенциальные среднегодовые темпы роста производительности труда в отдельных секторах нашей экономики — 5–6%. Рост эффективности дает нам возможность преодолеть те ограничения развития и по труду, и по капиталу, которые существуют в нашей экономике.

Третий фактор — денежно-кредитная политика и инфляция. Высокие темпы экономического роста в нашей разбалансированной экономике всегда сопровождаются высокой инфляцией. Потому что приходят новые технологии, меняются пропорции производства, распределение доходов и цен. Но фактически по мере того, как модернизируются наши производства и сектора экономики, базовая инфляция снижается. По оценкам ИМП РАН, уровень инфляции, который

позволит нам иметь темпы роста ВВП порядка 3%, составляет от 6 до 8%. Это реальный таргет. И конечно, нужно переходить к таргетированию инфляции на период в несколько лет. Это позволит сбалансировать денежно-кредитную и бюджетную политику.

Один из серьезных вызовов развитию нашей экономики — сокращение экспорта при стабильном импорте. Отрицательный вклад чистого экспорта в ВВП становится одним из ключевых ограничений развития российской экономики. Узость валютного рынка создает риски волатильности курса рубля. А сокращение нефтегазовых доходов требует решений в области бюджетной политики. Наша задача — как минимум обеспечить неотрицательный вклад чистого экспорта в формирование валового внутреннего продукта.

Что касается бюджета, мы достигли локального максимума бюджетных расходов в структуре нашего ВВП. Дальнейшее наращивание объемов государственных расходов и бюджетного импульса невозможно как в силу тех ограничений, которые мы будем иметь во внешней торговле, так и в силу невозможности дальнейшего увеличения налогообложения прежде всего корпоративного сектора.

Если наращивать государственные расходы невозможно, то что делать? Ответ очевиден. Если мы начинаем бюджетную консолидацию, то, конечно, нужно переходить к постепенному смягчению денежно-кредитной политики. Разумной альтернативы нет.

Поэтому необходим компромисс в финансовой системе, позволяющий обеспечить экономический рост: консолидация бюджета и смягчение денежно-кредитной политики.

Мы в ИНП РАН рассчитали ряд сценариев. При смягчении санкционного давления и проведении мягкой денежно-кредитной и бюджетной политики максимальные темпы роста, которые можем получить, составляют 3%. Это максимум. И чтобы выйти на эту цифру, требуются безошибочные действия в области денежно-кредитной политики.

Перечислю восемь направлений экономической политики, которые позволят реализовать позитивный сценарий:

- существенное ограничение оттока капитала и стабилизация платежного баланса;
- сохранение позитивного вклада государственных расходов в экономическую динамику;
- снижение реальной ключевой ставки до уровня 2–3%;
- восстановление темпов роста физического объема неэнергетического экспорта до 3–5% в год;

- реализация селективной политики по ограничению доли импорта на внутреннем рынке и защите отечественных производителей;
- налоговое и бюджетное стимулирование роста инвестиционных вложений в активную часть основных фондов (машины и оборудование);
- обеспечение опережающего по сравнению с ВВП роста производительности труда;
- повышение доли инвестиционных кредитов в портфеле банковского сектора.

Дынкин: Александр Александрович, я с вами согласен по многим позициям. Добавлю: еще один резерв для маневра денежно-кредитной политики — это уменьшение макропруденциальных лимитов. Еще одна, на мой взгляд, очень важная вещь — рост конфронтации между США и КНР, которая может поставить нашу экономику под удар демпинга со стороны КНР. И нам стоит обсудить это с нашими китайскими друзьями.

Инвестиционные импульсы зададут рост

Крюков: Мы с коллегами из Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН уверены: в основе решения многих проблем российской экономики лежат крупные инвестиционные импульсы.

Подчеркну: речь не идет о возврате к централизованному планированию. У России огромная территория, богатая история и большой потенциал с точки зрения возможностей для формирования новых видов деятельности и обеспечения поступательного развития. Ключевой вопрос — это создание гибких структур государственного регулирования и корпоративного управления.

Несколько слов о роли и месте крупных инвестиционных импульсов в решении проблем социально-экономического развития страны. С какими проблемами мы сталкиваемся на востоке страны в реализации крупных проектов? Нет спроса. Поэтому возникает вопрос достройки цепочек добавленной стоимости.

Какие отличительные черты и потенциальные возможности крупных инвестиционных импульсов? Они позволяют приступить к решению таких проблем, как:

- преодоление антагонизма между «экономикой предложения» и «экономикой спроса»;
- формирование современных взаимосвязанных видов и сфер экономической деятельности;

- создание основ межрегиональной кооперации и взаимодействия;
- развитие сотрудничества с крупными финансово-инвестиционными группами и конгломератами на взаимовыгодной основе;
- повышение уровня квалификации и качественных характеристик трудовых ресурсов на удаленных от ранее сформированных центров экономической активности территориях.

Мировой опыт говорит, что крупные инвестиционные импульсы себя оправдали. При этом реализация такой политики требует не только формирования новых видов деятельности, но и обеспечения предпосылок для поступательного развития, достраивания и развития цепочек создания добавленной стоимости. Яркий пример — Иркутская нефтяная компания в городе Усть-Куте. Запущен завод по выпуску полиэтилена мощностью 650 тысяч тонн и производство реагентов для выпуска накопителей энергии (литийонных батарей). Не обошлось без государственных субсидий и участия иностранных компаний, но тем не менее факт налицо: на севере Иркутской области создана мощнейшая точка роста.

Нам необходимы процедуры индикативного планирования и регулирования процессов становления и развития крупных инвестиционных импульсов. К числу наиболее важных мер фискальной политики относятся целевая эмиссия, налоговые преференции, ценообразование вдоль цепочек создания добавленной стоимости. Это уже удалось реализовать нашим китайским коллегам.

Извечный русский вопрос: что делать? Анализировать всю цепочку изучения, создания и использования научно-технических и социально значимых новшеств. Не изучать рынки. В целом ряде случаев у нас нет рынков, потому что от одного объекта, который составляет элемент цепочки создания стоимости, до другого может быть тысячи километров. Это предполагает совсем другие процедуры и подходы к управлению, регулированию.

Что еще делать? Проводить организационно-экономический реинжиниринг в рамках как отраслевой, так и расширенной цепочки создания добавленной (социальной) ценности. Мы подготовили работу, в которой рассматриваем ряд проектов по «редким землям», по металлургии, по лесу, по химии, нефтегазохимии. Наибольший мультипликатор обеспечивает, конечно, химия и нефтегазохимия в случае перехода к малотоннажным продуктам. Остальные цепочки ориентированы на выпуск крупнотоннажных продуктов. Финансовая возможность у нас есть, нет желания и нет политики.

Мы предлагаем и сейчас развиваем так называемую Южносибирскую конурбацию. Это возможность кооперации и интеграции по выпуску высокотехнологичной машиностроительной продукции в Сибири. Разные компании. Разные взаимодополняющие функции. Это в основном касается минерально-сырьевого сектора. Принцип «одно месторождение — один недропользователь — одна лицензия» — это нонсенс. Ни одна страна мира — ни США, ни Австралия, ни Норвегия — давно не реализует его. Только Россия. Если отойти от этого принципа, это станет мощным рычагом кооперации и объединения потенциалов разных компаний. Наукоемкий сервисный сектор, который может служить интегратором и фактором решения очень многих проблем. Чрезвычайно важно стимулирование создания длинных цепочек. Поучителен опыт Китая, где произошло перерастание плана в рынок. Ключевой постулат национальной инновационной политики КНР — это фокус на импульсных интеграционных проектах, которые объединяют целый ряд структур и обеспечивают высокую добавленную стоимость. В чем секрет успеха Китая? Видимо, в том, что в КНР выстроена система планирования и встраивания государственных импульсов в эти процессы.

России необходимо выйти на свой путь. Принципиальные решения известны, общедоступны и определяют основные подходы к изучению, освоению и разработке объектов практически любой сложности. Роль отечественной науки должна состоять в получении принципиально новых знаний, отражающих локальные и индивидуальные особенности нашей страны, ее культуры и истории. Без этого невозможно не только получать новые знания, но и эффективно осуществлять проекты в различных регионах России.

Дынкин: Это очень верная мысль — у нас слабо анализируется спрос на научно-технологическую деятельность. Напомню, что стратегия научно-технологического развития России ориентирует исследовательские институты на работу с квалифицированным заказчиком. И это шаг в верном направлении.

Еще один комментарий: говоря о Китае, вы упустили один очень важный фактор. Характерная черта китайской экономики — это острая конкуренция. Например, между компаниями китайского автопрома она зашкаливает, некоторые передовые китайские автомобильные компании даже создают свои морские автовозы, чтобы сэкономить на логистике.

Пять задач промышленной политики

Прокофьев: Тема моего выступления — это новая промышленная политика и ее роль в неоиндустриальном развитии.

На наш взгляд, суть неоиндустриальной политики — это трансформация мировой производственно-энергетической базы под воздействием научно-технических изменений (развития цифровизации и технологий искусственного интеллекта), энергоперехода на возобновляемые источники энергии, трансформации мирового экономического порядка, формирования новых производственных логистических цепочек. Преимущество будет у тех стран, которые четко спрогнозируют и реализуют структурные сдвиги в сфере промышленности, выработают и реализуют новые модели управления.

В связи с этим России предстоит решить пять ключевых задач:

- ◆ Развитие отраслей и производств, которые формируют наиболее высокую добавленную стоимость с точки зрения прироста ВВП.
- ◆ Обеспечение технологической безопасности в сфере критически важных технологий.
- ◆ Достижение технологического суверенитета и развитие импортозамещения, формирование новых технологических, логистических цепочек с участием российских предприятий.
- ◆ Формирование высокооплачиваемых рабочих мест за счет мультипликативного инвестиционного эффекта.
- ◆ Гармоничное пространственное развитие экономики России.

Мы полагаем, что для решения этих задач стоит использовать опыт Китая и Кореи в части реализации политики реиндустриализации.

Ученые Финансового университета при Правительстве РФ разработали теоретическую концепцию циклического развития локомотивных отраслей экономики и соответствующих моделей промышленной политики. Ключевые элементы этой концепции:

- стимулирование приоритетных отраслей и производств;
- реализация инвестиционной политики и политики ациклического развития;
- интеграция промышленной политики в политику пространственного развития.

Таким образом, формирование экономики предложения, достижение технологического и финансового суверенитета — это единая комплексная задача. На что делать упор? По мнению ученых Финансового университета при Правительстве РФ, в первую очередь это предприятия ОПК с потенциалом двойных технологий. По нашим оценкам, наибольший вклад в инновационное развитие России дают именно предприятия оборонно-промышленного комплекса (до 90% — в таких отраслях, как авиация, космос, производство оптических приборов, электронной техники; до 80–90% — в машиностроении и промышленной электронике; до 50% — в медтехнике).

Еще одна важная задача — развитие инвестиций. В текущей геополитической ситуации, когда внешние рынки закрываются для России, стоит расширять взаимодействие с дружественными странами. Мы в Финансовом университете исследуем потенциал исламских финансов: исламского банкинга, капитала и страхования. В России уже стартовало партнерское инвестирование, основанное на принципах исламских финансов, в таких регионах, как Республика Татарстан, Чеченская Республика. Я считаю, это значительно расширит наш доступ к внешним заимствованиям на рынке инвестиций.

Сегодня есть диссонанс между мерами федеральной, региональной и отраслевой поддержки отраслей промышленности и предприятий. Все эти меры, в свою очередь, часто не коррелируют со стратегией развития того или иного макрорегиона или субъекта Федерации. На мой взгляд, это неправильный подход: все меры поддержки должны быть взаимосвязаны.

Что касается мер государственной поддержки, мы считаем, нужно внедрять новые подходы. Сегодня большая часть мер поддержки промышленности — это так называемые субсидии юридическим лицам. Технологии их распределения не всегда прозрачны, большие вопросы возникают к их эффективности. Мы полагаем, что нужно развивать такие меры поддержки, как Соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) и Специальный инвестиционный контракт (СПИК). Недавно был запущен новый инструмент — инфраструктурные казначейские кредиты, в этом механизме четко увязаны цели выдачи с технологиями использования и результатами реализации.

На наш взгляд, нужно активнее использовать технологии преференциальных налоговых режимов. Если режимы особых экономических зон (ОЭЗ) развиты хорошо, то технологии территорий опережающего развития (ТОР), которые сейчас в основном сконцентрированы в регионах Дальнего Востока, могли бы быть использованы более широко и более системно в других субъектах России.

Еще один эффективный инструмент — налоговые вычеты и льготы. Этот механизм имеет большой потенциал с точки зрения расширения инвестиций в основной капитал за счет собственных средств производства. Для поддержки развития авиационной и судостроительной промышленности следует широко применять прямые выплаты для инвестиционной компоненты за счет институтов развития, используя средства Фонда национального благосостояния.

Дынкин: Мне кажется, очень интересный взгляд на изменение подходов к поддержке промышленности. У нас размер льготной ставки кредитования для аккредитованных IT-компаний — до 3%. Результат, как говорится, налицо.

Здравоохранение: проблемы и финансы

Стародубов: Одна из ключевых национальных целей развития России — это сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи.

Немного предыстории. Несмотря на жесткие экономические последствия антиалкогольной кампании конца 1980-х годов, она оказалась очень эффективна — ожидаемая продолжительность жизни составила 72 года. В современной России нам удалось выйти на этот показатель только спустя 25 лет.

В середине 1990-х годов естественная убыль населения в России составляла 800–900 тысяч человек (превышение смертности над рождаемостью).

В начале 2000-х годов президент России Владимир Путин подписал указ «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». После этого демографическая ситуация в стране начала улучшаться. Была введена такая мера государственной поддержки, как материнский капитал. Появился федеральный проект «Охрана материнства и детства». И через 10 лет, в 2015–2016 годах, мы достигли показателей, которые были после антиалкогольной программы.

Что мы имеем сегодня? Население России (включая Крым и Севастополь, без новых территорий) составляет 148 млн человек. Согласно оптимистичному прогнозу Росстата, к 2046 году население России увеличится до 150 млн человек, согласно среднему прогнозу, сократится до 139 млн человек, а при пессимистичном варианте — до 131 млн человек.

Суммарный коэффициент рождаемости в России должен достичь уровня не ниже 2,1 на одну женщину к 2030 году. При этом даже при реализации оптимистичного прогноза мы не выйдем на такой показатель. У нас будет не хватать женщин репродуктивного возраста к 2046 году.

Медицина вносит свой вклад в решение демографических проблем. Благодаря репродуктивным технологиям мы получили 30 тысяч дополнительных рождений в год за период 2019–2024 годов. За 6 лет — это плюс 191,5 тысячи детей. Немного, но все-таки это плюс, а не минус. Мы на треть (37%) снизили число абортот. За 2020–2022 годы 227 тысяч женщин отказались от прерывания беременности. Это тоже результат развития системы здравоохранения и расширения социальной поддержки женщин.

Самый неблагоприятный показатель — уровень смертности населения. Даже при реализации среднего прогноза и коэффициента смертности на уровне 13,2 у нас будет не хватать населения трудоспособного возраста для воспроизводства.

Высокая смертность мужчин трудоспособного возраста — бич России. Это связано с такими факторами риска, как чрезмерное употребление алкоголя, курение и неправильное питание.

Проект, который на сегодняшний день реализуется в Российской Федерации, нивелирует часть негативных процессов, но кардинально, к сожалению, решить проблему не сможет. Резервы снижения смертности, связанные с развитием технологий здравоохранения, недостаточны для достижения национальной цели к 2030 году — необходимо системное влияние на образ жизни людей путем нивелирования факторов риска.

Государство в последние 10 лет приняло определенные меры по борьбе с алкоголизмом и курением. Употребление алкоголя снизилось на 2 литра этанола на человека в год, доля россиян, которые курят, уменьшилась на 10%. При этом остается проблема с питанием. Почти 25% россиян имеют избыточную массу тела. Воздействие этого фактора, к сожалению, растет. Если мы не будем бороться за правильное питание, нас ждет эпидемия ожирения и связанные с этим сердечно-сосудистые патологии, сахарный диабет.

Несколько слов о структуре основных источников финансирования здравоохранения в 2019–2024 годах. Две трети (67%) — это государственные расходы. Одна треть — это расходы домохозяйств на платные медицинские услуги и приобретение лекарственных препаратов. Такая структура сохраняется на протяжении последних 30 лет.

Значительную долю в структуре основных источников финансирования здравоохранения занимает розничная торговля лекарственными препаратами (17–20%). Если не будет системы лекарственного страхования в стране (нам ее нужно вводить), то, какую бы пенсию мы ни назначили пожилым людям, все деньги будут уходить на оплату услуг ЖКХ и лекарств. Рынок лекарств в России быстро растет. Сейчас его объем составляет 2 трлн 850 млрд рублей. Причем на долю отечественных производителей приходится всего 845 млрд рублей.

Что касается государственных расходов на здравоохранение, они росли в 2020–2021 годы в связи с пандемией ковида (до 5,6% от ВВП). Сейчас этот показатель составляет 4,4% от ВВП. В США это 17% ВВП, в странах Евросоюза — от 10 до 13% ВВП.

Еще одна большая проблема — заработная плата среднего медперсонала в 5 раз ниже, чем у врачей. Это одна из причин кадрового голода в здравоохранении. Нам нужно выравнять заработные платы не только в здравоохранении, но и во всей социальной сфере. Условно говоря, в Москве врачи не могут получать меньше, чем учителя и соцработники. Президент России поднимал этот вопрос, но мы боимся подступить к его решению, потому что это потребует значительных финансовых ресурсов.

Локомотив развития Арктики

Бортников: Если говорить про Арктическую зону, на долю России приходится 4,8 млн квадратных километров, где проживает 2% россиян. Арктика дает 11% национального дохода и 22% общероссийского экспорта. В Арктической зоне РФ огромное число месторождений. Многие из них до сих пор не освоены. На этой территории добываются практически все стратегические металлы. Если взять долю Арктики в мировой добыче стратегических металлов, то здесь добывают 40% палладия, 21% алмазов и 14% платины. На долю России от фактической добычи приходится 100% ниобия, тантала и циркона, более 95% кобальта, никеля, палладия и платины, около 60% меди, 37% золота и 20% хрома.

Наш главный производитель металлов — Норильский горнопромышленный район. Это крупнейший в мире производитель никеля (10%) и палладия (40%), четвертый в мире производитель платины. Проблема состоит в том, что отрабатываются практически все выработанные богатые руды, идет переход на вкрапленные руды, соответственно, возрастают затраты, меняется минеральный состав руд, и это требует изменения технологий.

Кольский полуостров — уникальное место, где сосредоточены крупнейшие месторождения редких металлов. Ловозерское месторождение дает и титан, и «редкие земли» (ниобий и тантал). Россия находится на четвертом в мире месте по запасам «редких земель» (то, что записано на балансе), но на самом деле многие из этих запасов не извлекаются.

Еще одна проблема — наши месторождения содержат не те «редкие земли», которые нам хотелось бы иметь. Наши месторождения богаты легкими «редкими землями», а для производства магнитов используют тяжелые «редкие земли» (неодим и другие).

Перспективы добычи лития в Арктической зоне связаны с развитием крупного месторождения Колмозерское. Отечественная технология добычи, извлечения и обогащения есть, но мы почему-то покупаем китайские технологии, которые были в свое время разработаны в Новосибирске и Красноярске.

В Арктической зоне располагаются две крупные алмазные провинции Якутская и Архангельская. На территории Якутии находится 47 месторождений.

Томторское месторождение — это лучшие в мире руды редкоземельных металлов. По сути, мы имеем дело с концентратом. Но там опять-таки есть проблема: неразвитая инфраструктура и высокое содержание радиоактивных элементов в рудах.

На территории Чукотки добывают золото и серебро, перспективы добычи сейчас связаны с развитием крупного месторождения Песчанка.

В Арктической зоне РФ существует много месторождений, которые нужно вовлекать в производство, добычу и разработку. Здесь могут быть открыты и новые месторождения, но для этого нужны новые методы поиска, потому что это так называемая закрытая зона (здесь нет обнажений). Мы работаем над решением этой задачи.

В заключение хочу сказать, что Арктическая зона РФ обладает уникальными по запасам и разнообразию стратегических металлов месторождениями, способными еще многие десятилетия обеспечивать развитие высокотехнологичного производства и экономики страны и ее национальную безопасность.

Нельзя не отметить, что дверь в эту кладовую только приоткрыта, ресурсы используются далеко не на полную мощность, и главным образом потому, что нет запроса от промышленности.

Московский консенсус

Титов: Структура мировой экономики меняется. Какие текущие процессы будут определять будущее мировой экономики? В первую очередь это научно-технический прогресс. Мы стоим на пороге новой технологической эпохи. И две ключевые технологии, которые кардинально изменят многие отрасли, — это искусственный интеллект и квантовые вычисления. Квантовые компьютеры позволяют делать вычисления в миллиарды раз быстрее, чем любой современный макрокомпьютер. Квантовые вычисления в сочетании с искусственным интеллектом будут влиять на всю мировую экономику, они позволят перейти от хаотичности конкурентного рынка к алгоритмическому прогнозированию, сочетающему анализ данных с рыночной самоорганизацией снизу. Сегодня мы не можем точно прогнозировать количество выпускаемых товаров. Результат рыночной конкуренции — перепроизводство в одних отраслях и недопроизводство в других. Это становится причиной роста цен. Новые технологии позволят прогнозировать и моделировать рынок. И это изменит мировую экономику.

Индикативное планирование и моделирование спроса станут основным трендом в ближайшей перспективе.

Недавно в России было принято решение строить экономику предложения. Мы же рекомендуем перейти от экономики стимулирования предложения к экономике моделирования и стимулирования спроса. Основные принципы экономики спроса:

- ◆ **Прогнозирование и стимулирование спроса**, создание заказа для предложения — главный локомотив развития.
- ◆ **От целей количественного роста — к качественным показателям.** Это важнейший принцип на данном этапе. Александр Александрович Аузан недавно рассказывал о разговоре с одним японским экономистом. Аузан спросил его: «Почему же вы не развиваетесь? Такой экономический всплеск показали в свое время, а потом — стагнация». Японский экономист ответил: «А зачем? Мы добились тогда, чего хотели. У нас устойчивая экономика, которая закрывает все потребности нашего населения. Зачем расти дальше количественно?»
- ◆ **От цели максимизации прибыли — к показателям роста**, ответственного распределения дохода государства. Надо уходить от цели максимизации прибыли как основной цели рыночной экономики к качественным показателям. Это прежде всего устойчивый и эффективный рост рынков на базе роста спроса.
- ◆ **Повышение эффективности государственного управления** на базе цифровых платформ.

Наша цель — это развитое общество среднего достатка. Главный KPI — увеличение доходов населения и сокращение неравенства. А локомотив развития — не низкие издержки производства, а растущий внутренний спрос со стороны населения, и бизнеса, и государства.

Источники роста спроса могут быть следующими:

Во-первых, это апгрейд рабочих мест. Наши граждане должны получать высокооплачиваемые, а значит, высокопроизводительные рабочие места через развитие образования и науки.

Во-вторых, это широкое субсидирование потребкредитов (ипотеки, авто, отечественных товаров). В Китае сегодня запущена огромная программа стимулирования спроса: половину гаджетов китайских граждан оплачивает государство.

В-третьих, социальные выплаты и пособия. Развитие технологий искусственного интеллекта может привести к безработице. Это коснется прежде всего молодых специалистов с высшим образованием. Поэтому мы должны предусмотреть социальную «подушку» для них. Стоит вернуться к вопросу введения безусловного базового дохода. Это касается не только России, но и других стран мира.

Какие есть риски стимулирования спроса?

Во-первых, это рост инфляции. Нам нужно отказаться от повышения ключевой ставки как инструмента борьбы с инфляцией, стимулировать расширение предложения отечественных товаров и услуг с помощью доступных кредитов для производителей и инвестиционных ресурсов. Сегодня цены растут не потому, что спрос высокий, а потому, что увеличивается себестоимость продуктов из-за высоких процентных ставок.

Во-вторых, это увеличение импорта. Нам следует увеличить предложение отечественных продуктов и защитить внутренний рынок.

Какие есть способы расширения предложения? Первый способ — поддержка национальных чемпионов, компаний, у которых есть большой потенциал роста на внешних рынках. Речь идет как о частных, так и о государственных компаниях. Это даст быстрый результат. Второй способ — обеспечение свободного конкурентного рынка и развитие экономики простых вещей и услуг.

Очень важный момент — жесткое антимонопольное законодательство. Мы считаем, что компании — национальные чемпионы должны работать в одной отрасли и не монополизировать смежные, следует ограничить их экспансию в другие сектора. Предел участия крупного бизнеса в непрофильных секторах должен составлять 5–25%.

Мы назвали нашу программу «Московский консенсус» — это консенсус трех главных субъектов общества (государство, бизнес и люди).

Демография: вызовы и решения

Бахтизин: ЦЭМИ РАН совместно с Федеральной службой охраны РФ и Институтом демографической политики имени Д. И. Менделеева разработал методику оценивания показателя национальной силы страны.

Почему мы занимаемся этим вопросом? Не только для того, чтобы сравнивать страны по уровню мощи и социально-экономического развития, но и чтобы выделить те факторы, которые определяют устойчивость социально-экономических систем, конкурентные преимущества, потенциальные точки роста и проблемы развития России и других стран.

Наибольший интерес для нас представляют демографические показатели как основа развития любой социально-экономической системы.

Мы измерили демографический потенциал стран через призму большого набора показателей: численность населения, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни, доля трудоспособного населения и мигрантов и другие. С помощью различных методов (энтропийного взвешивания, главных компонент, межкритериальной корреляции) определили факторы, которые в наибольшей степени определяют демографический потенциал нации.

В число самых значимых факторов, которые влияют на демографический потенциал нации, вошли численность населения (50%) и доля мигрантов (24,6%).

Если говорить о миграции, Россия — уникальная страна. Мы, с одной стороны, входим в первую десятку стран — доноров международной миграции, с другой — в первую десятку стран — реципиентов международной миграции. Но этот обмен с миром неравноценный. Из России уезжает высококвалифицированная рабочая сила, а приезжают выходцы из стран СНГ (почти 88%), причем только 8% из них с высшим образованием. Таким образом, этот неравноценный обмен вымывает демографический потенциал, который мы измеряли.

Опубликовано много исследований, в которых оцениваются экономические последствия от миграционного притока. Однозначного мнения по этому вопросу нет. Например, по оценкам МВФ, рост миграции способствует экономическому росту: увеличение притока мигрантов на 1% относительно общей занятости населения способствует приросту выпуска на 1% через 5 лет. В США считают, что мигрант мигранту рознь. В Манхэттенском институте рассчитали, что среднестатистический мигрант без высшего образования и те, кто переезжает в США после 55 лет, в течение своей жизни в среднем наносят экономический

ущерб на сумму около 400 тысяч долларов, а мигрант в возрасте до 35 лет с ученой степенью в среднем сокращает дефицит бюджета более чем на 1 млн долларов. Следует особо отметить, что США «снимают сливки», устанавливая серьезные фильтры для миграционного потока и получая лучшие профессиональные кадры со всего мира, практически не вкладываясь в их образование. По оценкам европейских институтов, неквалифицированные мигранты из Африки и Азии наносят экономический ущерб, при этом рост миграции из стран Европы и Северной Америки, соответственно, благоприятно сказывается на экономической системе.

Почему это очень важно? Согласно прогнозам, к середине XXI века в европейских странах мигранты на 50% заместят коренное население.

Согласно расчетам ЦЭМИ РАН, к концу XXI века в России мигранты первой и последующих волн будут составлять до 40% от общей численности населения.

Поэтому усилия органов государственной власти должны быть направлены не только на решение проблем, связанных с увеличением рождаемости и снижением смертности, но и во многом на сохранение здоровья коренного населения и уровня его развития.

Что касается негативных демографических трендов, это сокращение трудоспособного населения и увеличение доли населения старше 65 лет. Эти тенденции приводят к непопулярным управленческим решениям в большинстве стран, связанным с увеличением налогов, повышением пенсионного возраста, снижением социальных выплат и решением проблемы депопуляции и недостатка рабочей силы за счет увеличения мигрантов.

С нашей точки зрения, повышать пенсионный возраст недопустимо, учитывая, что возраст дожития в России очень маленький.

Ученые ЦЭМИ РАН также провели оценку эффективности мер повышения рождаемости для достижения суммарного коэффициента рождаемости 1,6 и 1,8. Оказалось, что самая эффективная мера — это финансовое стимулирование (материнский капитал, стабильные ежемесячные пособия, индексируемые с учетом роста цен на базовый потребительский набор). Это инвестиции в будущее, которые создадут основу для увеличения численности населения. Поэтому мы считаем, что финансовое стимулирование рождаемости должно быть базисом демографической политики.

На пути к инновационной модели

Клепач: Я буду говорить про переход к инновационной модели. Если коротко, он должен был произойти к 2020 году, но этого не случилось.

В 2011–2013 годах в России стагнировали расходы на НИОКР, на самом деле они даже немного снизились. При этом наш разрыв с миром увеличился. Начиная с 2018–2019 годов практически все ведущие страны, в том числе Китай и США, существенно увеличили расходы на НИОКР.

Разрыв между странами-лидерами (США, Германия, Япония, Южная Корея) и остальным миром по накопленным затратам на НИОКР в расчете на одного исследователя очевиден. По численности исследователей Россия входит в топ-6 стран, однако по уровню расходов на одного исследователя в постоянных ценах по ППС уступает не только странам-лидерам (разрыв с США в 3 раза), но и догоняющим странам (разрыв с Германией и Японией в 2–2,5 раза).

Тем не менее науку следует рассматривать в целом как научно-технологический комплекс. При всех наших проблемах есть позитивные тренды: согласно данным Росстата, доля высоко- и среднетехнологичных отраслей в производстве добавленной стоимости растет. В 2024 году научно-технологический комплекс производил 14% ВВП, а в 2012 году — 12%.

Роль научно-технологического комплекса России растет, но развитие идет разбалансированно. Мы наблюдаем опережающий рост в машиностроении и ИКТ, при этом наука и образование стагнируют. Российский научный сектор стал более индустриально ориентированным, но доля науки (исследований и разработок) в общем объеме валовой добавленной стоимости не изменилась. Если сравнивать Россию с другими странами по вкладу науки (высоко- и среднетехнологичные виды деятельности) в долю добавленной стоимости, мы отстаем примерно в 1,3–1,9 раза.

До 2% расходов на НИОКР мы не дойдем к 2030 году, но позитивная динамика будет. Исходя из актуальных тенденций, текущая экономическая модель не станет инновационной к 2030 году.

Рост промышленности в России произошел из-за мощного рывка оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и отраслей, работающих на ОПК (пищевая и текстильная промышленность, нефтепереработка и другие). Сейчас драйвером таких наукоемких технологий является ОПК. Согласно прогнозам, с 2026 года произойдет резкое торможение роста

ОПК, то есть военной составляющей нашего технологического развития. Возникает вопрос: сможем ли мы компенсировать это гражданскими отраслями? Это один из серьезных вызовов, потому что мы можем потерять импульс, который получили благодаря ОПК.

Еще один важный вопрос — конкурентоспособность зарплат в науке. Снижение численности занятых в организациях сектора науки остановилось после 2022 года, однако сокращение научных работников продолжилось. Реализация указа президента позволила резко поднять оплату труда научных сотрудников уже в 2018 году, но после 2022 года ее рост стал отставать от роста заработных плат в экономике и практически не достигал установленного в указе 200% от среднего регионального уровня заработной платы. Зарплаты резко выросли благодаря оборонке, а в бюджетной сфере и финансировании науки этого не произошло.

Прекратившиеся в середине прошлого года публикации Росстата по мониторингу выполнения указа свидетельствовали о большом региональном разбросе зарплат научных сотрудников. При этом, несмотря на высокие ставки оплаты труда в Москве и Санкт-Петербурге, где сосредоточено почти 50% научных кадров, они не достигали установленного в указе 200% от среднего регионального уровня заработной платы. Это не означает, что нужно всем ученым в Москве и Санкт-Петербурге повысить заработные платы. Это говорит о том, что неравенство между регионами просто так не преодолеть. Это вопрос не только к бюджету, но и к текущей пространственной модели развития для всей экономики и для высокотехнологичного наукоемкого сектора. Если вернуться к бюджету, то, судя по всему, нас ожидает сокращение расходов на науку в реальном выражении. Очевидно, что параметры бюджета будут меняться, а это значит, что мы не можем ничего планировать даже на среднесрочную перспективу (3–4 года). И это большая проблема. Без долгосрочного планирования научной и технологической деятельности прорыва не будет.

Сегодня финансирование науки по линии федерального бюджета идет через университеты. Есть позитивные примеры развития пояса прикладных научных центров и опытных производств в университетах с сильной фундаментальной наукой (МФТИ, МГТУ имени Н. Э. Баумана, СПбПУ и другие). При этом в России основной функцией вузов остается образовательная модель. Большинство университетов не занимаются научной деятельностью и даже прикладными исследованиями. Научный и инфраструктурный потенциал вузов не позволяет рассматривать их как ведущего интегратора фундаментальной и прикладной науки.

Мы так и не решили задачу создания сбалансированных консорциумов и национальных лабораторий.

Если говорить о вкладе науки в экономический рост, то, по нашим предварительным оценкам, в оптимистичном прогнозе до трети роста ВВП в долгосрочной перспективе определяется повышением затрат на НИОКР наряду с увеличением затрат на образование и развитием экспериментальной и научной базы.

Для многих из нас наука — это служение. Это нельзя измерить количественно. Наверное, на этом наша научно-технологическая деятельность и держится, но преданность науке не может бесконечно компенсировать недофинансирование и отсутствие долгосрочных горизонтов.

Образование для всех

Смолин: Я не экономист, скорее социальщик. Буду высказывать исключительно личную точку зрения по вопросам образовательной политики в связи с прогнозом кадровой потребности в Российской Федерации.

Первая позиция. Всем известно, что в стране острый кадровый дефицит. По разным оценкам, нехватка рабочих рук составляет от 1,5 млн до 4–5 млн человек. При этом 75% членов РСПП заявили, что главная проблема сейчас — это дефицит кадров.

Согласно прогнозу Минтруда, к 2030 году рынку труда нужно будет всего 30% сотрудников с высшим образованием и 70% — со средним профессиональным.

За последние годы в России выросло производство промышленных роботов. Если раньше у нас было шесть роботов на 10 тысяч населения, то сейчас — 19. Для сравнения: в Южной Корее 1012 роботов на 10 тысяч населения. Так что же все-таки нам нужно — сохранение ручного труда или все-таки развитие научно-технического прогресса?

Вторая позиция. В последнее время Государственная Дума РФ приняла целый блок законов, которые фактически направлены на обеспечение кадрового прогноза, о котором я только что говорил. Эти документы ограничивают доступ к образованию для определенных категорий граждан при помощи системы единого государственного экзамена.

Первый закон мы условно называем законом об удвоении ЕГЭ. Этот документ предполагает, что отныне по внутренним экзаменам (без ЕГЭ) в вузы смогут проходить только выпускники учреждений СПО, которые продолжают обучение по профилю. При этом около половины всех студентов после системы СПО поступают в высшее учебное заведение не по профилю, и у них могут возник-

нуть проблемы. Я уже не говорю о том, что это ограничивает доступ к высшему образованию для тех, кто получает среднее профессиональное образование в рамках подготовки рабочих кадров. Очевидно, что у тех, кто учится в рамках подготовки рабочих кадров, нет возможности брать репетиторов. Раньше это был социальный лифт, через эту систему прошли такие люди, как Сергей Королев, Игорь Курчатов, Виктор Черномырдин и Юрий Гагарин. Сейчас — тупиковая ветвь.

На мой взгляд, этот закон количество рабочих кадров увеличит незначительно, а потенциальных инженеров — скорее снизит, поскольку он ограничивает возможности продолжения инженерного образования, если ты окончил СПУ по рабочей специальности.

Второй закон в публицистике условно называют законом о кухаркиных детях. Потому что он дает возможность трем регионам отбирать молодых людей в 10-й класс не на общей основе по среднему баллу аттестата, как записано в действующем законе об образовании, а по результатам ОГЭ. Тем самым ОГЭ превращается не просто в систему оценки знаний, а в пропуск на следующую ступень образования. На мой взгляд, эта система сокращает потенциальных студентов инженерных вузов. Потому что если ты пошел в систему СПО на рабочие кадры, то уже, скорее всего, не сможешь поступить на инженерные специальности.

Нам говорят, что ЕГЭ позволяет молодым людям из небольших сел поступить в московский университет. Такие случаи, конечно, бывают. Но никто не думает о том, сколько талантов загубил единый государственный экзамен на селе, где не всегда есть хорошие школьные учителя по физике, химии, биологии.

Я считаю, что нельзя использовать меры, ограничивающие доступ к образованию, нам нужны реальные стимулы. В конце концов, в СССР студентам системы СПО платили стипендию, как в вузах, обеспечивали бесплатным питанием и образованием. Это был социальный лифт. Еще один пример: стипендии в инженерных вузах были значительно выше, чем в гуманитарных учебных учреждениях. Убежден, что знания должны принадлежать всем. Стимулирование в образовательной политике (пряник) гораздо эффективнее, чем система ограничений (кнул).

Бодрунов: Я хотел бы поднять еще одну проблему: многие одиннадцатиклассники в призывном возрасте получают повестку и не успевают поступить в вузы. Хотелось бы, чтобы наши законодатели обратили на это внимание. Мы можем потерять много талантливых ребят, которые могли бы усилить российскую экономику.

Новые формы организации науки

Романовская: Я представитель естественных наук, не экономист, и мне хотелось бы обсудить вопросы эффективности управления научными исследованиями в России. Насколько эффективно работает система организации науки?

Про новую форму организации науки я расскажу на примере так называемого ВИП ГЗ (важнейший инновационный проект государственного значения) по климату.

Проект построен «сверху вниз». Большинство научно-исследовательских работ в стране предлагаются самими исследователями. Таким образом, в стране поддерживается большое количество мелкомасштабных локальных работ, сходных по тематике и по планируемым результатам. В результате деньги в науке тратятся большие, а результаты остаются мелкомасштабными.

ВИП ГЗ по климату построен по другому принципу. Запрос на научное решение происходил от лиц, принимающих решения. В ответ на него 10 ведущих ученых в области климата разработали концепцию проекта, в рамках которой были выбраны исполнители под конкретные задачи.

Было организовано шесть больших научных консорциумов, в которых работает коллектив из более чем 50 научных организаций РАН и Росгидромета. По сути говоря, это аналог шести научных центров мирового уровня, между научными коллективами которых происходит свободный обмен данными. В результате ликвидирована конкуренция за небольшие гранты с локальными результатами, методически не сопоставимыми между собой.

Концепцию проекта разработали ученые с мировым именем. Благодаря этому удалось обеспечить мировой уровень методических подходов и полученных данных. Причем это не разовое научное исследование, а система постоянного мониторинга, которая позволит получить ответы на любые вопросы властей.

Еще одна особенность этого проекта — тесная коммуникация ученых и чиновников, постоянный контроль со стороны функциональных заказчиков (министерства и ведомства). Мы разговариваем на разных языках. И этот проект показывает, что такую коммуникацию необходимо налаживать.

Кратко о логике проекта. Запрос чиновников: как выстроить климатическую политику в стране, насколько нужно ужесточить требования к выбросам парниковых газов, сколько денег вкладывать в адаптацию к изменению климата. Чтобы ответить на эти вопросы, нужно четко понимать, что происходит сейчас (причины и наблюдаемые изменения климата) и что будет происходить (ожидаемые нетто-выбросы и изменения климата, последствия для экономики и населения).

Структура проекта сложная. Если упростить: шесть консорциумов возглавляет Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, именно туда поступают все данные, там генерируются ответы на вопросы чиновников.

Первый этап проекта закончился в 2024 году. Его длительность составила 3 года. Второй этап должен продлиться с 2026 по 2030 год.

По итогам первого этапа можно сказать, что ВИП ГЗ по климату — это проект технологического и научного лидерства, а для наших чиновников — это проект политического лидерства. Суверенные данные по климату, которые начал генерировать проект, позволяют показать значительные результаты.

Технологические компании и правительство страны должны быть заказчиками научных исследований. Повторю: ученые и чиновники, как правило, говорят на разных языках, но нам нужно учиться коммуницировать друг с другом.

Проекты, построенные по принципу «сверху вниз», минимизируют возможное дублирование работ. Прорывные климатические результаты первого этапа эквивалентны экономии бюджетных средств на сумму около 4 трлн рублей. Эффективность на каждый вложенный рубль составит примерно 312 рублей.

Политика экономического роста

Головнин: Мой доклад посвящен роли политики Центрального банка в обеспечении динамичного экономического развития России. Центральный банк у нас является мегарегулятором, для тех, кто об этом забыл, и он у нас отвечает за развитие финансовых рынков.

Если говорить о цели достижения устойчивого экономического развития, Центральный банк считает, что он решает эту задачу путем контроля за инфляцией. Долгосрочная цель по инфляции установлена на уровне 4%. Основные инструменты для обеспечения ценовой стабильности, которые использует Центральный банк, — это ключевая процентная ставка и коммуникации.

Еще одна задача Центрального банка — поддержание режима плавающего валютного курса как стабилизатора внешних шоков. Кроме того, Центральный банк занимается развитием и укреплением банковской системы и финансового рынка, обеспечением финансовой стабильности.

Большое значение здесь играет так называемая макропруденциальная политика. При этом наш Центральный банк подчеркивает, что использует валютные ограничения и регулирование валютного курса для обеспечения финансовой стабильности, а не для других целей.

Следующая задача Центрального банка — обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы.

В число внешних вызовов для экономики России входят высокий уровень санкционного давления и неопределенные перспективы его изменения, риски нарастания процессов фрагментации в мировой экономике, которые связаны с торговой политикой администрации Дональда Трампа, возможное снижение темпов экономического роста и ускорение инфляции в мировой экономике, волатильность ценовой динамики на ключевых мировых товарных рынках.

Чтобы говорить о перспективах, попробуем оценить результаты политики Центрального банка по преодолению внешних вызовов.

Во-первых, ужесточение денежно-кредитной политики проводилось в два этапа. Первый этап — краткосрочное повышение процентной ставки при поддержке банков ликвидностью и ослаблении макропруденциальных ограничений. Это была реакция на внешний шок в 2022 году. В случае второго раунда имела место гиперреакция — рост ключевой ставки в реальном выражении.

Впервые за всю историю кризисов XXI века для преодоления последствий Центральный банк использовал инструменты валютных ограничений: применял валютное регулирование (частичная продажа экспортной валютной выручки и ограничения на отток капитала), использовал бюджетное правило и операции по зеркалированию для регулирования валютного курса.

Если мы посмотрим на средние темпы роста ВВП России после каждого кризиса, то увидим, что период 2022–2024 годов был самым благоприятным (2,3%). Для сравнения: в 2014–2019 годах средний рост ВВП составил 0,9%, в 2020–2021 годах — 1,5%. Основной вклад в этот результат внесла основная бюджетно-налоговая политика.

Политика Центрального банка направлена и на поддержку сбережений. Уровень инвестиций и сбережений относительно высокий, но существенного взлета мы не наблюдаем. Валютный курс в России очень волатилен. Он в большой степени зависит от торговых потоков и от движения капитала. Инфляция стабилизировалась на уровне порядка 10% в годовом выражении, но нам обещают ее снижение. Тем не менее монетизация нашей экономики растет. В начале 2024 года у нас началось сокращение темпов прироста кредитов.

Несколько слов о наших предложениях по совершенствованию политики Центрального банка.

Если инфляционное таргетирование у нас — это священная корова, тогда нужно как минимум говорить о гибком инфляционном таргетировании, которое все страны с формирующимися рынками осуществляют.

Меры по стимулированию экономического роста должны быть увязаны с бюджетно-налоговой политикой. Необходимо построить систему институтов развития, в числе целей деятельности которых будут обеспечение структурной перестройки экономики и достижение технологического лидерства.

Нам нужны меры, направленные на финансирование структурной перестройки экономики. И здесь Центральный банк мог бы проявить себя: например, ввести макропруденциальные послабления для проектов, которые работают по основным направлениям структурной перестройки экономики, а также меры поддержки инвестирования в отечественные финансовые инструменты (в том числе с учетом структурных приоритетов).

И конечно, есть мегазадача по формированию рынка целевых государственных (проектных, инфраструктурных) облигаций, выстраиванию заново финансового рынка на основе национального капитала.

RUSSIA 2025: A TRAJECTORY OF DYNAMIC, BALANCED SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT

Participants of the VII Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2025), which brought together over 17,500 specialists from 32 countries, discussed how to realize the potential of the Russian economy and embark on a trajectory of dynamic, balanced socioeconomic development. Among the crucial factors for national economic growth, MAEF experts named the expansion of domestic demand, rising labor productivity and production capacity utilization, increased investment in technological development, and the development of scientific and technological cooperation with friendly countries.

Organizers of MAEF-2025: VEO of Russia, Russian Academy of Sciences

*Gennady Krasnikov,
MAEF Co-Chair,
President of Russian Academy of Sciences,
Academician of RAS*

*Sergey Bodrunov,
MAEF Co-Chair,
President of the VEO of Russia,
Director of the S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development,
Corresponding Member of RAS*

Alexander Dynkin,
*President of the Primakov Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO RAS),
Academician of RAS,
Vice President of the VEO of Russia*

Sergey Glazyev,
*Academician of RAS,
Vice President of the VEO of Russia*

Fyodor Voytolovsky,
*Director of the Primakov Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO RAS),
Corresponding Member of RAS*

Wang Wen,
*Valdai Club Expert,
Director of the Chongyang Institute for Financial Studies,
Co-Chair of the VEO of Russia Expert and Business Council
for the Development of China-Russia Cooperation*

Alexander Shirov,
*Director of the Institute of Economic Forecasting of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Valery Kryukov,
*Director of the Institute of Economics and Industrial Engineering,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Academician of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Vladimir Starodubov,
*Academic Secretary of the RAS Department of Medical Sciences,
Academician of RAS*

Nikolay Bortnikov,
*Academic Secretary of the RAS Department of Earth Sciences,
Scientific Director of the Institute of Geology of Ore Deposits,
Petrography, Mineralogy and Geochemistry (RAS),
Member of the Presidium of RAS, Academician of RAS*

Albert Bakhtizin,
*Director of the Central Economics
and Mathematics Institute (CEMI RAS),
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Stanislav Prokofiev,
*Rector of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Member of the Board of the VEO of Russia*

Andrey Klepach,
*Chief Economist of the State Development Corporation VEB.RF,
Member of the Board of the VEO of Russia*

Boris Titov,
*Special Representative of the President of the Russian Federation
for Relations with International Organizations
to Achieve Sustainable Development Goals,
Member of the Board of the VEO of Russia*

Oleg Smolin,
*First Deputy Chairman of the State Duma Committee
on Science and Higher Education,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

*Anna Romanovskaya,
Director of the Yu. A. Izrael Institute of Global Climate and Ecology,
Corresponding Member of RAS*

*Mikhail Golovnin,
Director of the Institute of Economics of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Krasnikov: Dear colleagues! I am pleased to welcome you to the Russian Academy of Sciences, to the Alexander Palace, which boasts a rich history. I congratulate you on the commencement of the central events of the VII Moscow Academic Economic Forum. As in previous years, the forum events involve many scientists, economists, and researchers from diverse fields, including social and technological development, medicine, and earth sciences. Traditionally, the forum's experts discuss the priorities for socioeconomic development, the influence of science and technology policy on quality of life, the effectiveness of current economic policies, and national economic trends, culminating in proposed solutions for the nation's pressing challenges.

The VII MAEF coincides with a notable event — 260 years since the founding of the VEO of Russia, while the Russian Academy of Sciences celebrated its 300th anniversary last year. The RAS is a reliable partner and actively cooperates with the VEO of Russia on a wide range of issues. Our joint work has resulted in the development of specialized recommendations, and the expert analysis of topics discussed at various levels of government has contributed to the preparation of high-quality solutions.

We must dedicate our plenary session to finding pathways for the country's dynamic and balanced socioeconomic development. I anticipate that the proposals stemming from today's session and other MAEF events will align with the national science and technology development strategy, the national technological leadership projects, and the strategic documents for regional scientific and technological development.

We highly value the dialogue with industry specialists and the public assessment of economic processes and phenomena in the country's life. We are therefore pleased to host the participants and friends of the VII Moscow Academic Economic Forum within the walls of the Russian Academy of Sciences. I wish you success and all the best.

Eight Solutions for Economic Growth

Bodrunov: Dear colleagues! I am pleased to welcome you to the VII Moscow Academic Economic Forum!

Over the years, the forum has become a significant event in the country's scientific and economic life, establishing itself as a reputable dialogue platform that helps find solutions to socioeconomic development challenges.

Since its founding, MAEF has annually expanded its scale, covering an ever-widening range of both priority topics and research areas. At the same time, it gains new participants and expands its geographic reach. Moreover, MAEF is one of the few intellectual platforms in the country that has been permanently active since 2021.

What is important to us? Thanks to the forum, the Russian Academy of Sciences, particularly its Department of Social Sciences and Economics Section, is actively expanding to shape the research agendas of many scientific centers across the country, pooling their potential and focusing it on researching the main problems of the Russian economy under the guidance of the Academy. A hallmark of the MAEF has been its strong regional component. This year, in anticipation of the central events of the forum, our colleagues worked across 115 regional venues established at the country's leading universities and research centers, RAS divisions and institutions, and regional organizations of the VEO of Russia. Over 1,000 specialists have already presented at regional scientific and practical events. Since April, the MAEF-2025 scientific conferences have been operating across the entire country — in the Urals and Siberia, in Vologda, in the Kamchatka and Khabarovsk territories, and in the new areas of Russia. We are pleased that the forum's events have received the support of the leadership of many regions of the Russian Federation. I note — with gratitude — the activity and diverse work of the MAEF-2025 regional venues in the Sverdlovsk, Volgograd, and Saratov regions, in St. Petersburg, and in Crimea. Without listing further, I will only emphasize that, in the opinion of the Forum's Program Committee, all regional platforms this year demonstrate a high level of organization and, judging by the materials submitted, significant scientific content in their discussions, which allowed us not only to involve the country's

leading specialists in the discussion of the stated MAEF-2025 theme but also to obtain results highly significant for preparing scientific recommendations on issues of long-term sustainable and dynamic development. It helped establish the correct focus for preparing economic program documents within the public administration system, drew attention to problems requiring urgent solutions, and finally, which is essential for us today, set priorities for discussions both at this Plenary Session and for the discussion of issues within the central block of the Forum's Event Architecture.

Dear colleagues! With this Plenary Session, we are opening the central block of MAEF-25 events. The importance of this session lies not only in identifying the most crucial problems in the development of the national economy but also in generalizing the ideas already expressed by our colleagues at the regional platforms to set vectors for their detailed discussion, which will continue tomorrow at leading universities and research centers in the capital. Now, a few words about the tasks and problems we will discuss today.

The MAEF-25 Program Committee guided the speakers and discussants of the main Plenary Session towards those tasks that are fundamental for the country and for our economy in modern conditions.

In the words of Russian President Vladimir Vladimirovich Putin, and I quote, "Our task for the current year is to enter a trajectory of balanced growth." We economists understand this task set by the President in the broadest possible context. Therefore, this year we dedicated the Moscow Academic Economic Forum to the theme: "Russia-2025: A Trajectory of Dynamic, Balanced Socioeconomic Development." We clearly understand that we need economic growth not for formal growth, but as a powerful driver and a clear indicator of positive development — both in the economy and in the social sphere — given the current conditions in which both the global and Russian economies operate.

Recent years have been challenging for our country. However, as MAEF noted last year, and there is no reason to revise this finding, the Russian economy has withstood and continues to function normally under sanctions pressure; moreover, it managed to achieve a new, significant breakthrough. According to updated Rosstat data, Russia's GDP increased by 4.3% in 2024. Undeniably, continuing to grow at similar rates from such a high baseline is difficult. Therefore, the Ministry of Economic Development forecasts economic growth of 2.5% this year (in its baseline scenario), without considering scenarios of a "sharp collapse" in GDP, "technical recession," etc. State programs adopted in recent years, designed to realize the national development goals set by

the Russian President, are now being actively implemented. Experts from the VEO of Russia note considerable positive shifts in building the technological basis and industrial component of the economy, ensuring the country's technological and national sovereignty, as well as in housing construction, the development of transport systems (roads, railways, airport networks, and new regional aviation hubs). There are also achievements in agriculture, particularly in the production of grain and legumes. We must also mention the development of an economic component, such as our defense industrial complex.

However, there are many problems, and many of them are challenges stemming from global civilizational development trends that carry significant negative potential. We cannot ignore global issues in technological development, ecology, growing inequality, and social tensions in many regions of the world, which lead to conflicts, including armed ones. The world has entered a phase of transformation in both social and economic development, accompanied by the escalation of a global crisis.

In these conditions, ensuring the dynamic and balanced socioeconomic development of our country is no simple task. Furthermore, many economists believe that the growth factors that have existed up to this point are essentially exhausted.

What mechanisms and government policies will allow us to accelerate economic growth and ensure a trajectory of balanced development?

Following the traditions of the VEO, which this year celebrates its 260th anniversary of service to Russia, its economy, and its economic science, a group of leading experts from the VEO of Russia collaborated with members of the MAEF-2025 Program Committee to develop the forum's themes. They highlighted the following eight points as the key focus areas:

First, it is necessary to create conditions for large-scale investment growth with an absolute priority on investments in technology development and the production of machinery and equipment (including, and especially, within the framework of the import substitution strategy). The country's production potential must undergo total renewal and modernization through the reindustrialization of the economy, a new industrialization based on advanced NBICS-group technologies, digitalization, and artificial intelligence. It is crucial to emphasize that fast-growing industries generate high final growth rates of dynamically developing global economies, and this experience is of great value.

It is now vital for us to accelerate the development of domestic mechanical engineering, machine tool building, and materials science, focusing on producing machinery and equipment for all sectors of the national economy, with a competitive quality achieved through technological cooperation with friendly countries.

Second. In this regard, there must be an active development of international technological cooperation and mutual participation of foreign and Russian technology companies in joint projects, which should utilize elements of a selective state protectionist policy to safeguard investments in specific technology blocks that ensure Russia's technological leadership in core industries. Elements of such a policy must include balanced monetary policy and support for a sufficient level of protection for domestic producers in specific commodity markets.

Third. A critical factor for ensuring the effectiveness of measures to intensify Russia's economic growth must be a strict approach to guaranteeing the competitive quality of domestically produced goods and services, including those provided to the public, which necessitates the introduction of the most advanced technologies and an increase in the knowledge intensity of production, the economy as a whole, and the social sphere.

Fourth. The use of modern management technologies, accelerated digitalization, and the use of artificial intelligence in solving management tasks and shaping public production programs and techno structures, as well as the improvement of regulatory, tariff, financial, and other institutional mechanisms, should now occupy a special place as a factor in economic growth.

Fifth. We must pay substantial attention to the development of labor resources, primarily by improving their quality and the knowledge intensity of labor. There must be a fundamental increase in the quality of professional training at all levels, from the worker (whose skills must generally enable them to manage modern technological systems) to mid-level staff and top management. This requires not merely a return to specialization in higher education, but, especially in technological fields, the restoration and strengthening of the "production-science-education" link by actively encouraging the broad involvement of research institutions (prioritizing RAS institutes) in expert and technological work in the real sector and in the preparation, examination, and refinement of university curricula. It is essential to pay special attention to restoring labor traditions, narratives promoting the value of productive work, and the communal nature of collective labor. The VEO of Russia supports, in particular, the idea of forming modern centers for creating competencies in key areas of innovative development, based on complexes that unite enterprises, universities, and research institutes — especially in fields most important to our economy now and for the coming decades, such as microelectronics, robotics, composite materials and specialty chemicals, new energy sources, and photonics.

Sixth. The motto of Russia's new economic model must be the thesis: "not man for the economy, but the economy for man." The upcoming structural and technological transformation of the Russian economy, as well as measures to improve its efficiency, stability, and positive development dynamics, must be primarily accompanied by an increased focus on human potential. The resolution of social problems must become the foundation for adopting economic development programs at any level. Among the priorities here, as has been repeatedly stated, are the quality of education, accessibility of knowledge, public health, creating decent living conditions in urban and rural areas (with the expansion of modern transport, housing, social and information infrastructure), and, of course, the preservation of nature and the environment.

Seventh. The country's spatial development system must act as a large-scale modernization tool aimed at strengthening regional connectivity and establishing local economic hubs. It is crucial to emphasize the need for further phased adjustment of the spatial development program for Russia and its regions, considering modern trends in social and labor activity. For example, given the constantly observed changes in labor trends (increasing creative components of work, remote work, freelancing), it is necessary to create centers for the development of creative industries and other specialized entities within city structures, following the example of cities like Singapore, London, and Shanghai. It is also necessary to focus on providing cities and towns with modern transport communications, taking into account technological and economic trends in this area (e.g., the rapid development of associative relationships and technological solutions related to new modes of transport). Given the increased knowledge intensity of labor and reduced time required for work functions, creating a modern infrastructure for recreation and maintaining a healthy lifestyle is becoming a top priority.

Eighth. In the current conflict-ridden international environment, it appears necessary to pay special attention to restoring the role of the defense industrial complex (DIC) as one of the fundamental drivers of technological development — both to maintain Russia's national defense capabilities and to increase the pace and quality of technological development overall.

Dear colleagues! It is impossible to list all the proposed measures, let alone all their directions, in a brief introductory report. Nor is it unnecessary. I am confident that today's Plenary Session, as well as tomorrow's MAEF plenary conferences, will significantly supplement this brief and incomplete list of visible tasks and ways to solve them that I have just outlined.

In conclusion, I would add that following the call of the Russian President, the expert and scientific community has actively engaged in public discussion of projects and initiatives designed to accelerate the achievement of the country's national development goals. MAEF today brings together a significant part of this community. Given the composition and competence of its participants, I am confident that the forum's recommendations will be helpful for the development and implementation of such policies.

Oil: Donor to the Russian Economy

Dynkin: We have gathered at a difficult moment for our economy's development. I believe that today, in fact, a change in the economic model is on our agenda. The current model is related to two fundamental decisions.

Firstly, in 1999, Yevgeny Primakov's government finally balanced the budget, which had been running a deficit since 1985.

Secondly, in 2005, Mikhail Fradkov's government began sterilizing oil revenues, first into the Stabilization Fund and then into the National Wealth Fund.

The first decision set the trajectory of economic growth for the next 25 years, while the second allowed us to overcome four crises (in 2008, 2015, 2020, and 2022). Today, in my opinion, the effects of these decisions are fully exhausted. In the first quarter of 2025, the economy slowed significantly and cooled down. The growth rate was 1.4%, which is the lowest figure since the second quarter of 2023. Well, speaking of forecasts, neither the Russian Ministry of Economic Development nor the Central Bank predicts a return to the growth rates of 2023–2024. International organizations also expect a slowdown in Russian growth rates. The European Commission projects Russia's GDP to grow by 1.7% in 2025 and 1.2% in 2026, while the OECD forecasts 1.3% and 0.9%, and the IMF forecasts 1.5% and 0.9%, respectively.

The negative dynamics of leading economic growth indicators are already visible. Electricity consumption increased by 0.1% in the first quarter of 2025 (unadjusted for temperature), but considering the warmer winter than in 2024, it decreased by 1.7%. Total freight transport has been declining since February 2025 due to lower rail utilization rates. Russian Railways freight volumes fell by 6.8% in January–April. The budget deficit is growing, and the oil industry remains essentially the backbone of the economy amid a noticeable contraction in the natural gas sector and difficulties in the coal industry. Today, the oil sector provides 80% of the federal budget's oil and gas revenues. The share of oil and petroleum product exports in total merchandise exports was 44% in 2024 and the first two months of 2025.

Scenario modeling by IMEMO RAS indicates that 1 ruble of further investment in the oil industry generates 0.65 rubles of additional investment in the rest of the economy, resulting in GDP growth of 1.19 rubles. Increasing oil exports by 1 million tons per year, considering indirect effects, will lead to an increase in federal budget revenues of 54 billion rubles and total budget system revenues of 63 billion rubles.

The main challenges for the oil industry today are declining production and attempts to displace our oil from the global market. Oil production has fallen to 2011–2012 levels, and the retirement of old fields is accelerating. New reserves are significantly more capital-intensive. IMEMO RAS forecasts that the minimum investment in the oil and gas industry for 2025–2030 should be 46–52 trillion rubles, or \$420–509 billion. Moreover, in my opinion, capital investment in oil production must occur regardless of the scenario or macroeconomic policy implemented. Otherwise, a decline in oil production is inevitable, and it may accelerate after 2027–2028. If this happens, oil will cease to be a donor to our economy. Underinvestment in this sector could undermine the entire national economy, removing Russia from the global oil market. Such are the current realities.

Growth Reserves

Glazyev: Russia's economic development is slowing down. In 2025, Russia ranks last in the EAEU in terms of GDP growth rates. Since Russia accounts for 80% of the EAEU's economic potential, all indicators of the Eurasian Economic Union are declining. Russia's economic growth rates are falling below the global average, and accordingly, our country and the EAEU's share in both the global economy and the SCO is decreasing.

What growth reserves do we have? The Central Bank operates with only one of the four factors of economic growth: the labor force. Monetary authorities claim they cannot inject more money into the economy because it would cause inflation, given that Russia has a very low unemployment rate. What other factors are driving economic growth?

The first factor is fixed capital. The utilization of production capacity remains low. Although this figure has grown in recent years, according to official data, it stands at 70% in industry. We believe increasing capacity utilization could double the rate of industrial growth. Over the past three years, manufacturing grew by 9% per year, with some sectors (computer production, electrical equipment, optical equipment) achieving double-digit growth using the current industrial base.

The second factor is scientific and technical potential. The number of scientists and researchers in Russia continues to decline. Brain drain remains a highly relevant issue in our country because the volume of funding for our science and innovation is significantly below the global average and much lower than that

of leading countries. The underutilization of scientific and technical potential (the main factor of economic growth in the modern world) suggests that we have opportunities to accelerate economic development.

The third factor is monetary capital. \$100 billion continues to leak out of the country annually. In total, we have lost more than a trillion dollars over the last 15 years. If this money had remained in the country, the pace of economic growth would have been higher.

The main reason for the slowdown in economic development is the unavailability of credit. It is unprofitable for businesses to use borrowed funds, as interest rates on loans exceed the rate of return. That's a chronic problem with our economy since we cannot develop without credit. If we speak of balanced growth, only those sectors where profitability allows for self-financing of investments can grow without credit. It is primarily the extractive industry. That is why we have such a distorted economic structure, with an inflated share of extractive industries alongside a declining share of manufacturing. We lack a mechanism for redistributing resources in favor of knowledge-intensive industries, which are the main drivers of modern economic development. Under the current monetary policy, economic growth is impossible. Clearly, there is an inverse relationship between loan interest rates and investment: due to chronically high interest rates, Russia's capital accumulation rates are significantly below the global average.

Monetary policy is hindering our development. Under the pretext of fighting inflation, the Central Bank raises interest rates, which leads to a reduction in investment lending and a technological lag behind advanced countries. Consequently, the competitiveness of our economy falls, for which we have to pay with the devaluation of the ruble (the main factor behind the inflationary waves that crush macroeconomic stability). We have been in this vicious circle for many years.

In a modern open economy, it is impossible to plan investments with excessive volatility in the national currency. With foreign exchange reserves three times greater than the monetary base, the Central Bank has taken no action to stabilize the ruble exchange rate, effectively undermining the country's investment climate.

We must transition to a fundamentally different monetary policy, based on the premise that money in a modern economy is not a commodity, as our colleagues at the Central Bank believe. They fight inflation by raising interest rates, thinking this will reduce the supply of money and make it more valuable. In reality, money serves as a tool that links resources within the economy. Monetary theorists have long been aware of this. James Tobin proved that the primary goal of monetary policy and the Central Bank is to create conditions for investment

growth. As the volume of goods produced grows, costs decrease and product quality improves, resulting in long-term macroeconomic stability. According to modern monetary theory, reducing the quantity of money when there is available production capacity leads to higher inflation because costs rise, output declines, and production efficiency falls. That's our case. Our economy has a low money supply since the Central Bank has artificially withdrawn approximately 30 trillion rubles from it. Therefore, we can engage in targeted lending for production investments without the risk of increased inflation. Production growth inevitably leads to lower costs, and the build-up of investment activity will support economic growth and ensure macroeconomic stability.

According to our accelerated development strategy, Russia can force economic growth through technological modernization based on the new technological paradigm (a complex of nano-bioengineering, information and communication, additive, and digital technologies), support for advanced sectors (such as the aviation industry), and the development of import substitution. It is thanks to import substitution that the production of computers, computing equipment, and information and communication equipment has grown at rates of 20–40% over the last three years. However, implementing this strategy requires investment and, therefore, affordable credit. As for countries like China, India, and Japan, which achieved economic miracles, they all use special refinancing instruments. In Russian monetary jargon, these are “special instruments for refinancing commercial banks for specific purposes.” These special bank refinancing instruments should not be tied to the key rate, as is the case in Russia, but to the priorities set by the government in national projects or federal programs, and should be of the same level as China's, for example. The rate for lending to equipment leasing, for instance, should be 1–2% if it relates to priority areas.

I am confident that the implementation of this economic development strategy must involve the use of special refinancing instruments combined with strategic planning.

It is crucial to reverse the flow of capital generated by the export of our resources back into the country. We must not leave foreign currency earnings abroad, but rather withdraw them through export duties for investment purposes and financing of science. In this way, we could support our development institutions.

On the Threshold of New Bipolarity

Voytolovsky: I am a foreign policy expert. Therefore, I will discuss trends in the global economy and the formation of a polycentric world order.

In 2000, Western academia predicted the rise of globalization, asserting that the interdependence of countries was significantly changing the system of interstate relations and forming global value chains. The distribution of power in the world economy looked as follows: the leading role was assigned to the USA and the European Union, while emerging countries (China, Brazil, Russia, and India) played a more modest role. It seemed that this would last forever.

It hasn't been long since we saw the rapid growth of China, India, and Russia, as well as an increase in their share of the global economy. Non-Western transnational corporations are emerging, with new centers for shaping global value chains appearing in Asia. There is no doubt that the USA and the European Union will continue their decline until 2040, while China, India, and other developing countries will boost their economies. These processes will shape the structure of international relations and the world economy.

The US will remain the undisputed leader in terms of per capita GDP dynamics for several decades to come. At the same time, consumption, the middle class, and scientific and technological potential are growing in China and other developing countries, and this trend will transform global value chains.

In terms of aggregate GDP dynamics, the ten BRICS member countries have already surpassed the G7. We see a trend toward the formation of a new bipolarity within the polycentric structure of the economic, political, and potentially military-political world order.

One of the key goals of the Donald Trump administration is to break the economic and technological interdependence between the US and China. The Joe Biden administration has partially succeeded in this in the field of dual-use technologies. However, this task will become increasingly difficult to achieve. The US attempted to use tariffs to pressure China's economy and negotiation position, facing significant internal resistance from American companies that depend on Chinese contractors, manufacturing, and logistics capabilities that link these two giant economies — American and Chinese.

For American high-tech companies, the priority task is to displace China from the most high-margin markets, which offer promising opportunities for further technological and economic development.

The global energy markets are changing dramatically. The US has already formed a long-term strategy. The first goal is to hold a key role in the world oil market, regional gas markets, and the emerging global LNG market in terms of pricing processes. The second goal is to minimize costs for American companies willing to bring production back to the United States or localize it in countries bound to the US through economic, political, and technological alliances. Currently, the United States is betting on India and the countries of Southeast Asia. In terms of LNG consumption, India is a promising market. It has a growing middle class and a population capable of a high level of consumption. India is focused on technological development and needs investment, technology, and partners.

A vital element in the context of new high-tech global value chains is rare earth metals. While China seeks leadership in rare earths, the US strives to expand its presence in these markets.

There are types of resources that, according to IMEMO RAS, are undervalued in terms of their market potential. One of the most important is drinking water. I believe that the dynamics of global drinking water markets will have a profound impact on the world economy. Water can be a commodity that drives a whole complex of production and technologies.

Let's look at what happens in the military-political sphere. Nuclear weapons remain the primary stabilizer of global international security and stability, which restrains leading powers from direct military confrontation. Here are the figures covering all types of warheads, strategic and non-strategic. Until 2026, the limits established for strategic warheads and delivery vehicles for Russia and the US are 1,550 and 700, respectively.

However, once the Strategic Arms Limitation Treaty expires, we might see a possible increase in delivery vehicles, as the US focuses on the dual deterrence of Russia and China. No matter how hard it tries to delegate the task of deterring Russia and China to its European allies by strengthening Asian allies, the United States will have to bear a significant burden. Donald Trump's entourage understands that the task of dual deterrence set by the Joe Biden administration may be impossible to fulfill and fraught with long-term risks. However, most importantly, it leads to the rapprochement of military and political positions between Russia and China, which will be a strategic challenge for the US. We see a steady growth dynamic in the military expenditures of the European Union, the UK, and Japan, with an arms race unfolding in the Asia-Pacific region. And this is the reality we will have to live in.

Competition between China and the US in the military-technological sphere will increase in the following areas: intercontinental and orbital missile systems, including those with hypersonic glide vehicles; medium-range ballistic missiles

(ground, sea, and air-based) with conventional and nuclear warheads; subsonic and supersonic high-precision systems (ground, sea, and air-based), including with nuclear warheads; hypersonic boost-glide systems with nuclear and conventional warheads; remotely piloted maritime strike aircraft; new space reconnaissance and anti-satellite systems; and, of course, next-generation naval equipment, because the struggle will take place in the Pacific Ocean.

We will have to live in such a tense, fiercely competitive international environment. We're used to it, but it won't be easy.

Community of Common Destiny for China and Russia

Wen: Thank you for inviting me to speak again at this significant platform and share my views on the prospects for Russia-China cooperation, as well as my ideas about the future development of intelligent technologies.

As is known, in the third decade of the 21st century, the world is rapidly entering the era of intelligent technologies, defined by the development of artificial intelligence, big data, and automation. The rapid rise of China and its technological breakthroughs are shattering the long-standing monopoly of the West, and particularly the United States, in high technology, opening up new paths to technological independence and sustainable development for the entire world, especially for countries outside the West.

Regarding Russia, China's rise does not pose a competitive threat to it but creates unprecedented development opportunities and new prospects for bilateral China-Russia cooperation.

Therefore, the key thesis of my presentation is this: the Community of Common Destiny for China and Russia is not merely a political slogan, but a strategic blueprint for scientific and technological development. Russia's support for China's growth will inevitably guarantee the former's technological breakthroughs and national revival. That's why I urge Russian scientists, government agencies, and business representatives to seize the golden window of opportunity offered by China-Russia cooperation to shape the future of non-Western technologies. Let's speak further on this topic.

The development of the global competitive environment in science and technology is undergoing a massive transformation — a shift from Western dominance to a multipolar model, which undoubtedly represents a historical chance for China and Russia.

Over the last decade alone, global baseline investment in AI has increased from \$8 billion in 2014 to \$110 billion in 2024. In 2023, China's public investment in quantum technologies reached \$15.3 billion — more than any other country in the world. In 2024,

five Chinese companies entered the list of the top 50 organizations by R&D investment, gradually dismantling the established system of American dominance.

Globally, various regional technological alliances are actively forming around the world: BRICS, ASEAN, and other non-Western players are strengthening their own innovation ecosystems through joint R&D and the development of common standards, creating a more just and open structure for international technological governance and contributing to the establishment of a global multipolar technological order.

Over the past 20 years, the number of joint publications by scientists from BRICS countries has steadily grown, currently exceeding 15,000 articles per year, demonstrating the emergence of a new foundation for global scientific and technological innovation.

At the same time, polarization and the exacerbation of technological competition are occurring within Western countries. Tensions and conflicts between the US and the EU over digital taxes and export controls on electronic components are undermining their coordination. China's rapid advancement in intelligent technologies causes structural changes to the global picture, accelerating de-Westernization and de-Americanization.

I am convinced that deepening cooperation between China and Russia will allow our countries to lead the non-Western world's movement toward achieving technological autonomy and sustainable development in the sphere of intelligent technologies.

The strengthening of China is becoming a stabilizing factor in current global processes of de-Westernization, de-Americanization, and technological diversification, acting as a standard-bearer in reducing dependence on Western industrial technologies and technological platforms.

By stimulating independent innovation and forming an open, inclusive technological ecosystem, China is guiding the global technological landscape toward greater fairness and multipolarity.

The "Made in China 2025" program has significantly reduced external dependence in many areas and contributed to global technological multipolarity through technology exports and regional cooperation. The Chinese space station (Tiangong), the quantum computer (the Zuchongzhi series), the deep-sea energy platform (Deep Sea One), and other projects have become world leaders in de-Westernization.

More specifically, China has achieved significant autonomy in areas such as rail transport, energy equipment, agricultural machinery, and other sectors, eliminating import dependence and securing technological leadership. The country has achieved a degree of global competitiveness in marine engineering equipment, information technology, CNC machine tools, and electric vehicles.

In some areas, such as new materials and biomedicine, some dependence on foreign investment and imports remains, but there is also significant potential for technological innovation.

China's vast engineering workforce and innovation ecosystem have become a key driver of de-Westernization. The country employs almost 20 million engineers, and the number of active invention patents has exceeded 4 million.

In 2024, Chinese universities graduated about 4.7 million specialists in STEM disciplines (Science, Technology, Engineering, Mathematics) — a world record. Many companies, such as Huawei and DJI, have been able to withstand sanctions thanks to their proprietary developments. Today, they set global standards in 5G and artificial intelligence. Their unique experience in creating independent technologies can provide Russia with valuable lessons and development guidelines.

For non-Western countries, China has become a new partner in technological development, capable of completely replacing Western involvement. The scale of the Chinese market has significant geopolitical implications for the export of Russian resources, energy, and technology. High-tech cooperation between China and Russia could boost the modernization of Russian industry.

China and Russia can act as synchronizers in the global governance system, jointly counter unilateral actions, promote a fair and inclusive world order, and together oppose technological hegemony and economic sanctions.

In the face of technological monopoly and institutional barriers controlled by the West, China and Russia, as growing powers, confront unprecedented common challenges and gain new opportunities for cooperation.

Between 2022 and 2024, the total number of sanctions and restrictions imposed against Russia by major countries reached 15,628, with the US accounting for about 3,500, which forced Russia to focus on greater autonomy, independence, and production manageability. Russia has accelerated import substitution in areas such as the radio-electronic industry, software development, and digital infrastructure, created numerous industrial competence centers and systemic software development centers, and is localizing critical software and industrial solutions.

At this pivotal moment, when the global technological landscape is undergoing reformatting, China and Russia will make a joint contribution to building a more multipolar and fair technological order.

At the theoretical level, China continues to achieve breakthroughs in digital transformation and the application of intelligent technologies, while Russia possesses deep expertise in fundamental science and key algorithms. The technological structures of these two countries are highly complementary.

At the level of industrial cooperation, both China and Russia are at the initial stage of development in areas such as intelligent manufacturing, AI algorithms, robotics, microchip design, and others. At the same time, both countries have the potential for a strategic breakthrough.

From a commercial perspective, China holds advantages in technology implementation and market opportunities. China has world-leading positions in data scale, engineering capabilities, and the maturity of production chains. The country demonstrates outstanding ability for rapid commercialization of products, including chip design, intelligent manufacturing, and AI platforms. China boasts a large number of users, a vast market, and opportunities for technology deployment. In turn, Russia has rich natural resources and a large technological foundation.

The complementary advantages of these two countries create a solid foundation for jointly addressing technological “bottlenecks” and building an independent and manageable scientific and technological system. By deepening industrial cooperation and technological integration, China and Russia have every chance of forming a future-oriented strategic community of innovation in intelligent technologies.

Given technological hegemony and external blockade, China-Russia scientific and technical cooperation is not just becoming a strategic choice but also requires a focus on practical implementation and effectiveness. In this context, the institutionalization of cooperation through the creation of specific mechanisms, projects, and platforms is essential to deepen interaction and enhance its sustainability.

In this regard, I would like to propose the following initiatives: First, China and Russia should initiate the creation of a “Scientific and Technological Alliance of Developing Countries.”

China and Russia need to establish a global system for joint R&D and industrial cooperation in areas such as AI chips, operating systems, drone technologies, renewable energy, etc. This system will contribute to the establishment of a new global technological order where the leading role belongs to emerging economies and amplify the voice and innovative potential of developing countries in advanced technologies and scientific research.

Second, China and Russia should jointly develop a de-Americanized system of technical standards in AI ethics and intelligent manufacturing. Such a step will help create an open, fair, and inclusive global regulatory order in science and technology, enhancing the institutional influence and strategic autonomy of Global South countries in key technological areas.

Currently, the global standards system is primarily under the control of several Western organizations, such as European Standards (EN), International Electrotechnical Commission (IEC), International Organization for Standardization (ISO), and International Telecommunication Union (ITU). Our countries must actively develop an alternative regulations system focused on the needs of developing markets. By creating joint standardization institutes and technical certification platforms, we can strengthen our position and influence in promising areas such as artificial intelligence, digital security, and intelligent manufacturing.

Third, China and Russia should establish a joint expert platform on intellectual technologies to form a non-Western system of scientific and technological thought with global influence.

Cooperation between our countries should focus on advanced areas such as AI algorithms, quantum computing, and neuromorphic technologies. At the same time, it is necessary to develop mechanisms for cooperation between universities, research institutes, and businesses, creating transnational laboratories and technology commercialization centers and accelerating the translation of fundamental research into industrial solutions. Regularly holding high-level Chinese-Russian technology forums and youth exchange programs will lay a solid foundation for a long-term strategic scientific and technological partnership.

Fourth, universities and research centers in the two countries should implement joint training programs that combine theoretical preparation with practical skill acquisition.

China and Russia's scientific and technical exchange program will allow young Russian scientists to expand the tech market in China and Chinese researchers to study theoretical disciplines in Russia. At the same time, we must work through organizations like BRICS and the SCO, as well as the Belt and Road Initiative and global development/security programs, to expand our countries' influence in the scientific and technological sphere, jointly promoting an inclusive, open, and fair international network of S&T cooperation, providing countries of the Global South with more public goods for technology exchange and capacity development. China and Russia should also jointly promote regional scientific and technological projects, create pilot projects for multilateral cooperation, and strengthen the institutional influence of the non-Western world in global science and technology governance.

In conclusion, I would like to emphasize that today, China and Russia face common challenges of technological containment and institutional pressure from the West, which objectively creates the necessity for our highly complementary strategic cooperation in science and technology.

Our countries can jointly form a technological chain, from fundamental scientific research to engineering implementation, and create a technological ecosystem and a system of standards oriented toward non-Western countries.

Such cooperation will strengthen the competitive positions of both China and Russia in intelligent technologies and contribute to the formation of a more just, open, and multipolar system of global technological governance.

China's scientific and technological progress brings the world not a new hegemony, but new opportunities. China's technological rise is inclusive and creates the foundation for a mutually beneficial future for both China and Russia. Let us strive for that future together.

Development Factors

Shirov: At MAEF, we typically discuss what academic science can do to substantiate economic policy decisions.

For the first time, perhaps, in both Soviet and Russian history, we are experiencing severe constraints on development in terms of both labor and capital, which means that the requirements for substantiating economic policy, primarily in the areas of demography, labor force, labor productivity, and technological development, are sharply increasing.

Thus, we can identify three requirements for substantiating the existing economic policy. The first is promptness, the second is a multi-level structure, and the third is fundamental depth.

Why promptness? We live in a rapidly changing economy. The model of adaptive development has ceased to function. To prevent the economy from overheating, we must make short-term assessments and use appropriate tools.

Why a multi-level structure? Growth factors in our economy are changing rapidly. Therefore, we need macrostructural intersectoral models for assessments.

Finally, let's talk about fundamental depth. The foundation of our economy consists of long-term factors that are critical for economic growth, i. e., technology and demography. We must generate scientific and technological forecasts, which are interdisciplinary in nature.

The entire range of these tools allows for applied work in substantiating economic policy in the short, medium, and long term.

What factors are hindering Russia's economic growth?

- The labor market deficit restricts production growth and leads to a "wage race" and cost inflation;
- The accelerated growth of defense spending creates a resource deficit for the development of the civilian sector of the economy;

- The risk of balance of payments imbalances under sanction pressure on Russian exports and the continued capital outflow;
- The inability of domestic civilian machine building to ensure the necessary supply of goods for the domestic market;
- The persisting high dependence on imported equipment, combined with a deficit thereof.

Let's discuss the factors that will allow us to develop more or less effectively.

The first factor is demand. Many of my colleagues believe that expanding supply will solve all the problems in our economy. It's not true. The main problem with consumer demand is its conservatism. Although population incomes have grown more than 2.2 times over the last 20 years, the structure of demand remains extremely primitive. The reasons include the accelerating price dynamics for food, housing and utilities, as well as public transport; the low income of a significant portion of the population; and the characteristics of consumer behavior. It is a paradox of Russian consumption that restrains the development of private business in the country. Russia lacks demand for high-quality goods and services, and we need to find a solution to this situation. Therefore, managing demand parameters must be a focus of economic policy.

The second factor is increasing efficiency. We see a drop in the share of machinery and equipment within the structure of fixed capital investment. We can only achieve the necessary growth in production efficiency with a high share of investment in machinery and equipment (at least 40% of total fixed capital investment). There are also problems with labor productivity. Yet, the potential average annual growth rates of labor productivity in some sectors of our economy are 5–6%. Increasing efficiency allows us to overcome the development constraints on both labor and capital that exist in our economy.

The third factor is monetary policy and inflation. High rates of economic growth in our unbalanced economy always imply high inflation. It's because new technologies arrive, changing the proportions of production, income distribution, and prices. But in fact, as our production and economic sectors modernize, core inflation decreases. According to the Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), the inflation rate that would allow us to achieve GDP growth rates of around 3% is between 6 and 8%. That's a realistic target. And, of course, we need to transition to inflation targeting for a period of several years, which will allow us to balance monetary and fiscal policies.

One of the serious challenges to our economy's development is the reduction in exports alongside stable imports. The negative contribution of net exports to GDP is becoming one of the key constraints on Russian economic development. The narrowness of the foreign exchange market creates risks of ruble exchange rate volatility, while the decline in oil and gas revenues requires decisions in fiscal policy. Our task is at least to ensure a non-negative contribution of net exports to the formation of gross domestic product.

Regarding the budget, we have reached a local maximum for budgetary expenditures as a share of our GDP. Further increasing the volume of government spending and the fiscal impulse is impossible due to both the constraints we will face in foreign trade and the impossibility of further increasing taxation, primarily on the corporate sector.

If increasing government spending is impossible, then what should we do? The answer is obvious. If we begin fiscal consolidation, then, of course, we need to move toward a gradual easing of monetary policy. There is no reasonable alternative.

Therefore, a compromise in the financial system is necessary to ensure economic growth: fiscal consolidation coupled with monetary policy easing.

Our Institute of Economic Forecasting has calculated several scenarios. With the easing of sanctions pressure and the implementation of soft monetary and fiscal policies, the maximum growth rate we can achieve is 3%. That's the maximum. And reaching this figure requires flawless monetary policy actions.

I will list eight economic policy directions that will enable the implementation of an optimistic scenario:

- Significantly limiting capital outflows and stabilizing the balance of payments;
- Maintaining a positive contribution of government spending to economic dynamics;
- Reducing the real key rate to 2–3%;
- Restoring the growth rate of the physical volume of non-energy exports to 3–5% per year;
- Implementing a selective policy to limit the share of imports in the domestic market and protect domestic producers;
- Tax and budget incentives for increased investment in the active part of fixed assets (machinery and equipment);
- Ensuring labor productivity growth that outpaces GDP growth;
- Increasing the share of investment loans in the banking sector's portfolio.

Dynkin: Alexander Alexandrovich, I agree with you on many points. I'd add that another reserve for monetary policy maneuvering is the reduction of macroprudential limits. Another, no less important, issue, in my opinion, is the growth of confrontation between the US and China, which could expose our economy to the impact of Chinese dumping. We should discuss this with our Chinese friends.

Investment Impulses Will Drive Growth

Kryukov: My colleagues and I from the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS are confident: large-scale investment impulses lie at the heart of solving many problems in the Russian economy.

I emphasize: this is not about returning to centralized planning. Russia has a vast territory, a rich history, and great potential for forming new types of activity and ensuring progressive development. The key issue is the creation of flexible structures for state regulation and corporate governance.

A few words about the role and place of large-scale investment impulses in solving the country's socioeconomic development problems. What challenges do we face in the eastern part of the country when implementing large projects? It is a lack of demand. Therefore, the question of completing value chains arises.

What are the distinguishing features and potential opportunities of large-scale investment impulses? They allow us to solve problems such as:

- Overcoming the antagonism between the supply-side economy and the demand-side economy;
- Forming modern, interconnected types and spheres of economic activity;
- Creating the foundations for interregional cooperation and interaction;
- Developing mutually beneficial partnerships with large financial and investment groups and conglomerates;
- Raising the qualification level and quality characteristics of labor resources in territories remote from previously formed centers of economic activity.

Global experience shows that large-scale investment impulses have proven their worth. Implementing such a policy requires not only the formation of new activities but also ensuring the preconditions for progressive development, as well as completing and developing value chains. A striking example is the Irkutsk Oil Company in Ust-Kut, which launched a plant for the production

of polyethylene with a capacity of 650,000 tons and the production of reagents for energy storage devices (lithium-ion batteries). It did require government subsidies and the participation of foreign companies, but the fact remains: the northern Irkutsk Region has turned into a powerful hub.

We need procedures for indicative planning and regulation of the processes of forming and developing large-scale investment impulses. Among the essential fiscal policy tools are targeted emissions, tax preferential policies, and pricing along value chains. Our Chinese colleagues have already succeeded in this.

The eternal Russian question: what to do? Analyze the entire chain of studying, creating, and using scientific, technical, and socially significant innovations. Do not just study markets. In many cases, we don't have markets because there can be thousands of kilometers between one element of the value chain and the next, which implies completely different procedures and approaches to management and regulation.

What else should we do? Conduct organizational and economic reengineering within both the sectoral and extended chain of added (social) value. We have prepared work that examines several projects in rare earths, metallurgy, timber, chemistry, and oil and gas chemistry. The highest-value multiplier, of course, comes from chemistry and oil and gas chemistry when transitioning to small-tonnage products. The remaining chains focus on large-tonnage products. We have the financial capacity, but we lack the desire and the policy.

We are proposing and currently developing the so-called South Siberian Conurbation, which is an opportunity for cooperation and integration in the production of high-tech machine-building products in Siberia. Different companies offering different complementary functions. It all primarily concerns the mineral and raw material sector. The principle of “one deposit — one subsoil user — one license” is nonsense. Not any country — neither the US, Australia, nor Norway — has implemented it for a long time. Only Russia does. Moving away from this principle would become a powerful lever for cooperation and combining the potential of different companies. A knowledge-intensive service sector that could serve as an integrator and a solution to many problems. Stimulating the creation of long-term value chains is crucial. The experience of China, where the plan has evolved into a market, is instructive. The key tenet of China's national innovation policy is the focus on impulse integration projects that unite a wide range of structures and ensure high added value. What's the secret of China's success? Apparently, it's because China has a well-established system for planning and integrating government incentives into these processes.

Russia needs to find its own path. The fundamental decisions are known, publicly available, and define the basic approaches to studying, mastering, and developing objects of virtually any complexity. The role of domestic science should be to obtain fundamentally new knowledge that reflects the local and individual characteristics of our country, its culture, and history. Without this, it is impossible not only to gain new knowledge but also to implement projects in various regions of Russia.

Dynkin: That is a very correct idea — we have poorly analyzed the demand for scientific and technical activities. But let me remind you that Russia’s science and technology development strategy enables research institutes to work with qualified customers. And that is a step in the right direction.

I have one more comment. As for China, you have missed one very important factor. A characteristic feature of the Chinese economy is intense competition. For example, competition among Chinese automakers is beyond normal limits. Some leading Chinese auto companies are even building their own maritime car carriers to reduce logistics costs.

Five Tasks for Industrial Policy

Prokofiev: The topic of my presentation is the new industrial policy and its role in neo-industrial development.

In our view, the essence of neo-industrial policy is the transformation of the global production and energy base under the influence of scientific and technological changes (the development of digitalization and AI technologies), the energy transition to renewable energy sources, the transformation of the world economic order, and the formation of new production and logistics chains. An advantage will belong to those countries that clearly forecast and implement structural shifts in industry, as well as develop and implement new management models.

In this regard, Russia must solve five key tasks that directly stem from the concept of scientific and technical development and the supply-side economy doctrine announced by the President of the Russian Federation in 2023:

- ◆ Development of sectors and production facilities that generate the highest added value in terms of GDP growth;
- ◆ Ensuring technological security in the field of critical technologies;
- ◆ Achieving technological sovereignty and developing import substitution, forming new technological and logistics chains involving Russian enterprises;
- ◆ Creating high-paying jobs through the multiplicative investment effect;
- ◆ Harmonious spatial development of the Russian economy.

We believe that the experience of China and Korea in implementing reindustrialization policies is most relevant to solving these five tasks.

Scientists at the Financial University under the Government of the Russian Federation have developed a theoretical concept of the cyclical development of key economic sectors and corresponding industrial policy models. The main elements of this concept are:

- Stimulation of priority sectors and production;
- Implementation of an investment policy and an anti-cyclical development policy;
- Integration of industrial policy into spatial development policy.

Thus, forming a supply-side economy and achieving technological and financial sovereignty is a single, comprehensive task. What should be the focus? According to researchers from the Financial University under the Government of the Russian Federation, the focus should primarily be on Defense Industrial Complex (DIC) enterprises with dual technology potential. Our estimates suggest that DIC enterprises contribute the most to Russia's innovative development (up to 90% in sectors like aviation, space, and production of optical instruments/electronics; 80–90% in machine building and industrial electronics; up to 50% in medical technology).

Another essential task is developing investment. In the current geopolitical situation, when external markets are closed to Russia, we should expand cooperation with friendly countries. At the Financial University, we are researching the potential of Islamic finance: Islamic banking, capital, and insurance. Partnership investments based on Islamic finance principles have already begun in Russia in regions such as the Republic of Tatarstan and the Chechen Republic. I believe this will significantly expand our access to external borrowing in the investment market.

Today, there is a dissonance between federal, regional, and sectoral support measures for industry and enterprises. These measures, in turn, often do not correlate with the development strategy of a particular macro-region or federal subject. In my opinion, this is the wrong approach: all support measures must be interrelated.

Regarding government support measures, we believe new approaches are needed. Currently, most industrial support measures are subsidies to legal entities. Their distribution technologies are not always transparent, and their effectiveness is seriously questionable. We believe that support measures such as Investment Protection and Promotion Agreements (IPPAs) and Special Investment Contracts (SPIC) should be developed. A new instrument recently entered into force: infrastructure treasury loans, which clearly link the loan objectives to usage technologies and implementation results.

In our view, preferential tax regimes should be more widely available. While the regimes for Special Economic Zones (SEZs) are well-developed, the Territories of Advanced Development (TADs), currently concentrated primarily in the Far East, could be utilized more broadly and more systematically in other regions of Russia.

Another effective tool that the Russian Ministry of Finance does not favor is tax deductions and benefits. This mechanism has high potential for expanding investment in fixed assets through a company's own production funds. To support the development of the aviation and shipbuilding industries, direct payments for the investment component should be widely applied using development institutions funded by the National Wealth Fund.

Dynkin: I think it's an interesting perspective on changing approaches to industrial support. Our preferential lending rate for accredited IT companies is up to 3%. The result is evident.

Healthcare: Problems and Finances

Starodubov: One of Russia's key national development goals is preserving the population, improving health and well-being, and supporting families.

A little backstory. Despite the severe economic consequences of the anti-alcohol campaign in the late 1980s, it proved to be very effective since life expectancy reached 72 years. In modern Russia, we only achieved this figure 25 years later.

In the mid-1990s, the natural population decline in Russia was 800,000–900,000 people (the excess of deaths over births).

In the early 2000s, Russian President Vladimir Putin signed the decree “On the Approval of the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025.” After that, the country's demographic situation began to improve. Government support measures, such as maternity capital, were introduced. The federal project “Protection of Motherhood and Childhood” appeared. Ten years later, in 2015–2016, we reached the figures we had after the anti-alcohol program.

What do we have today? The population of Russia (including Crimea and Sevastopol, but without new territories) is 148 million. By 2046, Russia's population could increase to 150 million, according to Rosstat's optimistic forecast. The medium forecast says that it might decrease to 139 million, and in the pessimistic scenario, to 131 million.

The Total Fertility Rate in Russia should reach at least 2.1 per woman by 2030. However, even in the optimistic forecast, we will not achieve this figure. We will have a shortage of women of reproductive age by 2046.

Medicine contributes to solving demographic problems. Thanks to reproductive technologies, we had 30,000 additional births per year from 2019 to 2024, which is an increase of 191,500 children over six years. Not much, but it's still a plus, not a minus. We reduced the number of abortions by a third (37%). From 2020 to 2022, 227,000 women refused terminations. It is also the result of the development of the healthcare system and the expansion of social support for women.

The most unfavorable indicator is the population mortality rate. Even with the implementation of the medium forecast and a mortality rate of 13.2, we will have a shortage of the working-age population for reproduction.

The high mortality among working-age men is Russia's scourge, which is due to risk factors such as excessive alcohol consumption, smoking, and poor nutrition.

The project currently being implemented in the Russian Federation mitigates some of the negative processes, but, unfortunately, it cannot fundamentally solve the problem. The potential for mortality reduction associated with the development of healthcare technologies is insufficient to achieve the national goal by 2030, so we need a systemic influence on people's lifestyles by mitigating risk factors.

Over the last 10 years, the state has made efforts to combat alcoholism and smoking. Alcohol consumption has decreased by 2 liters of ethanol per person per year, and the share of Russians who smoke has dropped by 10%. However, the problem with nutrition remains. Almost 25% of Russians are overweight. Unfortunately, the impact of this factor is growing. If we don't promote proper nutrition, we will face an obesity epidemic and related cardiovascular pathologies and diabetes.

And a few words about the structure of the key sources of healthcare financing in 2019–2024: two-thirds (67%) are state expenditures, and one-third is household expenditures on paid medical services and medicines. This structure has remained unchanged for the last 30 years.

Retail trade in medicines accounts for a significant share (17–20%) of the key sources of healthcare financing. Without a drug insurance system (which we need to implement), senior citizens will spend all the money on housing/utility services and medicines, no matter how high their pensions are. The pharmaceutical market in Russia is growing rapidly, with its volume currently standing at 2 trillion 850 billion rubles. However, domestic producers account for only 845 billion rubles.

Regarding state healthcare expenditures, they grew in 2020–2021 due to the COVID-19 pandemic (up to 5.6% of GDP). Currently, this figure is 4.4% of GDP. In the US, it is 17% of GDP, and in the EU, it ranges from 10% to 13% of GDP.

Another major problem is that the wages of mid-level medical personnel are five times lower than those of doctors, which causes a staff shortage in healthcare. We need to ensure that people receive equal pay for equal work, not only in healthcare but across the entire social sphere. Figuratively speaking, doctors in Moscow should not earn less than teachers and social workers. The Russian President has raised this issue, but we are afraid to approach its solution because it will require significant financial resources.

Arctic Development Driver

Bortnikov: Speaking of the Arctic zone, Russia accounts for 4.8 million square kilometers, home to 2% of the Russian population. The Arctic accounts for 11% of national income and 22% of Russia's total exports. The Russian Arctic zone contains numerous deposits, many of which remain undeveloped, with almost all strategic metals mined in this territory. If we consider the Arctic's share of global strategic metal production, it accounts for 40% of palladium, 21% of diamonds, and 14% of platinum. Russia accounts for 100% of niobium, tantalum, and zircon, over 95% of cobalt, nickel, palladium, and platinum, about 60% of copper, 37% of gold, and 20% of chromium.

Our largest metal producer is the Norilsk Mining and Industrial Region, which is the world's largest producer of nickel (10%) and palladium (40%), and the fourth-largest producer of platinum. The problem is that almost all high-grade ores are exhausted, leading to a transition to disseminated ores. Consequently, costs increase, the mineral composition of the ores changes, and the need for new technologies arises.

The Kola Peninsula is a unique location, home to the largest deposits of rare metals. The Lovozerskoye deposit produces both titanium and rare earth elements (niobium and tantalum). Russia ranks fourth in the world in rare earth reserves (as recorded on the balance sheet), but in reality, we do not extract many of these reserves.

Another problem is that our deposits do not contain the rare earth elements we would like to have. Our deposits are rich in light rare earth elements, while magnet production requires heavy rare earth elements (neodymium and others).

The prospects for lithium mining in the Arctic zone are related to the development of the large Kolmozerskoye deposit. Although there is a domestic technology for extraction, recovery, and enrichment, for some reason, we are purchasing Chinese technologies developed in Novosibirsk and Krasnoyarsk.

The Arctic zone is home to two large diamond-bearing provinces: Yakutian and Arkhangelsk, with 47 deposits in Yakutia.

The Tomtor deposit contains the world's finest rare earth metal ores. Essentially, we are dealing with a concentrate. But there's another problem: underdeveloped infrastructure and high radioactive element content in the ores.

Chukotka contains gold and silver, with mining prospects currently linked to the development of the large Peschanka deposit.

The Arctic zone of the Russian Federation contains many deposits, and we need to involve them in production, extraction, and development. We could also discover new deposits here, but this requires new research methods because it's a so-called closed zone (there are no outcrops). We are working to solve this problem.

In conclusion, I would like to say that the Arctic zone of the Russian Federation contains deposits of strategic metals that are unique in their reserves and diversity, capable of ensuring the development of high-tech production, the country's economy, and its national security for many decades to come.

It's crucial to note that the door to this treasure trove is only slightly open, with its resources far from being fully utilized, primarily because there is no demand from industry.

Moscow Consensus

Titov: The structure of the world economy is changing. What current processes will determine the future of the world economy? First and foremost, it's a scientific and technological progress. We stand on the threshold of a new technological era, and the two key technologies that will fundamentally change many industries are artificial intelligence and quantum computing. Quantum computers can perform calculations billions of times faster than any modern computer. Quantum computing, combined with artificial intelligence, will impact the world economy, enabling a transition from the chaotic nature of a competitive market to algorithmic forecasting, which combines data analysis with bottom-up market self-organization. Today, we cannot accurately predict the amount of goods produced. Market competition inevitably leads to overproduction in some sectors and underproduction in others, resulting in significantly increased prices. However, new technologies will enable market forecasting and modeling, which will transform the global economy.

Indicative planning and demand modeling will become a key trend in the near future.

Recently, the Russian government decided to build a supply-side economy. We, however, recommend moving from a supply-side economy to a demand-side economy that models and stimulates demand. The key principles of a demand-side economy are:

- ◆ **Forecasting and stimulating demand**, as well as creating orders for supply, are the main drivers of development.
- ◆ **A shift from goals of quantitative growth to qualitative indicators.** It is the main principle at this stage. Alexander Auzan recently recounted a conversation with a Japanese economist. Auzan asked him, “Why aren’t you developing? You had a strong economic surge at one point, and then stagnation.” The Japanese economist replied, “Why should we? We achieved what we wanted back then. We have a stable economy that meets all the needs of our population. Why continue to grow quantitatively?”
- ◆ **A shift from the goal of profit maximization to indicators of growth** and responsible distribution of state income. We need to switch from profit maximization as the primary goal of a market economy toward qualitative indicators, which involves sustainable and effective market growth based on rising demand.
- ◆ **Improving the effectiveness of public administration** through digital platforms.

Our goal is a well-developed, moderate-income society. The key KPI is increasing incomes and reducing inequality. The driving force behind development is not low production costs, but growing domestic demand from the population, businesses, and the government.

What could be the sources of demand growth?

1. Job upgrades. Our citizens should receive high-paying, and therefore high-productivity, jobs through the development of education and science.
2. Broad subsidies for consumer loans (mortgages, cars, domestic goods). China has launched a massive demand-stimulation program: the state pays for half of the gadgets Chinese citizens buy.
3. Social payments and benefits. The development of artificial intelligence technologies could lead to unemployment, primarily affecting young specialists with higher education. Therefore, we must provide a social safety net for them. It is worth revisiting the issue of introducing a universal basic income, which concerns not only Russia but other countries worldwide.

What are the risks of stimulating demand?

1. Increased inflation. We must abandon raising the key rate as an anti-inflation tool and stimulate the expansion of domestic goods and services supply through affordable loans for producers and investment resources. Today's prices are not high because demand is high, but because the cost of products is increasing due to high interest rates.
2. Increased imports. We should increase the supply of domestic products and protect the domestic market.

What are the ways to expand supply? The first way is to support national champions — companies with significant growth potential in foreign markets. These are both private and state-owned companies, which could yield quick results. The second way is to ensure a free and competitive market, developing the economy of simple goods and services.

The essential point is strict antitrust legislation. We believe that “national champion” companies should operate in a single sector and not monopolize adjacent ones, with their limited expansion into other sectors. The limit for participation of large businesses in non-core sectors should be 5–25%.

We have named our program the “Moscow Consensus” — a consensus among the three key actors in society (the state, business, and the people).

Demography: Challenges and Solutions

Bakhtizin: The Central Economics and Mathematics Institute (CEMI RAS), together with the Federal Guard Service of the Russian Federation and the D. I. Mendeleev Institute for Demographic Policy, has developed a methodology for estimating a country's National Power Index.

Why are we engaged in this issue? Not only to compare countries by their level of power and socioeconomic development, but also to identify the factors that determine the stability of socioeconomic systems, competitive advantages, potential growth points, and development problems of Russia and other countries.

Demographic indicators are of utmost importance to us as the basis for any socioeconomic system.

We measured the demographic potential of countries through a wide range of indicators: population size, total fertility rate, life expectancy, share of the working-age population, share of migrants, etc. Using various methods (entropy weighting, principal components, inter-criteria correlation), we identified the factors that most contribute to the demographic potential of a nation.

The most significant factors influencing a nation's demographic potential include population size (50%) and the share of migrants (24.6%).

Regarding migration, Russia is a unique country. On the one hand, we are among the top ten donor countries of international migration, and on the other, among the top ten recipient countries of international migration. But this exchange with the world is unequal. Highly qualified labor leaves Russia, while immigrants from CIS countries (almost 88%) arrive, with only 8% of them having a higher education. Thus, this unequal exchange erodes the demographic potential we measured.

There are numerous studies assessing the economic consequences of migration inflow, with no single opinion on this issue. For example, according to IMF estimates, increased migration contributes to economic growth: a 1% increase in migrant inflow relative to total employment promotes a 1% increase in output after five years. In the US, they believe that not all migrants are equal. The Manhattan Institute calculated that an average migrant without a college degree and those who move to the US after age 55 cause an average economic loss of approximately \$400,000 over their lifetime, while a migrant under 35 with a graduate degree reduces the average budget deficit by more than \$1 million. It's especially noteworthy that the US "skims the cream" by setting strict filters for the migration flow and receiving the best professionals from around the world, while investing virtually no money in their education. According to European institutions, unqualified migrants from Africa and Asia cause economic damage, while increased migration from European and North American countries, respectively, favorably affects the economic system.

Why is this so important? According to forecasts, by the middle of the 21st century, migrants will replace 50% of the native population in European countries.

According to CEMI RAS calculations, by the end of the 21st century, first and subsequent waves of migrants will constitute up to 40% of the total Russian population.

Therefore, the efforts of government bodies must be aimed not only at solving problems related to increasing the birth rate and reducing mortality, but also, to a large extent, at maintaining the health and development of the native population.

Negative demographic trends include a decline in the working-age population and the increasing share of the population over 65. These trends lead to unpopular policy decisions in most countries, such as increasing taxes, raising the retirement age, reducing social benefits, and addressing depopulation and labor shortages through increased immigration.

In our view, raising the retirement age is unacceptable, given that life expectancy after retirement in Russia is very low.

CEMI RAS scientists also assessed the effectiveness of measures to increase the birth rate to achieve a total fertility rate of 1.6 and 1.8. It turned out that the most effective measure is financial incentives (maternity capital, stable monthly allowances indexed to the growth of prices for basic consumer goods). These are investments in the future that will create the foundation for population growth. Therefore, we believe that financial stimulation of the birth rate must be the basis of demographic policy.

Towards an Innovative Model

Klepach: I will talk about the transition to an innovative model. In short, it was supposed to happen by 2020, but it didn't.

From 2011 to 2013, R&D expenditures in Russia stagnated, having slightly declined. Meanwhile, our gap with the rest of the world widened. Starting from 2018–2019, virtually all leading countries, including China and the US, significantly increased their R&D expenditures.

The gap between the leading countries (the US, Germany, Japan, and South Korea) and the rest of the world in terms of accumulated R&D spending per researcher is clear. As to the number of researchers, Russia is among the top six countries, but as to spending per researcher (in constant PPP prices), it lags behind not only the leading countries (the gap with the US is threefold) but also the catching-up countries (the gap with Germany and Japan is two to two and a half times).

Nevertheless, science represents a complete scientific and technological complex. Despite all our problems, there are positive trends: according to Rosstat, the share of high- and medium-tech industries in the production of value added is growing. In 2024, the scientific and technological complex produced 14% of GDP, compared to 12% in 2012.

The role of Russia's scientific and technological complex is growing, but its development is unbalanced. We observe accelerated growth in machine building and ICT, while science and education are stagnating. The Russian scientific sector has become more industrially oriented, but the share of science (research and development) in the total gross value added has remained unchanged. Compared to other countries in terms of the contribution of science (high- and medium-tech activities) to value added, Russia is lagging behind by approximately 1.3–1.9 times.

We won't reach 2% of R&D expenditure by 2030, but there will be positive dynamics. Based on current trends, the current economic model is unlikely to become innovative by 2030.

Industrial growth in Russia occurred due to a powerful surge in the Defense Industrial Complex (DIC) and industries supporting it (food and textile industries, oil refining, etc.). Currently, the DIC is the key driver of these knowledge-intensive technologies. According to forecasts, there will be a sharp deceleration of DIC growth starting from 2026 — that is, the military component of our technological development. The question arises: can we compensate for this with civilian industries? It's a serious challenge, as we risk losing the momentum gained through the DIC.

Another essential issue is the competitiveness of salaries in science. The decline in the number of people employed in the science sector organizations stopped after 2022, but the reduction in research staff continued. The implementation of the presidential decree led to a sharp increase in research staff salaries as early as 2018. However, after 2022, their growth began to lag behind wage growth in the economy and barely reached the target of 200% of the average regional wage established in the decree. Salaries rose sharply thanks to the defense industry, but not in the public sector or science funding.

Rosstat's publications on monitoring the decree's implementation, which ceased in the middle of last year, revealed a wide regional dispersion in scientific staff payments. Thus, despite the high pay rates in Moscow and St. Petersburg, where almost 50% of scientific personnel work, they did not reach the target of 200% of the average regional wage established in the decree. That does not mean that all scientists in Moscow and St. Petersburg need pay raises. It suggests that the inequality between regions is hard to defeat, which is a question not only for the budget but also for the current spatial development model for the entire economy and the high-tech, knowledge-intensive sector. Returning to the budget, it appears we should expect a reduction in science expenditures in real terms. Obviously, budget parameters will change, meaning we cannot plan anything even for the medium term (3–4 years). And that's a big problem. Without long-term planning for scientific and technological activities, there will be no breakthroughs.

Today, science funding from the federal budget flows through universities. There are positive examples of developing a belt of applied scientific centers and pilot production facilities at universities with strong fundamental science (MIPT, Bauman Moscow State Technical University, SPbPU, and others). However, the primary function of Russian universities remains the educational model. Most universities do not engage in scientific activity or even applied research. The scientific and infrastructural potential of universities does not allow them to be considered leading integrators of fundamental and applied science.

We have yet to solve the task of creating balanced consortia and national laboratories.

Regarding the contribution of science to economic growth, according to our preliminary estimates, in the optimistic forecast, up to a third of long-term GDP growth is determined by increased R&D spending, along with increased spending on education and the development of experimental and scientific facilities.

For many of us, science is a vocation that cannot be measured. It is probably what sustains our scientific and technological activity, but dedication to science cannot endlessly compensate for underfunding and the lack of long-term horizons.

Education for All

Smolin: I am not an economist, but rather a sociologist. I will express an exclusively personal point of view on educational policy issues in connection with the forecast of personnel needs in the Russian Federation.

First point. Everyone knows that the country is facing a severe personnel deficit. According to various estimates, the labor shortage in Russia ranges from 1.5 million to 4–5 million workers. Meanwhile, 75% of RSPP members stated that the main problem now is the personnel shortage.

According to the Ministry of Labor forecast, by 2030, the labor market will need only 30% of employees with higher education and 70% with secondary vocational education.

In recent years, the production of industrial robots in Russia has increased. While we previously had six robots per 10,000 people, we now have 19. For comparison, South Korea has 1,012 robots per 10,000 people. So what do we really need — the preservation of manual labor or the development of scientific and technological progress?

Second point. Recently, the State Duma of the Russian Federation adopted a series of laws aimed at ensuring the personnel forecast I just mentioned. These documents restrict access to education for some categories of citizens through the Unified State Exam system.

We conditionally name the first law the “law on doubling the Unified State Exam.” This document suggests that from now on, only graduates of secondary vocational institutions who continue their education in their chosen field will be able to enter universities through internal exams (without the USE). However, about half of all students who graduate from secondary vocational institutions enter a higher education institution outside their field of study, which could cause problems. Not to mention that this limits access to higher education for those receiving secondary vocational education

as part of blue-collar training — these students hardly have access to tutors. Previously, this system was a social elevator; so people like Sergey Korolev, Igor Kurchatov, Viktor Chernomyrdin, and Yuri Gagarin passed through it. Now, it's a dead end.

In my opinion, this law will only slightly increase the number of workers but decrease the number of potential engineers, as it restricts opportunities for continuing engineering education for those graduating from a secondary vocational institution.

The second law is conditionally referred to as the “Cook’s children law” (a reference to the Tsarist era) because it allows three regions to select young people for the 10th grade not on a general basis using the average certificate score, as stipulated in the current education law, but based on the results of the OGE (Basic State Exam). Thus, the OGE is not just a system for assessing knowledge but a pass to the next level of education. In my opinion, this system reduces the potential number of engineering students because if you enter secondary vocational education to become a blue-collar worker, you will likely be unable to enter engineering specialties.

They say that the Unified State Exam allows young people from small villages to enroll in Moscow universities. Such cases do occur, of course. But no one considers how many talents the Unified State Exam has wasted in rural areas, where there are not always good school teachers for physics, chemistry, and biology.

I believe that we shouldn’t resort to measures that restrict access to education, so we need real incentives. After all, in the USSR, students in the secondary vocational education system received scholarships, just like those in universities, and were provided with free meals and education. It was a social elevator. Another example: scholarships at engineering universities were significantly higher than those at humanities institutions. I am convinced that knowledge should be accessible to all. Incentives (the carrot) in educational policy are much more effective than restrictions (the stick).

Bodrunov: I would like to raise another issue: many eleventh-graders of draft age receive call-up papers and do not have time to apply to universities. Our legislators should pay attention to this. We risk losing many talented young people who could strengthen the Russian economy.

New Forms of Science Organization

Romanovskaya: I am a representative of the natural sciences, not an economist, and I would like to discuss the effectiveness of scientific research management in Russia. How effectively does the science organization system work?

As an example of this new form of science organization, I'll use the Key Innovative Project of National Significance (VIP GZ) on climate.

The project is structured "top-down." Our researchers propose most scientific research projects themselves. Thus, the country supports a large number of small-scale, local projects similar in subject matter and expected outcomes. As a result, we spend large sums of money on science, but the results remain small.

The Key Innovative Project on climate has a different structure. The request for a scientific solution came from decision-makers. In response, 10 leading climate scientists developed a project concept, within which they selected contractors for specific tasks.

There were six large scientific consortia, employing a team of more than 50 scientific organizations from the Russian Academy of Sciences (RAS) and Roshydromet. Essentially, it is the equivalent of six world-class scientific centers, with a free exchange of data between their scientific teams, which eliminated competition for small grants with local, methodologically incomparable results.

Developed by world-renowned scientists, the project concept ensured the global standard of methodological approaches and data obtained. Moreover, it is not a one-time scientific study but a system of constant monitoring that will provide answers to any questions from authorities.

Another feature of this project is close communication between scientists and officials, with constant control from functional clients (ministries and departments). We speak different languages. And this project demonstrates that such communication is essential.

Briefly about the project. The officials' request was: how to structure the country's climate policy, how stringent requirements for greenhouse gas emissions should be, and how much money to invest in adaptation to climate change. To answer these questions, one needs to clearly understand what is happening now (causes and observed climate changes) and what will happen (expected net emissions and climate changes, as well as consequences for the economy and population).

The project structure is complex. To put it simply, the six consortia are subordinate to the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS), which receives all data and generates answers to officials' questions.

The first stage of the project ended in 2024. It lasted three years. The second stage will run from 2026 to 2030.

Based on the results of the first stage, we can conclude that the Key Innovative Project of National Significance (VIP GZ) on climate is a project of technological and scientific leadership. And for our officials, it is a project of political leadership. The sovereign climate data that the project began generating allows us to show significant results.

Technology companies and the government must be the clients for scientific research. Let me repeat: scientists and officials generally speak different languages, but we need to learn to communicate with each other.

Projects built on the “top-down” principle minimize potential duplication of effort. The breakthrough climatic results of the first stage are equivalent to saving budget funds totaling about 4 trillion rubles. The efficiency per ruble invested will be approximately 312 rubles.

Economic Growth Policy

Golovnin: My report focuses on the role of Central Bank policy in ensuring Russia’s dynamic economic development. For those who have forgotten, the Central Bank is our mega-regulator, and it is responsible for the development of financial markets.

Regarding the goal of achieving sustainable economic development, the Central Bank believes it solves this problem by controlling inflation. The long-term inflation target is 4%. The main tools the Central Bank uses to ensure price stability are the key interest rate and communications.

Another task of the Central Bank is maintaining the floating exchange rate regime as a stabilizer against external shocks. Additionally, the Central Bank is engaged in developing and strengthening the banking system and financial markets, ensuring economic stability.

Macroprudential policy plays a significant role here. However, our Central Bank emphasizes that it uses currency restrictions and exchange rate regulation to ensure financial stability, and not for other purposes.

The next task of the Central Bank is to ensure the stability and development of the national payment system.

External challenges for the Russian economy include the high level of sanction pressure and the uncertain prospects for its change, the risks of increasing fragmentation processes in the global economy (linked to the trade policy of the Donald Trump administration), the possible decline in economic growth rates and acceleration of inflation in the global economy, and the volatility of price dynamics in key global commodity markets.

To discuss prospects, let’s try to evaluate the results of the Central Bank’s policy in overcoming external challenges.

Firstly, the tightening of monetary policy took place in two stages. The first stage was a short-term increase in the interest rate supported by bank liquidity and the easing of macroprudential restrictions. That was a response to the external shock in 2022. The second round involved an overreaction — the growth of the key rate in real terms.

For the first time in the history of 21st-century crises, the Central Bank used currency restrictions to recover from the consequences. It applied currency regulation (partial sale of export currency revenue and restrictions on capital outflow), as well as used the fiscal rule and mirroring operations to regulate the exchange rate.

If we look at Russia's average GDP growth rates after each crisis, we see that the 2022–2024 period was the most favorable (2.3%). For comparison, average GDP growth was 0.9% for 2014–2019 and 1.5% for 2020–2021. The main contribution to this result came primarily from fiscal policy.

The Central Bank's policy also focuses on supporting savings. Investment and savings levels are relatively high, but we do not observe a significant increase. The exchange rate in Russia is highly volatile, largely dependent on trade flows and capital movement. Inflation has stabilized at about 10% year-on-year, but they promise a reduction. Nevertheless, the monetization of our economy is growing. In early 2024, the rate of credit growth began to slow down.

A few words about our proposals for improving Central Bank policy.

If inflation targeting is a sacred cow for us, then we should at least consider flexible inflation targeting implemented by all emerging market countries.

Measures to stimulate economic growth must correspond with fiscal policy. It's necessary to build a system of development institutions whose goals will include ensuring the structural transformation of the economy and achieving technological leadership.

We need measures aimed at financing the structural transformation of the economy. And here the Central Bank could prove itself: for example, by introducing macroprudential relaxations for projects that operate in the key areas of structural economic transformation, as well as measures to support investment in domestic financial instruments (also considering structural priorities).

And, of course, there is the mega-task of creating a market for targeted government (project, infrastructure) bonds and rebuilding the financial market based on national capital.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ОТ АДАПТАЦИИ К ЛИДЕРСТВУ

Осенью 2024 года под эгидой Вольного экономического общества России во многих регионах страны и на федеральном уровне состоялись многочисленные научные и экспертные обсуждения, посвященные вопросам перехода от адаптационной к инновационной экономике. Консолидированная позиция экспертов ВЭО России по актуальным вопросам национальной повестки, ключевым развилкам текущей экономической политики вошла в итоговый научный доклад. По поручению Президиума ВЭО России директор ИНП РАН Александр Широв представил его на Всероссийском экономическом собрании, посвященном Дню экономиста.

Организатор Всероссийского экономического собрания: Вольное экономическое общество России

*Александр Широв,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России*

Вольное экономическое общество России стало важной площадкой, на которой происходит обсуждение ключевых вопросов экономической повестки. В 2024 году в рамках международного Московского академического экономического форума (МАЭФ), Абалкинских чтений и других мероприятий ВЭО России последовательно рассматривались следующие темы: пути развития российской экономики; мировое экономическое положение; вопросы пространственного развития России; бюджетная политика — выбор приоритетов; развитие экономики в 2024–2025 годах. Все эти темы находятся в фокусе внимания правительства.

И поэтому мнение представителей экспертного сообщества по текущей экономической ситуации в России, транслируемое органам власти, — это, как правило, результат довольно длительных дискуссий и комплексных расчетов, которые выполняются во многих институтах и университетах. И это, безусловно, общий результат активной работы экономистов нашей страны, нашедший отражение в документах стратегического характера.

В 2024 году российская экономика перешла определенный рубеж: бурный экономический рост, который начался в нашей экономике примерно в июле — августе 2022 года, подошел к концу. Начиная с лета 2024 года темпы роста стали замедляться. Причины — ограничения по загрузке производственных мощностей, барьеры для внешнеэкономической деятельности, дефицит на рынке труда, жесткая денежно-кредитная политика, высокая база роста, накопленная российской экономикой.

Произошедшее замедление темпов экономического роста — это вызов как для экономической политики, так и для экономического анализа. Требуется определить, что происходит в экономике, почему снижаются параметры экономической и инвестиционной активности и что можно сделать для того, чтобы, несмотря на факторы, которые тормозят экономику, сохранить темпы роста, необходимые для решения тех задач социально-экономического развития страны.

Задача экспертного сообщества также состоит в том, чтобы найти и обосновать комплексные решения, позволяющие не только избежать сокращения темпов роста экономики, но и обеспечить дополнительный импульс для инвестиционной и экономической активности в стране в средне- и долгосрочной перспективе.

Россия остается открытой экономикой, заинтересованной в развитии внешнеэкономических связей. Поэтому важное значение для выстраивания общей экономической стратегии будет играть анализ перспектив развития мировой экономики на ближайшие десятилетия.

Существует большой диапазон сценариев относительно развития мировой экономики и торговли. Однако наиболее вероятные из них, на наш взгляд, связаны с формированием двух или более центров экономической силы при опережающем росте затрат на исследования и разработки в развивающихся странах.

При таком развитии событий у российской экономики появляются дополнительные возможности, которые связаны прежде всего с учетом перераспределения структуры производственных цепочек в условиях регионализации мировой экономики. Одновременно возникают и определенные ограничения, связанные с тем, что по масштабу экономики Россия не может претендовать на статус глобального центра силы. Поэтому возникает запрос на новую внешнеэкономическую стратегию.

Ключевым вопросом становится влияние на экономическое развитие евразийских интеграционных процессов. Необходимо настроить механизмы Союзного государства и ЕАЭС на формирование дополнительной экономической динамики за счет производственной кооперации и трансферта технологий. Это предполагает существенное изменение формата взаимодействий и их настройку на получение дополнительных эффектов прежде всего в области развития производства.

Одним из важнейших направлений дискуссий, которые проходили в 2024 году, стало обсуждение обновленной Стратегии пространственного развития. Экспертное сообщество внесло свой вклад в разработку этого документа. В ходе широкого общественного обсуждения по направлениям пространственной политики было признано, что опора исключительно на агломерации избыточно сужает географию экономического роста и не позволяет нашей экономике решать массу проблем, которые в ней сформировались. С другой стороны, также считается, что неэффективной является попытка абсолютного выравнивания уровня экономической активности по всей территории страны. Выбран вариант, который предполагает поддержку точек роста и расширение географии экономического роста на основе формирования опорных населенных пунктов (ОНП), которых сейчас отобрано более 2 тысяч. Этот вариант пространственной политики является более сбалансированным, что позволяет эффективнее распределить полномочия между федеральным центром и регионами и в целом повысить результативность действий в этой области.

Важно и то, как сейчас формируется стратегия пространственного развития. Она позиционируется не как одна из множества отраслевых стратегий, которые есть у нас в стране, а как неотъемлемый элемент макроэкономической стратегии. То есть значимость Стратегии пространственного развития должна будет подняться в структуре документов стратегического целеполагания. Это означает, что пространственное развитие рассматривается как инструмент формирования дополнительной экономической динамики.

7 мая 2024 года был опубликован новый указ президента Российской Федерации, который дал старт корректировке инструментов достижения стратегических целей развития. В Федеральном бюджете на 2025–2027 годы предполагается финансирование 19 национальных проектов, которые можно сгруппировать по трем ключевым направлениям: демография и социальная политика (3 проекта); поддержка экономики (8 проектов); научно-технологическое развитие (8 проектов).

Сложность формирования новых национальных проектов связана с достаточно жесткими ограничениями, которые сложились в бюджетной системе.

В текущих условиях функционирования экономики расходы на оборону и национальную безопасность, а также на социальную поддержку населения являются абсолютным приоритетом, что предполагает их обязательность как при формировании бюджета, так и в процессе его исполнения. Еще одна трудность связана с тем, что в условиях высоких уровней инфляции и ключевой ставки ограничены возможности финансирования дефицита бюджета за счет внутренних заимствований. В результате объем доступных средств для финансирования национальных проектов в 2025 году составит примерно 6 трлн рублей, или 2,6% от прогнозируемого ВВП на этот год. Оценка мультипликативных эффектов расходов в рамках национальных проектов показывает, что они могут обеспечить формирование примерно 3,5% ВВП в 2025 году. Однако более существенными могут быть лежащие эффекты, связанные с реализацией ряда программ в сфере технологий, демографии и поддержки экономики.

Жесткость бюджетной конструкции на 2025–2027 годы повышает требования к отбору проектов. Когда существует большой объем запросов на финансирование мероприятий в рамках национальных проектов, важно понимать, какие из них являются приоритетными с точки зрения достижения национальных целей развития. Традиционно принято оценивать эффект таких затрат на ВВП. Но в современных условиях этого уже недостаточно. Для принятия решений

требуются более сложные эффекты, которые связывают между собой экономическую динамику, уровень жизни населения, занятость. То есть то, что непосредственно определяет качество жизни в нашей стране.

В последние годы все явственнее проступают проблемы, характерные скорее для советского периода. Речь идет о согласовании оценок спроса на важнейшие виды ресурсов как на основании запросов бизнеса, так и исходя из оценок потенциала роста и макроэкономической динамики.

Например, если посмотреть на то, как российские компании видят перспективный спрос на труд, то мы увидим, что в соответствии с результатами опросов бизнеса, проводившихся Минтруда РФ, уже к 2030 году занятость должна составить 85 млн человек. Однако очевидно, что ни по демографическим, ни по технологическим причинам такие цифры занятости вряд ли возможны (в 2024 году число занятых составляло примерно 73 тысячи человек) и требуется использовать более совершенную методологию прогнозирования.

Такая же проблема у нас возникает при прогнозировании перевозок на железнодорожном транспорте: прогнозы компаний-грузоотправителей всегда серьезно превышают те оценки, которые можно было бы обосновать исходя из оценок перспектив развития мировой и российской экономики. Аналогичная ситуация в последнее время складывается и с оценкой перспективного спроса на электрическую энергию. Количество заявок предприятий на подключение к объектам генерации завышено. И поэтому важнейшая задача, которая сейчас стоит перед экспертным сообществом, — это поиск механизмов, которые позволяют нам балансировать заявки предприятий с тем, как будет развиваться экономика с учетом не только производственных возможностей, но и ограничений по спросу.

В конечном счете завышенные ожидания по объему перевозок или спросу на электроэнергию выливаются в тарифные решения, которые влияют на финансово-экономические показатели всех секторов экономики и население. В связи с этим экспертное сообщество, в том числе и ВЭО России, должно уделять самое пристальное внимание разработке и обсуждению соответствующей методологии.

Наиболее острым моментом дискуссии в области экономической политики в 2024 году было обсуждение проблем денежно-кредитной политики. И хотя в фокусе внимания была ключевая ставка ЦБ РФ, в финансовой сфере сформировался целый комплекс проблем. Это своеобразный «треугольник», в котором взаимодействуют курс, ставка и параметры бюджета. Эти факторы в решающей степени влияют на параметры инфляции и спроса и в конечном счете определяют экономическую динамику в стране в краткосрочной перспективе.

Бюджетный импульс воздействует на параметры производства в связанных с государством секторах экономики, а также на смежные предприятия, что ведет к увеличению заработных плат и других факторов спроса, влияя на параметры инфляции, для борьбы с которой повышается ключевая ставка. Рост ключевой ставки начинает негативно влиять на расширение предложения, увеличивает сбережения. По мере повышения ключевая ставка создает «навес» ликвидности, потенциально угрожающий финансовой стабильности в случае существенного смягчения денежно-кредитной политики. Формируется негативное воздействие на бюджетную систему, так как при высокой стоимости заимствований значимый дефицит становится невозможным. В то же время рост ставок требует расширения мер поддержки экономики, что в еще большей степени смещает фокус экономической активности в сторону контролируемого государством сектора экономики и снижает совокупный потенциал роста.

Ситуация, сложившаяся в российской экономике во второй половине 2024 года, не имеет простых решений и требует от экспертного сообщества детального обсуждения характера инфляционных процессов и выработки мер по обеспечению макрофинансовой стабильности, позволяющей экономике устойчиво развиваться прежде всего в части расширения предложения на внутреннем рынке.

Ключевой вопрос текущей экономической повестки состоит в возможности обеспечения баланса между макрофинансовой стабильностью и приемлемым для достижения национальных целей развития экономическим ростом.

По-видимому, некоторое замедление темпов роста российской экономики после почти полугодового роста с темпом 3–4% неизбежно. Однако задачи, стоящие перед страной, предполагают даже в период балансировки спроса и предложения сохранение темпов роста не менее 2%. В противном случае возрастают риски вхождения в период длительной стагнации, сопоставимой с тем, что происходило в российской экономике в 2015–2019 годах, потери качества роста и сужения потенциальных возможностей экономики.

Анализ факторов роста показывает, что сохранение приемлемых темпов экономического роста даже в условиях сложившихся краткосрочных ограничений возможно. Но для этого потребуются дополнительные усилия в области экономической политики, прежде всего в координации денежно-кредитной и бюджетной политики, а также эффективное использование тех ограниченных ресурсов, которые направляются на реализацию национальных проектов.

Один из наиболее существенных рисков текущей экономической ситуации состоит в том, что в условиях существенных структурных сдвигов переход к инфляции на уровне таргета в 4% возможен при условии остановки экономического роста. Во всяком случае, об этом говорят расчеты, проводившиеся осенью 2024 года в ИНП РАН.

В связи с этим принципиальный характер будет иметь выбор приоритетов развития экономики. От этого будут зависеть как параметры денежно-кредитной политики, так и требования к бюджетной системе. Например, высокая скорость структурных сдвигов предполагает выработку сценариев постепенного снижения инфляции, учитывающих требования по развитию ключевых секторов российской экономики.

В целом переход от адаптации экономики к новым условиям развития предполагает последовательную реализацию комплексной долгосрочной стратегии развития экономики, что требует скоординированных усилий государственных структур и экспертного сообщества при выборе инструментов управления экономикой. Она значительно изменилась, и требуются новые знания о факторах роста, доступных ресурсах и ее потенциале. То есть та информация, которая позволит принимать наиболее эффективные решения по управлению экономикой.

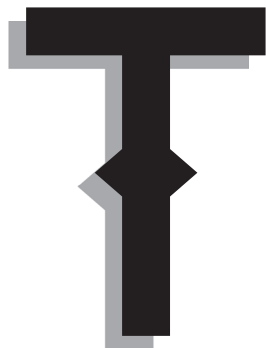
THE RUSSIAN ECONOMY: FROM ADAPTATION TO LEADERSHIP

In the autumn of 2024, numerous scientific and expert discussions focused on the transition from an adaptive to an innovation-driven economy took place across many regions and at the federal level under the auspices of the VEO of Russia. Experts from the VEO of Russia presented their consolidated position on current national issues and major economic policy dilemmas in their final scientific report. At the request of the Presidium of the VEO of Russia, Alexander Shirov, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, presented this report at the All-Russian Economic Assembly dedicated to Economist Day.

Organizer of the All-Russian Economic Assembly: the VEO of Russia

*Alexander Shirov,
Director of the Institute of Economic Forecasting of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

The VEO of Russia has become a crucial platform for discussing key economic issues. In 2024, the VEO of Russia consistently addressed the following topics through events such as the International Moscow Academic Economic Forum (MAEF) and the Abalkin Readings: Russian economic development paths, the global economic situation, Russia's spatial development, budget policy priorities, and economic development for 2024–2025. All of these are a focal point for the government.

Therefore, the opinion of expert community representatives on the current economic situation in Russia, conveyed to the authorities, is typically the result of extensive discussions and complex calculations carried out across many institutes and universities. That's, undoubtedly, a collective outcome of the active work of our country's economists, reflected in strategic documents.

In 2024, the Russian economy crossed a certain threshold: the rapid economic growth that began around July–August 2022 came to an end. Starting in the summer of 2024, growth rates began to slow. The reasons include constraints on production capacity utilization, barriers to foreign economic activity, labor market deficits, tight monetary policy, and a high growth base accumulated by the Russian economy.

The current economic slowdown poses a challenge for both policy effectiveness and analytical capability. It requires determining what is happening in the economy, why economic and investment activity parameters are declining, and what can be done to maintain the growth rates necessary to achieve the country's socioeconomic development goals, despite the factors inhibiting the economy.

The task of the expert community is to find and substantiate comprehensive solutions that not only prevent a slowdown in economic growth but also provide an additional impetus for investment and economic activity in the country in the medium and long term.

Russia remains an open economy interested in developing foreign economic ties. Therefore, analyzing the prospects for global economic development over the coming decades will be crucial for formulating a national economic strategy.

There is a wide range of scenarios for the development of the global economy and trade. However, in our view, the most probable ones involve the formation of two or more centers of economic power alongside the accelerated growth of research and development expenditures in developing countries.

In this scenario, the Russian economy gains additional opportunities, primarily related to the restructuring of production chains amid the regionalization of the world economy. At the same time, Russia's limited economic scale means our country cannot aspire to the status of a global center of power, thereby requiring the formulation of a new foreign economic strategy.

A key question becomes the influence of Eurasian integration processes on economic development. It is essential to fine-tune the mechanisms of the Union State and the EAEU to generate additional economic momentum through production cooperation and technology transfer. Achieving this requires a substantial change in the format of interactions, aiming to secure additional benefits, primarily in production development.

One of the most important discussion points in 2024 was the updated Spatial Development Strategy. The expert community contributed to the development of this document. During the broad public discussion on spatial policy, experts agreed that reliance exclusively on agglomerations excessively narrows the geography of economic growth and prevents our economy from solving numerous existing problems. Conversely, the attempt to completely equalize the level of economic activity across the entire country is also deemed inefficient. The chosen option involves supporting existing growth points and expanding the geography of economic growth through the formation of anchor settlements, of which over 2,000 have now been selected. This spatial policy option is more balanced, allowing for a more effective distribution of powers between the federal center and the regions and generally increasing the effectiveness of actions in this area.

Crucially, the Spatial Development Strategy now positions itself as an integral element of macroeconomic policy rather than a mere sectoral strategy. This reclassification elevates the significance of the Spatial Development Strategy within the structure of strategic goal-setting documents, viewing spatial development as a core tool for generating additional economic momentum.

On May 7, 2024, a new Presidential decree initiated the adjustment of tools for achieving strategic development goals. The Federal Budget for 2025–2027 provides funding for 19 national projects, which fall into three major categories, i.e.: demography and social policy (3 projects), economic support (8 projects), and scientific and technological development (8 projects).

The complexity of forming the new national projects stems from the rather strict constraints within the budget system.

In the current economic environment, expenditures on defense and national security, as well as social support, are absolute priorities, making them obligatory in budget formulation and execution. Another difficulty stems from the limitations on financing the budget deficit through domestic borrowing due to high inflation and key interest rates. As a result, the volume of funds available for financing national projects in 2025 will amount to approximately 6 trillion rubles, or 2.6% of the forecasted GDP for that year. An evaluation of the multiplicative effects of national project spending suggests that it could generate roughly 3.5% of GDP in 2025. However, the lasting effects associated with the implementation of technology, demography, and economic support programs may be more substantial.

A rigid budget structure for 2025–2027 increases the requirements for project selection. With a large volume of funding requests for national project measures, it is vital to understand which are a priority for achieving national development goals. Traditionally, it's common to assess the effect of these expenditures on GDP. However, this is no longer sufficient in modern conditions. Decision-making requires more complex effects that link economic dynamics, living standards, and employment — the factors that directly determine the quality of life in Russia.

Recent years have seen the re-emergence of issues characteristic of the Soviet period, involving the difficulty of coordinating demand estimates for essential resources based on business inquiries and on assessments of growth potential and macroeconomic dynamics.

For example, surveys by the Ministry of Labor indicate that Russian companies forecast employment reaching 85 million people by 2030 when projecting future labor demand. However, it is evident that such employment figures are unlikely for both demographic and technological reasons (employment in 2024 was approximately 73 million people), so a more sophisticated forecasting methodology is needed.

A similar problem arises when forecasting railway transport volumes: the forecasts from freight companies consistently and seriously exceed the estimates that rely on prospects for global and Russian economic development. Prospective demand for electrical energy faces a similar issue: the number of enterprise applications to connect to generation facilities is inflated. Therefore, a critical task currently facing the expert community is to find mechanisms that allow us to balance enterprise applications with the expected economic trajectory, considering not only production capabilities but also demand constraints.

Ultimately, exaggerated expectations regarding transport volumes or electricity demand translate into tariff decisions that impact the financial and economic performance of all sectors of the economy and the public. In this regard, the expert community, including the VEO of Russia, must pay the closest attention to developing and discussing the relevant methodology.

The most pressing issue in the economic policy debate in 2024 was the discussion of monetary policy. Although the key focus was the Central Bank of Russia's key interest rate, a complex set of problems has formed in the financial sphere. It is a unique "triangle" in which the exchange rate, the interest rate, and budget parameters interact. These factors critically influence inflation and demand parameters, thereby shaping the country's short-term economic dynamics.

The budgetary impulse affects production parameters in government-related economic sectors and associated enterprises, leading to higher wages and other demand factors, influencing the inflation combated by raising the key rate. The rise in the key rate begins to constrain the expansion of supply while simultaneously driving up savings. As it rises, the key rate creates a liquidity "overhang," which potentially threatens financial stability in the event of a significant easing of monetary policy. The budget system comes under strain because a large deficit becomes impossible with high borrowing costs. At the same time, rising interest rates necessitate expanded economic support measures, thereby further shifting the focus of economic activity toward the state-controlled sector and reducing the overall growth potential.

The Russian economy in the second half of 2024 faces complex challenges with no simple remedies, which requires the expert community to analyze the nature of inflation and develop measures to ensure macro-financial stability. The ultimate goal is to facilitate sustainable development, primarily by expanding domestic supply.

The key issue on the current economic agenda is to ensure a balance between macro-financial stability and economic growth sufficient to meet national development goals.

It appears that some slowdown in the Russian economy is inevitable after nearly a year and a half of 3–4% growth. However, the country's objectives dictate maintaining a growth rate of at least 2% even during the period of balancing supply and demand. Otherwise, the risks of entering a period of prolonged stagnation, comparable to what the Russian economy experienced between 2015 and 2019, increase, leading to a loss of growth quality and a narrowing of the economy's potential.

Growth factor analysis indicates that maintaining acceptable economic growth is attainable even with current short-term constraints. However, this will require additional economic policy efforts, primarily through the coordination of monetary and fiscal policy, as well as the effective use of limited resources directed towards the national projects.

One of the most significant risks in the current economic situation is that, given substantial structural shifts, achieving the 4% inflation target may only be possible if economic growth stalls. At least, this is what calculations conducted in the autumn of 2024 at the Institute of Economic Forecasting of RAS suggest.

Therefore, the selection of economic development priorities will be fundamental, which will influence both monetary policy parameters and budgetary requirements. For example, a high speed of structural shifts requires developing scenarios for the gradual reduction of inflation that take into account the development requirements of key sectors of the Russian economy.

Overall, the transition from economic adaptation to new development conditions requires the consistent implementation of a comprehensive long-term development strategy, which demands coordinated efforts between state structures and the expert community when selecting economic management tools. The economy has changed significantly, requiring new knowledge about growth factors, available resources, and its potential — information that will enable the most effective decisions for economic management.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ: НА ПУТИ К ОБЩЕСТВУ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Что даст позитивный импульс для роста экономики в 2025 году, как достичь национальных целей развития к 2030 году и создать общество справедливости? Эти вопросы были в фокусе внимания участников экспертной сессии Вольного экономического общества России «Национальные цели развития России: пути достижения», которая прошла в медиацентре «Российской газеты» в октябре 2024 года.

*Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор Института нового индустриального развития
имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН*

*Борис Порфирьев,
руководитель секции экономики
Отделения общественных наук РАН,
научный руководитель ИНП РАН, академик РАН,
вице-президент ВЭО России*

*Александр Широ́в,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России*

Андрей Клепач,
главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ,
член Правления ВЭО России

Александр Некипелов,
директор Московской школы экономики
МГУ имени М. В. Ломоносова,
академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Сергей Рябухин,
первый заместитель председателя Комитета
Совета Федерации Федерального Собрания РФ
по бюджету и финансовым рынкам,
вице-президент ВЭО России

Михаил Ершов,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов,
профессор Финансового университета при Правительстве РФ,
член Президиума ВЭО России

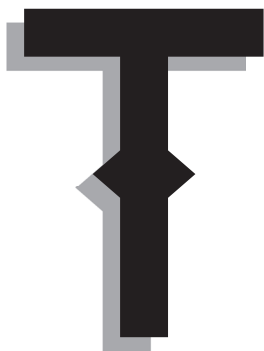
Александр Мурычев,
вице-президент Российского союза
промышленников и предпринимателей,
член Президиума ВЭО России

Никита Масленников,
ведущий эксперт Центра политических технологий,
член ВЭО России

Илья Воскобойников,
директор Центра исследований производительности
НИУ ВШЭ

Бодрунов: Тема нашей экспертной сессии — «Национальные цели развития России: пути достижения» — очень актуальная. ВЭО России откликается на все события, которые происходят в стране. Кроме того, в традиции ВЭО России — смотреть на перспективу: выносить на повестку дискуссий актуальные задачи социально-экономического развития, на решение которых может уйти не один год. В рамках наших мероприятий мы уже обращались к теме национальных целей развития страны. Предлагаю сегодня поговорить о путях их достижения и задачах, на которые они должны быть декомпозированы, потому что от того, как будут реализованы национальные цели, зависит будущее социально-экономического развития России.

Хочу привести пример, как решалась задача развития промышленности города Санкт-Петербурга. Я много лет руководил средними и крупнейшими холдингами, работал в структуре государственного управления — руководителем комитета по экономике и промышленной политике Санкт-Петербурга. В 2010 году мы с коллегами подготовили первый в стране документ по промышленной политике. Он был принят правительством Санкт-Петербурга в качестве закона. В 2013 году мы с коллегами из Института экономики РАН представили в Совете Федерации ФС РФ доклад, посвященный промышленной политике. А в 2014 году был принят федеральный закон о промышленной политике.

Начав разработку концепции развития промышленности Санкт-Петербурга, мы предложили разделить всю промышленность на четыре сектора по рыночно-технологическому принципу. Первый квадрант (слева внизу) — это старые технологии и традиционные рынки; второй квадрант (справа внизу) — старые технологии, новые рынки; третий квадрант (слева вверху) — новые технологии, старые рынки; четвертый квадрант (справа вверху) — новые рынки, новые технологии. Стало понятно, куда должен быть направлен вектор поддержки, чтобы перевести предприятия в четвертый квадрант, и какая именно нужна поддержка, чтобы обеспечить движение в этом направлении.

В результате петербургская промышленность за почти 15 лет ни разу не снизила темпы роста, несмотря на внешние и внутренние вызовы. Более того — эти темпы были выше, чем в среднем по России. На мой взгляд, развитие нашей экономики на долгие годы вперед зависит от путей, которыми мы пойдем, реализуя национальные цели развития.

Я изучал документы, подготовленные по национальным целям развития страны, и могу сказать, что промышленный блок прописан грамотно. Акцент сделан на развитии обрабатывающей промышленности. К 2030 году она должна вырасти не менее чем на 40% по сравнению с 2022 годом. При этом, на мой взгляд, важно не забывать и о других секторах, смотреть, какие еще технологии и отрасли промышленности необходимо поддерживать.

Одна из зон роста нашей промышленности, не только обрабатывающей, — ускорение научно-технологического развития. Например, в мире активно развиваются креативные технологии. Нам необходимо усилить поддержку таких инноваций, потому что за ними будущее. Сейчас идет экспертная работа над «дорожной картой» развития креативной отрасли, где будут прописаны конкретные инициативы. Станут ли они импульсом для ее роста — посмотрим. Стоит обратить внимание и на такое направление, как ассоциативное потребление, производство и бизнес. Оно показывает стремительный рост во всем мире.

Кроме того, эксперты ВЭО России не первый год говорят о том, что текущая доля расходов на НИОКР не может обеспечить выполнение задач развития инновационной экономики. В России это 1% от ВВП. Для сравнения: доля таких расходов в ВВП США — 3,3%, в Южной Корее — 4,9% (на 2021 год), в Израиле — 5,6%, в Германии — 3,5% (на 2019 год). Мы критически отстаем от мировых технологических лидеров по этому показателю. Необходимо поставить науку в приоритет, наращивать ее финансирование и вовлекать бизнес в эту работу. То, что в указе президента России зафиксирован целевой показатель — повысить к 2030 году внутренние затраты на НИОКР не менее чем до 2% ВВП, — хороший знак!

В заключение скажу: движение обозначается вектором, который всегда имеет физическую компоненту и направленность. Важно понять, куда двигаться и во что вкладывать средства, как рационально использовать ресурсы, чтобы обеспечить прорыв в социально-экономическом и технологическом развитии страны, а главное — ускорить глубокую трансформацию экономики, нарастить долю ее несырьевой составляющей.

Задачи большие и сложные. Их решение требует консолидации интеллектуальных усилий ведущих экономистов страны, поэтому в эту работу активно включилось научное и экспертное сообщество — в формировании нового портфеля национальных проектов, направленных на достижение национальных целей развития страны, принимали участие не только руководители профильных ведомств, но и широкий круг экспертов: представители бизнеса, научного и экспертного сообществ.

Прошу вас, уважаемые коллеги, поделиться вашим видением — какие решения в конечном счете будут работать на достижение национальных целей развития и трансформацию отечественной экономики.

Экономика на паузе

Широв: Если мы посмотрим на картину, которая складывается в нашей экономике, то увидим замедление темпов экономического роста. Это вопрос сейчас обсуждают и в Правительстве РФ, и в экспертном сообществе. Понятно, что замедление — это не спад. Однако экономическая ситуация меняется как со стороны производства, так и со стороны спроса. То есть и спрос, и предложение реагируют на изменение макроэкономических условий. Есть три главные движущие силы этих изменений. Первая — это относительное исчерпание возможности загрузки производственных мощностей. Это фактор замедления экономической динамики со стороны предложения. Вторая — резкое ужесточение денежно-кредитной политики, что сказывается и на спросе, и уже на предложении. Третья — это демпфирующая бюджетная политика.

В конце года (2024 года. — *Прим. ред.*), по-видимому, будет увеличение бюджетных ассигнований. Но в целом наша экономика находится на развилке. Первый вариант развития событий: замедление экономической динамики будет иметь фронтальный характер, а это значит, по итогам IV квартала 2024 года ВВП может вырасти на 2% (год к году). Тогда в 2024 году российская экономика вырастет на 3,5%, а перспективы на 2025 год будут туманными. Второй вариант развития событий — нам все-таки удастся преодолеть наметившуюся паузу в экономическом росте.

Какие факторы будут влиять на экономическую динамику? Это прежде всего баланс спроса и предложения. Сейчас предложение не успевает за спросом, и это становится причиной роста инфляции. Бюджетный импульс, который привел к существенному росту экономики в 2023 году и в первой половине 2024 года, сыграл положительную роль, но одновременно вызвал дисбаланс между спросом и предложением. Ключевой вопрос состоит в том, что делать дальше. Все

согласны, что нужно расширять предложение, но как — непонятно. Центральный банк считает, что предложение будет расти, когда цены снизятся и условия для инвестирования станут благоприятными. При этом главным фактором роста инвестиций в России всегда оставался спрос, потому что большая часть инвестиций в нашей экономике — это собственные средства предприятий. Соответственно, уменьшение этих средств на фоне высоких кредитных ставок приведет к тому, что часть предприятий будет закладывать эти издержки в конечную продукцию, часть — сокращать норму прибыли, а часть — сбрасывать производство. Поэтому, на мой взгляд, повышение ключевой ставки и снижение инфляции не способны запустить новый инвестиционный цикл. Сделать это можно только через бюджетный импульс. Других способов я не вижу.

По-видимому, нужно принять решение, чего мы хотим. Если нужна пауза в экономике, тогда нужно к ней готовиться. Но я не сторонник такого подхода. Низкая инфляция в условиях текущих структурных сдвигов вряд ли возможна. Нужно понимать, что инфляция в данном случае поглощает избыточный объем ликвидности, который образовался в экономике. Балансировка спроса и предложения — это действие, которое занимает некоторое время. То есть нужно понимать, какие риски могут быть, если мы сохраним высокую ключевую ставку, как будет развиваться ситуация с предложением и как будут вводиться производственные мощности, которые уже проинвестированы.

В заключение скажу: система стратегического целеполагания или определения национальных целей развития постоянно трансформируется, и в этой связи задача экспертного сообщества и экономической науки — попытаться понять, в какой-то степени этот контур (национальные цели развития, система принятия решений, механизм финансирования) отражает проблемы в нашей экономике.

Нацпроекты поддержат экономику

Клепач: Я бы добавил, что этот год оказался значительно лучше, чем мы ожидали. Минэкономразвития РФ прогнозирует рост ВВП по итогам 2024 года на 3,9%, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН — 3,7%. Это хороший результат. Кроме того, есть потенциал для дальнейшего динамичного роста. Тем не менее проблемы, связанные с дороговизной денег и падением кредитования, стагнацией экспорта, ограничениями импорта (мы не можем расти без импорта комплектующих, оборудования), тормозят рост промышленности. Очевидно, темп роста ВВП в IV квартале

будет 2% или чуть больше. Есть риск, что в I квартале следующего года мы получим нулевой рост или уйдем в минус из-за усиления негативных тенденций и эффекта высокой базы, который был в I квартале 2024 года. Мы ожидаем повышения процентной ставки, ухудшения условий кредитования, замедления роста доходов. Кроме того, промышленность должна перегруппироваться. Есть потребность в структурном маневре в этих условиях.

Тем не менее в 2025 году у нас есть все предпосылки для того, чтобы не попасть в стагнацию и продолжить экономический рост, который, по нашим оценкам, может составить 2,5–2,6%. При этом есть риски торможения в I квартале 2025 года. Вместе с тем есть серьезный потенциал роста потребительского спроса, хотя все-таки такого бума, как в 2024 году, ждать не стоит.

Если говорить об инвестициях, такого скачка, как в первом полугодии 2024 года, мы не увидим. Полагаю, что рост инвестиций составит порядка 2%, потому что, несмотря на дороговизну денег, бизнес не отложит реализацию проектов. Кроме того, инвестиционный спрос поддержит бюджетный импульс. Новые нацпроекты и госпрограммы дадут позитивный стимул для роста экономики. Но здесь очень важен фактор времени. Деньги, к сожалению, могут прийти во втором полугодии 2025 года, поэтому основной эффект придется на конец 2025 года и начало 2026 года. Я думаю, что и в силу адаптивности нашего бизнеса и государственного спроса мы будем расти.

Рост инфляции в этом году, по-видимому, составит 7,1–7,5%, а в 2025 году — чуть выше 5%. Но это та цена, которую мы тоже платим за рост оборонных расходов и оборонной промышленности, за ту перестройку, которая происходит в экономике. Попытка снизить инфляцию любой ценой до 4,5% только создает дополнительные издержки. Какая бы ключевая ставка в итоге ни была, при сложившейся динамике и мировых, и внутренних цен мы не сможем жестко задавить инфляцию. Нужно понимать, что переход к таргету и сам таргет можно корректировать. Это займет несколько лет.

Снижение инфляции vs рост экономики

Мурычев: Мы в Российском союзе промышленников и предпринимателей считаем, что снижать инфляцию до 4% в ближайшие 2 года — это неправильно. Во-первых, нереально сделать это в такие сжатые сроки. Во-вторых, это вредно для экономики.

Недавно на правлении РСПП промышленники впервые публично раскритиковали политику Центрального банка в части повышения ключевой ставки. Сейчас проблема не в перегреве экономики, как нам заявляет Центральный банк, а в дефиците предложения. У отечественных крупных промышленных предприятий уже начались проблемы с инвестиционными ресурсами: их возможности тают, высокая ключевая ставка не позволяет делать накопления. Компании вкладывают в производство до 40% собственных средств, все остальное берут в кредит, который нужно обслуживать, и эти проценты съедают всю прибыль. Соответственно, накопления промышленных предприятий сокращаются. И в этом трагизм текущей ситуации. Если не поменять денежно-кредитную политику, будет еще хуже. Собственные инвестиции промышленности уже превысили показатели прошлых лет и достигли максимальной планки. Это предел. Предприятия вкладывают порядка 55–57% собственных средств в развитие и инвестиции. Все остальное покрывается за счет кредитов, которые сегодня очень дорогие.

Ключевая ставка блокирует инвестразвитие, намного превышая уровень рентабельности. Поэтому мы ставим вопрос так: что сегодня важнее — сдерживание инфляции с помощью повышения ключевой ставки или рост экономики? Мы все заинтересованы в росте экономики. Бороться с инфляцией важно, никто не спорит, но для этого нужно более продолжительное время. Не год и не два, а может быть, 5–7 лет. Пусть инфляция снижается постепенно. Нам нужно не таргетирование инфляции, а расширение предложения, и для этого нужно создать для промышленности условия.

Сейчас идут споры относительно ключевой ставки. Предположим, она увеличивается на 1%. Если крупные корпорации берут в кредитный портфель, условно, 100 млрд рублей, то 1% составит 1 млрд рублей — это только на обслуживание этого кредита! Такие издержки тоже разгоняют инфляцию.

Поэтому, конечно, нужно больше задействовать механизмы Центрального банка для обеспечения темпов роста экономики. Мы об этом постоянно говорим, но ничего не происходит.

Бивалютная денежная система против инфляции

Некипелов: Структурная перестройка экономики не может произойти за 1–2 года, это вопрос десятилетий. Если мы исходим из того, что наша задача — провести перестройку структуры экономики, то факторы, обеспечивающие высокий уровень инфляции, в этих условиях играют роль своеобразной смазки.

Забавно получается: мы десятилетие доказывали, что в условиях высокой инфляции невозможен рост, но как только это произошло, стали говорить о том, что экономика перегрета.

Что касается высокой процентной ставки, Центральный банк нас уверяет, что ее повышение не несет рисков для инвестиций: основные инвестиции делаются за счет собственных средств предприятий. Это странная позиция для людей, которые занимаются рыночной экономикой. В любом учебнике финансового менеджмента написано, что оборотный капитал не может быть более рентабельным, чем основной. Если бы это было так, то никто не занимался бы реальным производством. Почему мы считаем, что предприятия, имея деньги на счетах, будут их инвестировать, а не держать в финансовых активах? Собственные деньги имеют такую же ценность, как и заемные. Поэтому аргументы о том, что у предприятий есть деньги, — это либо эксплуатация старых не очень рыночных представлений о том, как рационально вести хозяйство, либо попытка ввести в заблуждение людей.

Как жить в условиях высокой инфляции? Я на Московском академическом экономическом форуме предложил механизм адаптации к инфляции — «бивалютную денежную систему» (обычный и валютный рубль). Обычный рубль останется средством для внутренних расчетов. Валютный рубль, или рубль-актив, можно сконструировать из биржевых товаров, взятых в определенной пропорции и количествах. Суть заключается в том, что Центральный банк будет вынужден продавать и покупать этот рубль-актив за обычные рубли по цене определенного набора биржевых товаров. То есть появится обменный курс. Соответственно, срочные сделки могут быть оплачены рублем-активом, сохраняющим устойчивую покупательную способность, при обслуживании по курсу в текущих рублях.

Такой механизм может быть полезен и для международных расчетов, потому что он позволит нейтрализовать риски санкций в силу устойчивости покупательной способности рубля-актива. Импортёры смогут зафиксировать стоимость своей продукции за счет приобретения рублей-активов.

Мне кажется важным зафиксировать: в условиях избыточного спроса и структурной перестройки попытка борьбы с инфляцией неоправданна. Нужно отложить идеи финансового прорыва, признать, что инфляция до 10% — это не катастрофа, создать условия для максимальной адаптации к ней. В этом направлении нужно действовать.

Высокая ключевая ставка как тормоз роста

Ершов: Если говорить об инфляции, мы давно критикуем Центральный банк за высокую ключевую ставку. И правильно делаем. В России одна из самых высоких ключевых ставок в мире. Мы входим в первую пятерку стран мира по этому показателю. При этом я не смог найти в официальных документах ответ на следующий вопрос: какие у нас монетарная инфляция, немонетарная и курсовая. Напомню, половина всего прироста цен в разные периоды, по версии Центрального банка, объясняется обесценением курса рубля — то есть курсовой инфляцией. Так какой же будет уровень инфляции, если очистить его от монетарных, немонетарных и курсовых факторов? Почему для нас это важно? Не из праздного любопытства. Эта информация позволит более эффективно проводить экономическую политику, потому что высокая ключевая ставка — это действительно сильный тормоз экономического развития.

Несколько слов о расширении спроса и предложения. Рост ключевой ставки не сильно влияет на спрос. Предприятия и домашние хозяйства перекредитовываются и таким образом поддерживают уровень спроса. Предложение же — намного более сложная вещь. Если упрощать: предположим, нам повысили зарплату, и мы стали покупать больше товаров — спрос мгновенно вырос. С предложением так не работает: на то, чтобы оно увеличилось, могут уйти месяцы, а то и годы. Это зависит от вида производства. В нашей экономике есть разрыв между спросом и предложением. И это тоже стимулирует рост цен. Поэтому в России планируется создать экономику предложения, но высокая ключевая ставка тормозит этот процесс.

На высшем уровне была поставлена задача к 2030 году удвоить капитализацию российского фондового рынка. Но как только ключевая ставка пошла вверх, фондовый рынок начал падать. Россияне перекладывали средства в другие инструменты — на вклады и накопительные счета, которые демонстрируют более высокую доходность, чем акции и облигации, в условиях высокой ключевой ставки.

В Казанской декларации XVI Саммита БРИКС зафиксировано, что высокая ключевая ставка — серьезное бремя для экономического роста стран — участниц объединения, и поставлена важная задача — увеличивать долю расчетов в национальных валютах. Многие страны пока не готовы активно использовать во взаиморасчетах национальные валюты, в частности рубль, из-за их волатильности, то есть колебаний курса. Россия перешла в 2014 году к плавающему курсу рубля. Однако 10 лет назад была иная

геоэкономическая и геополитическая ситуация в мире. Условно говоря, было лето, а сейчас пришла зима. Все давно утепились, а мы же по-прежнему ходим в майках и шортах. Например, Япония сейчас активно делает интервенции на валютном рынке для поддержания курса японской иены. По мнению Банка международных расчетов, интервенции являются важным фактором, стабилизирующим финансовую и экономическую среду. Россия же говорит о том, что раз она взяла на себя обязательства, то вынуждена их, переминаясь с ноги на ногу на морозе, соблюдать. Не пора ли хотя бы поднять вопрос о возможном пересмотре режима плавающего курса? На мой взгляд, мы иногда очень робко и политкорректно себя ведем, в отличие от наших коллег.

Где взять деньги на нацпроекты: новые финансовые инструменты

Рябухин: Я бы хотел вернуться к теме нашей сессии — финансовому обеспечению национальных проектов и достижению национальных целей развития страны, которые были поставлены в майском указе президента РФ. На реализацию национальных целей развития в бюджете заложено 43 трлн рублей. Однако нужны будут и дополнительные источники средств. Нам нужны дешевые длинные деньги. В настоящее время Международный эмиссионный центр ФРС, Банк Англии и Банк Японии осуществляют выпуск дешевых длинных финансовых ресурсов за счет инвестиционного долгового принципа, основой которого является взаимодействие государственного казначейства этих стран и эмиссионных центров. Финансовым инструментом такого взаимодействия явля-

ются долговые обязательства казначейств, эмиссионные центры которых осуществляют выпуск денежной массы. При этом казначейские обязательства по большей части остаются на балансе эмиссионных центров до момента погашения и впоследствии могут быть реинвестированы новыми государственными долговыми обязательствами. Таким образом, эти страны могут осуществлять выпуск финансовых ресурсов на срок от 30 лет и более. К такому принципу формирования эмиссии и национальных платежных средств присоединился и Народный банк КНР, что позволяет ему осуществлять эмиссию инвестиционных средств на краткосрочный и долгосрочный период планирования. Центральному банку России, к сожалению, это недоступно. Существует норма (статья № 22 Федерального закона о Центральном банке РФ), которая запрещает предо-

ставлять правительству средства для финансирования дефицита федерального бюджета, покупать государственные ценные бумаги. По этой причине Министерство финансов РФ вынуждено размещать облигации федерального займа на открытом рынке. На этом фоне вызывает озабоченность рост расходов средств, которые закладываются в бюджет на 2025 год и на трехлетку. Обслуживание госдолга увеличится с 2,3 трлн до 3,2 трлн рублей в 2025 году (рост составит 900 млрд рублей). Следует отметить, что идея эмиссии денег под обеспечение долгового обязательства государства несет риск повышения инфляции и создает предпосылки для возникновения мировых глобальных финансовых кризисов. Уже в ближайший период мировой госдолг может достичь отметки 100 трлн долларов и составить около 93% мирового ВВП.

Противодействовать новым вызовам и угрозам можно при создании альтернативного способа проведения эмиссионных процедур. В частности, использовать материальный залог в качестве обеспечения выпуска денег. Стоимость материального залога может быть сопоставлена со стоимостью валютных якорей, в том числе дуальных товаров, которые могут обладать товарными и денежными свойствами одновременно. Общеизвестным примером дуальных товаров является золото.

Ученые из РЭУ имени Г. В. Плеханова создали алгоритм построения ценовой устойчивости к заданным товарам и валютным якорям. При этом если такой индекс рассчитывается на товарном кластере, можно построить индекс мультивалютного и мультитоварного значения устойчивости к заданному товарному якорю — золоту, серебру, меди или синтетическому товару. А если индекс рассчитывается на базе корзины национальных валют дружественных стран, то можно построить индекс валютного значения ценовой устойчивости (МВЗ-индекс) к заданному валютному якорю, синтетическому доллару, юаню, евро.

Обеспечение выпуска таких финансовых инструментов можно осуществлять за счет дуальных товаров из стратегических резервов или из отложенного предложения российских производителей. По нашим оценкам, объем обеспечения может составить не менее 50 трлн рублей, выраженных в золотом эквиваленте, что позволяет с большим запасом обеспечить реализацию национальных проектов.

Экономика сегодня — это тяни-толкай

Масленников: Шестилетний трек движения к национальным целям развития страны разбивается на два этапа. Задача на первом этапе (2025–2027) — выйти на устойчивый экономический рост 2,5% и выше; на втором (2028–2030), судя по пояснительной записке Минфина к бюджетному законопроекту, — перейти к темпам роста ВВП 3% и выше и темпам роста инвестиций — около 5%.

Главная проблема состоит в том, что все наши прогнозы и целеполагания зависят от инструментального дизайна или от координации правительственных регуляторов и денежных властей. С одной стороны, Правительство РФ двинулось навстречу Центральному банку: придуман сбалансированный бюджет, первичный структурный баланс, то есть нулевой первичный дефицит, происходит движение в направлении уменьшения инфляционного импульса. С другой стороны, включаются инфляционные факторы. Речь идет об утильсборе и индексации коммунальных платежей, которая за три месяца выросла с 5,7 до 11,9%. Это добавит 1% к прогнозируемой инфляции в 2025 году. То есть ее уровень составит не меньше 5,5%, а может быть, и больше. Повышение утильсбора на сельскохозяйственную технику также может стать сильным проинфляционным фактором.

Кроме того, льготное кредитование составляет 15% от всего корпоративного портфеля (объем корпоративного портфеля — 82 трлн рублей). В какой мере это влияет на инфляцию, не могут сказать ни в Центральном банке, ни в Правительстве РФ, но эта практика продолжается. Таким образом, ключевая ставка повышается, а достижение инфляционного таргета отодвигается. Эта ситуация, которую многие называют «тяги-толкай», стала причиной появления таких саркастических определений, как генномодифицированная денежно-кредитная политика.

Я был свидетелем, как первый зампред ВТБ предложил создать так называемый совет по экономической безопасности (над Правительством РФ и Центральным банком), главной задачей которого стала бы борьба с инфляцией. Я вспомнил об этом, чтобы проиллюстрировать нарастание напряжения и в финансовом секторе, и в промышленности.

Что касается стимулирования инвестактивности, изначально заявленные параметры федерального инвестиционного вычета по налогу на прибыль были пересмотрены: ставка вычета сократилась с 6 до 3%, а объем поддержки — с 300 млрд до 150 млрд рублей в год. Если к этому добавить

стагнацию с СЗПК (соглашение о защите и поощрении капиталовложений) и СПИК (специальный инвестиционный контракт), то вывод следующий: в России пока нет целостной системы стимулов для роста инвестиций. Есть отдельные ее элементы.

Тем не менее у Центрального банка и Правительства РФ есть общая точка пересечения — это «структурная повестка». Невозможно достичь национальных целей развития без структурной перестройки экономики. Хорошо бы, чтобы Центральный банк и Правительство РФ начали взаимодействовать на базе структурной повестки. Ряд шагов уже сделан. Центральный банк ввел регулятивные послабления для кредитования проектов технологического суверенитета и структурной адаптации. На эти цели выделено 6 трлн рублей на 3 года. Деньги есть. Но где эти проекты? Пока нет четкого определения, что и как мы будем финансировать. Не говоря уже о перенастройке текущего льготного кредитования. Мне кажется, это первый трек, по которому нужно выстраивать траекторию взаимодействия денежных властей с правительственными регуляторами.

На мой взгляд, у координации денежных властей с правительственными регуляторами должно быть три главные цели. Первая — стабильная и по возможности снижающаяся инфляция. Вторая — раскрутка механизмов, стимулирующих инвестиции. Третья — коррекция этих двух процессов при ненарушении конкурентных начал и пространств в экономике. Если удастся это реализовать, мы сможем выйти в 2025 году на рост ВВП 2,5%. Пока же мы можем констатировать только развилки и возможности.

От роста ВВП к обществу справедливости

Клепач: Вернусь к национальным целям развития страны. Когда мы говорим про 4–5%-ную инфляцию или 2,5–3%-ный рост ВВП — это не цели. Это индикаторы. Цель должна отражать образ будущего России. На мой взгляд, сформулировать этот образ будущего и понять, как к нему прийти, — это задача для научного сообщества.

Наша страна стала четвертой экономикой мира. И может сохранить этот статус, если в очередной раз не будет пересчитан паритет покупательной способности или Индонезия замедлит темпы роста и не подвинет нас на пятое место к 2030 году. Но речь идет не только об экономических достижениях. Нам нужно многое осмыслить с точки зрения социальных и институциональных ценностей. Согласно опросам, большинство россиян на первое

место ставят вопросы стабильности и безопасности. А как обеспечить безопасность? Уровень оборонных расходов России в ближайшее время будет намного выше, чем в 1990-е годы, а значит, эти ресурсы уйдут из экономики. Как это совместить с решением поставленных задач по повышению качества жизни, образования, здравоохранения? Мы должны провести серьезную структурную перестройку экономики. Пока поворота в сторону образования, здравоохранения, науки не произошло. Это не только вопрос денег. Количество ученых, исследователей, врачей, учителей в стране сокращается. Такая структура рабочей силы не позволит создать экономику лидерства.

Если говорить о ценностях, на первом месте для россиян (60%) по-прежнему остается вопрос справедливости. Треть населения (30%) считает, что ее нет. Мы можем получить экономический рост, решить вопросы с инфляцией, но станет ли больше справедливости? Под справедливостью россияне понимают равные условия жизни, доступ к образованию, здравоохранению.

Мне кажется, важно не только смотреть на индикаторы (темпы роста ВВП, место в мире по объему экономики), но и понять, как должна расти экономика, чтобы мы смогли создать общество справедливости и снизить неравенство. Например, вырастет у нас ВВП, вся страна будет съезжаться в столичные агломерации, но произойдет ли существенный подъем качества жизни в Сибири, в Поволжье, на Урале? Поэтому нам нужно в первую очередь решить задачу построения общества достоинства, ответственности и свободы.

Рецепт производительности

Воскобойников: У меня три тезиса. Первый — о вкладе сектора услуг в развитие экономики. Мы любим говорить о росте промышленности, но в развитых экономиках три четверти ВВП — это услуги, и в России — тоже. Согласно результатам исследований, если в экономике хорошо развиты определенные виды услуг (речь идет в первую очередь о логистике и транспорте), то и промышленность существенно более производительна. Жаль, что мы так мало внимания уделяем услугам, большая часть нашего ВВП производится именно в этом секторе.

Второй тезис — это вопрос, связанный с производительностью в промышленности. Что является источником роста производительности? Для промышленности — это масштабный спрос. Чтобы обеспечить его, особенно для сложного машиностроения, нужно развивать экспорт.

Например, в России сложно решить вопрос воссоздания станкостроения, потому что станок — это сложное устройство, которое эффективно работает, когда есть масштабный спрос. Нет смысла делать станок для производства штучных изделий. И это ставит под сомнение эффективность цифровизации и роботизации производств с целью повышения производительности. Мы можем выпустить много роботов, но приведет ли это к росту производительности, если у нас не будет спроса?

Третий тезис — это достижение национальной цели развития, связанной с повышением производительности. В этом контексте хочу отметить две вещи. Первая — мы живем в эпоху глобального замедления производительности. Во всех развитых экономиках мира в 2010–2020 годах производительность сокращалась. Согласно нашему исследованию, это происходило и в России, и в Индии, и в Китае.

Какие есть еще источники роста производительности? Федеральный проект «Производительность труда» в основном фокусируется на развитии внутренних ресурсов предприятий. А ведь по большому счету есть много других факторов. В их числе — промышленная политика и структурные сдвиги: стимулирование экспорта и встраивания в глобальные цепочки создания стоимости на основе существующих конкурентных преимуществ, меры стимулирования переподготовки кадров для повышения производительности труда работников старших возрастов.

Если мы посмотрим на майский указ и на послание президента РФ к Федеральному собранию, то увидим, что на решение проблем роста производительности, о которых я говорил, направлено много национальных проектов. Почему же мы не смотрим на другие задачи под углом производительности? В какой мере их решение способствует или препятствует росту производительности? Наверное, стоит это сделать.

Взгляд на перспективу

Некпелов: Мы оказались в ситуации, когда Правительство РФ находится под мощнейшим прессом проблем. То, что оно в этих условиях вообще успеваешь взглянуть в будущее, можно считать чудом.

Тем не менее мне кажется, что нам не хватает целостного взгляда в будущее. В 2013 году мы в Российской академии наук подготовили доклад, посвященный путям развития российской экономики в долгосрочной перспективе. В нем было предложение по созданию органа, в задачи которого бы входила разработка долгосрочной стратегии

социально-экономического развития. Решения этой структуры должны были бы создавать рамки для деятельности Правительства РФ по тушению пожаров. Суть нашего предложения состояла в следующем: важно провести институциональное разграничение между формированием долгосрочной стратегии и видения (крупными мазками, естественно) и решением текущих вопросов.

Порфирьев: Мне кажется, наша дискуссия была исключительно полезной. Сравню выступления наших уважаемых спикеров с планетами, которые двигались по орбитам, не всегда напрямую приближаясь к центральной теме нашей сессии. Тем не менее я считаю, что мы обсудили важные условия, в которых нам придется достигать национальные цели развития страны. Важно, что благополучие людей и развитие человеческого капитала занимают центральное место в национальных целях. Поставлены задачи по обеспечению комфортной среды, решению экологических и демографических проблем.

Важно, что сегодня прозвучал ответ на вопрос: что не нужно делать, чтобы достичь национальные цели развития. Не следует совершать крупных ошибок как в целеполагании, так и в выборе приоритетов и инструментов достижения целей. У нас сегодня зашел разговор об инфляции: это пример, как цель подменяет средства.

В связи с этим мне кажется важным предложение, которое озвучил Александр Дмитриевич Некипелов: нужно подходить к решению текущих проблем с более концептуальных позиций. Цифровые технологии нужны (кто бы спорил), но при принятии стратегических решений лучше опираться на интеллектуальный потенциал страны, а не на искусственный интеллект. Хотя последние Нобелевские премии пытаются убедить нас в обратном: в последние годы две Нобелевские премии по физике и одна по химии были вручены за разработки в области ИИ. Думаю, что разговор о путях достижения национальных целей развития должен быть продолжен. Будем рассматривать нашу встречу как важный шаг к решению поставленных перед страной задач.

ДЕФИЦИТ КАДРОВ: КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ

Согласно прогнозу Минтруда, дефицит рабочей силы в России может составить к 2030 году 3,1 млн человек. Как решить проблему нехватки кадров, обсудили эксперты научного форума «Абалкинские чтения». Среди предложенных решений — повышение производительности труда, развитие высокотехнологичных секторов экономики, сокращение теневой занятости и привлечение в Россию высококвалифицированных мигрантов.

Организаторы научного форума: Вольное экономическое общество России и секция экономики Отделения общественных наук РАН

*Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор Института нового индустриального развития
имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН*

*Александр Широ́в,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России*

Андрей Клепач,
главный экономист государственной
корпорации развития ВЭБ.РФ,
член Правления ВЭО России

Елена Узьякова,
старший научный сотрудник Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН

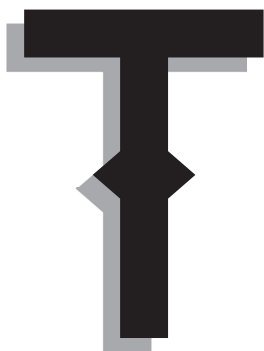
Александр Петриков,
директор Всероссийского института
аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова,
член Президиума ВЭО России,
академик РАН

Виктор Ляшок,
ведущий научный сотрудник
Института социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС

Вячеслав Бобков,
заведующий сектором социально-экономических
исследований качества и уровня жизни
Центра развития человеческого потенциала
ФГБУН «Институт экономики РАН»

Бодрунов: Тема обеспечения кадрами российской экономики очень актуальна. Дефицит трудовых ресурсов — один из ключевых рисков для развития российской экономики, который сдерживает развитие нашей страны.

Проблема носит структурный характер. В некоторых отраслях нехватка рабочей силы ощущается очень остро. Например, в оборонной промышленности кадровый дефицит составляет более 30%. При текущем объеме спроса на продукцию машиностроения мы могли бы утроить выпуск продукции, но нам не хватает людей.

Очевидно, что при решении этой проблемы должны учитываться разные факторы. В первую очередь речь должна идти о повышении производительности труда. Соответственно, необходимы инвестиции в высокие технологии. Но это потребует квалифицированных кадров. Здесь возникает новая задача — поиска таких специалистов и повышения их квалификации.

Среди причин текущего положения дел — факторы, связанные с демографической ямой 1990-х, релокацией россиян за рубеж и массовым оттоком мигрантов. Но не только они. Поэтому сегодня очень важен анализ факторов, которые привели к проблемам занятости в России, исследование пространственной и отраслевой дифференциации этих проблем и, наконец, разработка научно обоснованных рекомендаций и предложений, направленных на преодоление ограничений по трудовым ресурсам в различных отраслях экономики.

Перед учеными стоит непростая задача. Сегодня критически важно выявить недоиспользованные ресурсы, которые позволят увеличить производительность труда в России (рост производительности труда — подчеркну! — один из основных инструментов решения проблемы дефицита кадров).

Производительность труда: факторы роста и потенциал

Узякова: Начну с ключевых тенденций на рынке труда в 2024 году. Численность занятого населения по итогам трех кварталов 2024 года выросла на 1% (это 74,1 млн человек). Рост ВВП за аналогичный период составил 4,2%, обрабатывающая промышленность увеличилась на 7,9%. Численность

безработного населения — 1,9 млн человек, или 2,6% от числа рабочей силы. Реальные заработные платы работников выросли на 8,9%. Налицо дефицит труда. Первый вопрос, который приходит в голову: какие есть возможности для его преодоления? Есть ли у нас дополнительные трудовые ресурсы? Второй вопрос: можем ли мы повысить производительность труда? И как это сделать?

У нас есть дополнительные кадровые ресурсы. На рынке труда присутствуют целые категории населения, которые в полной мере не реализуют свой трудовой потенциал.

Во-первых, речь идет о людях, которые работают неполный рабочий день. Это так называемая скрытая безработица, которая, по оценкам Росстата, во II квартале 2024 года составила 13,5% от численности работников организаций.

Во-вторых, это неформально занятые. Огромный пласт трудовых ресурсов, незадействованных или задействованных ниже их потенциала, находится в сфере теневого занятости. По оценкам Росстата, по итогам трех кварталов 2024 года число людей, которые работают в теневом секторе, составляет 14,4 млн человек. С учетом скрытой безработицы на предприятиях величина неформальной занятости может доходить в России до 30%. Причем производительность труда неформально занятых на 20–25% ниже, чем в корпоративном секторе.

В-третьих: это занятые на рабочих местах с высоким потенциалом автоматизации. Их доля от общего числа работников в 2024 году составляла 24%, причем 7% из них трудятся на низкоквалифицированной работе. Этот показатель выше, чем в экономиках других стран.

Очевидно, что больше всего людей в теневом секторе работают в торговле, строительстве, сельском хозяйстве. Чем нам грозит рост неформальной занятости? В теневом секторе заработные платы на 30% ниже, чем в корпоративном. А значит, разрыв в уровне доходов населения растет.

Как мы можем решить проблему теневого занятости? Создавать высококвалифицированные рабочие места, а в некоторых регионах — просто рабочие места. Людям зачастую негде работать. В исследованиях ИНП РАН мы часто говорим про спираль неформальности. Работая в неформальном секторе, люди получают низкую заработную плату, а значит, не имеют возможности вкладывать в свое образование и не могут претендовать на высококвалифицированные рабочие места. Это, соответственно, сужает их возможности трудового поиска. Им просто некуда идти, кроме неформального сектора экономики.

Что касается производительности труда, если проанализировать ее рост с 2000 по 2020 год, мы увидим, что значительный прирост был в сельском хозяйстве, а также в обрабатывающей промышленности. Снижение производительности труда за аналогичный период произошло в оптово-розничной торговле, транспортной отрасли и государственном управлении.

При этом во многих отраслях экономики есть колоссальный потенциал роста производительности труда. Сегодня низкая производительность труда в здравоохранении, образовании, гостиничном деле и ресторанной сфере. Это значит, что резервы для ее роста есть.

Какие есть факторы роста производительности труда? Первый — это технологическое развитие, которое определяется инвестиционной политикой государства. За счет роста инвестиций в основной капитал на 1% производительность труда может увеличиться на 0,306%. Второй — это заработная плата, которая определяется политикой государства в области доходов. За счет роста заработной платы на 1% производительность труда может увеличиться на 0,324%. За счет прочих факторов, которые мы назвали структурными сдвигами и институциональными изменениями, — на 0,37%.

По оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, потенциал роста производительности труда в России до 2035 года составляет 15–20% (то есть по 2,5–3% в год) при условии роста заработных плат и инвестиций в основной капитал (не менее 8–10%). Структурно-технологический маневр может обеспечить изменение структуры занятых в пользу высокотехнологичных отраслей и ежегодный рост производительности труда на 3,4% в перспективе до 2050 года.

Что касается отраслевого прогноза, по расчетам ИМП РАН, в таких отраслях, как оптовая и розничная торговля, сельское хозяйство, низкотехнологичные отрасли обработки, занятость снизится к 2035 году, а в транспортной отрасли, исследованиях и разработках, здравоохранении — будет расти.

Выводы: если в среднесрочной перспективе мы еще можем компенсировать наши трудовые ресурсы за счет пенсионной реформы и демографических тенденций, то в долгосрочной перспективе единственное решение — рост производительности труда.

Широв: Почему фактор производительности труда стал так важен именно сейчас? В новейшей российской истории главным ограничением для экономического развития был капитал. После 2022 года мы попали в ситуацию, когда ограничения экономического развития нарастают и по капиталу, и по трудовым ресурсам. А значит, если не будет расти производительность труда, не будет расти и ВВП. По нашим оценкам, темпы роста производительности труда фактически равны среднегодовым темпам экономического роста. То есть при темпах роста производительности труда 3%, мы будем иметь рост ВВП 3%. Если рост производительности труда составит 1,5% (средний показатель за последние 15 лет), вряд ли можно говорить о достижении национальных целей развития. Таким образом, рост производительности труда примерным темпом роста ВВП является для нас императивом.

Еще одна проблема — это вопрос измерения производительности труда. Как измерять производительность труда, чтобы отразить изменения эффективности производства, в том числе в результате кризисных процессов, — это задача, которая стоит и перед экспертным сообществом, и перед правительством. Вопрос измерения связан по большей части с отраслевыми сюжетами. Например, что является критерием эффективности использования трудовых ресурсов в социальной сфере? На самом деле это качество тех услуг, которые предоставляют система здравоохранения, система образования и так далее.

Как изменился уровень эффективности использования трудовых ресурсов в России за последние 20 лет? Мы практически догнали по уровню производительности труда такие страны, как Япония, Корея, Словакия, сильно приблизились к большинству европейских стран.

Есть виды деятельности, в которых мы по уровню производительности труда находимся наравне с развитыми странами. Например, в металлургии мы абсолютные лидеры среди стран ОЭСР. Наша металлургия — самая производительная с точки зрения использования трудовых ресурсов. В сельском хозяйстве мы вышли на уровень стран Евросоюза. В добыче полезных ископаемых приближаемся к уровню США, в химии — к показателям Германии. Как нам это удалось? Дело в том, что в этих секторах экономики произошла масштабная модернизация основных производственных фондов и используемых технологий. Веса этих видов деятельности, их значимости для российской экономики оказалось достаточно для того, чтобы мы существенно сократили отставание по уровню производительности труда с мировыми лидерами. Вопрос в том, как подтянуть этот показатель во всей остальной экономике.

Приблизиться к мировому уровню производительности труда без инвестиций и технологий не получится. При этом мы можем двигаться к этим показателям и с помощью менее капиталоемких мероприятий.

Самый простой путь повышения производительности труда — это его, как говорили в советское время, научная организация, или бережливое производство. Это возможность за относительно небольшие деньги получить результат. Именно на внедрение бережливого производства ориентирован федеральный проект «Производительность труда», который реализуется в рамках национального проекта «Конкурентная и эффективная экономика».

Еще один путь — провести модернизационные мероприятия (пусть не такие масштабные) в тех видах деятельности, где есть большие ресурсы роста производительности труда. Это прежде всего торговля, строительство, финансы, социальная сфера.

То есть, по сути, краткосрочная перспектива — это проведение организационных мероприятий, среднесрочная — это цифровизация и долгосрочная — это научно-технологическая политика и модернизация базового ядра российской экономики. При этом очевидно, что если мы сейчас не будем вкладываться в науку, исследования, разработки и инвестиционный сектор, то мы не получим результата.

Потенциал роста производительности труда в России огромный. В таких видах деятельности, как финансы, страхование, операции с недвижимым имуществом, ИТ, связь, низкоэкологичные отрасли обработки, торговля, среднегодовые темпы роста производительности труда могут составлять от 4 до 6% в год до 2035 года. Если мы используем этот потенциал, то сможем обеспечить те темпы роста производительности труда, которые нам необходимы (примерно 3%).

Если говорить не про отраслевой, а про макроэкономический потенциал роста производительности труда, у нас есть два направления, которые позволят значительно повысить этот показатель при относительно низкой капиталоемкости.

Первое направление — это сокращение числа низкопроизводительных рабочих мест в нашей экономике. Сейчас треть работников трудятся на низкопроизводительных рабочих местах, получают низкую зарплату. Это гирия, которая тянет российскую экономику вниз. Причем по нескольким направлениям: это и это качество рабочих мест, и их эффективность с точки зрения формирования доходов бизнеса, и необходимость дополнительных объемов социальной поддержки для людей, которые попадают в разряд малообеспе-

ченных. Если мы сравниваем себя со странами ОЭСР, то там на 10% меньше низкоквалифицированных занятых, чем в России. Это очень много людей, и они должны работать в России на более качественных рабочих местах и получать большие зарплаты.

Второе направление — сокращение объема «серой» занятости, которая есть в разных секторах экономики (в лидерах — торговля, гостиничный и ресторанный бизнес). По оценкам ИНП РАН, в этих видах деятельности уровень производительности труда на 30% ниже, чем в целом по экономике. Поэтому выведение рабочих мест в «белую» зону — это вопрос роста производительности труда.

Трудовые ресурсы можно эффективно использовать даже в кризис. Но у нас нет нормальных метрик роста производительности труда. На мой взгляд, оценка доли затрат на труд в структуре добавленной стоимости или выпуска, то есть цены продукции, — это более эффективная история.

С другой стороны, нужно отдать должное нашей стране: несмотря на все проблемы в нашей экономике, за последние 20–30 лет мы сделали огромный шаг вперед с точки зрения роста уровня производительности труда.

Резюмируя, скажу: фактор производительности труда становится одним из краеугольных камней для развития нашей экономики, потому что он способен не только обеспечить экономический рост, но и решить наши демографические проблемы.

Меньше штатов — выше производительность труда

Клепач: Официального прогноза Минтруда РФ нет, но если посмотреть рабочие версии, то они говорят о том, что в России занятость будет расти до 2029 года. Это противоречит ситуации с трудовыми ресурсами и динамике занятости. В качестве иллюстрации приведу несколько цифр.

Согласно данным Росстата, за последние 2 года миграция в России резко сократилась — до 120–130 тысяч человек в год. При этом в 2024 году Росстат насчитал 500 тысяч мигрантов. Никто не может объяснить — откуда? Скорее всего, у нас изменилась система регистрации, и в 2024 году зарегистрировали всех, кто тут был и кого не было. Прошлая перепись тоже обнаружила почти миллион с лишним человек — в основном в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградская областях. Если миграция останется на уровне 150–200 тысяч человек в год, занятость будет сокращаться. Без значительной миграции обеспечить ее рост невозможно. Даже с учетом повышения пенсионного возраста.

Что касается теневой занятости, она будет расти. Мы видим, что у нас увеличивается количество самозанятых и индивидуальных предпринимателей. Идет переток занятых из секторов с высокой производительностью в сектора с низкой. Структура занятости с точки зрения производительности труда ухудшается. Если эта тенденция сохранится и все станут индивидуальными предпринимателями, либо наша производительность труда накроется, либо мы изменим систему отчетности и увидим реальную картину.

Сегодня примерно две трети выпускников получают высшее образование и одна треть — среднее специальное. Если говорить о направлениях реформы высшего образования, в идеале эту пропорцию нужно поменять так, чтобы высшее образование получали 30–40% выпускников, а среднее специальное — 60–70%. Потому что кадров рабочих специальностей не хватает. Это позволит уменьшить дефицит рабочей силы в краткосрочной перспективе.

Последнее: у нас есть нацпроект по производительности труда, поэтому по русской традиции (на мой взгляд, неправильной) в каждом регионе, по каждой отрасли у нас должен быть создан штаб по повышению производительности труда. Штабов у нас — на все случаи жизни. Может быть, нам просто нужно меньше штабов? И тогда точно производительность труда вырастет.

Адекватная заработная плата — наш ответ

Бобков: Я хочу поразмышлять над тем, можно ли предложить экспертную систему для оценки адекватности или неадекватности нижней границы фактического уровня покупательной способности заработной платы, а также подходы к использованию этой системы в государственной социальной политике.

Я ставил перед собой следующие задачи. Первая — увязать элементы экспертной системы оценивания адекватности нижней границы покупательной способности заработной платы с квалификацией работников в соответствии с общероссийским классификатором занятий (ОКЗ) и с уровнем жизни домохозяйств. Вторая — предложить подходы к реализации требований элементов экспертной системы в государственном и рыночном секторах экономики.

Мы долго работали над системой стандартов, которая оценивает уровень жизни населения и, соответственно, покупательную способность заработной платы, и разработали стандарты, которые позволяют определить границы перехода от наименее оплачиваемых работников к низкооплачиваемым, среднеоплачиваемым и высокооплачиваемым.

Согласно нашим расчетам, более половины работников (55%) относятся к следующим категориям: наименее оплачиваемые, низкооплачиваемые и оплачиваемые ниже среднего уровня.

Сколько нужно зарабатывать, чтобы минимально обеспечивать семью с двумя детьми? 1,6 прожиточного минимума. А чтобы выйти на средний уровень жизни? Для семьи с одним ребенком — сумму в 4,5 регионального прожиточного минимума.

По нашим оценкам, более 60% домохозяйств не получают дохода, который позволял бы им обрести экономическую стабильность. Менять эту ситуацию нужно постепенно. Более того — знать, как ее менять и как оценивать полученные результаты.

Переходим к элементам экспертной системы, которую мы предлагаем. Первая задача — разработать методику оценки уровня жизни в домохозяйстве: каких работников отнести к наименее оплачиваемым, к низкооплачиваемым и к среднеоплачиваемым. Вторая задача — разработать методику расчета суммы, необходимой для того, чтобы обеспечить тот или иной уровень жизни в домохозяйстве с учетом иждивенческой нагрузки. Третья задача — увязка экспертной системы по оценке адекватности заработной платы с квалификацией работника (по общероссийскому классификатору занятий).

Что такое высокая квалификация? В науке — это старший научный сотрудник. Он должен получать такую заработную плату, которая бы позволяла ему обеспечить средний стандарт уровня жизни для семьи с одним ребенком. Это 4,6 прожиточного минимума (для России — 106 тысяч рублей, для Москвы — 168 тысяч рублей). В 2024 году в лучших столичных институтах РАН старший научный сотрудник получает 70 тысяч рублей, а должен — 168 тысяч рублей, исходя из тех стандартов, которые мы предлагаем.

Какие есть подходы к решению этой задачи?

Первый шаг, на наш взгляд, — это разработка и принятие нормативного документа, определяющего так называемую сетку целевых оценочных стандартов адекватности нижней границы покупательной способности заработной платы за выполнение нормы труда для групп работников разной квалификации. Эти стандарты могли бы быть утверждены Правительством Российской Федерации (Минтрудом РФ).

Второй шаг — обязать Российскую трехстороннюю комиссию определять промежуточные значения стандартов нижней границы покупательной способности заработной платы и их трансляцию на более низкие уровни соглашений социального партнерства.

Формирование обязательств сторон социального партнерства на конкретный период, направленных на реализацию стандартов нижней границы покупательной способности заработной платы за выполнение нормы труда, на наш взгляд, целесообразно включать в генеральные, отраслевые и региональные соглашения социального партнерства, а также в коллективные договоры.

В рыночном секторе экономики потребуется разработать мотивационный механизм, побуждающий работодателей к реализации промежуточных стандартов нижней границы покупательной способности заработной платы по квалификационным группам ОКЗ, определенным в отраслевых и региональных соглашениях социального партнерства.

Для работодателей, принимающих участие в реализации этого проекта, следует установить льготное налогообложение прибыли, имущества и других активов, а также иные преференции.

Это важная проблема: нижний порог нормативных значений заработной платы должен соответствовать квалификации работника и позволять ему обеспечить достойную жизнь своей семье. И нам нужно двигаться в эту сторону.

Отходничество — феномен русской деревни

Петриков: Я хочу посвятить свое выступление ситуации на сельском рынке труда. Уровень безработицы в сельской местности традиционно выше, чем в городе. Начиная с 2000 года он снижается, но разница между городом и селом, к сожалению, сохраняется. Кроме того, ситуация с безработицей на селе сильно отличается в зависимости от региона. Разброс в уровне безработицы огромный — от 34,5% в Ингушетии до 1,6% в Чукотском автономном округе. Поэтому политика в области регулирования занятости должна учитывать эти региональные различия, быть разной для трудоизбыточных и трудонедостаточных районов, на что, к сожалению, в директивных документах не всегда обращается внимание.

Основная причина сельской безработицы — это рост производительности труда в сельском хозяйстве, который произошел за последние 20 лет и позволил нам решить проблемы продовольственной безопасности, но в то же время обострил трудовые отношения в сельской местности. То есть за продовольственную безопасность мы заплатили высокую цену. В 2009–2022 годах в сельском хозяйстве без работы остались 1 млн 600 тысяч человек, а новых рабочих мест вне аграрного сектора было создано в два раза меньше.

Еще одна проблема сельского рынка труда — это большое число отходников. Отходничество — распространенный феномен российской деревни во времена НЭПа и до революции. В XXI веке это явление к нам возвращается. Треть занятых на селе (4 млн 300 тысяч человек) работают вне своих населенных пунктов. Это не только разрушает сельские семьи, но и существенно снижает доходы сельских муниципалитетов, ведь отходники платят НДФЛ по месту работы, а не постоянной прописки.

Какие решения для политики в области труда на селе мы предлагаем?

Во-первых, необходимы новые программы по созданию альтернативных рабочих мест в сельской местности и малых городах, прежде всего за счет развития малого и среднего бизнеса в несельскохозяйственной сфере. Рассчитывать на то, что городские предприятия начнут открывать филиалы в сельской местности и малых городах, к сожалению, не приходится.

Во-вторых, нужно проводить политику по развитию малых и средних сельскохозяйственных организаций, фермерских и личных хозяйств.

В-третьих, следует проработать вопрос о зачислении в бюджеты сельских администраций и малых городов налогов на доходы физических лиц, постоянно проживающих в них, но работающих за пределами своих населенных пунктов. По нашим расчетам, эта сумма равна текущим доходам сельских муниципалитетов и внесет существенный вклад в их развитие.

По оценкам нашего института, сельская занятость к 2030 году сократится на 7%. В то же время мы слышим заявления министра сельского хозяйства о том, что в аграрном секторе не хватает 200 тысяч работников. Я думаю, что речь идет прежде всего о дефиците высококвалифицированных молодых кадров. Если мы посмотрим на структуру занятых по уровню образования, то доля лиц с высшим специальным образованием в сельском хозяйстве более чем в 2 раза ниже, чем в целом по экономике. Еще одна проблема — это возрастная структура занятых. В сельском хозяйстве трудятся в основном работники старших возрастов. Вопрос смены сельскохозяйственных поколений актуален для всех стран, в том числе и для России. Поэтому речь идет прежде всего о привлечении на село квалифицированных молодых кадров на высокотехнологичные рабочие места (робототехника, БПЛА, генетические технологии, сельскохозяйственные исследования).

Правительство собирается к 2030 году организовать в российских школах, главным образом в сельских, 18 тысяч профильных агроклассов. Идея ранней сельскохозяйственной профориентации хороша, но только при соблюдении ряда условий. Во-первых, выпускники агроклассов должны продолжить обучение в средних и высших специальных заведениях. Во-вторых, на селе важно создать высокотехнологичные рабочие места и комфортные условия для проживания таких кадров. И главное — не стоит профориентировать сельскую молодежь только на занятия сельским хозяйством. Ей нужны социальные лифты и более широкие возможности трудоустройства.

Гонка заработных плат и молодежь: что поддержит рынок труда

Ляшок: Картина на российском рынке труда сейчас атипична. Уровень безработицы достиг исторического минимума. Заработные платы в реальном выражении растут темпами, вдвое превышающими рост экономики (7,8% против 3,6%). Продолжительность рабочего времени увеличилось до максимума за последнее десятилетие. А число вакансий растет с 2016 года. Эти показатели говорят о том, что в России есть дефицит рабочей силы, и он не сокращается. Одна из причин — демографические проблемы. Численность населения в трудоспособном возрасте снижается с 2006 года. Понятно, что в период 2019–2028 годов в России пересматривают границы пенсионного возраста, соответственно, будет наблюдаться некий рост численности трудоспособного населения, во многом связанный со статистическим артефактом. Однако, согласно демографическому прогнозу Росстата, в долгосрочной перспективе численность трудоспособного населения будет снижаться.

Какие есть решения проблемы дефицита кадров?

Первое решение — рост заработных плат. Дефицит любого товара, в данном случае кадров на рынке труда, как мы знаем из классических учебников по экономике, не может существовать долго из-за подстройки цены, в нашем случае заработных плат. Мы видим, что рост заработных плат значительно превышает уровень ВВП и производительность труда. Гонка заработных плат началась в 2022 году, и вряд ли она закончится в скором времени. При этом этот механизм адаптации имеет свои пределы: нельзя повышать заработные платы на любую величину.

Второе решение — это механизм компенсации, то есть привлечение на рынок труда дополнительных групп населения. Речь идет в первую очередь о людях старших возрастов. Повышение пенсионного возраста сильно поддержало рынок труда. За счет роста экономической активности населения старших возрастов за период 2018–2023 годов общая численность рабочей силы увеличилась на 2,5 млн человек, или на 2,3%. Занятость людей серебряного возраста быстро растет, предприятия стараются сохранить сотрудников как можно дольше, потому что это самый очевидный трудовой ресурс для организаций, которые испытывают дефицит кадров. Согласно нашим расчетам, к 2030 году благодаря пенсионной реформе на рынке труда окажутся дополнительно 4 млн человек.

Третье решение — это трудовая миграция. Среднегодовая численность трудовых мигрантов стагнирует на уровне 3,5–4 млн человек (около 5% занятого населения), она так и не достигла показателей, наблюдавшихся в период до пандемии (около 5 млн человек в 2019 году). Кроме того, проблема состоит в том, что в страну приезжает мало высококвалифицированных мигрантов (30 тысяч).

Четвертое решение — увеличение средней продолжительности рабочего дня. В России она составляет 7,15 часа, а общее количество отработанных часов на одного работника — 1308, что является максимумом за последние 15 лет. Очевидно, что у этого инструмента тоже есть предел.

Какие есть еще решения проблемы дефицита кадров? Во-первых, привлечение на рынок труда молодежи. Очевидно, что стимулирование занятости для этой группы населения чревато рядом рисков, но это не означает, что мы не должны рассматривать молодых людей в качестве трудового ресурса. Во-вторых, повышение производительности труда: реструктуризация экономики и развитие ее высокотехнологичных секторов — это, по сути, единственный способ решить проблему нехватки рабочих рук в долгосрочной перспективе.

ЭНЕРГЕТИКА РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Обеспечение энергетической безопасности — одна из приоритетных целей социально-экономического развития России. Среди задач, которые стоят сегодня перед страной в сфере энергетики, — переориентация поставок энергоресурсов на Восток, развитие энергосбережения и актуализация доктрины энергетической безопасности России. Эксперты Энергетического форума (мероприятие входит в архитектуру Московского академического экономического форума) назвали ключевые вызовы в сфере энергетики и предложили ответы на них.

Организаторы форума: Вольное экономическое общество России совместно с Комитетом по энергоэффективности ВЭО России, Российской академией наук и Евразийской экономической комиссией

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор Института нового индустриального развития
имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН

Арзыбек Кожошев,
министр по энергетике и инфраструктуре
Евразийской экономической комиссии,
заслуженный экономист Киргизской Республики

Сергей Филиппов,
директор Института энергетических исследований РАН,
академик РАН

Станислав Жуков,
заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН,
член-корреспондент РАН

Владимир Клименко,
руководитель Лаборатории глобальных проблем энергетики
Национального исследовательского университета «МЭИ»,
академик РАН

Сергей Романов,
заместитель генерального директора
Российского энергетического агентства
Минэнерго России

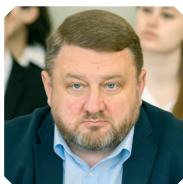
Валерий Крюков,
директор Института экономики и организации
промышленного производства Сибирского отделения РАН,
академик РАН,
член Президиума ВЭО России

Алексей Макаров,
научный руководитель Института
энергетических исследований РАН,
академик РАН

Андрей Колпаков,
заведующий лабораторией анализа и прогнозирования
климатических рисков экономического развития
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Роман Голов,
заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга
высокотехнологичных отраслей промышленности Института
инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ (национального
исследовательского университета), член Президиума ВЭО России

Исса Сухель,
учредитель компании «Интэрнэшнл центр
инновационных и инвестиционных проектов»,
член попечительского совета сети сирийских ученых,
технологов и инноваторов за рубежом «Носствия»

Вадим Закревский,
директор Департамента энергетики
Евразийской экономической комиссии

Эдуард Волков (1938–2025),
председатель научного совета
по комплексным проблемам развития энергетики,
академик РАН

Бодрунов: Российская энергетика оказалась в новых экономических условиях, которые, безусловно, требуют комплексного исследования со стороны научно-экспертного сообщества. Кроме того, нужно понимать, что отечественная энергетика не только часть экономики России, она функционирует в контексте мировой экономики. Поэтому мы на Московском академическом экономическом форуме, центральные мероприятия которого состоялись в мае этого года, исследовали проблемы отечественной и мировой экономики. Но для полного понимания контекста и условий, в которых оказалась отечественная энергетика, требуется более глубокий и предметный анализ проблем экономического развития страны применительно к энергетическому комплексу. Этим и обозначен выбор темы мероприятия.

Евразийская интеграция и энергетическая безопасность

Кожошев: В рамках данного мероприятия невозможно не вспомнить высказывание лауреата Нобелевской премии по физике академика Петра Капицы, который утверждал: «Будущее планеты зависит от того, как она будет обеспечивать себя энергией». Эти слова остаются актуальными и в наше время.

Современный мир переживает глубокие структурные изменения, вызванные сменой парадигм, как отмечают эксперты. Эти процессы сопровождаются технологическими революциями, резкой сменой экономических оценок и крупномасштабными сдвигами в экономике. Поэтому тема энергетического форума включает в себя два ключевых аспекта: вызовы, стоящие перед нами и странами ЕАЭС, и готовность преодолеть их общими усилиями.

В контексте второго тезиса позвольте мне представить немного информации о ЕАЭС. По итогам 2023 года ВВП Союза составил 2,39 трлн долларов США, а объем взаимной торговли — 72,6 млрд. За годы существования организации достигнуты высокие показатели прироста совокупного ВВП в пределах 29,7%, а объем взаимной торговли увеличился в 1,9 раза. Нарастают темпы экономического сотрудничества, формируются общие инфраструктурные проекты.

Кроме того, активно развивается торговля энергоресурсами между нашими странами. За 2023 год объем поставок составил 29 млрд кубических метров природного газа и 3,4 млн тонн нефтепродуктов. ЕАЭС обладает значительными запасами первичных энергоресурсов и занимает одно из первых мест в мире по объему добычи и экспорта углеводородного сырья. Общие запасы энергоресурсов в Союзе оцениваются в 40,7 трлн кубических метров природного газа, что составляет примерно 1/5 от мировых запасов, и 18,5 млрд тонн нефти, что соответствует примерно 7% мировых запасов этого сырья. В 2023 году добыто порядка 700 млрд кубических метров газа и более 600 млн тонн нефти. На долю организации приходится более 1,3 трлн киловатт-часов выработки электроэнергии, что составляет 5% всей мировой выработки. Эти цифры свидетельствуют о значительном потенциале Союза для развития и готовности преодолевать будущие вызовы сообща. Именно эта общность может стать ключом противостояния возникающим вызовам и угрозам.

Очевидно, что уровень обеспеченности энергоресурсами стал одним из основных аспектов мировой геополитики. Вопросы энергетики — это необходимые условия для существования любого государства. Однако сегодня отрасль столкнулась с серьезными вызовами и потрясениями, требующими быстрых изменений в бизнес-моделях, экономических отношениях, логистике поставок энергоресурсов и поиске новых возможностей для развития топливно-энергетического комплекса.

На сегодняшний день существует ряд актуальных вызовов, которые можно разделить на несколько групп.

- **Геополитические:** намеренное ограничение экспорта, бойкоты, картельные соглашения, энергетические эмбарго.

- **Экономические:** отсутствие достаточного количества инвестиций, нерациональное потребление энергоресурсов.
- **Экологические:** загрязнение окружающей среды, техногенные аварии на производстве и объектах ТЭК, неравномерность распределения запасов энергоресурсов.

Эти вызовы усугубляются другими проблемами, с которыми странам Союза необходимо справиться. Речь идет о возрастающем спросе на энергоресурсы, износе энергетической инфраструктуры, потребности в значительных инвестициях, уязвимости жизненно важной энергетической отрасли, необходимости научно-технических инноваций.

Важнейшей задачей стран является обеспечение энергетической безопасности. Этот аспект играет ключевую роль в стратегии развития до 2045 года, где особое внимание уделяется сфере энергетической интеграции и безопасности. Последнее считается фундаментальным элементом евразийского благополучия и экономического роста.

Неудивительно, что именно на энергетической безопасности заостряют внимание наши главы государств ЕАЭС, и это становится общей задачей, так как отрасль является одним из стратегических направлений развития евразийской интеграции. Однако обеспечение безопасности каждой страны Союза неосуществимо без координации усилий. Поэтому критически важно гарантировать это всем членам организации без исключения. В свете санкций со стороны Запада возникает необходимость укрепления энергобезопасности ЕАЭС. На данный момент в странах отсутствует четкая система и единое понимание безопасности. Создание общих рынков энергоресурсов способно обеспечить стабильность и самодостаточность энергосистем государств — участников Союза.

В этих условиях особенно важными становятся процессы интеграции, так как они способствуют укреплению роли и ценности совместных проектов. Такие программы позволяют объединить усилия и ресурсы для преодоления мировой турбулентности и создания основы для будущего развития. Все большую актуальность приобретает совместная деятельность стран по формированию общего пространства и эффективного использования преимуществ интеграции. Одним из ключевых направлений обеспечения энергетической безопасности Союза является удовлетворение внутренних потребностей, оптимизация потенциала, повышение энергоэффективности, увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ), снижение зависимости от импорта, стимулирование инноваций

и модернизации предприятий ТЭК, а также развитие транзитного потенциала и увеличение межгосударственных поставок ресурсов через реализацию совместных инфраструктурных проектов.

Приоритетная задача евразийской интеграции — создание общих рынков энергетических ресурсов в рамках Союза. Сегодня активно ведется работа по формированию торговых площадок для обмена электроэнергией, газом, нефтью и нефтепродуктами. Наибольший прогресс достигнут в создании единого электроэнергетического рынка, который начал функционировать с 2022 года, после вступления в силу международного договора. Также утвержден ряд актов, определяющих правила и механизмы работы рынка. Кроме того, были выделены торговые площадки, ответственные за организацию централизованной торговли электроэнергией по срочным контрактам.

Создание общих рынков энергоресурсов откроет новые возможности для трансграничной торговли. С использованием биржевых механизмов будет сформирована стоимость ресурсов, что обеспечит прозрачность процесса. На данный момент среднегодовой объем взаимной торговли составляет 5 млрд киловатт-часов. По оценкам экспертов, этот показатель увеличится до 45 млрд киловатт-часов.

Международные договоры и акты, которые регламентируют функционирование общих рынков, находятся на стадии завершения. Таким образом, ЕАЭС планирует синхронизировать запуск общих рынков энергоресурсов.

Мы ожидаем от энергетической взаимосвязи следующих эффектов:

- создание предпосылок для обеспечения безопасности Союза;
- формирование равных условий для хозяйствующих субъектов и внедрение рыночных биржевых механизмов;
- достижение мультипликативного эффекта и новых точек роста национальных экономик;
- повышение эффективности использования существующих генерирующих мощностей;
- направление инвестиций на модернизацию оборудования и техническое перевооружение производственных фондов, стабилизацию роста цен на энергоресурсы.

Современные энергетические перспективы должны учитывать тренды перехода к низкоуглеродному развитию, декарбонизации и диверсификации источников энергии, а также развитию новых технологий. Государства ЕАЭС в настоящее время обеспечивают свою потребность в энергоресурсах главным образом за счет традиционных источников энергии. Также активно изучаются возможности расширения и использования возобновляемых источников энергии в энергобалансах.

Все государства Союза приняли госпрограммы по переходу к зеленой экономике и развитию альтернативной энергетики, что уже привело к конкретным результатам. По итогам 2023 года было произведено порядка 236 млрд киловатт-часов электроэнергии с использованием возобновляемых источников энергии, включая гидроэлектростанции, что составляет 18% от общего объема. Доля выработки электроэнергии на АЭС составляет порядка 230 млрд киловатт-часов. Несмотря на разные точки зрения на переход к зеленой экономике, в условиях глобальных изменений и разногласий нельзя игнорировать современные низкоуглеродные тенденции. Важно сбалансировать использование разных источников энергии для решения данной проблемы.

При этом решения энергетических задач лежат в плоскости активного внедрения и развития инноваций. Наука в этом вопросе стала решающим инструментом постиндустриального мира, в котором университеты и научно-исследовательские комплексы определяют основные тренды развития.

Климатическая повестка как угроза

Филиппов: Сегодня глобальная климатическая повестка приобретает геополитический и геоэкономический окрас. У ведущих стран мира появился соблазн путем неэкономических методов получать стратегические преимущества. При этом они используют те инструменты, которыми обладают: технологическое доминирование, наличие дешевых финансовых ресурсов и обилие высококачественных ресурсов, например возобновляемых источников энергии. Однако для России это становится вызовом.

Основная проблема заключается в низком качестве возобновляемых ресурсов внутри нашей страны, особенно на местах их потребления. Слабая интенсивность этих ресурсов и высокая сезонная неравномерность производства негативно сказываются на ВИЭ. В результате наблюдается низкая эффективность и высокая стоимость производимой энергии. Второй важный фактор, о котором нельзя забывать, — холодный климат, который создает высокий спрос на тепловую энергию и мощность. Другим значимым аспектом является обширная территория, что приводит к чрезмерным затратам на транспорт. Кроме того, структура нашей энергетики имеет важное значение, особенно высокая доля тепловых электростанций в общей структуре производства ресурса.

И наконец, следует отметить два последних важных момента. Во-первых, отсутствие крупномасштабного производства конкурентоспособного оборудования для возобновляемых источников энергии. А во-вторых, высокие проценты по кредитам, которые создают препятствия для эффективного развития ВИЭ, особенно в контексте атомной энергетики.

Самым страшным остается большая сезонная неравномерность. Она характеризуется коэффициентом от 1 (неравномерности нет) и до бесконечности. У России этот показатель достаточно высокий. Это означает, что нам необходимо сезонное аккумулирование, которое обойдется очень дорого.

Реализация в стране политики декарбонизации и перехода к углеродно нейтральной экономике может быть только политическим решением, так как оно никак не обосновано экономически. Из этого следует, что нужно найти оптимальные пути решения кризиса.

Существует несколько вариантов, которые я попробую обосновать. Первое — это доказать несостоятельность глобальной климатической политики. Существует множество аргументов в пользу этой точки зрения. Например, нет определенности в том, является ли антропогенная деятельность основным фактором изменения климата. Кроме того, утверждения, что CO_2 — главный враг человечества, также вызывают сомнения, поскольку углекислый газ — важный элемент биосферы и необходим для жизни на Земле. Поэтому стоит задаться вопросом, обладает ли наше научное общество достаточной компетентностью для решения подобных проблем.

Следующий момент, над которым стоит задуматься: какую предложить альтернативу нынешней глобальной политике? На мой взгляд, она ущербна. Политика, существующая сейчас, требует декарбонизации для каждой страны. На самом деле, если признать, что климатическая проблема — проблема мирового масштаба, то нужно найти глобальный оптимум для ее решения. Исходя из этого, станет понятно, каким образом развивать энергетику в различных странах. Те государства, у которых есть ресурсы возобновляемой энергии, могут сосредоточиться на их использовании, в то время как другие могут использовать органические виды топлива. Для такого подхода необходимо внедрять соответствующие модели, включая модели глобальной энергетики в динамическом и мультирегиональном контексте, а также модели оптимизации.

Третий возможный ответ на климатический вызов: доказать, что российские леса, биосистемы поглощают гораздо больше, чем установлено в документации. В стратегии на 2019 год указывается, что наша биосфера поглощает 535 мегатонн углерода. Однако план по увеличению этого

показателя до 1,2 млн мегатонн представляет собой сложную задачу, и неизвестно, согласится ли мировое сообщество с этими цифрами. Тем не менее целевая стратегия исходит из этих показателей.

При этом, согласно Лесному кодексу, российские леса уже поглощают до 600 млн тонн углерода, что эквивалентно 2,2 млрд тонн CO₂. Это свидетельствует о том, что наша страна достигла углеродной нейтральности. Однако проблема все еще существует и требует дальнейшего обсуждения, уточнения вышеуказанных цифр.

Если не удастся реализовать первые три варианта, необходимо принять глобальную климатическую повестку и перейти к углеродно нейтральной энергетике. В этом случае существует несколько путей: эффективное использование энергии и структурные изменения в технологиях. Затем можно перейти к использованию низкоуглеродных источников энергии, заменяя высокоуглеродное топливо. Далее стоит обратить внимание на углеродную энергетiku, включая биоэнергетику. И наконец, стремиться к использованию безуглеродных источников энергии, таких как атомные и первичные источники энергии. Но такие меры потребуют колоссальных затрат.

Вывод очевиден: климатическая повестка несет угрозу. Главные задачи России — не слепая декарбонизация, а надежность энергоснабжения, устойчивость систем и адаптация к неизбежным изменениям климата.

Глобальный энергетический диалог

Жуков: Я остановлюсь на нескольких международных аспектах возможного участия России в глобальных энергетических диалогах. Я неслучайно употребляю «диалоги» во множественном числе, так как разговор об этом вышел за рамки узкой области энергетики и в нем участвует огромное количество акторов с самыми разными интересами. Россия должна учитывать эту многослойность и подстраиваться.

В зависимости от темпа роста ВВП и спроса на первичную энергию все страны можно разделить на три кластера. Первая группа — развивающиеся экономики с растущим спросом на энергию: Китай, Индия, Турция, Индонезия. Вторая — крупные производители и экспортеры энергоресурсов: Россия, США, Австралия, Канада. Третья — развитые страны, в которых спрос на энергию снижается: Евросоюз и Япония. Со всеми этими странами диалоги должны выстраиваться с учетом объективных интересов.

Теперь перейдем к практическим вещам. За последние 2 года произошло существенное реформирование повестки климатических саммитов. Начался процесс в Египте, в Шарм-эль-Шейхе, а в прошлом году продолжился в Объединенных Эмиратах на COP28. Мы смогли зафиксировать очень важные и позитивные с точки зрения энергетических интересов России изменения. В повестку вошло понимание, что ископаемое топливо (уголь, нефть, природный газ, торф и так далее) — часть решения, а не только проблема.

До египетского саммита на протяжении 15–20 лет на COP доминировала европейская мысль, что странам необходимы декарбонизация, декаплинг, то есть разъединение спроса на энергию. Сейчас эта повестка серьезно реформирована.

Важным организационным моментом является то, что инициатива по формированию глобальной климатической повестки перешла к развивающимся странам. Хозяева COP28 (ОАЭ) и COP30 (Бразилия) объявили о создании партнерства с целью продвижения изменений, зафиксированных на предыдущих саммитах. На следующем COP29 в Азербайджане эта «двойка» окажет финансовую, интеллектуальную и дипломатическую поддержку.

Одна из практических задач, которую поставили перед собой страны, заключается в создании при поддержке ООН финансового фонда. В него войдут Арабские Эмираты и ряд других стран, которые собираются в 2025 году представить новые национально определяемые уровни сокращения выбросов парниковых газов (ОНУВ). Традиционно так сложилось, что каждое государство передает эти данные в депозитарий ООН, однако этот процесс достаточно хаотичен. К COP30 ОАЭ, Бразилия и Азербайджан при участии других заинтересованных сторон собираются унифицировать эти обязательства.

Важно отметить, что цели ОНУВ будут приближены к задачам по сохранению биоразнообразия, что также благоприятно для России. Еще один значимый момент — развитие нерегулируемых или добровольных рынков углеродных единиц. Последние 2–3 года эти площадки находились под шквалом уничтожающей критики. Но здесь тоже произошло два позитивных события. Первое заключается в том, что крупнейшие финансовые регуляторы во второй половине 2023-го и первой половине 2024 года однозначно высказались в пользу развития рынков углерода.

Второй позитивный момент — к повестке очень быстро подключаются биржевые и небиржевые торговые площадки крупных развивающихся стран. Это особенно стало заметно во второй половине 2023 года. На данный момент

сформирован так называемый биржевой альянс между ОАЭ и Сингапуром. В конце прошлого года Арабские Эмираты выдали первое разрешение на ведение рыночной торговли углеродными единицами. Как мы видим, в следующем году Индия и Саудовская Аравия также собираются присоединиться к этой практике.

Климат и энергетика

Клименко: Глобальный переход к новым источникам энергии, демографические изменения, декарбонизация и энергетические реформы — все это существенно влияет на климат. Сейчас отечественная энергетика проявляет осторожность и консерватизм. Нынешние темпы климатических изменений являются беспрецедентно быстрыми, и важно признать, что существенная часть этих изменений обусловлена деятельностью человека. По нашим оценкам, доля антропогенного воздействия на климат составляет более 70–75%. За решение этой проблемы мы несем ответственность не только перед нашими потомками, но и перед будущими поколениями.

Необходимо осознать, что дальнейший подъем уровня океана становится неизбежным. Даже в случае, если весь мировой автопарк и тепловые электростанции были бы остановлены, повышение температуры продолжится в течение как минимум половины столетия.

На расстоянии 50 километров от морского побережья проживает более 30% населения Земли, а менее чем в 200 километрах от моря — уже больше половины мирового населения. В этой прибрежной зоне сосредоточено 85% мировой экономики. Даже если нам удастся ограничить изменение климата до 1,5 °С, уровень морей все равно продолжит расти. При долгосрочной перспективе он может подняться на 5 или даже 10 метров. В течение нескольких столетий уровень морей, вероятно, поднимется более чем на метр. Это непременно приведет к затоплению таких городов, как Санкт-Петербург, Бангкок, Манила, Майами, Хьюстон, Новый Орлеан.

Мы на пороге катастрофы, но еще не в самом эпицентре. Скорее всего, в этом году мы столкнемся с более высокой температурой, чем в прошлом. Предполагается, что рекордные значения 2023 года останутся непревзойденными до 2030-го. Независимо от сценария, включая самые экстремальные, температура продолжит расти в течение десятилетий из-за накопленных изменений в атмосфере.

Особенно остро глобальное потепление ощущается в России. Территория нашей страны находится в зоне интенсивных изменений климата, а Москва стала одним из эпицентров этого явления. Скорость изменения температуры в городе превосходит показатели большинства других реги-

онов мира. Это связано как с особенностями климата в данной зоне, так и с воздействием городской среды, что усиливает эффект глобального потепления в 3,5 раза. Так, при нагреве планеты на один градус, температура в Москве увеличивается на 3,5 градуса. Это приведет к снижению эффективности паровых и газовых турбин, особенно на атомных электростанциях. В результате мы потеряем мощности — до полутора гигаватт. Такая ситуация увеличивает вероятность возникновения блэкаутов.

При увеличении средней температуры на полтора градуса, что, безусловно, произойдет к середине века, будет выделяться 45 млн тонн углекислого газа ежегодно. Это составляет 5% от общего ежегодного объема выбросов. Сбалансированный уровень выбросов начинает снижаться преимущественно за счет поглощения в лесном секторе землепользования. Лично мне сложно представить, какие факторы могут привести к увеличению этого поглощения почти в 3 раза. Также очень тревожная тенденция — увеличение масштабов лесных пожаров за последние 20 лет.

Как мы можем решить эту проблему? Россия заявила о своем стремлении достичь углеродной нейтральности, а одним из способов, помимо выращивания лесов, является производство энергии из возобновляемых источников. Однако стоит отметить, что Россия занимает 40-е место по производству энергии из ВИЭ и значительно отстает от Чили, Дании, Финляндии. Эта тенденция требует серьезного внимания.

Кроме того, энергетика с середины XXI века будет основана на совершенно новых источниках ресурсов. Через 30 лет важность угля, нефти и газа значительно снизится. Сейчас это может показаться утопичным, но спрос на эти ресурсы уменьшится. Вместо них будут востребованы другие материалы, такие как литий, кобальт и редкоземельные металлы.

Геополитика vs климатическая дискуссия

Романов: В России понятие энергетической безопасности определено в специализированной доктрине, она рассматривается через призму экономики, а не энергетики, как это происходит в большинстве государств. Именно этот аспект используется, чтобы подорвать экономический рост РФ.

Традиционная концепция энергетической безопасности, зародившаяся во время нефтяного кризиса 1973 года, включала в себя стандартные механизмы: диверсификацию поставщиков и источников энергии, резервирование

мощностей и инфраструктуры, создание запасов. Далее к ним добавились инструменты для защиты всей цепочки: бесперебойное снабжение, приемлемые цены, энергосотрудничество с гарантиями для его участников.

Европейские страны главной угрозой для себя считали зависимость от внешних поставщиков энергетических ресурсов и колебания цен на них. Поэтому залогом безопасности они считали стабильные политические режимы в странах-экспортерах. Свою защиту они выстраивали с учетом этих аспектов, а также пытались избавиться от монополии «Газпрома» в поставках и получить полную информацию о запасах углеводородов в других странах, в том числе в России.

Глобальные изменения климата также оказали влияние на концепцию энергобезопасности стран. Однако здесь важно понимать, что для таких стран, как, например, Китай, переход к возобновляемым источникам энергии с нуля не является реалистичным вариантом, особенно когда более 80% потребляемой энергии происходит от угля. Отсюда становится понятен вектор действий некоторых стран: единственный шанс у государств, которые не обладают достаточными запасами энергетических ресурсов, не проиграть в экономической борьбе — это каким-то образом дискредитировать традиционные энергоносители и обложить их дополнительным углеродным налогом.

Таким образом, правительства руководствуются двумя главными аспектами: доступностью топлива и его поставками и необходимостью диверсификации своих источников энергии для снижения доминирующей роли каких-либо поставщиков. В данном случае, как правило, речь идет о России.

Попытки использования энергетики в качестве инструмента политического противостояния создают глобальные вызовы для мировой системы энергетической безопасности. До недавнего времени считалось, что основным вызовом для энергетического сектора в ближайшие десятилетия будут глобальные изменения климата и необходимость их борьбы. Однако последние годы показали, что внимание в значительной степени сместилось к геополитическим аспектам. Этот фактор начал влиять не только на будущее развитие мировой экономики и энергетики, но и на изменение устоявшихся тенденций, которые ранее казались неизбежными, включая процесс глобализации рынка.

Наступивший кризис охватил практически весь мир и привел к окончательному устареванию модели отношений, основанной на идее взаимозависимости как на ценности, где каждая сторона предоставляет другой ресурс в обмен на оборудование и прочее. Этот принцип лежал в основе построения как наших, так и зарубежных систем энергобезопасности, но в данный момент он рухнет.

Системные вызовы охватывают не только хозяйственную деятельность, но и социально-политические процессы человечества. Эти процессы затрагивают и Россию. В свое время Москва приняла правила глобальной игры и была готова стать надежным поставщиком энергоресурсов на длительный срок. Однако правила вновь изменились, и это осознали не только мы, но и другие государства. В связи с этим возникла необходимость изменения стратегий защиты и взаимоотношений на рынке. Для России это означает переориентацию экспортных объемов природного газа на внутреннее потребление с целью развития экономики. Несмотря на то что поворот на Восток был предпринят давно, он остается сложным и затратным процессом.

Соответственно, страны БРИКС тоже работают в направлении развития и сотрудничества в сфере энергетической безопасности и подчеркивают заинтересованность в создании собственных механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации. Новым инструментом в данной сфере (он обозначен в доктрине энергетической безопасности) является система управления рисками. Она призвана придать деятельности в области энергетической безопасности опережающий комплексный характер и повысить эффективность принимаемых мер.

Кроме того, важно обновить саму доктрину, хотя она была принята совсем недавно — в 2019 году. Документ показал свою состоятельность, но важно двигаться дальше.

Пространственное развитие и энергетика регионов

Крюков: Мир переживает смену парадигмы: от стремления к доминированию в энергетике к социально ориентированному использованию ресурсов. Приведем в качестве примера Норвегию, которая утилизирует значительную долю выбросов. Это достигается благодаря эффективным технологическим системам и особому подходу, применяемому при разработке нефтегазовых месторождений с использованием технологии Carbon Capture and Storage (CCS). Именно это создало уникальные предпосылки, со временем трансформировавшиеся в новые ценности и решения, которые мы наблюдаем сегодня.

В экономическом контексте необходимо рассматривать проекты, охватывающие полный цикл производства и использования энергии. Это включает не только добычу и потребление энергии, но также производство соответствующего оборудования, выбор оптимальных способов использования энергии и выгоды, которые могут быть получены различными участниками процесса. При этом стоит помнить, что выгода

от энергетических проектов не ограничивается лишь финансовыми результатами или налоговыми поступлениями, но также включает в себя воздействие на окружающую среду и общественное благосостояние.

И безусловно, важна роль научно-экспертного сообщества. Уже прозвучавшие доклады свидетельствуют о принципиальной невозможности предусмотреть все предпосылки и условия, возникающие в современных реалиях. Это требует разработки новых процедур диалога. Переговоры, открытое обсуждение, постоянный мониторинг и активное участие экспертов — чрезвычайно важные элементы.

С чем мы сталкиваемся в современной России? Производственно-технологическая система, унаследованная от эпохи классической и постклассической индустриализации советских времен, по-прежнему доминирует. Ее характерная черта — эффект масштаба и колоссальная рентная отдача. Как следствие, гигантские корпорации продолжают властвовать в нефтегазовой отрасли и энергетике — например, «Газпром», который производит почти 70% ресурсов. В нефтяной отрасли господствуют крупные игроки, а независимые производители добывают от 2 до 3%, в то время как 15 лет назад их доля составляла 15%.

И среди основных причин, почему мы продолжаем держаться за это, — колоссальная роль топливно-энергетических ресурсов в формировании налоговых поступлений. Однако в современном мире прямое государственное участие — скорее исключение, чем правило. На первый план выходят принципы поиска компромиссных решений.

Ключевой вопрос, который, к сожалению, не был затронут в докладах, — ситуация в объединенной энергосистеме Сибири: майнинг криптовалюты против условий жизни населения. Сегодня 8–10% энерго мощностей Сибири уходит на майнинг. В то же время промышленные центры региона страдают от чудовищной экологической обстановки, делающей жизнь людей невыносимой. Поэтому нам необходима расстановка приоритетов. В число ключевых показателей производства и распределения электроэнергии должна быть включена норма — метрика, отражающая социально ориентированное и экологически сбалансированное использование и перераспределение ресурса.

Касательно реплики об отсутствии в России редкоземельных металлов (РЗМ): у нас расположено Томторское месторождение, содержащее, как известно, 20% мировых запасов. При этом наша доля в мировой добыче составляет всего 2%. Мы добываем 6 тысяч тонн, потребляем 2 тысячи тонн и 1,6 тысячи тонн импортируем. Причина в том, что вся система и отрасль, ориентированная на РЗМ, не соответствует современным техническим требованиям к производству оборудования.

Отсюда вывод: регулирование, касающееся производства, добычи и использования отечественных РЗМ, должно базироваться на мировом опыте, на современных технических условиях и передовых российских исследованиях. Мы отказались от всеобъемлющего планирования, но эффективную систему регулирования так и не сформировали. Принципы доступа к минерально-сырьевым ресурсам, комплекс научно-технических требований фактически отсутствуют.

Просто задумайтесь: в нефтегазовой отрасли, если обратиться к статистике, мы видим 70% локализации. Однако с точки зрения использования пассивного оборудования локализация достигает впечатляющих 90%, в то время как локализация активного оборудования — всего 5%. Все остальное — те самые «рабочие органы», импортируемые инструменты воздействия на источники и трансформации энергии. Отсюда следует, что комплексный подход к научно-техническим условиям, изучению и освоению недр — залог устойчивости, соответствия принципам и целям развития. И здесь важно понимать, что устойчивое развитие — это не только экология, но и стабильная социально-экономическая ситуация.

Требуется система мониторинга исполнения условий. Вспомним соглашения о разделе продукции, где изначально декларировалось 70% локализации. Но кто контролировал исполнение? Никто, и развитие в этом направлении не было обеспечено. А как обстоят дела в Норвегии или Канаде? В Норвегии локализация на современных промыслах достигает 85% — это результат социально ориентированного управления процессами и связями с ключевыми отраслями экономики. Кто возьмет на себя эту роль у нас? ПАО «ЕЭС России» или другая организация? Очевидно, необходима комплексная структура, объединяющая, координирующая и обеспечивающая взаимодействие.

В формировании социальной ценности у каждого участника процесса своя роль. Крупные производственно-сервисные компании играют колоссальную роль, а задача государства — создание и поддержание условий для развития. И наша с вами роль, роль научно-экспертного сообщества — не только обсуждение, но и мониторинг реализации проектов, содействие кооперации, интеграции, сотрудничеству и партнерству. Диалог является ключевым словом нашей встречи. Не просто диалог, а соучастие в решении проблем, связанных с этими процессами. Приоритет с социальной точки зрения — создание высокотехнологичных рабочих мест. Крупные компании должны делать акцент на применении апробированных технологий, а сервисные научно-технологические компании — на развитии стартапов и инноваций.

В заключение хочу подчеркнуть, что в основе успеха — глубокое знание отечественных особенностей освоения и использования топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, учет их в процессе формирования отечественной модели развития нашей экономики.

Сценарии развития ТЭК России

Макаров: В новой геополитической ситуации Россия занимает исключительное положение, возглавив переход к многополярному миру. Эта миссия требует наращивания экономики и обеспечения устойчивости энергетической базы в условиях сокращающегося присутствия страны на мировых рынках.

В XX веке воюющие стороны прибегали к мобилизационной экономике разной степени жесткости. Мы рассмотрели наиболее мягкую модель — интенсификацию инвестиций при одновременном росте потребления и сохранении неизменной продолжительности рабочего дня. Целями исследования стали анализ крайних сценариев, оценка рациональных параметров интенсификации экономики и развития ТЭК России. Для каждого сценария было проведено моделирование экономики России, развития отраслей, включая объем производства и инвестиций, численность занятых, финансовые характеристики и так далее. Особое внимание уделялось проблеме дефицита трудовых ресурсов и возможностям его преодоления

за счет цифровизации производства, реализации взвешенной миграционной политики и других мер. Модели мировых энергетических рынков позволили определить объемы, цены и выручку от экспорта российских энергоносителей. На основе системы ТЭК России мы определили потребности страны в топливе и энергии, а также оптимизировали производственно-экономические показатели развития отраслей ТЭК. Затем были установлены объемы капитальных вложений в отрасли ТЭК, их вклад в ВВП и бюджет страны. Наконец, мы оценили объемы выбросов парниковых газов предприятиями топливно-энергетического комплекса.

Рассмотрим более детально разработанные модели. Плановый сценарий соответствует базовому варианту стратегии развития России, принятому правительством на период до 2035 и 2050 годов. По сути, это наиболее оптимистичные прогнозы Минэкономразвития. Ускоренный сценарий ориентируется на долю инвестиций в ВВП, характерную для Индии в XXI веке, а интенсивный — на показатели экономики Китая. В результате пла-

новый сценарий демонстрирует рост экономики на уровне около 3% в год в течение рассматриваемого периода — результат, остающийся для нас пока недостижимым. Ускоренный сценарий предполагает рост на 4,3%, а интенсивный — на 5,6%. Таким образом, речь идет о диапазонах 4–4,5% и 5–6% соответственно.

Расчеты моделей мировых энергетических рынков позволили оценить объемы российского экспорта, уже сократившегося на треть в ходе специальной военной операции. В сценарии так называемого двухполярного мира эта тенденция сохранится, однако в модели консолидированного мира экспорт сможет восстановиться наполовину.

Теперь поговорим о сценарии развития ТЭК. К 2050 году производство электроэнергии вырастет от 30 до 70%. При этом доля выработки традиционных ТЭЦ, КЭС и ГЭС будет сокращаться, а доля атомной энергии увеличится в 1,7 раза, возобновляемых источников энергии — в 5–7 раз. Доля электростанций, использующих топливно-энергетические ресурсы, вырастет с 41% до 45–52%, а объем потребляемых ресурсов, согласно прогнозам, увеличится на 8–27%. Таким образом, сохранится баланс газо- и гидроэнергии за счет сокращения использования твердого топлива при одновременном подъеме атомной энергетики и возобновляемых источников.

При таком энергопотреблении и с учетом экспорта топлива добыча ресурсов в России сократится на 10% уже к 2025 году, после чего снизится к 2050 году еще на 6%, согласно плановому сценарию. Ускоренный же сценарий обещает стабилизацию и даже прирост на 5%. В структуре энергобаланса незначительно увеличится доля газа, снизятся показатели нефти и угля, а атомная энергетика и возобновляемые источники энергии продемонстрируют заметный рост, хотя их общая доля и не превысит 4–5%.

Анализ сценария форсированного экономического роста России показал, что интенсивный путь, с увеличением доли накопления капитала до 40–42% в 2030–2035 годах, чреват дефицитом трудовых ресурсов, замедлением темпов роста экономики и уровня жизни, увеличением выбросов парниковых газов и другими рисками. То есть китайский сценарий нам не подходит. Расчеты рисков, связанных с нарушением прогноза развития и роста ВВП, выявили недопустимость такой модели. Оптимальным представляется компромисс между плановым и ускоренным сценариями, обеспечивающий более умеренные темпы роста инвестиций и ВВП на уровне 4–6% до 2035 года и 3–4% до 2050 года.

В этом контексте ТЭК призван обеспечить интенсификацию экономики, наращивание производства электроэнергии и добычи газа, с приоритетным развитием атомной энергетики и возобновляемых источников энергии, но при одновременном снижении добычи нефти и газа. Тем не менее в новых геополитических реалиях топливно-энергетический комплекс, похоже, утратит свою прежнюю роль локомотива российской экономики.

Задачи ТЭК России

Колпаков: Главными задачами для отраслей топливно-энергетического комплекса следует считать: обеспечение эффективным энергоснабжением потребителей, ускоренную реализацию программы электрификации, обеспечение технологического суверенитета и импортозамещения, а также снижение вредных выбросов и эмиссии парниковых газов.

Первый аспект касается электроэнергетики. Здесь важно учитывать ускоренный рост потребления электроэнергии, который обусловлен не только естественным процессом электрификации, но также влиянием программ по сокращению выбросов. Эти программы в основном осуществляются с применением технологий, направленных на переход от использования ископаемых топлив к электроэнергии, что приводит к увеличению спроса.

Стратегия производства электроэнергии определена до 2029 года как в России, так и в ЕС. В этом десятилетии прирост мощностей АЭС и ГЭС будет в разы меньше, чем в прошлом. В атомной энергетике это еще можно объяснить, например, заменой старых блоков на новые, а в гидроэнергетике ситуация очень грустная. Все это приводит к тому, что появляющиеся безуглеродные мощности даже не покрывают прирост спроса.

Параллельно с этим снижается угольная генерация. С одной стороны, это правильная стратегия в плане удовлетворения потребностей за счет местных источников, но ситуация меняется, если брать во внимание социальные интересы и запрос на снижение выбросов. Внимание в ближайшие 10–12 лет нужно уделить АЭС и ГЭС — необходимо усилить их роль, одновременно с этим создавая все условия для уменьшения доли угольной энергетики.

В России вводятся рекордные площади новых зданий в теплоэнергетике, и кажется, что это должно вести к увеличению спроса на тепло. По факту этого не происходит, и в реальности потребление тепла в России снижается уже довольно много лет. Тенденция ускорится из-за трех причин:

- новые площади более энергоэффективны, они постепенно вытесняют старые;
- численность населения не увеличивается;
- климат меняется.

Эти причины считаются серьезным вызовом для отрасли теплоснабжения — нужно стремиться к развитию при снижении спроса.

В импорте российской энергии наблюдался спад после введения санкций в 2014 году, под ударом оказались нефтедобыча и угольная отрасль. Со временем мы нашли выход: была перестроена логистика и поставки, в итоге к 2021 году отрасль вернулась к прежним показателям. То есть здесь такого кардинального позитива точно не произошло. Единственный сектор, где произошло снижение зависимости от импорта, — электроэнергетика. И причина здесь понятна — это локализация производств газовых турбин, совместное предприятие Siemens и General Electric. Тем не менее нельзя сказать об обеспечении технологического суверенитета.

Значительного сокращения выбросов парниковых газов до 2036 года ожидать не стоит, но это не значит, что не нужно предпринимать какие-либо шаги. По нашему мнению, акцент нужно делать на выбросах, которые не зависят от сжигания топлива, здесь есть большой потенциал. Реализовать его можно при элементарном наведении порядка в утилизации нефтяного газа.

Еще одной важной деталью является адаптация. РФ все дальше уходит в зону распространения многолетней мерзлоты. Проблема кроется в том, что процессы деградации мерзлоты нелинейно ускоряются, и это значит, что то, что мы сейчас строим, должно надежно функционировать не в современных условиях, а в условиях середины века и даже дальше. То есть новые проекты должны обеспечивать запас прочности.

Пять барьеров для развития энергоснабжения

Голов: Энергосбережение — один из ключевых факторов энергетической безопасности и ее устойчивого роста. Вопрос поднимался на энергетическом форуме, прошедшем в прошлом году. С тех пор позиция России в рейтинге стран не изменилась. По итогам 2022 года РФ заняла второе место

среди 43 государств по энергоемкости ВВП и по паритету покупательной способности, и 22-е (из 25) среди крупнейших экономик потребителей энергии.

Потенциал энергосбережения в отечественной экономике составляет около трети от годового потребления энергоресурсов всей страны. Особенно высокий потенциал энергосбережения, достигающий 27%, или 101 млн тонн условного топлива, присутствует в промышленности.

Выделяется пять основных барьеров на пути энергосбережения в промышленности. Первый — импортозависимость производителей промоборудования. В РФ доля зарубежных комплектующих при производстве электрощитового оборудования достигает порядка 50–70%, а из имеющихся в России газотурбинных установок более 60% — импортные.

Второй — высокий уровень износа техники и инфраструктуры, средние значения приближаются к отметке 63%. Это говорит о росте рисков наступления различных аварийных случаев, в том числе и за счет большого процента изношенных сетей и зданий советских годов постройки.

Третий — низкий уровень внедрения систем автоматизации энергосбережения в промышленности (АСУТП, АСКУЭ, SKADA и так далее). Только четыре подобные структуры появились на предприятиях в период с 2021 по 2023 года. Здесь также наблюдается проблемы с финансированием и организационными вопросами.

Четвертый — слабое развитие энергосервиса. Изначально энергосервисные контракты рассматривались как способ решения, но статистика говорит об обратных результатах: их количество, например, с 2021 по 2022 год сократилось почти в 2 раза.

Пятый — острый дефицит специалистов. По разным оценкам, потребность экономики в них оценивается в 2 тысячи человек. Нюанс заключается в том, что кадры такого уровня почти никто не готовил. В РФ обучение шло по двум ветвям: через технические вузы, откуда выходили хорошие инженеры, но не имевшие опыта с различными проектными решениями, и через обучение менеджеров. Эти пути шли параллельно, затем стала использоваться междисциплинарная подготовка, она была введена в Московском авиационном вузе. В нем и ряде других университетов реализуется пилотный проект перехода на базовое высшее образование и специальное высшее образование.

Были и программы двойных дипломов с европейскими вузами, но сейчас такие контакты остановлены, однако ведется поиск новых. Кроме того, есть процессы другого характера — между различными предприятиями и вузами.

Россия и арабские страны: сотрудничество в сфере энергетики

Сухель: На протяжении всей истории между Россией и арабскими странами складывались дружественные отношения. Это проявилось еще во время существования Советского Союза, когда были реализованы значимые проекты, способствующие развитию экономики многих стран. Например, в 1970-х годах при поддержке СССР была построена первая гидроэлектростанция в Сирии. Кроме того, активно развивалась инфраструктура Алжира, Ирака, Йемена, Ливии. После распада Советского Союза отношения между странами находились на паузе по различным причинам. С 2000 года Россия активно начала восстанавливать связь и усиливать свое присутствие в арабских государствах.

На сегодняшний день было заключено множество договоров в области энергетики. Так, в Египте строится при поддержке России атомная электростанция, подписаны важные договоры с Саудовской Аравией, ОАЭ, Сирией. В Ираке успешно работают ведущие организации, такие как «Газпром», «Роснефть» и так далее. Если я не ошибаюсь, общий объем российских инвестиций составил около 20 млрд долларов.

На сегодняшний день, к сожалению, товарооборот между арабскими странами и Россией составляет не более 2–3%. Этого недостаточно. По нашим подсчетам, этот показатель должен составлять минимум 10%, то есть превысить 100 млрд долларов. Однако на данный момент этой цели мы не достигли.

Наши преимущества понятны. Мы видим, что в последнее время России удалось успешно координировать действия с арабскими странами в области нефти и обеспечения безопасности энергоресурсов на международном уровне. Это значительные достижения, учитывая сложность таких задач.

Кроме того, необходимо участвовать в развитии добычи возобновляемых источников энергии. Мы постоянно сталкиваемся с вызовами и амбициозными целями, поставленными мировым сообществом к 2050 году. Рост использования ветровой и солнечной энергии происходит на стремительном уровне не только в Китае, Индии, Европе и Америке, но и в арабских странах. Даже в Сирии наблюдается поддержка развития данного направления, и более шести компаний уже зарегистрированы для производства фотоэлементов и других компонентов замкнутого цикла. Также в стране предоставляют гражданам беспроцентные и долгосрочные кредиты для развития электрификации.

Несмотря на свои значительные запасы нефти и газа, Саудовская Аравия является крупнейшим инвестором в эту отрасль. Арабские Эмираты также занимают лидирующие позиции в секторе. Сейчас многие компании инвестируют в эту отрасль не только на внутреннем рынке, но также успешно расширяют свою деятельность в Испании и других европейских странах, занимаясь экспортом передовых технологий.

В России отсутствуют проблемы с энергетикой, ресурсами и стратегическими запасами. Однако экспорт услуг является двигателем экономики во многих странах. Представьте себе, если бы у нас была развита отрасль солнечной энергии. Мы могли бы реализовать большие проекты на сотни миллиардов долларов. Несмотря на присутствие в этой области мировых лидеров из Европы, США и Китая, Россия также могла бы претендовать на значительную долю рынка.

Время для модернизации

Закревский: Стоит уделить внимание балансам энергетических систем, в частности установленным мощностям. Наши страны достаточно диверсифицированы с точки зрения использования различных видов энергии: тепловые и гидроэлектростанции, атомные станции и ВИЭ. Однако доля возобновляемых источников энергии не превышает 5% в большинстве стран, за исключением Армении, где благоприятный климат позволяет достичь 12%. Несмотря на значительный потенциал, использование возобновляемых источников энергии во всех странах остается недостаточным.

Важно подчеркнуть, насколько различны энергосистемы наших пяти стран. Россия и Казахстан охватывают 90% всего энергетического потенциала Союза. Различия проявляются на уровне развития законодательства в сфере энергетических рынков. Так, в некоторых государствах отсутствует как таковая законодательная база и преобладает прямое государственное регулирование, что, несомненно, тормозит развитие общих рынков энергетической инфраструктуры — электроэнергетической, газовой и нефтяной. Вместе с тем нельзя не отметить существующие трансграничные связи, унаследованные с постсоветского пространства: межгосударственные транзитные линии электропередачи, объединяющие всю синхронную зону (за исключением Армении), а также нефте- и газопроводы, обеспечивающие ресурсами не только страны Союза, но и приграничные регионы.

Вопрос износа основных производственных фондов, остро стоящий перед многими странами, и проблема перекрестного субсидирования — вот те глобальные вызовы, которые, на мой взгляд, определяют приоритеты на ближайшее десятилетие. Информация эта не является тайной: из общего объема в 250 гигаватт тепловых мощностей, половина

из которых приходится на тепловые электростанции в Российской Федерации, к 2030 году 80% достигнут критической точки физического и морального износа. Это колоссальный потенциал, требующий обновления.

И пока мы говорим о возобновляемых источниках энергии и энергоэффективности, надвигается глобальная проблема, которая заставит нас обратить пристальное внимание на традиционные объекты генерации. Эти предприятия требуют не просто ремонта, а глубокой переработки, новых технических и проектных решений, современного оборудования. Многие страны уже значительно продвинулись в вопросах эффективности, достигнув впечатляющих показателей КПД. Газовые станции демонстрируют двукратное превосходство над нашими тепловыми мощностями, чей КПД 32–33% заметно уступает 50% газового цикла. Это существенное отставание в энергоэффективности.

Поэтому сейчас время не для поиска полумер, а для масштабной перестройки, реконструкции и модернизации ключевых объектов. Такой подход даст колоссальный эффект в топливоиспользовании. Учитывая климатические особенности России, где тепловые электростанции всегда будут востребованы для выработки как тепловой, так и электрической энергии, безусловным приоритетом остается эффективное использование ресурса.

Критический износ основных производственных фондов, как в активной, так и в пассивной части, превышает 60%. Показатели энергетической безопасности (и в Беларуси, и в Армении, и в России) похожи. В Казахстане износ достигает 73%. В России же около 80% ГЭС и почти 60% ТЭЦ истощены. Это лишь средние цифры, но они рисуют мрачную картину: большая доля энергетической инфраструктуры к 2030 году будет полностью амортизирована и потребует немедленной замены. И здесь никакие ВИЭ не помогут.

Что касается внешних экономических факторов, то мы наблюдаем турбулентность на мировых рынках. С одной стороны, это хорошо, потому что позволяет нам сосредоточиться на внутреннем развитии. С другой стороны, мы не готовы к закрытой экономике. В условиях санкций такой сценарий станет бременем для страны, испытывающей ресурсный голод. Тем же, кто обладает запасами, следует лишь сфокусироваться и извлечь максимальную пользу из имеющихся активов. Однако значительная часть технологических решений по-прежнему поступает из европейских стран, что диктует необходимость создания собственных компетенций, способных обеспечить полноценное импортозамещение. Мы остро ощущаем зависимость, например, в производстве газовых машин мощностью свыше 30 мегаватт. И как я уже говорил, износ основного генерирующего

оборудования достиг критической отметки, и кто возьмет на себя смелость его заменить — непонятно. Даже проекты, реализуемые «Интер РАО», охватывают не только Россию, но и Казахстан и другие страны, что создает колоссальную нагрузку на «Силовые машины» и «Рыбинские моторы». Имеющихся мощностей может попросту не хватить, чтобы удовлетворить растущий спрос.

Итак, как же нам преодолеть эти вызовы? Путь один — диверсификация. Все страны стремятся к ней. Это не просто экономическая стратегия, это вопрос энергетической безопасности. К примеру, в Беларуси построили атомную станцию и смогли диверсифицировать свою газовую генерацию на 25%, прежде на 95% зависящую от газа. Теперь же, с введением АЭС, диверсификация происходит за счет включения в энергетический цикл ядерного топлива.

Кроме того, добыча энергетических ресурсов должна быть продиктована экономической целесообразностью. Если у страны есть местные виды топлива, то она должна их использовать. Безусловно, технологии диктуют свои условия, но нельзя забывать о создании рабочих мест и развитии регионов. К этому стремятся и великие державы, и страны Европы, которые, несмотря на современные тенденции, учитывают значимость угольной промышленности и продолжают развивать угольные станции. И даже в наших планах, вплоть до 2040-х годов, не сокращать долю угольной генерации.

Приоритет Евразийского союза — создание общих энергетических рынков и поддержка стран-участниц. По результатам прошлого отопительного сезона государства показали свою устойчивость в электроснабжении, а также продемонстрировали прирост по производству электрических мощностей: Россия — от 1,3%, другие страны — до 4%. Это очень существенно, так как напрямую влияет на ВВП.

Вместе с тем на ряде объектов произошли крупные аварии, в том числе трансграничные. Поэтому основная задача — достижение энергетического и технологического суверенитета.

Прорывные технологии для энергетики

Волков: За последние 30 лет, с 1990 по 2022 год, не произошли значительные изменения как в области установленных мощностей, так и в производстве электроэнергии. Поэтому неясно, что именно будет способствовать увеличению показателей. Наступила чрезвычайная ситуация, которая подвергает сомнению будущее России. Возможно, мы будем вынуждены идти по новому пути, даже если это потре-

бует применения экономических или других средств давления. Важно понимать, какое влияние окажет военное перенапряжение, поскольку оно всегда сопряжено с серьезными последствиями, на фоне которых рыночные механизмы могут перестать функционировать.

Если говорить о разнице между установленной мощностью и используемой мощностью — это так называемый разный резерв, запертые мощности, которые после развала СССР оказались не нужны, хотя они очень впечатляющие. В 1990 году общая установленная мощность составляла 41 гигаватт, в то время как к 2021 году этот показатель вырос до 75–80 гигаватт.

Что это за мощности? Средний КПД производства электроэнергии на тепловых электростанциях составляет порядка 30–33%. Во всем мире, в том числе и в Африке, средний КПД уже превышает 40–45%. Эта разница объясняется тем, что многие отечественные станции были построены давно и с течением времени потеряли свою эффективность. В СССР в 1972 году построили первую в мире газовую турбину мощностью 100 мегаватт. Через 4 года мы построили первую в мире парогазовую установку на Невинномысской ТЭЦ. Сейчас все парогазовые установки в мире, которые строятся, имеют коэффициент использования более 60%, в то время как в нашей стране он остался на уровне 35%, в основном из-за отсутствия газовых турбин.

И то, что сейчас подается как высшее достижение России, это газовая турбина 100 мегаватт для морских судов. Она с вертикальным разъемом, ее сложно отремонтировать, если что-то случится. А там газовые лопатки первых ступеней нужно менять очень часто, через 2–3 года. У России есть колоссальный потенциал, но этим потенциалом нужно воспользоваться, а для этого нужны технологии.

Изобретать ничего не нужно. Нужно научиться выпускать оборудование по тем стратегиям, которые есть, и в первую очередь речь идет о газовых турбинах, у которых приличные мощности. Их не раз пытались сделать. Больше 2 лет мы с президентом Академии наук мы пытаемся получить деньги на этот проект, даже не на саму турбину — ее делать больше 7 лет.

Единственной прорывной технологией до 2040 года может стать только двухкомпонентная атомная энергетика, где замкнутый цикл, один реактор на свинце и на быстрых нейтронах утилизирует все отходы обычных станций. В результате обычные станции 4-го поколения работают прекрасно, выбросов нет, авария исключена. Однако пока есть только завод.

ЧАСТЬ II

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ РОССИИ

**НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК:
ПОЛИЦЕНТРИЗМ ИЛИ БИПОЛЯРНОСТЬ?**

THE NEW WORLD ORDER:
POLYCENTRISM OR BIPOLARITY?

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И РИСКИ

THE GLOBAL ECONOMY: NEW TRENDS AND RISKS

**АРХИТЕКТУРА МИРОВЫХ ФИНАНСОВ:
В ПОИСКЕ РЕШЕНИЙ**

GLOBAL FINANCIAL ARCHITECTURE:
IN SEARCH OF SOLUTIONS

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:
НОВЫЕ РЕШЕНИЯ**

CHINA-RUSSIA COOPERATION: NEW SOLUTIONS

俄中合作：新方案

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: ПОЛИЦЕНТРИЗМ ИЛИ БИПОЛЯРНОСТЬ?

Однополярный мир и глобализация уходят в прошлое. Эксперты панельной сессии ВЭО России «На пути к многополярному миру и устойчивому развитию (к 80-летию ООН)», которая состоялась в рамках XVI Международного экономического форума «Россия — Исламский мир: KazanForum 2025», назвали сценарии нового миропорядка, а также страны и институты, которые станут движущими силами формирования новой мировой системы.

Организатор сессии: Вольное экономическое общество России (ВЭО России) в партнерстве с Информационным центром ООН в Москве и Союзом «Торгово-промышленная палата Республики Татарстан»

*Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор Института нового индустриального развития
имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН*

*Александр Дынкин,
президент ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН,
член Президиума РАН,
академик РАН,
вице-президент ВЭО России*

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: ПОЛИЦЕНТРИЗМ ИЛИ БИПОЛЯРНОСТЬ?

Александр Широ́в,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Владимир Кузнецов,
директор Информационного центра ООН в Москве

Дмитрий Биричевский,
директор Департамента экономического
сотрудничества (ДЭС) МИД России

Алексей Громыко,
директор Института Европы РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Михаил Головнин,
директор Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Эркан Югур,
член исполнительного комитета
Международной экономической ассоциации,
экс-председатель Турецкой экономической ассоциации

Сулейман Анта Ндиайе,
заместитель генерального секретаря
Международного движения русофилов,
президент Форума африканского возрождения

М

Бодрунов: Мы проводим эту сессию в рамках крупного мероприятия — XVI Международного экономического форума «Россия — Исламский мир: KazanForum 2025», который по традиции проходит в Казани.

Предваряя обсуждение, хочу сказать несколько слов о том времени, в котором мы живем. Мир находится на распутье. Перспективы глобального развития туманны. Время сложное, которое характеризуется неким глобальным кризисным фоном: это и социальные, и экологические, и технологические проблемы, рост геополитической напряженности и конфликтного потенциала в мире, усиление геоэкономической фрагментации мировой экономики и глобальная конкуренция на рынках товаров, капиталов, технологий и рабочей силы.

Фокус государств на своих национальных интересах, образно говоря, перетягивание одеяла на себя, развитие протекционистских мер и санкционных режимов, информационные войны, эскалация военных конфликтов — все эти явления приобретают сегодня беспрецедентный масштаб, сдерживают наше цивилизационное развитие.

Очевидно: модель роста, нацеленная на обособление государств и получение ими преимуществ за счет других стран, — это путь в никуда. «Одеяло у всех общее». Текущая неокOLONиальная модель мирового устройства себя исчерпала. Ей на смену должна прийти новая система политических и экономических отношений, движущей, объединяющей силой которой и ключевыми элементами станут Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС, Организация исламского сотрудничества (ОИС) и другие интеграционные объединения. Они уже сегодня стремительно наращивают авторитет в экономике, финансах, климатической повестке, укреплении продовольственной и энергетической безопасности, показывают убедительные результаты.

Цифры говорят сами за себя: по итогам 2024 года ВВП Евразийского экономического союза (ЕАЭС) увеличился на 4,2%, а ВВП БРИКС ускорился до 4,9%. Это выше среднемировых темпов роста, которые составили в прошлом году 3,2%! Государства — члены интеграционных объединений, в том числе Россия, ведут активную работу по формированию общего пространства для сотрудничества в торгово-экономической, социальной, научной и технологической сферах. В частности, Россия активно развивает взаимодействие со странами БРИКС, ЕАЭС и ОИС.

Чтобы не быть голословным, приведу еще немного цифр: товарооборот нашей страны с государствами ОИС быстро растет. За последние 4 года он увеличился на 44% и превысил 160 млрд долларов. Сохраняется высокий уровень сотрудничества России с рядом исламских государств в области науки и технологий. Мы запускаем совместные проекты в сферах кибербезопасности, космоса, сельскохозяйственных инноваций, умных городов. Уверен, это только начало нашего большого совместного пути...

Что еще хотел бы сказать: мы живем во время, которое я называю переходом к новому состоянию общества — ноосостоянию. Это длительный процесс, который требует инклюзивного сотрудничества между странами, где во главу угла будут поставлены принципы равноправия, взаимоуважения, открытости, солидаризма, стратегического межгосударственного партнерства, не допускающего экономической монополии и ее использования для достижения гегемонии. Это единственный путь преодоления концептуального цивилизационного кризиса.

Многополюсность vs новая биполярность

Дынкин: Трудно представить более актуальную тему для дискуссии, чем трансформация мирового порядка. Я надеюсь, что наш профессиональный разговор станет серьезным интеллектуальным вкладом в этот процесс.

Однополярный мировой порядок, который существовал в 1992–2022 годах, ушел в историю, а вместе с ним канули в Лету и такие его теоретические концепты, как миропорядок, основанный на правилах, или «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы. «Конец истории» — это было, конечно, серьезное заблуждение, это была ошибка, и неолиберальные глобалистские элиты взяли ее на вооружение. Результатом ее стали расширение НАТО на Восток, «Арабская весна», цветные революции в бывших республиках СССР и глубокий внутренний раскол западных обществ. Современная мировая

турбулентность — это во многом следствие этих ошибок, а также технологических изменений, миграционных процессов и структурных сдвигов в балансах стратегических и экономических сил.

Концепция многополярного (или полицентричного мира) в России впервые была сформулирована академиком РАН Евгением Примаковым в 1996 году. Как и все новое, она не сразу была воспринята, однако стала существенным вкладом в отечественную и мировую теорию международных отношений, весомым противовесом, альтернативой западным подходам, прежде всего выдвинутом в работе Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Эта концепция легла в основу реализованной Евгением Примаковым идеи трехстороннего сотрудничества Россия — Китай — Индия, которая получила практическое развитие в виде группы стран БРИКС.

Сегодня идея многополярности признана в мировой политике, вошла в систему понятий и язык международной дипломатии. Она используется в доктринальных документах России и, похоже, близка нынешней администрации США.

Каким будет будущий миропорядок? Какая из двух тенденций — к полицентризму или к биполярности — возобладает сегодня? Сказать однозначно сложно. С моей точки зрения, возможно их сопряжение: на Глобальном Севере — жесткая биполярность, от чего никак не могут отказаться европейские элиты, а на Глобальном Юге — полицентризм. На Севере военная, экономическая и технологическая биполярность уже очевидна.

Сохраняется тренд на политическую полицентричность. Например, Анкара и Нью-Дели заняли диаметрально противоположные позиции по палестино-израильскому конфликту. Новые центры силы, принимая решения, все больше руководствуются собственными интересами, а не правилами или советами Вашингтона, Пекина и Москвы.

Весьма опрометчиво надеяться на то, что будущий мировой порядок окажется бесконфликтным. Важно, чтобы интересы больших и малых стран принимались во внимание, а проблемы решались путем диалога на основе устава Организации Объединенных Наций. Россия, как вы знаете, первой бросила вызов однополярному мировому порядку. Сегодня можно констатировать, что большинство стран Глобального Юга поддержали нашу страну. Я убежден в том, что многополярный мир предпочтительнее для России, как развитой, самодостаточной и суверенной страны. Но такой мир, конечно, требует и новой системы глобального управления, и ее институты сегодня уже создаются. Это БРИКС, ШОС, G20, ЕАЭС. За их становлением очень интересно наблюдать.

Вторая наша тема — это 80-летний юбилей ООН. Думаю, это хороший повод задуматься о новом концептуальном обосновании мирового развития за порогом 2030 года. Понятие устойчивости предполагает равновесность, что плохо сопрягается с понятием развития, которое по своей этимологии подразумевает выход из равновесного состояния. Поэтому устойчивое развитие — на мой взгляд, не очень удачный термин. Это оксюморон. В условиях обострения международной конфликтности и кризиса миропорядка невозможно построить новую систему глобального управления только на основе устойчивого развития. Уже сегодня прогнозируется, что цели устойчивого развития (ЦУР) на период 2015–2030 годов не будут достигнуты. Этим обусловлена актуальность вопроса о переходе к новой парадигме развития, которая бы объединяла все страны — члены ООН.

Мы в ИМЭМО РАН предлагаем концепцию ответственного развития. Этот концепт предполагает максимально широкое использование возобновляемых, в том числе нематериальных, ресурсов (большие лингвистические модели и широкий спектр природосберегающих технологий).

Четыре всадника апокалипсиса

Кузнецов: Любое движение вперед в экономике, социальной сфере, политике, контуры будущего миропорядка — все это базируется на прочном фундаменте международного права. Другой фундамент, кроме Устава ООН, пока не был придуман. В этом году мы отмечаем 80 лет с даты подписания и вступления в силу Устава ООН, а также создания ООН.

Мировые тенденции, которые мы наблюдаем, неутешительны. Неслучайно генеральный секретарь ООН с чувством беспокойства и тревоги сравнил явления, которые происходят в мире, с четырьмя всадниками апокалипсиса.

Первый всадник — это геополитическая напряженность, конфликты, теракты, вооруженные столкновения, которые уносят сотни тысяч жизней ежегодно.

Второй всадник — это климатический кризис и глобальное потепление. Планета буквально горит, а некоторым государствам, прежде всего островным, грозит серьезная опасность.

Третий всадник — это неравенство и диспропорции в финансово-экономической модели современного мира, которые генерируют растущее глобальное недоверие и вооруженные конфликты.

Четвертый всадник — вызовы цифровизации. Новые технологии используются для совершения преступлений, разжигания ненависти, нарушения прав человека, распространения недостоверной информации. Кроме того, половина населения мира лишена доступа к интернету. И это будет генерировать рост глобального неравенства.

Несмотря на значительные успехи в сокращении нищеты в ряде регионов, многие люди балансируют на грани бедности. Около 2,8 млрд человек (более трети населения планеты) живут на сумму от 2 до 6 долларов в день. Экономическую неопределенность усугубляет нестабильная занятость. Около 60% людей в мире боятся потерять работу и не найти новую. Большинство населения мира (65%) живет в странах, где растет неравенство доходов. Это подрывает доверие к институтам власти. Более половины людей в мире не доверяют своим правительствам.

Все эти проблемы накапливались на протяжении десятилетий. Преодоление вызовов, ускорение прогресса в достижении целей устойчивого развития повестки-2030 потребуют фундаментальных изменений в политике, устройстве институтов власти и мышлении людей. Чтобы справиться с вызовами современности, нужен поворот на магистральный путь сотрудничества и взаимодействия на основе восстановления доверия.

Мы убеждены, что объединение усилий экономистов со всего мира, международных организаций, федеральных и региональных властей, гражданского общества способно противостоять тем, кто ставит под вопрос не только безусловную ценность ООН, но и ее Устава. Рассуждения о том, что ООН стала бессильной, не соответствуют действительности.

ООН сейчас живет в состоянии жесточайшего бюджетного дефицита, и инициатива ее Генерального секретаря направлена на то, чтобы определить, какие функции дублируют друг друга и где можно сэкономить. Для нас важно, чтобы, следуя курсу жесточайшей экономии, вместе с грязной водой мы бы не выплеснули ребенка. ООН была создана для того, чтобы помогать людям, и сейчас организации как никогда требуется поддержка.

Дынкин: Хочу сказать, что ООН нужна не только инвентаризация расходов, но и реформа. Позиция России заключается в том, что мы выступаем за расширение состава Совета Безопасности ООН, включение в него Индии, Бразилии и стран Африканского континента. Я думаю, этот шаг будет способствовать преодолению финансового кризиса в вашей замечательной организации.

Возрождение евразийства

Биричевский: Признателен за возможность выступить по такой важной теме, как становление многополярного мира и юбилей ООН — организации, которая вносит значительный вклад в социально-экономическое развитие мира.

Конечно, ООН не идеальна. Многим институтам ООН не мешало бы добавить объективности и учета интересов всех стран. Тем не менее ООН — это единственный универсальный легитимный инструмент, который позволяет на основе принципа консенсуса добиваться широкого согласия.

Сегодня ситуация в мире складывается конфликтная. Это обусловлено процессами регионализации, разделением стран на квазиавтономные блоки, фрагментацией мировой экономики на фоне роста протекционизма и числа ограничений в глобальной торговле, движении капитала, технологий и рабочей силы, усилением неравенства и технологического разрыва. Результат — объективное сокращение международной торговли, снижение объемов прямых иностранных инвестиций, волатильность цен на сырьевые товары, рост инфляции, падение доходов граждан и корпоративной прибыли во многих странах. В 2025 году к этим факторам добавились непредсказуемые зигзаги торговой политики США, которые способствуют усилению рисков регионализации, увеличению дисбаланса не только между Севером и Югом, но и среди стран с развитыми экономиками.

Соответственно, есть основания для того, чтобы усомниться в жизнеспособности международной системы торговли. Новой реальностью стали нелегитимные односторонние санкции и инструменты нерыночной конкуренции, направленной на сдерживание развития других стран. Это чревато усилением структурных проблем в глобальной экономике.

Соответственно, у мирового большинства и у России возникают вопросы к эффективности и непредвзятости тех финансовых и торговых институтов, форматов взаимодействия, которые сейчас существуют.

В МИД России есть сомнения, стоит ли нашей стране оставаться в таких недружественных структурах, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация.

Среди организаций, которые сейчас выходят на передний план, не могу не отметить «Группу двадцати». Форум функционирует как эффективный механизм реагирования на глобальные кризисы. Председательство государств БРИКС в последние годы в «Группе двадцати» способствовало усилению голоса стран Глобального Юга, голос мирового большинства становится все громче.

В заключение скажу, что мы сейчас в МИД вместе с ведомствами продвигаем тему Большого евразийского партнерства. Это инициатива президента России. Вне зависимости от деструктивных действий Запада продолжается развитие экономического взаимодействия с нашими партнерами по Евразийскому континенту. Сейчас концепция Большого евразийского партнерства на финальной стадии подготовки. В ее основе — максимальное устранение барьеров, прежде всего в торговле, укрепление связанности и такое цивилизационное понятие, как евразийство, и его пропаганда на основе общечеловеческих ценностей и нашего общего наследия.

Большинство дружественных нам стран на евразийском пространстве разделяют такой подход. На днях в Москве лидеры России и Китая подтвердили актуальность задач по скоординированному продвижению Большого евразийского партнерства совместно с китайской инициативой «Один пояс — один путь» и сопряжению этих инициатив. Уверен, что все вместе со странами Ближнего Востока, АСЕАН, Центральной Азии мы сможем достичь успехов на этом пути, и ООН нам в этом поможет.

Факторы развития мировой экономики

Широв: В основе регионализации мировой экономики, смены однополярного мира на многополярный лежат экономические причины. Ключевая из них — это рост экономической мощи крупнейших развивающихся стран и повышение их запроса на самостоятельность в проведении экономической политики.

Несмотря на эйфорию от того, что однополярный мир заканчивается, я бы хотел сосредоточиться на рисках и проблемах, которые возникают в связи с переходом к многополярной модели мирового устройства.

Главный риск — это снижение темпов экономического роста как в развитых, так и в развивающихся странах в условиях регионализации мировой экономики, замедления темпов роста торговли, фрагментации затрат на исследования и разработки в рамках отдельных контуров экономической силы. Это существенный риск, потому что ресурсы, которые могут быть потрачены на достижение ЦУР — борьбу с нищетой, бедностью, защиту экологии, — начинают существенно сжиматься, особенно в бедных странах.

С точки зрения достижения ЦУР текущие темпы экономического роста недостаточны. В новой фазе глобализации, связанной с созданием центров экономической силы, следует выстраивать взаимовыгодные отношения как между

развитыми, так и между развивающимися странами, чтобы достичь целей, которые стоят перед мировой экономикой. Большую роль в обеспечении консенсуса призваны сыграть международные организации — их роль должна кратно возрасти. На мой взгляд, сейчас в связи с ростом торговых ограничений есть все возможности для переформатирования даже такого «замшелого» института, как Всемирная торговая организация. В текущих условиях ВТО может набрать вес и внести большой вклад в развитие взаимодействия между разными центрами экономической силы.

Ключевая история, которая определит будущее экономики, — это научно-технологическое развитие. Текущий уровень затрат на исследования и разработки в ведущих странах достаточно высок, но отдача от НИОКР постоянно снижается. Если мы будем в условиях регионализации мировой экономики дублировать затраты на наиболее важные технологии в области обеспечения продовольствием, энергией, роста эффективности производительности труда, мы фактически будем ограничивать потенциал роста мировой экономики. А это значит, что нужно решать вопрос интеграции достижений научно-технологического развития между развитыми и развивающимися экономиками.

Важная задача, которая стоит сегодня перед Россией, — подняться по технологической пирамиде. Если на этом пути к нам присоединятся Китай и страны постсоветского пространства, мы можем получить более эффективную систему обмена результатами исследований и разработок по всему миру.

Одно из условий устойчивости мировой экономики — развитие торговых, экономических и политических связей между развитыми и развивающимися странами. Без тесного сотрудничества в рамках глобальной экономической системы мы не можем решать ключевые задачи, которые перед нами стоят, не получим требуемого качества мировой экономики. Международное сотрудничество — то, что позволяет преодолевать глобальные ограничения экономического развития.

В заключение скажу, что риски, связанные с регионализацией мировой экономики, не меньше, чем те выгоды, которые крупные развивающиеся страны, в том числе и Россия, могут получить. Сегодня важно искать пути, которые позволят устойчиво развиваться не только отдельным странам или группам стран, но и всему человечеству. Возможно, конкуренция между развитыми и развивающимися странами, между глобальными центрами силы позволит построить новый мир и новые институты взаимодействия в рамках глобальной экономики.

Будущее международных отношений

Громыко: В этом году мы отмечаем 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, 80-летие конференции «Большой тройки» в Ялте и Потсдаме и 80-летие создания ООН. На мой взгляд, ООН — это до сих пор часть Ялтинско-Потсдамской системы, которая стала воплощением нового мирового баланса сил в послевоенном мире, привела к утверждению принципа мирного сосуществования, к выстраиванию архитектуры контроля над вооружениями и стратегической стабильности. И даже после того, как мир вступил в атомную эру, запаса прочности Ялтинско-Потсдамской системы хватило на то, чтобы уберечь его от прямого военного столкновения великих ядерных держав.

Какая система международных отношений станет визитной карточкой XXI века? Мне представляется очевидным, что мировое развитие останется переплетением процессов интеграции и фрагментации, которые шли рука об руку, наверное, всю историю развития человечества.

В настоящее время происходит переход от неолиберальной модели глобализации, основанной на западоцентризме, к плюралистической модели, в основе которой лежит полицентричность.

Несмотря на то что термин «деглобализация» получил широкое распространение, это явление имеет свои пределы. Фрагментация конфигураций мировых центров силы, цепочек поставок и добавленной стоимости происходит, но, по сути, мир останется глобальным. Деглобализация затрагивает в основном отношения Запада с его оппонентами. В восточной части мира глобализационные процессы не только не прекращаются, но и развиваются.

На мой взгляд, современность международных отношений определяется политикой стратегической расстановки США с Европой и курсом Вашингтона на двойное сдерживание развития России и Китая. Основной осью конкуренции в мире стало американо-китайское противостояние. И в рамках этих процессов будет выкристаллизовываться та форма многосторонности, которая определит характер мировой политики на протяжении всего XXI века. Какой полицентризм мы получим в итоге, сейчас сказать сложно. Его модели могут быть самые разные: от конфронтационных до некоей новой модели мирного сосуществования, но уже в рамках не биполярного, а полицентричного мира. Очевидно, что статус трансрегиональных игроков будет получать все большее число стран. В первую очередь речь идет об Индии и странах

региона Персидского залива, который превращается сегодня в глобальный финансовый, инвестиционный и сервисный хаб. По-прежнему важную роль в международных делах будут играть государства — постоянные члены Совета Безопасности ООН.

Важное значение в ближайшем и среднесрочном будущем имеют взаимоотношения в треугольнике Россия — Индия — Китай, особенно в условиях быстрого роста количества стран — членов БРИКС и государств-партнеров. Многие зависит от того, как будет происходить дальнейшая формализация этого перспективного объединения, его превращение из международного клуба в институцированную организацию.

США прилагают усилия по установлению контроля над стратегическими транспортными коридорами, чем и обусловлен их интерес к Панамскому и Суэцкому каналам. Россия продвигает стратегию освоения Северного морского пути и коридора Север — Юг, а Китай — проект «Один пояс — один путь».

Параметры будущего полицентричного мира во многом определит то, как будет складываться мировая транспортная и логистическая инфраструктура. Мы прогнозируем, что российско-китайское взаимодействие продолжит набирать обороты, а влияние Запада в Евразии — снижаться. Конечно, этот процесс будет неоднородным, о чем свидетельствует растущий интерес Евросоюза и к Центральной Азии, и к Южному Кавказу. Но все же главными игроками на евроазиатском макропространстве останутся Россия, Китай и Индия с повышением роли Вьетнама, Индонезии, стран Персидского залива. Высокий статус сохраняют Япония и Южная Корея. Помимо вопросов экономического развития и национальной безопасности, в центре внимания государств останутся проблемы изменения климата, миграции и сохранения водных ресурсов.

В заключение хотел подчеркнуть, что классическая и научная дипломатия останется незаменимым компонентом миростроительства. 80-летие Великой Победы, окончания Второй мировой войны и создания ООН напоминают нам о необходимости использовать опыт прошлого, брать из него лучшее и искать пути разрядки международной напряженности. Важнейший императив сегодня — предотвращение третьей мировой войны, то есть прямого столкновения ядерных держав. Это требует прекратить деградацию системы контроля над вооружениями, дополнить ее новым содержанием, которое должно отвечать технологическим достижениям и требованиям XXI века.

Дынкин: Я думаю, что роль Европы, конечно, в будущем миропорядке меняется. Последние 200 лет новые мировые порядки формировались на европейском пространстве, а сегодня центром появления будущего мирового порядка станет Евразия.

Фрагментация мировых финансов

Головнин: Я хочу посвятить свое выступление проблемам, с которыми сталкивается мировая валютно-финансовая система.

Мировой валютно-финансовой системе больше 150 лет. За это время она прошла два больших цикла глобализации, вторая волна глобализации, видимо, идет к завершению. Поэтому, если выделять ключевые проблемы современной мировой валютно-финансовой системы, я бы назвал распространение процессов фрагментации.

Что такое фрагментация? Для меня это антитеза глобализации, ослабление экономической взаимозависимости на глобальном уровне. Но значит ли это, что экономическая взаимозависимость в принципе ослабляется? Нет. Она может усиливаться на региональном уровне.

Одно из ключевых событий, связанных с развитием процессов фрагментации, — это мировой экономический финансовый кризис 2007–2009 годов. Именно после него появились такие термины, как фрагментация и деглобализация. Но значимым рубежом стало скорее начало торговой войны США и Китая в 2018 году, которая ускорила создание барьеров для торговли и движения капитала.

Можем ли мы увидеть фрагментацию в валютно-финансовой сфере? Да. Мы наблюдаем сокращение трансграничных потоков капитала. При этом больше всего и от такой финансовой фрагментации страдает Китай и государства Евросоюза.

Мы видим, как с 2021 года нарастают глобальные дисбалансы в мировой экономике. Меняется политика в отношении накопления валютных резервов. В начале 2000-х годов мы наблюдали бурный рост накопления резервов, особенно среди стран с формирующимися рынками. В 2013–2014 годах произошел перелом. Особенно ярко изменение курса проявилось после 2022 года в силу рисков, связанных с хранением валютных резервов в ведущих мировых валютах. Объем глобальных мировых валютных резервов до сих пор не восстановился по сравнению с показателем 2022 года.

Отдельно выделяю проблему глобального долга. Его пик был достигнут в 2020 году, в последующие годы его уровень снижался, но еще не достиг допандемийных значений и по-прежнему высок, в основном за счет долга правительств. Для некоторых стран он становится критическим. В 2023 году было рекордное количество суверенных дефолтов в XXI веке. При этом мы должны понимать, что основные долгосрочные риски глобальной долговой проблемы связаны с крупными должниками. Это США, Китай, Япония, страны Евросоюза. Если мы хотим решить глобальную долговую проблему, то в первую очередь речь об этой группе должников.

Развитие процессов цифровизации в финансовой сфере идет по двум основным направлениям — в финансовой и в валютной сфере, где начала проявляться конкуренция между частными и государственными валютами.

К чему может привести развитие цифровизации финансов? Здесь возможны два сценария. Первый: цифровизация будет способствовать глобализации как одна из форм технологического развития. Второй: цифровизация, снижая издержки некоторых видов сделок, может стать значимым фактором для развития фрагментации.

Центральным является вопрос глобального управления. Сейчас в глобальном управлении мировой валютно-финансовой системой важную роль играют Бреттон-Вудские институты. После реформы власть перешла к «Группе двадцати», что формально укрепило позиции стран с трансформирующимися рынками, но надо понимать, что повестка дня в этой сфере все равно формируется западными государствами.

В чем здесь основная проблема? Мы можем говорить о появлении многополярности в других секторах, но в валютно-финансовой системе, к сожалению, сохраняется сильная моноцентричность или дуополия доллара и евро. Вся мировая финансовая инфраструктура фактически контролируется двумя игроками — США и Европейским союзом.

Есть тенденция к ослаблению этой дуополии, но вопрос в том, смогут другие группы стран предложить альтернативы существующей мировой финансовой системе. Пока серьезных кризисных явлений в валютно-финансовой сфере нет. В отдельные годы мы наблюдали повышенную волатильность курсов валюты и снижение потоков капитала, но это пока не привело к тому, чтобы страны приняли решение пересмотреть основы мировой финансово-валютной системы. Надеюсь, государства осознают необходимость выстраивания новой конфигурации раньше, чем наступит очередной экономический, финансовый или валютно-финансовый кризис. Отход от моноцентризма и монополизма в валютно-финансовой сфере необходим — это очевидно.

Три полюса силы

Югур: Спасибо за возможность выразить некоторые свои взгляды. В 2015 году ООН предложила 17 целей устойчивого развития. Достичь их планировалось к 2030 году. Одно из положений ЦУР предполагало обеспечение свободной торговли, но против него выступили США и Великобритания.

Согласно общему консенсусу, во время и после окончания Второй мировой войны — с 1945 до 1991 года (до распада СССР) — мир был биполярным. Были два полюса силы: во главе одного стояли США, во главе второго — СССР. Эта система рухнула в 1991 году. С 1992 года начался однополярный период. Он продолжался до 2008 года, когда в США разразился глобальный финансовый кризис.

Вице-президент Еврокомиссии Жозеп Боррель отмечал, что к многополярности привел ряд причин, среди которых — экономический, политический и военный рост ряда стран, который позволил им стать новыми центрами силы в мире. Боррель выделял три блока. Первый — США и союзники, второй — Китай, Россия и их партнеры, третий — Евросоюз. На мой взгляд, четвертым центром могут стать исламские страны — Индонезия, Иран, Турция, Саудовская Аравия.

Но на данный момент признаются только три полюса силы, и каждый из них занимается международной торговлей внутри своего блока. Это негативно сказывается на развитии международной торговли, и это не то, что нужно миру.

Россия и Африка: потенциал сотрудничества

Ндиайе: Я хотел бы поговорить о перспективах развития и улучшения российско-африканских отношений в рамках различных структур ООН. В своем выступлении я хочу остановиться на трех пунктах.

Первый пункт — это сотрудничество России и Африки в рамках Генеральной Ассамблеи ООН. Африканские страны традиционно составляют значительную часть голосующего большинства. Россия активно работает с африканскими партнерами над формированием коалиции по вопросам, связанным с противодействием санкциям, международной безопасностью, суверенитетом и недопустимостью вмешательства во внутренние дела государств.

Второй пункт — это необходимость увеличения представительства развивающихся стран в Совете Безопасности ООН. Россия и многие африканские государства придерживаются схожих взглядов на реформу ООН. Африканские государства регулярно занимают непостоянные места в Совете Безопасности. Это проблема. Россия активно взаимодействует с ними, особенно в вопросах миротворчества и урегулирования конфликтов на Африканском континенте. Россия может усилить свое финансовое и политическое участие через военных наблюдателей в африканских миротворческих операциях, тем самым укрепить свои позиции в Африке.

Третий пункт — это экономическое и гуманитарное сотрудничество через структуры ООН. Через продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН Россия может усиливать поддержку африканских стран в условиях глобального продовольственного кризиса, связанного с конфликтами и изменением климата. Россия также может активизировать программы по линии ЮНЕСКО и ВОЗ, предоставляя стипендии африканским студентам.

Перспективы укрепления российско-африканских отношений в рамках ООН есть, особенно в гуманитарной, политической и миротворческой сферах. Россия должна фокусироваться на точечных инициативах, подчеркивая свою приверженность принципам равноправия, взаимоуважения и отказа от неокOLONиализма.

В заключение скажу, что Россия может использовать свою культуру, чтобы приблизиться к Африке. Произведения русских писателей XIX века: Толстого, Достоевского, — это вершина мировой литературы. К сожалению, Россия недостаточно эксплуатирует культурную дипломатию.

THE NEW WORLD ORDER: POLYCENTRISM OR BIPOLARITY?

The unipolar world and globalization are becoming a thing of the past. Experts from the panel session of the Free Economic Society of Russia (VEO of Russia), “Towards a Multipolar World and Sustainable Development (on the 80th anniversary of the UN),” which took place as part of the 16th International Economic Forum “Russia – Islamic World: Kazan Forum 2025,” named the scenarios for a new world order, as well as the countries and institutions that will become the driving forces behind the formation of a new global system.

Session organized by: the Free Economic Society of Russia (VEO of Russia) in partnership with the UN Information Centre in Moscow and the Union “Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tatarstan”

Sergey Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
Director of the S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences (RAS)*

Alexander Dynkin,
*President of the Primakov Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO RAS),
Member of the Presidium of RAS, Academician of RAS,
Vice President of the VEO of Russia*

THE NEW WORLD ORDER: POLYCENTRISM OR BIPOLARITY?

Alexander Shirov,
*Director of the Institute of Economic Forecasting of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Vladimir Kuznetsov,
Director of the UN Information Centre in Moscow

Dmitry Birichevsky,
*Director of the Department of Economic Cooperation
of the Russian Ministry of Foreign Affairs*

Alexey Gromyko,
*Director of the Institute of Europe of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Mikhail Golovnin,
*Director of the Institute of Economics of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Ercan Uygur,
*Member of the Executive Committee
of the International Economic Association,
former President of the Turkish Economic Association*

Souleymane Anta Ndiaye,
*Deputy Secretary General
of the International Russophile Movement,
President of the African Renaissance Forum*

Bodrunov: We are holding this session as part of a great event — the 16th International Economic Forum “Russia — Islamic World: Kazan Forum 2025,” which traditionally takes place in Kazan.

Before we begin the discussion, I would like to say a few words about the times we live in. The world is at a crossroads. The prospects for global development are unclear. These are challenging times, marked by a global crisis characterized by social, environmental, and technological problems, growing geopolitical tensions and conflict potential worldwide, increasing geoeconomic fragmentation of the world economy, and heightened global competition in markets for goods, capital, technologies, and labor.

The focus of states on their national interests, or, figuratively speaking, trying to “grab the biggest piece of the pie,” the development of protectionist measures and sanction regimes, information wars, and the escalation of military conflicts — all these phenomena are taking on an unprecedented scale today, hindering our civilizational development.

It is obvious: a growth model aimed at the isolation of states and their gaining advantages at the expense of others is a dead end. The “pie” is a shared one. The current neocolonial model of the world order has had its day. We all need a new system of political and economic relations, the driving and unifying force of which, and its key elements, will be the Eurasian Economic Union (EAEU), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), BRICS, the Organization of Islamic Cooperation (OIC), and other integration associations. They are already rapidly building authority in the economy, finance, and climate agendas, while also strengthening food and energy security, showing convincing results.

The numbers speak for themselves: by the end of 2024, the GDP of the Eurasian Economic Union (EAEU) increased by 4.2%, and the GDP of BRICS accelerated to 4.9%. That figure is well above the average global growth rate of 3.2% from last year! Member states of integration associations, including Russia, are actively working to form a common space for cooperation in the trade, economic, social, scientific, and technological spheres. In particular, Russia is actively developing cooperation with the BRICS, EAEU, and OIC countries.

To substantiate my claims, I will provide a few more figures: our country's trade turnover with OIC states is growing rapidly. Over the past four years, it has increased by 44% and exceeded \$160 billion. Russia maintains a high level of cooperation with some Islamic states in science and technology. We are launching joint projects in cybersecurity, space, agricultural innovations, and smart cities. I am confident that this is only the beginning of our long journey together...

What else I would like to say is that we are living in a time that I call the transition to a new state of society — the noostate. It is a long-term process that requires inclusive cooperation between countries, where the principles of equality, mutual respect, openness, solidarity, and strategic interstate partnership, which does not allow for economic monopoly and its use for hegemony, will be paramount. It is the only way to overcome the conceptual civilizational crisis.

Multipolarity vs. New Bipolarity

Dynkin: It's hard to imagine a more relevant topic for discussion than the transformation of the world order. I hope that our professional conversation will be a significant intellectual contribution to this process.

The unipolar world order that existed from 1992 to 2022 is a thing of the past, and along with it, theoretical concepts such as the “rules-based world order” or Francis Fukuyama’s “The End of History” have sunk into oblivion. “The End of History” was, of course, a serious delusion; it was a mistake, and the neoliberal globalist elites took it on board. The result was NATO’s eastward expansion, the “Arab Spring,” “color revolutions” in former USSR republics, and a deep internal split in Western societies. Today’s global turbulence stems largely from these mistakes, as well as technological changes, migration processes, and structural shifts in the balances of strategic and economic forces.

The concept of a multipolar (or polycentric) world was first formulated in Russia by Yevgeny Primakov, Academician of the Russian Academy of Sciences, in 1996. Like all new ideas, although not immediately accepted, it became a significant contribution to Russian and world theory of international relations, a powerful counterweight and an alternative to Western approaches, primarily those put forward in Samuel Huntington’s “The Clash of Civilizations.” This concept formed the basis of Yevgeny Primakov’s idea of trilateral cooperation among Russia, China, and India, further developed in the form of the BRICS group of countries.

Today, the idea of multipolarity is recognized in global political science, being part of the system of concepts and the language of international diplomacy. It is used in Russian doctrinal documents and seems to be resonating with the current US administration.

What will the future world order be like? Which of the two trends — towards polycentrism or towards bipolarity — will prevail today? It is difficult to say for sure. In my view, their conjunction is possible: hard bipolarity in the Global North, which European elites are unable to abandon, and polycentrism in the Global South. In the North, military, economic, and technological bipolarity is already evident.

The trend towards political polycentricity remains. For example, Ankara and New Delhi have taken diametrically opposed positions on the Israeli-Palestinian conflict. New centers of power, when making decisions, are increasingly guided by their own interests, not by the rules or advice of Washington, Beijing, and Moscow.

It would be very reckless to hope that the future world order will be conflict-free. It is essential to consider the interests of all countries — large and small — and to resolve problems through dialogue guided by the principles of the United Nations Charter. Russia, as you know, was the first to challenge the unipolar world order. Today, we can state that the majority of countries in the Global South have supported our country. I am deeply convinced that a multipolar world is preferable for Russia, as a developed, self-sufficient, and sovereign state. But such a world, of course, also requires a new system of global governance, with its institutions currently under development. These are BRICS, the SCO, the G20, and the EAEU. Their formation is fascinating to observe.

Our second topic is the 80th anniversary of the UN. I believe this is a good reason to consider a new conceptual foundation for global development beyond 2030. The concept of sustainability presupposes equilibrium, which does not mesh well with development, which, by its etymology, implies a departure from a state of equilibrium. Therefore, “sustainable development” is, in my opinion, not a very successful term. It is an oxymoron. Given the escalation of international conflict and the crisis of world order, it is impossible to build a new system of global governance based solely on sustainable development. The anticipated failure to achieve the 2015–2030 Sustainable Development Goals (SDGs) underscores the need to transition to a new development paradigm that can unite all UN member states.

At IMEMO RAS, we propose the concept of responsible development. This concept assumes the maximum utilization of renewable resources, including intangible ones (like large language models and a wide range of nature-saving technologies).

The Four Horsemen of the Apocalypse

Kuznetsov: Any movement forward in the economy, social sphere, or politics, the contours of a future world order are based on the solid foundation of international law. With no other foundation yet invented besides the UN Charter, this year, we are celebrating 80 years since its signing and entry into force, as well as the creation of the UN.

The global trends we are observing are disappointing. It is no coincidence that the UN Secretary-General, with a sense of anxiety and concern, compared the events unfolding in the world to the four horsemen of the apocalypse.

The first horseman is geopolitical tension, conflicts, terrorist attacks, and armed clashes that claim hundreds of thousands of lives every year.

The second horseman is the climate crisis and global warming. The planet is literally on fire, and some states, especially island nations, are in grave danger.

The third horseman is inequality and disproportions in the financial and economic model of the modern world, which generate growing global distrust and armed conflicts.

The fourth horseman is the challenges of digitalization. New technologies enable the commission of crimes, the incitement of hatred, the violation of human rights, and the spread of misinformation. Furthermore, half the world's population lacks internet access. All this will generate a rise in global inequality.

Despite significant successes in poverty reduction in some regions, many people are balancing on the edge of poverty. About 2.8 billion people (more than a third of the planet's population) live on between \$2 and \$6 a day. Unstable employment also intensifies economic uncertainty. About 60% of people worldwide fear losing their jobs and not being able to find a new one. The majority of the world's population (65%) lives in countries where income inequality is growing. All this undermines trust in government institutions. More than half of the people in the world do not trust their governments.

All these problems have been accumulating for decades. Overcoming the challenges and accelerating progress toward achieving the Sustainable Development Goals of the 2030 agenda will require fundamental changes in politics, the structure of government institutions, and people's thinking. To cope with modern challenges, we need a turn toward the path of cooperation and interaction based on the restoration of trust.

We believe that uniting the efforts of economists from around the world, international organizations, federal and regional authorities, and civil society can counteract those who question not only the unconditional value of the UN but also its Charter. The arguments that the UN has become powerless are untrue.

The UN is currently facing a severe budget deficit, and the Secretary-General's initiative aims at determining which functions duplicate each other and where to make savings. For us, it's crucial that by following a course of the most severe austerity, we don't throw the baby out with the bathwater. Created to help people, the UN now needs more support than ever.

Dynkin: I would like to say that the UN needs not only an audit of its expenses but also reform. Russia's position is that we advocate for expanding the UN Security Council to include India, Brazil, and African countries. I believe this step will help your remarkable organization overcome its financial crisis.

The Revival of Eurasianism

Birichevsky: I am grateful for the opportunity to speak on such an important topic as the formation of a multipolar world and the anniversary of the UN, which makes a significant contribution to global socioeconomic development.

Of course, the UN is not perfect. Many UN institutions need more objectivity and consideration for the interests of all countries. Nevertheless, the UN is the only universal, legitimate instrument that allows for broad agreement to be achieved based on the principle of consensus.

Today, the world situation is contentious, which is due to processes of regionalization, the division of countries into quasi-autonomous blocs, the fragmentation of the world economy against a backdrop of rising protectionism and a growing number of restrictions in global trade, the movement of capital, technologies, and labor, and increasing inequality and the technological gap. This results in an objective reduction in international trade, a decline in foreign direct investment, volatility in commodity prices, rising inflation, and a drop in people's incomes and corporate profits in many countries. In 2025, these factors included the unpredictable zigzags of US trade policy, which contribute to an increase in the risks of regionalization and growing imbalances not only between the North and the South but also among developed economies.

Accordingly, there is reason to doubt the viability of the international trade system. Illegitimate unilateral sanctions and non-market competition tools aimed at containing the development of other countries have become a new reality, which threatens to exacerbate structural problems in the global economy.

Consequently, the global majority and Russia have questions about the effectiveness and impartiality of the financial and trade institutions and interaction formats that currently exist.

The Russian Foreign Ministry has doubts about whether our country should remain a member of such unfriendly structures as the World Bank, the International Monetary Fund, and the World Trade Organization.

Among the organizations that are now coming to the forefront, I must mention the Group of 20. The forum functions as an effective mechanism for responding to global crises. The BRICS countries' presidencies in the Group of 20 in recent years have contributed to strengthening the voice of the Global South, and the voice of the global majority is getting louder.

In conclusion, I must say that we at the Ministry of Foreign Affairs, together with other departments, are now promoting the idea of the Greater Eurasian Partnership. It is an initiative of the Russian President. Despite the destructive actions of the West, economic cooperation with our partners on the Eurasian continent continues to develop. The concept of the Greater Eurasian Partnership is now in its final stages of development. It relies on the maximum elimination of barriers, primarily in trade, strengthening connectivity, and the civilizational concept of Eurasianism, along with its promotion based on universal human values and our shared heritage.

The majority of countries friendly to us in the Eurasian space share this approach. Recently in Moscow, the leaders of Russia and China confirmed the relevance of coordinating the promotion of the Greater Eurasian Partnership together with China's "One Belt, One Road" initiative and the coupling of these initiatives. I am confident that, together with the countries of the Middle East, ASEAN, and Central Asia, we can achieve success on this path, and the UN will help us.

Factors in the Global Economic Development

Shirov: Economic factors underlie the regionalization of the world economy and the change from a unipolar to a multipolar world. The key one is the growth in the economic power of the largest developing countries and their increasing demand for independence in conducting economic policies.

Despite the euphoria surrounding the end of the unipolar world, I would like to focus on the risks and challenges arising from the transition to a multipolar world order.

The primary risk is a decline in economic growth in both developed and developing countries, driven by global economic regionalization, a slowdown in trade growth, and the fragmentation of research and development spending

among competing power structures. It is a significant risk because the resources available for achieving the SDGs — fighting poverty and protecting the environment — are beginning to shrink significantly, especially in low-income countries.

In terms of achieving the SDGs, the current rates of economic growth are insufficient. As new centers of economic power emerge in this phase of globalization, it's essential to forge mutually beneficial relationships between developed and developing countries to achieve global economic goals. International organizations have a key role to play in ensuring consensus — their role should increase many times. In my opinion, now, due to the growth of trade restrictions, there is every opportunity to reform even such a “moth-eaten” institution as the World Trade Organization. Under current conditions, the WTO can gain traction and make a significant contribution to the development of cooperation between different centers of economic power.

The key factor that will determine the future of the economy is scientific and technological development. Although the current level of spending on research and development in leading countries is high, the return on R&D is constantly decreasing. In a regionalized global economy, duplicating spending on vital technologies like food and energy production and labor productivity will limit the world's growth potential. We must, therefore, resolve the issue of integrating scientific and technological advances between developed and developing economies.

A key task for Russia today is to ascend the technological pyramid. Collaboration with China and post-Soviet countries could create a more effective system for exchanging the results of R&D worldwide.

One of the conditions for the sustainability of the world economy is the development of trade, economic, and political ties between developed and developing countries. Without close cooperation within the global economic system, we cannot solve the key problems that face us, and we will not get the required quality of the world economy. International cooperation — that's what allows us to overcome the global limitations of economic development.

In conclusion, I will say that the risks associated with the regionalization of the world economy are no less than the benefits that large developing countries, including Russia, can gain. Today, it is crucial to find ways that enable the sustainable development not only of individual countries or groups of countries but of all of humanity. Perhaps competition between developed and developing countries, as well as between global centers of power, will help build a new world and new institutions of cooperation within the global economy.

The Future of International Relations

Gromyko: This year, we are celebrating the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, the 80th anniversary of the “Big Three” conferences in Yalta and Potsdam, and the 80th anniversary of the creation of the UN. In my opinion, the UN remains part of the Yalta-Potsdam system, which embodied a new balance of power in the post-war world, leading to the affirmation of the principle of peaceful coexistence and the building of an architecture for arms control and strategic stability. Even after the world entered the atomic era, the Yalta-Potsdam system remained resilient enough to protect it from a direct military clash between the great nuclear powers.

What system of international relations will become the hallmark of the 21st century? It seems clear to me that global development will continue to be an intertwining of processes of integration and fragmentation, which have gone hand in hand, probably throughout the history of human development.

Currently, there is a transition from a neoliberal model of globalization, based on Western centrism, to a pluralistic model, based on polycentricity.

The term “deglobalization” has become widespread, but this phenomenon has its limits. Although the fragmentation of global power centers, supply chains, and value added takes place, at its core, the world will remain global. Deglobalization mainly affects relations between the West and its opponents. In the Eastern part of the world, globalization processes not only continue but also develop.

In my opinion, the current state of international relations depends on the United States’ strategic uncoupling from Europe and Washington’s course of dual containment of Russia and China. The US-China confrontation has become the primary axis of global competition. Within these processes, the form of multilateralism that will determine the nature of world politics throughout the 21st century will crystallize. What kind of polycentrism we will get in the end is difficult to say now. Its models could range from confrontational to a new model of peaceful coexistence, but within a polycentric, rather than bipolar, world. It is clear that an increasing number of countries will gain the status of transregional players. First of all, these are India and the countries of the Persian Gulf region, which are now turning into a global financial, investment, and service hub. The states that are permanent members of the UN Security Council will continue to play a significant role in international affairs.

Of great importance in the near and medium term are the relationships in the Russia-India-China triangle, especially given the rapid growth in the number of BRICS member countries and partner states. Much depends on the further formalization of this promising association, its transformation from an international club into an institutionalized organization.

The United States is making efforts to establish control over strategic transport corridors, which explains its interest in the Panama and Suez Canals. Russia is promoting a strategy for developing the Northern Sea Route and the North-South Corridor, while China is pursuing the “One Belt, One Road” initiative.

The parameters of the future polycentric world will largely depend on the development of global transport and logistics infrastructure. We predict that Russian-Chinese cooperation will continue to gain momentum, while Western influence in Eurasia will decrease. Of course, this process will be uneven, as evidenced by the growing interest of the European Union in both Central Asia and the South Caucasus. However, Russia, China, and India will remain key players in the Eurasian macro-space, with the increasing role of Vietnam, Indonesia, and the Persian Gulf states. Japan and South Korea will retain their prominent status. In addition to issues of economic development and national security, states will focus on climate change, migration, and the preservation of water resources.

In conclusion, I would like to emphasize that classical and scientific diplomacy will continue to be an indispensable component of peacemaking. The 80th anniversary of the Great Victory, the end of the Second World War, and the creation of the UN serve as a crucial reminder to learn from the past, take its best, and seek ways to de-escalate international tensions. The most vital imperative today is to prevent a third world war, that is, a direct clash of nuclear powers, which will require an end to the degradation of the arms control system, supplementing it with new content that meets the technological achievements and requirements of the 21st century.

Dynkin: I think that the role of Europe in the future world order is, of course, changing. For the last 200 years, new world orders have been forming in European space, but today, Eurasia will be the center for the emergence of a future world order.

Fragmentation of Global Finance

Golovnin: I would like to dedicate my speech to the problems that the global monetary and financial system is facing.

The global monetary and financial system is over 150 years old. During this time, it has experienced two major cycles of globalization, and its second wave seems to be nearing its

conclusion. Therefore, if I were to highlight the key problems of the modern global monetary and financial system, I would name the spread of fragmentation processes.

What is fragmentation? For me, it is the antithesis of globalization, a weakening of economic interdependence at the global level. But does it mean that economic interdependence is, in principle, weakening? No. It can get stronger at the regional level.

One of the key events related to the development of fragmentation processes was the global economic and financial crisis of 2007–2009. It was after this period that the terms of fragmentation and deglobalization emerged. But a more significant turning point was likely the start of the US-China trade war in 2018, which accelerated the creation of barriers to trade and capital movement.

Can we see fragmentation in the monetary and financial sphere? Yes. We are observing a reduction in cross-border capital flows, and China and the European Union are suffering the most from such financial fragmentation.

We see that global economic imbalances have grown since 2021, accompanied by a shift in how countries accumulate foreign exchange reserves. In the early 2000s, we observed a rapid increase in the accumulation of reserves, especially among emerging market countries. In 2013–2014, a turning point occurred. This policy change became particularly evident after 2022 due to the risks associated with storing foreign exchange reserves in the world's leading currencies. The volume of global foreign exchange reserves has not yet recovered compared to the 2022 level.

I will separately highlight the problem of global debt. It peaked in 2020, and while it has declined in subsequent years, it hasn't yet reached pre-pandemic levels and remains high, primarily due to government debt. For some countries, it is becoming critical. In 2023, there was a record number of sovereign defaults in the 21st century. At the same time, we must recognize that the most significant long-term risks of the global debt problem stem from large debtors. These are the United States, China, Japan, and European Union countries. Therefore, any effort to solve this problem must primarily address this group of debtors.

The development of digitalization in finance is proceeding in two main directions: in the financial and monetary spheres, where competition between private and state currencies has begun to emerge.

What can the development of financial digitalization lead to? Two scenarios are possible here. First, digitalization will contribute to globalization as a form of technological development. Second, digitalization, by reducing the costs of certain types of transactions, can become a significant factor in the development of fragmentation.

The central question is that of global governance. Now, the Bretton Woods institutions play a significant role in governing the world's monetary and financial system. After the reform, power shifted to the Group of 20, which formally strengthened the position of countries with transitioning markets. But the agenda in this area is still shaped by Western states.

What is the main problem here? We can talk about the emergence of multipolarity in other sectors. But in the monetary and financial system, unfortunately, a strong monocentricity or a duopoly of the dollar and the euro persists. The United States and the European Union are two players that effectively control the entire global financial infrastructure.

There is a tendency for this duopoly to weaken, but the question is whether other groups of countries will be able to offer alternatives to the existing global financial system. So far, there have been no significant crises in the monetary and financial sphere. In some years, we've seen increased exchange rate volatility and a decrease in capital flows, but this hasn't yet led countries to revise the foundations of the global financial and monetary system. I hope states realize the need for a new configuration before another economic, financial, or monetary and financial crisis occurs. A departure from monocentrism and monopolism in the monetary and financial sphere is clearly necessary.

Three Poles of Power

Uygur: Thank you for the opportunity to express some of my views. In 2015, the UN proposed 17 Sustainable Development Goals. They were to be achieved by 2030. One of the SDGs assumed the provision of free trade, but the United States and the United Kingdom opposed it.

According to the general consensus, during and after the end of the Second World War, from 1945 to 1991 (until the collapse of the USSR), the world was bipolar. There were two poles of power: one led by the United States and the other led by the USSR. This system collapsed in 1991. The unipolar period began in 1992. It lasted until 2008, when a global financial crisis erupted in the United States.

European Commission Vice President Josep Borrell noted that multipolarity had several reasons, including the economic, political, and military growth of particular countries, which allowed them to become new centers of global power. Borrell identified three blocs. The first is the United States and its allies, the second is China, Russia, and their partners, and the third is the European Union. In my opinion, Islamic countries — Indonesia, Iran, Turkey, and Saudi Arabia — could become the fourth center.

But currently, only three poles of power are recognized, and each is engaged in international trade within its own bloc. This situation negatively impacts the development of global trade, and this is not what the world needs.

Russia and Africa: Potential for Cooperation

Ndiaye: I would like to discuss the prospects for developing and improving Russian-African relations within various UN structures. In my speech, I would like to focus on three points.

The first point is the cooperation between Russia and Africa within the UN General Assembly. African countries traditionally make up a big part of the voting majority. Russia is actively working with its African partners to form a coalition on issues related to countering sanctions, international security, sovereignty, and the inadmissibility of interference in the internal affairs of states.

The second point is the need to increase the representation of developing countries in the UN Security Council. Russia and many African states hold similar views on UN reform. African states regularly occupy non-permanent seats on the Security Council, which is a problem. Russia actively interacts with them, especially in matters of peacekeeping and conflict resolution on the African continent. Russia can increase its financial and political participation by deploying military observers in African peacekeeping operations, thereby strengthening its position on the continent.

The third point is economic and humanitarian cooperation through UN structures. Through the UN Food and Agriculture Organization, Russia can increase support for African countries in the face of the global food crisis caused by conflicts and climate change. Russia can also activate programs through UNESCO and the WHO, providing scholarships to students from Africa.

There are prospects for strengthening Russian-African relations within the UN, particularly in the humanitarian, political, and peacekeeping spheres. Russia should focus on targeted initiatives, emphasizing its commitment to the principles of equality, mutual respect, and the rejection of neocolonialism.

In conclusion, I will say that Russia can use its culture to draw closer to Africa. The works of 19th-century Russian writers, such as Tolstoy and Dostoevsky, are the pinnacle of world literature. Unfortunately, Russia does not sufficiently exploit cultural diplomacy.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И РИСКИ

Согласно прогнозу ООН, в 2025 году рост мировой экономики составит 2,8%. Значительно нарастить динамику не позволяют растущая геоэкономическая фрагментация и глобальное неравенство, торговые войны и высокий уровень мирового госдолга. Ключевые риски для мировой экономики обсудили эксперты Вольного экономического общества России в ходе ежегодной презентации доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы 2025» (WESP 2025).

Организаторы презентации: Вольное экономическое общество России и Информационный центр ООН в Москве

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор Института нового индустриального развития
имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН

Борис Порфирьев,
руководитель секции экономики
Отделения общественных наук РАН,
научный руководитель ИНП РАН, академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Владимир Кузнецов,
директор Информационного центра ООН в Москве

Дмитрий Белоусов,
заместитель генерального директора
Центра макроэкономического анализа
и краткосрочного прогнозирования

Ирина Ипатова,
ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа
и краткосрочного прогнозирования

Алексей Ведев,
заведующий лабораторией
структурных исследований ИПЭИ при РАНХиГС,
член Правления ВЭО России

Александр Широ́в,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Михаил Головнин,
директор Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Альберт Бахтизин,
директор ЦЭМИ РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Никита Масленников,
ведущий эксперт Центра политических технологий,
член ВЭО России

Абел Аганбегян,
академик РАН

Бодрунов: Ежегодная публикация доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы» — важное событие для специалистов в области мировой экономики: в документе представлен глубокий анализ текущей экономической ситуации в развитых и развивающихся странах, названы ключевые ограничения глобального экономического роста, предложены меры по снижению рисков в области устойчивого развития.

Вольное экономическое общество России ежегодно вносит значительный вклад в представление ключевых докладов ООН широкой аудитории. Я хотел бы выразить глубокую признательность Информационному центру ООН в Москве за выбор ВЭО России площадкой основных презентаций, за многолетнее плодотворное сотрудничество.

В начале прошлого года авторы доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы» были осторожны в прогнозах. Однако уже в мае 2024 года эксперты ООН повысили ожидания роста мировой экономики с 2,4 до 2,7%. Большую роль в корректировке прогноза сыграло улучшение перспектив развития экономики в ряде стран, в том числе в Соединенных Штатах Америки, Индии, Бразилии и России. Напомню, согласно первым оценкам экспертов ООН, экономика России должна была увеличиться в 2024 году чуть более чем на 1%. В итоге после всех расчетов Росстата рост ВВП в России в 2024 году, скорее всего, превысит 4%.

Итак, в 2024 году мировая экономика развивалась быстрее, чем ожидалось. Это дает основания для некоторого оптимизма. Вместе с тем глобальные риски для устойчивого мирового социально-экономического развития, которые эксперты ВЭО России называли еще в начале прошлого года, сохраняются — мы наблюдаем усиление геоэкономической фрагментации и вероятности торговых войн.

Бомбой замедленного действия для мировой экономики остается рост глобального долга. В конце 2024 года Международный валютный фонд призвал национальные правительства принять меры для его снижения. Согласно данным Института международных финансов (IIF), в ряде стран задолженность значительно превышает размер национальных экономик, более того — правительства выделяют на обслуживание долга больше средств, чем на образование и соцобеспечение. В ближайшее время эта тенденция будет нарастать, убеждены аналитики Института международных финансов.

Еще один серьезный риск для мирового развития — рост экономической неопределенности в мире, в первую очередь в США. Если мы посмотрим на индекс неопределенности глобальной экономической политики (его также называют индексом Бейкера — Блума — Дэвиса), то увидим, что в 2024 году он существенно превышал средние исторические значения.

Сегодня в обсуждении материалов доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы» принимают участие ведущие российские специалисты в области мировой экономики. Ждем от вас, коллеги, экспертную оценку экономическим прогнозам ООН и представленным в документе рекомендациям по снижению рисков для мирового социально-экономического развития.

Уверен, мнения, которые прозвучат в рамках нашей дискуссии, внесут значительный вклад в изучение перспектив мирового экономического развития и станут ценным фидбэком для аналитиков ООН.

Мировая экономика: перспективы и рецепт роста

Кузнецов: Очень рад вновь оказаться на презентации доклада «Мировое экономическое положение и перспективы 2025», которую проводит вместе с нами Вольное экономическое общество России. Это очень важное событие. По традиции каждая презентация — это не только обсуждение доклада, но и разговор о ключевых экономических проблемах, как текущих, так и будущих.

Доклад WESP «Мировое экономическое положение и перспективы» ведет свою историю с 1947 года, когда, согласно мандату Генеральной Ассамблеи, Генеральному секретарю ООН был адресован запрос о ежегодном представлении отчетов экономическому и социальному совету ООН о текущей экономической ситуации и основных тенденциях в области экономического развития. Доклад WESP обновляется два раза в год. Основной документ публикуется

в декабре — январе, а в мае выходит его обновленная версия, которая входит как один из пунктов в повестку дня июльского этапа заседания высокого уровня ЭКОСОС ООН. Доклад стал ценным аналитическим материалом и источником данных для научных работников, экономистов, журналистов и, разумеется, политиков — тех, кто принимает решения.

Согласно данным доклада, прогнозируемый рост мировой экономики в 2025 году составит 2,8%, то есть по сравнению с 2024 годом изменений не наблюдается. Несмотря на то что мировая экономика в целом продемонстрировала устойчивость, выдержав ряд взаимоусиливающихся потрясений, темпы роста по-прежнему остаются ниже 3,2% (средний показатель до пандемии) из-за ряда факторов, включая слабые инвестиции, медленный рост производительности труда и высокую долговую нагрузку.

В большинстве стран СНГ экономический рост в 2024 году был выше, чем прогнозировалось. Как ожидается, региональный рост снизится до 2,5% в 2025 году, что отражает предполагаемое замедление темпов роста российской экономики и возвращение экономик других стран на более умеренную траекторию роста. По оценкам экспертов и специалистов ООН, в 2024 году российская экономика выросла на 3,8%. Это произошло в первую очередь благодаря увеличению государственных расходов и инвестиций и стабильным экспортным доходам. Оборонная деятельность сыграла важную роль в обеспечении высоких темпов экономического роста. Конечное потребление остается на высоком уровне благодаря рынку труда с высоким спросом на рабочую силу и крупным социальным выплатам. Вместе с тем, согласно представленным прогнозам, рост ВВП замедлится до 1,5% в 2025 году, несмотря на значительные бюджетные расходы. Нехватка рабочей силы сдерживает производство, а денежно-кредитная политика останется ограничительной.

Надеюсь, сегодняшняя дискуссия будет плодотворной, откровенной и в ее фокусе окажутся важнейшие экономические проблемы современности, а не только положениям доклада.

Белоусов: Как уже отмечали коллеги, прогнозируемый рост мировой экономики составит в 2025 году 2,8%, в 2026 году — 2,9%. Это ниже привычного потенциала на 3,2–3,5%. Особенностью прошлого года было «не случившееся». Мы входили в 2024 год со значительным долговым навесом и высоким риском финансового кризиса в США, со «стоящей» экономикой Германии. 2024 год мог стать годом серьезного кризиса в США, Китае и Евросоюзе. Но этого не случилось. Более того, в США показатели опережающего индикатора кризиса впервые за период наблюдений пришли

в норму. С другой стороны, мы не «добираем» темпы роста мировой экономики. Это отчасти связано с «подтормаживанием» процессов в США. Авторы доклада ООН полагают, что следующий год будет для Америки еще хуже. Мы видим, как сейчас выходит из кризиса экономика Евросоюза, в первую очередь Германии, Китай сохраняет темпы роста ВВП не меньше 5%. Вот эта история формирует те рамки роста, в которых мы находимся. При этом ослаблена, но не снята долговая проблема. Сохраняются высокие риски, связанные с геополитическими конфликтами. Боевые действия, санкционные войны, ситуация на Ближнем Востоке — все это дополнительно тормозит мировую экономику. Для ООН ключевая проблема: непонятно, как в этой ситуации можно достичь целей устойчивого развития. Высокие цены на топливо и сырье сдерживают рост развивающихся экономик и ограничивают возможности правительств решать социальные задачи.

Ипатова: США действительно превзошли ожидания и опередили по показателям другие развитые экономики. В Штатах практически весь год был устойчивый рынок труда, сохранялось высокое потребление. В прошлом году рост ВВП составил 2,8%. Прогнозируется, что в 2025 году этот рост замедлится до 1,9%, а ситуация на рынке труда будет ухудшаться, и это будет замедлять потребление.

В Евросоюзе по итогам 2024 года рост ВВП составил 0,9%. В 2025 году аналитики ожидают, что экономика ЕС вырастет до 1,3%. Рынок труда остается устойчивым, инфляция снижается. Правда, остаются проблемы с высоким уровнем госдолга, старением населения, низким ростом производительности труда. В Германии продолжают закрываться производства.

В Восточной Азии темпы роста ВВП в 2025 году составят 4,7%. Это произойдет во многом благодаря Китаю, который планирует реализовать новые масштабные меры поддержки экономики, в том числе рынка недвижимости.

Южная Азия остается самым быстрорастущим регионом. Темпы роста в нем в 2025 году составят 5,7%.

Экономическая динамика Западной Азии во многом зависит от динамики военных конфликтов и также от объемов добычи нефти.

В Африке темпы прироста несколько ускорятся — с 3,4% в 2024 году до 3,7% в 2025 году благодаря восстановлению экономики Египта, Нигерии и ЮАР. Однако конфликты, высокий уровень безработицы, а также климатические последствия, конечно, отразятся на экономике этого региона.

Уровень общей инфляции в 2025 году снизится — с 4 до 3,4%. В развивающихся странах инфляция, конечно, будет выше. Центральные банки продолжают смягчение денежно-кредитной политики. При этом продовольственная инфляция остается высокой. В прошлом году больше чем в половине развивающихся стран она превышала 5%. Это угрожает продовольственной безопасности, а в странах с низким доходом может привести к увеличению бедности.

Мировая торговля немного восстановилась, во многом благодаря торговле услугами и товарами из Азии. Темпы ее роста в 2024 году составили 3,4%. В 2025 году прогнозируется 3,2%. Однако напряженность в вопросах торговли остается из-за санкционной политики Запада.

Глобальные инвестиции выросли на 3,4% после 2 лет спада. На рынке труда тенденции продолжают меняться. Гендерное неравенство остается, как и проблема высокой безработицы среди молодежи.

Аналитики ООН также обращают внимание на неравномерный доступ стран к международному финансированию. Это чревато рисками для развивающихся государств. Поэтому авторы доклада ООН рекомендуют те ресурсы, которые освобождаются после смягчения денежно-кредитной политики, направлять на развитие критически важных для перехода к зеленой экономике отраслей.

Большое внимание в докладе уделено использованию полезных ископаемых, которые необходимы для энергетического перехода, таких как литий, кобальт, никель, редкоземельные металлы. Они сосредоточены в основном в развивающихся странах. Эти государства могут извлечь выгоду для экономического роста, создания рабочих мест, развивая производство и добычу этих металлов. Однако здесь очень важно соблюдать экологические стандарты, права человека и трудовые нормы.

Авторы доклада отмечают, что нет универсального рецепта роста для всех экономик. Правительствам необходимо стремиться к политической и макроэкономической стабильности, учитывать геополитическую позицию страны, потенциал (институциональный, инфраструктурный и технологический) и проводить согласованную политику. Для этого необходимо привлечение инвестиций и трансфер технологий, которые предлагается осуществлять за счет привлечения международных компаний. Денежно-кредитная политика должна соблюдать баланс целей — экономического роста, снижения инфляции и поддержания занятости. В социальной политике предлагается избегать чрезмерной фискальной консолидации и направлять средства в критические отрасли, которые связаны с экологией

и социальной сферой. В промышленной политике необходимо привлекать инвестиции и технологии для внедрения инноваций. В рамках международного сотрудничества следует решать проблемы высокого госдолга, геополитических конфликтов, неравенства, использования важнейших полезных ископаемых для борьбы с климатическими проблемами.

Россия и страны СНГ: прогноз благоприятный

Белоусов: Совокупный ВВП СНГ и Грузии увеличился на 4,2% в 2024 году. Это выше, чем ожидали аналитики ООН. Основным драйвером большей части экономики региона является Россия. Наша страна теперь локомотив не только для стран ЕАЭС, но и для Грузии. Соответственно, перспективная динамика этих стран определяется в значительной мере тем, насколько они смогут воспользоваться потенциалом сотрудничества с Россией.

Для России важный фактор роста — это, с одной стороны, государственные расходы, с другой — стабильные доходы от экспорта. В докладе отмечается успешная адаптация страны к санкционным ограничениям с помощью теневого флота и создания кооперационных цепочек. Еще одним драйвером роста является потребление населения — весь год мы наблюдали гонку заработных плат, связанных с дефицитом рабочей силы и рядом других факторов.

Инфляция в большинстве стран СНГ снижалась, за исключением России (9,5%). В остальных государствах ситуация в целом улучшилась. Стоит выделить Армению, которая находится на грани дефляции, Казахстан, Туркмению, Узбекистан. В 2025 году инфляция будет выше на 1–2%, а в России несколько ниже.

В 2025 году российская экономика сталкивается с новыми санкциями, направленными на ограничение нашего экспорта и разбалансировку торгового баланса, проблемой нехватки рабочей силы, высокими процентными ставками. Импортозамещение в высокотехнологичных секторах становится все более проблематичным. Согласно прогнозу ООН, в 2025 и 2026 годах ожидается рост ВВП примерно на 1,5%. Прогноз Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования мягче. Мы ожидаем снижение роста с 3,9 до 1,8%.

При этом России удалось сохранить Фонд национального благосостояния, поддерживать стабильность бюджетной системы, то есть наша экономика сохраняет запасы прочности.

Для небольших стран СНГ влияние посреднической торговли с российским рынком может быть исчерпано. Это станет причиной возврата к более устойчивым долгосрочным темпам роста (4–5% против 8–9%).

И короткое приложение по России. В отечественной экономике, к сожалению, закрепляется стагнация. Наш экономический рост будет связан в значительной мере с раздуванием финансового сектора из-за процентных ставок. Основные производственные отрасли сильно тормозят. Речь идет о сельском хозяйстве. У нас проблемы в растениеводстве и животноводстве. Падает строительный сектор из-за ужесточения условий ипотечного кредитования и высоких кредитных ставок. Снижается производство в промышленности, особенно за пределами оборонного сектора. С другой стороны, мы ощущаем новое равновесие: связка между безработицей и инфляцией более или менее устойчива. То есть определенная структурная сбалансированность так или иначе достигнута. Вопрос, надолго ли?

В 2024 году наблюдался медленный рост экспорта по мере формирования торговых связей и довольно быстрое наращивание импорта. Скорее всего, наш экспорт просядет из-за санкций. А что касается импорта, мы примерно вышли на уровень 2020 года, когда был сбой логистики. Сейчас импорт имеет для нас положительное значение, во всяком случае в части промышленной продукции, которую мы не умеем производить.

Инвестиции медленно растут, но есть нюанс. С учетом особенностей статистики инвестиций это, скорее всего, «оценка сверху» — реальное положение дел, вероятно, заметно хуже.

Потребление населения вошло в стагнацию (I квартал: +0,5%, II квартал: +0,6%, III квартал: +0,3% в среднем за месяц, октябрь: 0,0%, ноябрь: +0,1%, сезонность устранена). Как и ожидалось, «подскок» продаж непродовольственных товаров был обусловлен чисто ситуативными факторами — ожиданиями повышения цен из-за утильсбора и роста ставок по потребкредитам — и, соответственно, развития не получил. Поступательно растет лишь потребление продовольствия (вероятно, работает «эффект Гиффена» — рост спроса на жизненно важные товары при повышении цен на них из-за структурных сдвигов). В свою очередь, потребление услуг стабильно.

Инфляция в последнее время резко ускорилась. Индекс потребительских цен в 2025 году составил 9,5% (декабрь к декабрю 2023 года), лишь немного не дотянув до 10%; в январе ИПЦ, вероятно, превзойдет этот уровень). Действия Банка России по сдерживанию инфляции дают скорее обратный

эффект. Отчасти он связан с эффектами «переноса процентной ставки» на рынках, имеющих монопольный характер, отчасти — с девальвацией рубля, отчасти, вероятно, с формированием рядом компаний, имеющих рыночную власть, «денежных запасов» под поглощение менее сильных игроков. Сохраняется риск «импорта инфляции» с рынка нефтепродуктов и «инфляции издержек» на рынке молочной продукции (ускоренный рост закупочных цен, быстрое удорожание логистики).

Согласно прогнозу ЦМАКП, в 2025–2006 годах рост ВВП составит от 1,5 до 1,8%, но, возможно, по мере решения структурных проблем и снижения процентных ставок мы выйдем на 2% в 2027 году.

Ведев: Я тоже несколько комментариев сделаю по поводу российской экономики. В докладе красной нитью проходит тезис о том, что снижение инфляции и смягчение денежно-кредитной политики будет основным фактором роста мировой экономики. И в этом плане мы, конечно, находимся в контрфазе. В России наиболее дискутируемыми сейчас являются параметры потерь отечественной экономики от ужесточения денежно-кредитной политики. Однако насколько замедлятся темпы роста, пока сложно сказать. Наши оценки менее алармистские, чем у аналитиков ООН, но не настолько позитивные, как у Минэкономразвития России. Мы прогнозируем в 2025 году рост ВВП на 2%.

Консенсус-прогноз для стран СНГ, Грузии и России говорит о том, что в 2025 году мы будем расти ниже среднемирового уровня и продолжится тенденция снижения доли России и СНГ в мировом ВВП, что прискорбно. Сохранятся внешние ограничения, и наиболее болезненная, на мой взгляд, санкция — это проблема с расчетами. Мне кажется, что для России самый эффективный ответ на этот вызов — использование средств институтов развития. Это бы снизило потери российских экспортеров и импортеров в рамках удлинения сроков расчетов по внешней торговле. Обратная сторона медали: боязнь вторичных санкций окажет влияние на доходы стран СНГ и затормозит их рост в 2025 году. Снижение темпов роста зарплат в России, которое также правомерно ожидается в этом году, тоже естественным образом приведет к снижению оттока капитала в страны СНГ. Уровень инвестиций будет поддерживаться в России за счет государства и госкомпаний, потому что при доходности облигаций в районе 20% склонность к инвестированию в производство максимально снижается. И поддержать инвестиции можно только волевым путем.

Высокий курс доллара, с одной стороны, способствует росту поступлений в бюджет и вносит вклад в развитие сырьевых экспортеров, с другой — создает миграционные проблемы и ограничивает приток иностранной рабочей силы.

Болезни роста мировой экономики

Широв: Обсуждение мирового экономического положения стало доброй традицией в Вольном экономическом обществе России и в экспертном сообществе. Авторы доклада ООН, безусловно, исходят из того, что нужно объединить усилия для достижения результатов и в социальной, и в экономической, и в климатической политике. В реальности же мы видим, что в мировой экономике происходит дальнейшая фрагментация, или регионализация. В основе этого процесса — противоречие между экономиками крупнейших развитых и развивающихся стран. В докладе уделяется значительное внимание развивающимся странам с низким уровнем доходов, до которых не доходит то перераспределение доходов в мировой экономике, и это ключевая проблема, сдерживающая все мировое экономическое развитие и достижение целей устойчивого развития. Мы видим, что заявленные цели устойчивого развития не обеспечиваются инвестиционными ресурсами, причем как у развитых, так и у развивающихся стран. И это большая и фундаментальная проблема, потому что это приводит к неэффективному изменению издержек в мировой и российской экономике. Издержки начинают давить на экономический рост. И здесь ключевым становится вопрос эффективности производства, который связан с исследованиями и разработками.

Если фрагментация мировой экономики будет продолжаться, эффективность затрат на исследования и разработки еще больше снизится. Потому что каждый из контуров экономической силы начнет формировать свои научно-технологические системы и, собственно, будет иметь альтернативные решения по ряду направлений, прежде всего в сфере цифровизации и энергетики. Как решить вопрос повышения эффективности производства, ответа у нас пока нет.

Переходим к России и странам СНГ. Для нас это самая важная часть этого доклада. По оценкам ИНП РАН, ключевые страны постсоветского пространства вошли в стадию снижения потенциала экономического роста. Речь идет прежде всего о Казахстане, Азербайджане и Беларуси, а это значит, что производственный и энергетический потенциал этих стран уже не обеспечивает дальнейшее повышение уровня и качества жизни населения. Это серьезный вопрос. Такая же проблема стоит и перед Россией.

Мы должны понимать ответственность России в вопросе формирования общей экономической динамики на всем постсоветском пространстве вне зависимости от того, какие торговые и экономические отношения у нас есть с той или иной страной.

Ключевой вопрос доклада ООН — это параметры денежно-кредитной политики. Аналитики ООН отмечают, что смягчение денежно-кредитной политики станет ключевым элементом поддержания темпов экономического роста в мире. Мы же ставим вопрос о взаимодействии параметров денежно-кредитной и бюджетной политики. Ни в теоретическом, ни в практическом плане эта проблема не решена. Задача аналитиков и экономической науки состоит в том, чтобы в условиях регионализации и снижения эффективности затрат на исследования и разработки посмотреть, каким образом следует сбалансировать денежно-кредитную и бюджетную политику. Моя позиция: мы прошли пик ужесточения денежно-кредитной политики, дальше просто некуда. В противном случае мы получим нулевые или отрицательные темпы экономического роста.

Бахтизин: Доклад ООН — один из тех материалов, которые приковывают внимание и прессы, и аналитиков. Интересны также прогнозы ОЭСР и МВФ. Говоря о трендах мирового развития, эти организации в принципе сходятся во мнениях. В числе глобальных трендов — процессы, связанные с фрагментацией мировой экономики, переконфигурированием торговых цепочек, снижением глобальной инфляции, смягчением денежно-кредитной политики по ключевым экономикам мира.

Особое внимание авторы доклада ООН уделили важнейшим минералам. Цепочки поставок, по мнению ООН, характеризуются высокой степенью концентрации. Такая конфигурация сохранится до 2040 года и потенциально может как привести к сбоям поставок и к увеличению издержек, так и активно использоваться как элемент торговой войны.

Если мы посмотрим на структуру добычи и переработки критически важных минералов, то увидим, что ведущую роль играет Китай, что, конечно, вызывает опасения у других макрорегионов.

Исследователи Массачусетского технологического института называют нефтью XXI века группу из 17 редкоземельных элементов, которые используют для производства высокотехнологичной продукции (ЖК экраны, аппараты МРТ, беспилотники, солнечные панели, аккумуляторы и другая технологичная продукция XXI века с высокой добавленной стоимостью). Эти элементы сконцентрированы в очень ограниченной группе стран.

Крупнейшие запасы редкоземельных элементов находятся в Китае (44 млн тонн, или 40% от мирового объема), Вьетнаме (20%), Бразилии (19%) и России (9% или, по альтернативным оценкам, 18%). В странах БРИКС сосредоточено 69–78% мировых запасов.

Исследователи Массачусетского технологического института рассчитали, что будет в случае нарушения поставок, и выяснили, что для электронной промышленности издержки вырастут на 10%, для производства электромобилей — на 5–7%. Соответственно, стратегия США — это формирование такого большого макрорегиона (непроста они говорят про Гренландию), чтобы к 2040 году обезопасить себя в случае нарушения цепочек поставок.

Наши расчеты (ЦЭМИ РАН) совместно со специалистами национального суперкомпьютерного центра КНР показали, что ограничение поставок промежуточной продукции для отраслей, которые зависят от редкоземельных элементов и обладают мультипликативным эффектом, может вызвать падение ВВП соответствующей страны в среднем на 2–3%.

Головнин: Безусловно, доклад ООН всегда вызывает большой интерес. Темпы роста мировой экономики в 2025 году прогнозируются примерно на том же уровне, что в 2024 году. Если мы посмотрим на 2022–2025 годы, то увидим, что мировая экономика растет темпами от 2,7 до 3%. Несмотря на то что в этот период происходило развитие фрагментации, ускорение инфляции, ужесточение денежно-кредитной политики, к значительным колебаниям темпов глобального экономического роста эти процессы не привели, зато стали причиной колебания по регионам. Мы наблюдали опережающие темпы роста экономики США и отставание Евросоюза и Японии. Среди стран с формирующимися рынками активно росла Южная Азия.

Самые большие колебания в экономической динамике наблюдаются в регионах, где происходят процессы фрагментации и геополитические потрясения, то есть в регионе СНГ и странах Западной Азии.

В докладе представлена оптимистичная оценка относительно состояния внешней торговли. Действительно, в 2024 году внешняя торговля выросла. Означает ли это, что фрагментация сходит на нет? Я, пожалуй, не соглашусь с таким тезисом, тем более что сохраняются серьезные вызовы в области внешнеторговой политики со стороны США. Политика, которую будет проводить новый президент Америки, во многом определит развитие процессов фрагментации в мире.

Я выделил три возможных сценария развития фрагментации.

Первый сценарий — это так называемый блоковый сценарий, когда вся мировая экономика, по сути, делится на два блока: с одной стороны, развитые страны и их партнеры, с другой — Китай, Россия и их союзники.

Второй сценарий более сложный, и, на мой взгляд, он ближе к реальности. Это система, в которую входит много интеграционных объединений, в которые включены страны из обоих блоков и государства-мосты, что позволяет поддерживать экономические связи, в том числе между блоками.

Третий сценарий самый опасный. Это вариант экономического национализма. Он был реализован в мировой экономике примерно 100 лет назад, после Великой депрессии. Экономическая политика первого срока президентства Дональда Трампа — это движение в сторону экономического национализма. Только для США, но Штаты могут выступать в качестве примера для других стран. Вряд ли этот сценарий будет реализован, но нельзя сбрасывать его со счетов.

Масленников: Доклад ООН заслуживает комплиментов. Это реалистичная картина состояния глобального хозяйства и его основных проблем. Хочу остановиться на трех вопросах, отраженных в материалах ООН.

Первый вопрос — это ситуация с мировой торговлей. Доклад ООН прогнозирует ее незначительное сокращение. Здесь играют свою роль и геополитическая напряженность, и тренд на фрагментацию мировой экономики. Не будем забывать и о стремительном росте внешнеторговых ограничений. С конца прошлого десятилетия количество мировых торговых ограничений выросло втрое. Пока остановить этот маховик невозможно.

Второй вопрос — не снижающиеся бюджетная экспансия и уровень долга. Объемы мирового госдолга и мирового ВВП почти сравнялись. При этом у стран «Большой семерки» госдолг на 125% выше ВВП. У развивающихся экономик объем процентных выплат прошлого года составил 1,4 трлн долларов. Такое бремя. В связи с бюджетной экспансией и нарастающим долговым навесом есть серьезный риск того, что мы увидим рост глобальной инфляции с существенной коррекцией цикла снижения ключевых ставок ведущих центробанков.

Третий вопрос — рост неравномерности уязвимости стран к рискам. Наиболее уязвимы развивающиеся экономики и низкодоходные страны.

Ожидания аналитиков доклада ООН совпадают с международным экспертным консенсус-прогнозом. Традиционный обзор Bank of America выделяет три главных риска для мировой экономики. Первый — развитие торговых войн в связи с реализацией планов Дональда Трампа по повышению импортных тарифов. Второй — повышение ключевой ставки Федеральной резервной системы в связи с ростом инфляции. Третий — геополитическая напряженность.

Что касается системных проблем мировой экономики, я бы выделил три основных, которым следует уделить повышенное внимание.

Первая проблема — это инфляция. По мнению Всемирного экономического форума, мировую экономику будут определять 5D: деглобализация, долг, демография, декарбонизация и диджитализация (по-нашему цифровизация). Среди этих пяти факторов со счетом 4 : 1 ведут проинфляционные.

Вторая проблема — это усиливающаяся несопряженность трех слагаемых экономической политики: денежно-кредитной политики, налогово-бюджетной политики и структурных реформ. Причем структурные реформы идут с большим скрипом из-за ухудшения качества коммуникации правительственных регуляторов во всех экономиках мира с теми, кого они регулируют. Пример тому — попытки структурной реформы в Европе, в результате которой получено два политических кризиса: во Франции и в Германии.

Третья проблема — резкое ухудшение механизмов международной экономической координации, начиная с ВТО и заканчивая «Большой двадцаткой», которая все больше становится сообществом регионов.

Резюмируя, скажу: баланс рисков глобального хозяйства 2025 года смещен в сторону ухудшения ситуации.

Аганбегян: Хочу поделиться с вами некоторыми своими соображениями.

Первое: мы много внимания уделяем темпам роста. Это не самое главное в социально-экономическом развитии. Есть количество, а есть качество. Рост ВВП — это очень слабый, неинформационный показатель. Он не говорит о качестве роста. Рост в развивающихся странах происходит за счет традиционных, малотехнологических товаров, в высокоразвитых странах — за счет высокотехнологичных товаров и услуг. Экономика знаний — также главный фактор экономического роста развитых стран. Не инвестиции в основной капитал, не промышленность (они вступили в период постиндустриального развития), а экономика знаний толкает их вперед. Поэтому наряду с ростом ВВП нужно смотреть на другие вещи — например, как растут высокотехнологическая продукция и услуги. Другими словами, инновации. В докладе ООН нет ни слова об инновациях — а это ключевой фактор качественного экономического роста.

Второе: одна из главных движущих сил социально-экономического прогресса — это реализация мегапроектов. Особая экономическая зона Шэньчжэнь в Китае за 44 года превратилась из рыбацкого поселения в мегаполис с населением 17,6 млн человек. В городе работают 150 крупных инновационных фирм, так называемых «единорогов». Город играет огромную роль в мире в области производства телефонов, электроники и электротехники. К сожалению, мы в России не можем похвастаться ничем подобным и слово «мегапроект» не используем.

Третье: рост зависит от объема инвестиций в экономику знаний, сколько вкладывается в образование, НИОКР, здравоохранение, биотехнологии и информационные технологии. Южная Корея строит в США завод электроники, инвестируя в этот проект больше, чем мы собираемся вложить в развитие отрасли до конца 2030 года.

Если говорить о мировой экономике в целом, происходит коренной сдвиг, смена мирового лидера — Китай уступает позиции Индии. В последние годы экономика Индии растет ежегодно на 7%, Китая — на 4–5%. Объем внешней торговли Китая — 6 трлн долларов. США и Европа пытаются противостоять Китаю и делают ставку на Индию, строят в этой стране электронные заводы. В Индию идет огромный приток капитала. Это противопоставление Китая и Индии в сочетании с давлением на них США, Европы и Японии станет основным сюжетом в мировой экономике.

Порфирьев: Подводя итог дискуссии, соглашусь с нашими ораторами в том, что обсуждение вопросов, поднятых в докладе ООН, учитывая их сложность, значимость, стратегичность, конечно, требует более комплексного подхода. Доклад, который мы сегодня обсуждаем, — это, наверное, стартовая точка или центр фокуса дискуссии. Будем рассматривать сегодняшнее обсуждение как старт. Хотел бы выразить огромную признательность нашим уважаемым докладчикам за то, что смогли кратко изложить основные положения действительно непростого документа, и всем нашим спикерам.

THE GLOBAL ECONOMY: NEW TRENDS AND RISKS

Forecasting global economic growth at 2.8% in 2025, the UN notes that these limited dynamics are due to severe constraints like rising geoeconomic fragmentation, global inequality, trade wars, and high levels of international government debt. Experts from the Free Economic Society of Russia gathered to discuss these key risks to the world economy during the annual presentation of the UN report, “World Economic Situation and Prospects 2025” (WESP 2025).

Presentation organized by: the Free Economic Society of Russia and the UN Information Centre in Moscow

Sergey Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
Director of the S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences (RAS)*

Boris Porfiriyev,
*Head of the Economics Section of the Department
of Social Sciences of RAS, Academic Supervisor of the Institute
of Economic Forecasting (IEF RAS), Academician of RAS,
Vice President of the VEO of Russia*

Vladimir Kuznetsov,
Director of the UN Information Centre in Moscow

Dmitry Belousov,
*Deputy General Director of the Center for Macroeconomic Analysis
and Short-Term Forecasting*

Irina Ipatova,
*Leading Expert at the Center for Macroeconomic Analysis
and Short-Term Forecasting*

Alexander Shirov,
*Director of the Institute of Economic Forecasting of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Mikhail Golovnin,
*Director of the Institute of Economics of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Albert Bakhtizin,
*Director of the Central Economics and Mathematics Institute (CEMI RAS),
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

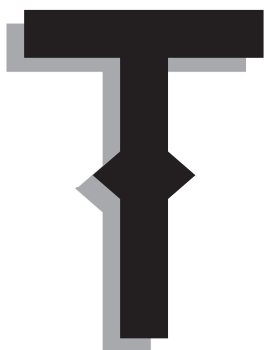
Alexey Vedev,
*Head of the Laboratory for Structural Studies,
Institute for Applied Economic Research (IAER) at RANEPa,
Member of the Board of the VEO of Russia*

Nikita Maslennikov,
Leading Expert at the Center for Political Technologies,
Member of the VEO of Russia

Abel Aganbegyan,
Academician of RAS

Bodrunov: The annual publication of the UN report “World Economic Situation and Prospects” is a crucial event for global economics specialists: the document presents a deep analysis of the current economic situation in developed and developing countries, names the key constraints on global economic growth, and suggests measures to mitigate sustainable development risks.

Each year, the Free Economic Society of Russia makes a significant contribution to presenting key UN reports to the general public. I would like to sincerely thank the UN Information Centre in Moscow for choosing the VEO of Russia as the main presentation venue and for our many years of fruitful cooperation.

At the beginning of last year, the authors of the UN report “World Economic Situation and Prospects” were cautious in their forecasts. However, in May 2024, UN experts raised global economic growth expectations from 2.4% to 2.7%. The improved economic outlook in several countries, including the United States, India, Brazil, and Russia, played a significant role in correcting the forecast. I remind you that UN experts initially projected Russia’s economic growth for 2024 at little more than 1%. Ultimately, following all calculations by Rosstat, Russia’s GDP growth in 2024 will likely exceed 4%.

Thus, in 2024, the global economy developed faster than expected, which offers grounds for some optimism. At the same time, the risks to sustainable global socioeconomic development that FES Russia experts identified at the beginning of last year persist — we are observing an intensification of geoeconomic fragmentation and the probability of trade wars.

The rise in global debt remains a ticking time bomb for the world economy. At the end of 2024, the International Monetary Fund urged national governments to take measures to reduce it. According to the Institute of International Finance (IIF), in some countries, debt significantly exceeds the size of their national economies. Moreover, governments allocate more funds to service the debt than to education and social security. Analysts at the IIF predict this trend will intensify in the near future.

Another significant risk to global development is rising economic uncertainty worldwide, particularly in the United States. If we take a closer look at the Global Economic Policy Uncertainty Index (also known as the Baker-Bloom-Davis Index), we see that in 2024, it significantly exceeded historical averages.

Today, leading Russian experts in world economics are participating in the discussion of the UN report “World Economic Situation and Prospects.” We look forward to your expert assessment of the UN’s economic forecasts and the recommendations presented in the document for mitigating risks to global socioeconomic development.

I am confident that the views expressed during our discussion will make a significant contribution to the study of global economic development prospects and will provide valuable feedback for UN analysts.

Global Economy: Prospects and the Recipe for Growth

Kuznetsov: I am very pleased to once again be at the presentation of the “World Economic Situation and Prospects 2025” report, which the Free Economic Society of Russia is holding together with us. This event is of vital importance. Traditionally, each presentation is not only a discussion of the report but also a conversation about key economic problems, both current and future.

The WESP report traces its history back to 1947, when the General Assembly mandated the UN Secretary-General to submit annual reports to the UN Economic and Social Council on the current economic situation and main trends in economic development. The WESP report is updated twice a year, with the main document published in December and January, and an updated version released in May and included as an agenda item in the July high-level segment of the ECOSOC meeting. The report has become a valuable analytical material and source of data for researchers, economists, journalists, and, of course, policy-makers — those who make decisions.

The report forecasts global economic growth of 2.8% in 2025, a rate that remains unchanged from 2024. Although the global economy has demonstrated overall resilience, withstanding a series of mutually reinforcing shocks, growth rates remain below 3.2% (the pre-pandemic average) due to several factors, including weak investment, slow labor productivity growth, and high debt burden.

In most CIS countries, economic growth exceeded forecasts in 2024, with regional growth expected to decline to 2.5% in 2025, reflecting the assumed slowdown in the Russian economy and the return of other economies to a more typical growth trajectory. According to UN experts and specialists, the Russian economy grew by 3.8% in 2024, which happened primarily due to increased government spending and investment, as well as stable export revenues. Defense activity played a significant role in ensuring high economic growth rates. Final consumption remains high due to a tight labor market and substantial social benefits. At the same time, forecasts indicate that GDP growth will fall to 1.5% in 2025, despite significant budgetary expenditures. Labor shortages will continue to constrain production, and monetary policy will remain restrictive.

I hope today's discussion will be fruitful and frank, focusing on the most pressing economic problems of our time beyond the report's provisions.

Belousov: As my colleagues have already noted, the forecasted global economic growth is 2.8% in 2025 and 2.9% in 2026, which is below the customary potential of 3.2–3.5%. A feature of the last year was “what didn't happen.” We entered 2024 with a significant debt overhang and a high risk of a financial crisis in the US, along with a “stalled” German economy. 2024 could have been a year of severe crisis in the US, China, and the European Union. But this did not happen. Moreover, in the US, the crisis leading indicator scores normalized for the first time during the observation period. However, we are “falling short” of global economic growth rates, which is partly related to the slowdown of processes in the US. The authors of the UN report believe that the coming year will be even worse for America. We see the EU economy, primarily Germany's, emerging from the crisis now, while China maintains GDP growth rates of at least 5%. This situation builds the growth framework in which we find ourselves. At the same time, the debt problem has become less acute, but it is still present. High risks associated with geopolitical conflicts persist. Military operations, sanctions wars, and the situation in the Middle East all together further slow the world economy. For the UN, the key problem is that it is unclear how to achieve the Sustainable Development Goals in this situation. High fuel and raw material prices restrain the growth of developing economies and limit governments' ability to solve social problems.

Ipatova: The US indeed exceeded expectations and outperformed other developed economies last year, achieving 2.8% GDP growth due to a remarkably stable labor market and sustained high consumption. However, this growth is forecasted to slow to 1.9% in 2025, which will worsen the labor market situation and dampen consumption.

In the European Union, GDP growth was 0.9% at the end of 2024. Analysts expect that the EU economy will grow by 1.3% in 2025. The labor market remains stable, and inflation continues to fall. However, problems with high public debt, an aging population, and low labor productivity still linger, compounded by ongoing closures in Germany.

East Asia's forecast for GDP growth is 4.7% in 2025, primarily driven by China's planned implementation of new, large-scale economic support measures, including for the real estate market.

South Asia remains the fastest-growing region, with its growth rate of 5.7% in 2025.

The economic dynamics of West Asia mainly depend on the dynamics of military conflicts and on oil production volumes.

In Africa, growth rates will accelerate slightly, from 3.4% in 2024 to 3.7% in 2025, driven by the recovery of the economies of Egypt, Nigeria, and South Africa. However, conflicts, high unemployment, and climate consequences will undoubtedly affect the region's economy.

The overall inflation rate will fall in 2025, from 4% to 3.4%. In developing countries, inflation will, of course, be higher. Central banks will continue to ease monetary policies. At the same time, food inflation remains high. Last year, it exceeded 5% in more than half of the developing countries, which threatens food security and can lead to increased poverty in low-income countries.

Global trade has recovered slightly, primarily due to trade in services and goods from Asia. Its growth rate was 3.4% in 2024, with 3.2% projected for 2025. However, trade tensions remain high due to the West's sanctions policies.

Global investment grew by 3.4% after two years of decline. Labor market trends continue to shift. Gender inequality persists, as does the problem of high youth unemployment.

UN analysts also draw attention to the uneven access to international financing among countries, which poses risks for developing states. Therefore, the authors of the UN report recommend directing the resources freed up after the easing of monetary policy toward developing industries critical for the transition to a green economy.

The report places significant emphasis on the use of minerals essential for the energy transition, such as lithium, cobalt, nickel, and rare earth metals, which are concentrated primarily in developing countries. These states can gain an advantage for their

economic growth and job creation by promoting the production and extraction of these metals. However, it is crucial to adhere to environmental standards, human rights, and labor norms in this process.

The report's authors note that there is no universal recipe for all economies. Governments need to strive for political and macroeconomic stability, consider the country's geopolitical position and potential (institutional, infrastructural, and technological), and pursue a coherent policy, which, in turn, requires attracting investment and technology transfer by involving international companies. Monetary policy should strike a balance between the goals of economic growth, reducing inflation, and maintaining employment. Social policy is better to avoid excessive fiscal consolidation and direct funds to critical sectors, such as ecology and the social sphere. Industrial policy must attract investment and technology for innovation implementation. And finally, solving key challenges, such as high public debt, geopolitical conflicts, inequality, and the sustainable use of essential minerals for climate initiatives, requires robust international cooperation.

Russia and CIS Countries: Positive Outlook

Belousov: The aggregate GDP of the CIS and Georgia increased by 4.2% in 2024, which is higher than UN analysts expected. Russia is the key driver of the majority of the region's economy. Our country is now a driving force not only for the EAEU states but also for Georgia. Consequently, the prospective dynamics of these countries are primarily determined by how effectively they can utilize the potential for cooperation with Russia.

For Russia, a crucial growth factor is, on the one hand, state expenditures, and on the other, stable export revenues. The report also notes the country's successful adaptation to sanctions through the use of a shadow fleet and the creation of supply chains. Another driver of growth is household consumption — throughout the year, we observed an intense wage competition linked to labor shortages and several other factors.

Inflation declined in most CIS countries, except Russia (9.5%). In other states, the situation generally improved. Armenia, which is on the verge of deflation, as well as Kazakhstan, Turkmenistan, and Uzbekistan, deserve special mention. Projected to be 1–2% higher globally, the inflation rate in 2025 tends to be slightly lower in Russia.

In 2025, the Russian economy faced new sanctions aimed at limiting our exports and unbalancing the trade balance, along with labor shortages and high interest rates. Import substitution in high-tech sectors is becoming increasingly problematic. The

UN expects GDP growth to be approximately 1.5% in 2025 and 2026. The forecast from the Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting is more optimistic. We expect growth to decrease from 3.9% to 1.8%.

Despite these challenges, Russia has managed to preserve the National Welfare Fund and maintain a stable budget system, meaning our economy retains reserves of strength.

For smaller CIS countries, the effect of intermediary trade with the Russian market may come to an end, causing a return to more sustainable long-term growth rates (4–5% versus 8–9%).

And a brief comment on Russia. Stagnation is unfortunately taking hold in the domestic economy. Our economic growth will largely depend on the overexpansion of the financial sector and high interest rates. The main production sectors are slowing down, particularly agriculture, where we have problems in crop and livestock farming. The construction sector is falling due to tightened mortgage lending conditions and high interest rates. Industrial production is declining, especially outside the defense sector. At the same time, we are experiencing a new equilibrium: the relation between unemployment and inflation is more or less stable. That is, we have achieved a certain structural balance, one way or another. The question is, for how long?

In 2024, there was slow export growth as trade ties developed, and a rapid increase in imports. Most likely, our exports will slump due to sanctions. As for imports, we have roughly reached the 2020 level, when logistics broke down. Currently, imports are essential for us, at least in terms of industrial products that we are unable to produce.

Investments are growing slowly, but there is a caveat. Given the specifics of investment statistics, this is likely an “overestimation” — the real state of affairs is probably noticeably worse.

Household consumption has entered stagnation (Q1: +0.5%, Q2: +0.6%, Q3: +0.3% on average per month, October: 0.0%, November: +0.1%, with seasonality removed). As expected, the “jump” in non-food sales occurred due to situational factors — expectations of price increases due to recycling fees and rising consumer loan rates — and, consequently, did not develop further. Only food consumption is steadily growing (the “Giffen effect” is likely at work — rising demand for vital goods despite price increases due to structural shifts). Meanwhile, service consumption is stable.

Inflation has sharply accelerated recently. The Consumer Price Index reached 9.5% in 2025 (December compared to December 2023), falling just short of 10%. In January, the CPI may exceed this level. The Bank of Russia’s efforts to curb inflation are having a rather adverse effect, which is partly due

to the “interest rate pass-through” effects in monopolistic markets, partly to the devaluation of the ruble, and partly, perhaps, to the formation of “cash reserves” by companies with market power to absorb weaker players. The risk of “imported inflation” from the oil product market and “cost inflation” in the dairy market (accelerated growth in purchase prices, rapidly increasing logistics costs) still exists.

CMAF forecasts that GDP growth will range from 1.5% to 1.8% in 2025–2026. However, it is possible that as structural problems are solved and interest rates decline, we will reach 2% in 2027.

Vedev: I also have a few comments regarding the Russian economy. The report emphasizes that lower inflation and easing monetary policy will be the main drivers of global economic growth. In this regard, we are, of course, in a counter-phase. In Russia, the parameters of the domestic economy’s losses from the tightening of monetary policy are currently the most debated. However, it’s difficult to say how much growth will slow. Our estimates are less alarmist than those of UN analysts but not as optimistic as those of the Russian Ministry of Economic Development. We forecast GDP growth of 2% in 2025.

The consensus forecast for the CIS countries, Georgia, and Russia suggests that in 2025, growth will fall below the global average, and the downward trend in Russia’s and the CIS’s share of global GDP will continue, which is regrettable. External constraints will persist, and in my opinion, the most painful sanction will be payment problems. I believe the most effective response for Russia to this challenge is to use funds from development institutions, which would reduce the losses of Russian exporters and importers due to the lengthening of foreign trade payments. The flip side of the coin is that the fear of secondary sanctions will impact the income of CIS countries and slow their growth in 2025. The expected slowdown in wage growth in Russia this year will also naturally lead to a decrease in capital outflow to CIS countries. With bond yields around 20%, investment levels in Russia will be maintained by the state and state-owned companies because the propensity to invest in production will be at its lowest. So, we can only support investment through fiat decisions.

A strong dollar, on the one hand, contributes to increased budget revenues and the development of commodity exporters. On the other hand, it creates migration problems and limits the inflow of foreign labor.

Growing Pains in the Global Economy

Shirov: The discussion of the world economic situation has become a good tradition at the Free Economic Society of Russia and in the expert community. The authors of the UN report certainly believe that combined efforts are essential to achieve results in social, economic, and climate policies. In reality, however, we see further fragmentation, or regionalization, occurring in the world economy. At the core of this process is the contradiction between the economies of the largest developed and developing countries. The report devotes significant attention to low-income developing countries, which are not benefiting from the redistribution of income in the global economy and represent a key problem hindering all global economic development and the achievement of the Sustainable Development Goals. We see that the declared SDGs receive insufficient investment resources, both in developed and developing countries. That's a key and fundamental problem because it leads to an inefficient change in costs in the global and Russian economies. Costs begin to weigh on economic growth. Thus, the issue of production efficiency, which relies on research and development, becomes paramount.

If the fragmentation of the world economy continues, the efficiency of R&D spending will decrease even further. The fact is that each economic power structure will begin to form its own scientific and technological systems and, in fact, will have alternative solutions in several areas, primarily in digitalization and energy. We do not yet have an answer to the question of how to increase production efficiency.

Let's move on to Russia and the CIS countries. For us, this is the most crucial part of this report. According to estimates by IEF RAS, the key countries of the post-Soviet space have entered a stage of declining economic growth potential, which refers primarily to Kazakhstan, Azerbaijan, and Belarus, meaning that the production and energy potential of these countries can no longer ensure a further increase in the standard of living and quality of life. That's a serious issue, and Russia faces the same problem.

We must understand Russia's responsibility in shaping the overall economic dynamic across the entire post-Soviet space, regardless of its trade and economic relations with any given country.

The key issue in the UN report is monetary policy parameters. UN analysts note that the easing of monetary policy will be a key element in sustaining global economic growth. We, however, raise the question of the interaction between monetary and fiscal policy parameters. This problem remains unsolved in both theoretical

and practical terms. The task for analysts and economic science is to determine how to balance monetary and fiscal policy under conditions of regionalization and declining R&D spending efficiency. My position is that we have passed the peak of monetary policy tightening, and there is no further we can go. Otherwise, we will face zero or negative economic growth rates.

Bakhtizin: The UN report is one of those materials that captures the attention of both the press and analysts. Forecasts from the OECD and the IMF are also interesting. When discussing global development trends, these organizations essentially agree. Among the global trends are processes related to the fragmentation of the world economy, the reconfiguration of trade chains, the decline in global inflation, and the easing of monetary policy in the world's key economies.

The authors of the UN report paid special attention to critical minerals. According to the UN, supply chains are characterized by a high degree of concentration. This configuration will remain in place until 2040 and could potentially lead to supply disruptions and increased costs, while also being actively used as an element of a trade war.

If we examine the structure of the extraction and processing of critical minerals, we see that China plays a leading role, which naturally raises concerns in other macro-regions.

MIT researchers refer to a group of 17 rare earth elements as the “oil of the 21st century.” Concentrated in a limited group of countries, these elements are essential for producing high-tech goods (LCD screens, MRI machines, drones, solar panels, batteries, and other high-value-added technological products of the 21st century).

The largest reserves of rare earth elements are found in China (44 million tons, representing 40% of the world total), Vietnam (20%), Brazil (19%), and Russia (9% or, by alternative estimates, 18%). BRICS countries account for 69–78% of global reserves.

MIT researchers calculated the consequences of a supply disruption and found that costs would rise by 10% for the electronics industry and by 5–7% for electric vehicle production. Consequently, the US strategy is to form a large macro-region (it is no accident they speak of Greenland) to protect itself by 2040 from supply chain disruptions.

Our joint calculations (CEMI RAS) with specialists from the National Supercomputer Center of China demonstrate that restricting the supply of intermediate products to industries dependent on rare earth elements and having a multiplicative effect could reduce a country's GDP by an average of 2–3%.

Golovnin: Of course, the UN report always draws great interest. Forecasts indicate that global economic growth rates in 2025 will be nearly identical to those in 2024, maintaining a steady growth rate of 2.7% to 3% from 2022 through 2025. Despite the development of fragmentation, accelerating inflation, and tightening monetary policy during this period, these processes have not led to significant fluctuations in global economic growth rates. However, they have caused regional ones. We observed the US economy growing faster, with the European Union and Japan lagging behind. Among emerging market countries, South Asia experienced robust growth.

The most significant fluctuations in economic dynamics occur in regions experiencing fragmentation and geopolitical upheaval, namely the CIS region and West Asia.

The report presents an optimistic assessment regarding the state of foreign trade. Indeed, foreign trade grew in 2024. Does that mean fragmentation is fading away? I would likely disagree with it, especially since serious challenges to foreign trade policy remain from the US. The policy that the new American president will pursue will largely determine the development of fragmentation processes worldwide.

I have identified three possible scenarios for the development of fragmentation.

The first scenario is the so-called bloc scenario, which divides the entire global economy into two blocs: on one side, developed countries and their partners, and on the other, China, Russia, and their allies.

The second scenario is more complex and, in my opinion, closer to reality. This system includes many integration groupings, that is, countries from both blocs and “bridge states,” which allows for the maintenance of economic ties, including between the blocs.

The third scenario is the most dangerous one and represents economic nationalism, which gained significant momentum about 100 years ago, after the Great Depression. Donald Trump’s first-term economic policy is a movement toward economic nationalism. While it was only for the US, the United States can serve as an example for other countries. This scenario is unlikely to be fully realized, but one should never discount it.

Maslennikov: The UN report deserves compliments. It provides a realistic picture of the state of the global economy and its main issues. I will focus on three issues reflected in the UN materials.

The first issue is the situation with world trade. The UN report predicts a slight decline. Geopolitical tensions and the trend toward global economic fragmentation both play a role here. We must also remember the rapid growth of foreign trade restrictions. Since the end of the last decade, the number of global trade restrictions has tripled. Stopping this flywheel is currently impossible.

The second issue is the unabated budgetary expansion and debt level. The volumes of global public debt and global GDP are almost equal. Meanwhile, the G7 countries have public debt that is 125% higher than their GDP. For developing economies, the volume of interest payments last year amounted to \$1.4 trillion. Such a burden, combined with budgetary expansion and the growing debt overhang, poses a serious risk that we will see a rise in global inflation, with a significant correction to the key rate-cutting cycle of leading central banks.

The third issue is the growing unevenness of countries' vulnerability to risk. Developing and low-income economies are the most vulnerable.

The expectations of the UN report analysts align with the international expert consensus forecast. The traditional Bank of America review highlights three primary risks to the global economy. First is the development of trade wars, stemming from the realization of Donald Trump's plans to raise import tariffs. Second is the rise in the Federal Reserve's key rate due to increasing inflation. Third is geopolitical tension.

Regarding the systemic problems of the global economy, I would highlight three main ones that require increased attention.

The first problem is inflation. According to the World Economic Forum, the global economy will experience the impact of "Five Ds": Deglobalization, Debt, Demographics, Decarbonization, and Digitalization. Among these five factors, the pro-inflationary forces lead by a score of 4 : 1.

The second problem is the growing disconnect between the three components of economic policy: monetary policy, fiscal policy, and structural reforms. Moreover, structural reforms are progressing very slowly due to the deteriorating quality of communication between government regulators and those they regulate across all world economies. An example is the attempts at structural reform in Europe, which resulted in political crises in France and Germany.

The third problem is the sharp deterioration of international economic coordination mechanisms, starting with the WTO and extending to the G20, which is increasingly becoming a community of regions.

In summary, I would say that the balance of risks for the global economy in 2025 is shifting toward a worsening situation.

Aganbegyan: I want to share some of my thoughts with you.

The main thing is that we pay much attention to growth rates, which aren't crucial for socioeconomic development. After all, there is quantity, and there is quality. GDP growth is a weak, non-informative indicator. It does not indicate the quality of growth. Growth in developing countries relies on traditional, low-tech goods, while in highly developed countries, it stems from high-tech goods and services. The knowledge economy is also the main driver of economic growth in developed countries. It's not fixed

capital investment or industry (they have entered a post-industrial period), but the knowledge economy is pushing them forward. Therefore, alongside GDP growth, one must consider other things — for example, the growth of high-tech products and services. In other words, innovation. The UN report does not mention innovation at all, yet it's a key factor in high-quality economic growth.

Second, one of the key driving forces of socioeconomic progress is the implementation of megaprojects. In 44 years, the Shenzhen Special Economic Zone in China has transformed from a fishing village into a metropolis with a population of 17.6 million people. The city is home to 150 large innovative firms known as “unicorns.” The city plays a significant role globally in the production of telephones, electronics, and electrical equipment. Unfortunately, we in Russia cannot boast of anything similar and do not use the term “megaproject.”

Third, growth depends on the volume of investment in the knowledge economy — the amount of investment in education, R&D, healthcare, biotechnology, and information technology. South Korea is building an electronics factory in the US, investing more in that project than we plan to invest in developing the sector by the end of 2030.

Speaking of the world economy as a whole, a fundamental shift is occurring, a change in the global leader — China is losing ground to India. In recent years, India's economy has been growing at an annual rate of 7% compared to China's 4–5%. China's foreign trade volume is \$6 trillion. The US and Europe are trying to counter China by investing in India, evidenced by the construction of electronics factories there. India is experiencing a large inflow of capital. The confrontation between China and India, combined with pressure from the US, Europe, and Japan, will become the leading plot in the global economy.

Porfiryev: Summing up the discussion, I agree with our speakers that addressing the issues raised in the UN report, given their complexity, significance, and strategic nature, certainly requires a more comprehensive approach. Perhaps the report we're discussing today is a starting point or the focus of this discussion. Let's consider today's discussion as the start. I want to express my deepest gratitude to our esteemed experts for outlining the provisions of this challenging document, as well as to all our speakers.

АРХИТЕКТУРА МИРОВЫХ ФИНАНСОВ: В ПОИСКЕ РЕШЕНИЙ

Создание самостоятельной, независимой финансовой инфраструктуры, развитие платежных систем в национальных валютах — важные задачи, которые нужно решить для углубления экономического сотрудничества между странами БРИКС. Эксперты Вольного экономического общества России назвали перспективные направления расширения сотрудничества между странами БРИКС в финансовой сфере, оценили перспективы создания единой валюты БРИКС и развития цифровых расчетов между государствами — членами объединения.

Александр Широ́в,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Михаил Головнин,
директор Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

*Альберт Бахтизин,
директор ЦЭМИ РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России*

*Никита Масленников,
ведущий эксперт Центра политических технологий,
член ВЭО России*

Перспективы единой валюты БРИКС

Идея единой валюты БРИКС активно обсуждается в научном и экспертном сообществе, однако перспективы появления наднационального платежного средства по аналогии с евро пока неочевидны. Эксперты видят ряд экономических и политических ограничений для его создания.

Головнин: Если говорить о создании полноценной наднациональной валюты (по аналогии с евро), то вероятность реализации подобного сценария в БРИКС в кратко- и среднесрочной перспективе я рассматриваю как близкую к нулю, а в долгосрочной — как крайне низкую. Чтобы реализовать преимущества единой национальной валюты для группы стран, нужно выполнить ряд условий. Среди них — наличие тесных экономических связей между странами (высокая доля взаимного товарооборота и взаимных потоков капитала), близость макроэкономических показателей (темпов инфляции, процентных ставок, показателей бюджетно-налоговой политики и других), низкие барьеры для движения товаров и услуг, факторов производства между странами. Напомню, что для европейских стран путь от первых шагов в области экономической интеграции во второй половине XX века до создания единой валюты занял более 40 лет. Кроме того, результаты введения евро для стран Экономического

и валютного союза с экономической точки зрения не столь однозначны. Достаточно вспомнить европейский долговой кризис 2010–2013 годов и его последствия. Наконец, страны БРИКС не готовы политически (а введение единой наднациональной валюты — это в первую очередь политическое решение) к подобному шагу.

Речь может идти скорее об использовании опыта создания эю. Однако эю на практике не выполняла всех функций денег и была нацелена на содействие осуществлению взаимных расчетов. Необходимо отметить, что эю не существовала в вакууме, она опиралась на длительный опыт регулирования взаимных курсов европейских валют (сначала в рамках Бреттон-Вудской валютной системы, затем — в рамках так называемой змеи в тоннеле и Европейской валютной системы).

Третий вариант не связан с опытом европейской валютной интеграции. Это создание наднациональной цифровой валюты (стейблкоина), привязанного к товарному активу или к корзине валют. Ключевой вопрос, который возникает при возможной реализации этого варианта: кто будет эмитентом подобной валюты? С одной стороны, им не может выступать государство, с другой — для использования подобной валюты во взаимных расчетах должна быть высокая степень доверия к ней.

Широв: Создание наднационального платежного средства является вполне вероятным развитием текущей ситуации в мировой экономике. Крупные развивающиеся экономики заинтересованы в создании расчетных механизмов, свободных от односторонних решений развитых стран. Однако для создания такой валюты потребуется значительная подготовительная работа и время.

Масленников: Перспективы создания единой валюты БРИКС, отвечающей, например, всем признакам евро, пока туманны. Прежде всего в силу дефицита предпосылок. Европейские страны, располагающиеся, в отличие от участников БРИКС, на одном континенте, поэтапно двигались к результату в течение нескольких десятилетий, создав общее экономическое пространство с интегрированными рынками товаров и услуг, капитала и рабочей силы, плотной сетью производственно-технологических кооперационных связей и взаимных инвестиций, интенсивной конкурентной средой, высоким уровнем сопряженности транспортных коммуникаций, логистики и в целом инфраструктуры и, конечно, теснейшим переплетением финансовых институтов. У Европы под единую валюту был подведен мощный экономико-институциональный фундамент. У БРИКС такого аналога пока

нет. Сложится ли вектор движения в этом направлении, особенно с поправкой на особенности экономико-географического распределения членов этого объединения, сказать трудно. Скорее всего, взаимодействие будет нарастать по линиям торговых и финансовых потоков, в том числе инвестиционных транзакций. При этом принципиально важно учитывать неизбежную трансформацию мировой валютной системы, обслуживающей монетарный оборот в глобальном хозяйстве на основе прогресса цифровых технологий, кардинально изменяющих скорость и масштабы финансовых потоков в рамках есопoтiса, издержки международных платежей и расчетов, требования к их безопасности.

Единая валюта БРИКС: за и против

Основной аргумент в пользу создания единой валюты БРИКС — упрощение и безопасность расчетов между государствами — членами объединения за счет снижения их зависимости от доллара и евро, а значит, и от текущей экономической или политической конъюнктуры. Но есть и аргументы против.

Широв: Ключевой плюс — это альтернатива в осуществлении платежей, позволяющая обеспечить безопасность расчетов вне зависимости от текущей экономической или политической конъюнктуры, возможность формировать резервы в новой валюте. Кроме того, это поможет избежать перекосов при распределении доходов в мировой экономике в пользу развитых стран. К минусам следует отнести возможную фрагментацию платежных систем, ограничивающую развитие глобальной торговли.

Головнин: Плюсами единой наднациональной валюты является содействие развитию взаимных расчетов, экономических связей и построению единых финансовых рынков за счет снижения издержек. В числе минусов — негативное влияние внешних шоков на ряд стран объединения, которые не смогут использовать механизм валютных курсов, чтобы сгладить влияние этих шоков, и отсутствие возможности проведения национальной денежно-кредитной политики. Если мы говорим о единой расчетной единице, то здесь положительные эффекты существенно меньше. Они связаны с содействием осуществлению взаимных расчетов и во многом зависят от степени предсказуемости колебания взаимных валютных курсов. Вряд ли страны БРИКС готовы сегодня на согласованное проведение валютной политики, хотя потенциальные механизмы для сглаживания колебаний

взаимных валютных курсов у них имеются: например, пул условных валютных резервов. Для единой цифровой валюты дополнительным плюсом служит возможность организации расчетов вне монополярной финансовой системы, контролируемой западными странами. При этом основным минусом является сложность поддержания ее стабильного курса при отсутствии пользующегося доверием эмитента и взаимного согласования курсов валют стран БРИКС.

Бахтизин: С учетом продолжающейся фрагментации глобального экономического пространства все острее проявляется необходимость постепенного отказа от взаиморасчетов с использованием доллара США. Доля этой валюты в структуре мировых валютных резервов заметно снизилась.

Отказ от доллара также выгоден правительствам, потому что эта мера может ускорить рост национальных экономик. Авторы исследования *Growth and inflation tradeoffs of dollarization: Meta-analysis evidence* проанализировали 43 работы, содержащие 585 оценок макроэкономических эффектов долларизации и пришли к выводу о том, что долларизация способствует повышению волатильности ВВП и сдерживает экономический рост.

Помимо отказа от доллара, необходимо развитие суверенной платежной системы на базе растущего межстранового объединения БРИКС, которая станет альтернативой международной межбанковской системе передачи информации и совершения платежей (SWIFT) и уменьшит значение последней. Доля ВВП по ППС стран БРИКС в мировой экономике составляет почти 36%, у «Группы двадцати» — 29%, и разрыв этот с каждым годом только увеличивается. Доля торговли между странами БРИКС постоянно растет и уже составляет пятую часть мировой торговли. Переход на другую платежную систему позволит ослабить западную финансовую систему.

Естественно, что этот процесс вызывает серьезное беспокойство в США. Неслучайно американский аналитический центр Atlantic Council запустил онлайн-проект «Монитор доминирования доллара», который выкладывает информацию о динамике процесса дедолларизации и позиции стран — заинтересованных в этом глобальном переходе. В частности, Бразилия и Индия заинтересованы в ограничении влияния денежно-кредитной политики США, снижении волатильности своих валют и сокращении транзакционных издержек, а Китай — в уменьшении влияния доллара и переводе мировой экономики в многополярную валютную систему.

Также на сайте проекта отмечается, что с 2018 года все члены БРИКС увеличивали свои золотые запасы более быстрыми темпами, чем весь остальной мир, несмотря на исторически высокие цены.

Кроме того, новая валюта стран БРИКС, согласно анализам компании Nasdaq, может способствовать укреплению экономической интеграции стран этой организации, уменьшению влияния США на мировой арене, ослаблению позиции доллара как мировой резервной валюты и снижению ценовой волатильности.

SWIFT по-прежнему остается самой большой платежной системой, включающей более 11 тысяч организаций и обеспечивающей около 50 млн переводов в день. Для сравнения: к международной китайской системе передачи финансовых сообщений и платежей CIPS в период с июня 2023 года по май 2024 года присоединилось 62 прямых участника, и теперь система обслуживает 142 прямых и 1394 косвенных участника и обеспечивает около 40 тысяч переводов в день на сумму 123 млрд долларов. Но, учитывая, что она была запущена в эксплуатацию только в 2015 году, в будущем возможно ее значительное расширение и постепенное вытеснение SWIFT. Кроме того, помимо CIPS возможно создание новой платежной системы для увеличивающегося союза БРИКС.

Барьеры для введения единой валюты

Для единой валюты стран БРИКС есть ряд препятствий, многие из этих ограничений пока сложно снять.

Широв: Создание единой валюты всегда сопровождается отказом от части суверенитета в финансовой сфере. Не все страны готовы на такой шаг в краткосрочной перспективе. Вторым важнейшим ограничением является отсутствие полноценного контура обмена научно-технической продукцией в странах БРИКС. Сохраняющаяся зависимость от технологического импорта из развитых стран будет существенно ограничивать возможности новой валюты. Кроме того, лидерство Китая в объемах взаимной торговли требует дополнительных решений по сбалансированности системы платежей.

Головнин: Основные ограничения для создания единой валюты носят объективный экономический характер и связаны с относительно слабыми экономическими связями между странами БРИКС, а также сохраняющимися высокими барьерами на пути взаимных экономических связей. Однако

на практике главными являются политические ограничения — неготовность к отказу от части национального суверенитета или даже к координации экономической политики (если речь идет только о регулировании взаимных валютных курсов). Следует также отметить различную степень заинтересованности в создании единой валюты со стороны отдельных стран БРИКС. Для тех государств, которые находятся под санкциями, она выше, для членов БРИКС, которые продолжают активно сотрудничать с западными странами, — ниже.

Расчеты в цифре

Центробанки стран БРИКС прорабатывают запуск платформы BRICS Bridge для расчетов в национальных валютах, в том числе цифровых. Новая система позволит проводить транзакции между странами напрямую и снизит влияние западных санкций на международные платежи.

Широв: Расчеты в цифровых валютах — это одно из наиболее перспективных направлений расширения сотрудничества между странами БРИКС в финансовой сфере, так как позволяет выстроить платежную систему на основе прямого взаимодействия между центральными банками в случае имитирования ими таких валют. Одним из минусов развития по этому пути может стать снижение значимости традиционных финансовых институтов — банков.

В среднесрочной перспективе более вероятным является развитие расчетной платежной системы на базе цифровых валют. Для перехода к единой валюте требуется большое количество дополнительных действий и согласований. Ключевые из них будут связаны с разработкой механизмов определения стоимости новой валюты, урегулирования споров внутри валютной системы, проблемных долгов.

Головнин: Одним из вариантов для развития взаимных расчетов и снижения их зависимости от существующей монопольной финансовой архитектуры является использование цифровых валют. Применение для этих целей криптовалют и стейблкоинов ограничивается законодательством отдельных стран. Здесь вступают в противоречие две цели: содействие внешним расчетам и обеспечение монетарного суверенитета в национальной экономике. Многие страны БРИКС делают выбор в пользу второй цели, запрещая обращение частных цифровых валют. Между тем путем переговоров между странами могли бы быть отобраны (или эмитированы новые) некоторые частные цифровые валюты, чтобы использовать их в расчетах между странами — членами БРИКС. Основным ограничением здесь является уже упоминавшееся выше доверие к эмитентам подобных валют.

Гораздо более перспективным представляется использование во взаимных расчетах цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ). Это не снимает полностью проблему монетарного суверенитета, но делает ее более контролируемой. Однако пока ни в одной стране БРИКС нет ЦВЦБ, которая бы использовалась для международных сделок. Дальше всех по пути развития ЦВЦБ продвинулся Китай. Страна среди прочего прорабатывает вопросы использования цифрового юаня в трансграничных сделках. В случае если страны БРИКС реализуют полномасштабное внедрение ЦВЦБ, возникнет задача выбора платформы для реализации взаимных расчетов. Здесь важную роль должны играть соображения экономической безопасности — независимости подобной платформы от воздействия со стороны недружественных игроков.

Из сказанного выше ясно, что проекты, связанные с созданием новых валют или новых форм национальных денег, которые могли бы использоваться для взаимных расчетов стран БРИКС, вряд ли реализуемы в краткосрочной перспективе. Это не означает, что над некоторыми из них не нужно вести работу. Но в этих условиях особое значение принимает развитие платежных систем в национальных валютах, не зависящих от существующей международной финансовой инфраструктуры, для снижения рисков возможного недружественного, в том числе санкционного воздействия.

Масленников: В условиях текущего геополитического кризиса и санкционного давления «по всем азимутам» цифровизация меняет валютные отношения.

В годовом отчете за 2023 год Банк международных расчетов сделал следующий вывод: новый облик мировой валютной системы будет определяться сосуществованием на унифицированном реестре цифровых валют центральных банков, токенизированных денежных средств и цифровых прав на неденежные активы. Принципиальная задача — их бесшовная взаимная конвертация. Ряд исследователей считают, что решение будет найдено по мере становления WEB.3, когда блокчейн-технологии позволят владеть и обмениваться токенами, представляющими любой цифровой актив. Когда это произойдет, сложно предположить. Пока же необходимо быть на гребне уже наблюдаемых трендов. БРИКС это удастся.

Более 70 центробанков по всему миру имеют команды разработчиков национальных цифровых валют. В Нигерии, на Ямайке и Багамах ими уже можно оплачивать различные покупки. Китай, Индия, Россия, Гана и Уругвай тестируют цифровые валюты центробанков. В 17 странах, включая Бразилию, Иран и Турцию, тестируются технологии цифровых валютных решений. В более чем 50 государствах изучается возможность их применения.

В 2023 году было анонсировано создание международной цифровой расчетной платформы BRICS Bridge, в рамках которой центробанки будут по требованию участников внешнеэкономической деятельности выпускать цифровые финансовые активы (стейблкоины), привязанные либо к национальным валютам, либо к корзинам «согласованных» товаров, либо к стоимости золота. Полномасштабный запуск платформы, по мнению специалистов, можно ожидать через полтора-два года. В рамках BRICS Bridge может появиться и единая расчетная единица для участников объединения. Ее плюсы очевидны: ускорение и удешевление расчетов, повышение их безопасности, расширение взаимных торговых потоков и финансовых транзакций (прямых инвестиций, вложений в ценные бумаги),

укрепление позиций БРИКС как одного из главных центров мировой экономики. На пути к этому, однако, предстоит решить ряд важных задач: сглаживание сильной волатильности национальных валют, обеспечение цифровых финансовых активов и единой расчетной единицы, создание «шлюзовых» институтов в финансовых инфраструктурах в рамках многостороннего валютного клиринга, гармонизация национальных законодательств в части международных платежей и расчетов и, конечно, выравнивание уровней цифровой зрелости экономик стран — участниц БРИКС. Есть мнение, что расширение БРИКС способно усложнить межгосударственные согласования интересов и снизить скорость реализации совместных замыслов и проектов и в то же время может привести к более качественной их проработке. При этом главный плюс от расширения БРИКС — стремление все большего числа суверенных государств к формированию согласованных предложений по реформированию существующего мирового экономического порядка. Именно об этом сигнализирует создание BRICS Bridge.

Расширение БРИКС: перспективы

Расширение БРИКС открывает для стран-участниц, в том числе для России, новые возможности для социально-экономического развития, но для того, чтобы ими воспользоваться, следует снять ряд ограничений.

Широв: Объединение крупных развивающихся экономик позволяет формировать единую переговорную позицию по важнейшим вопросам развития глобальной экономики, увеличить вес этих стран в формировании мировых экономических показателей. Кроме того, в условиях формирования

в глобальной экономике новых центров силы это позволяет координировать деятельность в производственной и научно-технологической сферах, в том числе и в части выстраивания эффективной системы производственной кооперации.

Пока на страны БРИКС приходится менее 25% от глобальных затрат на исследования и разработки. Это достаточно сильно сдерживает развитие производственной кооперации, сохраняет зависимость от технологических решений, сформированных в развитых странах. В торговле между странами БРИКС пока существуют значительные дисбалансы, ограничивающие возможности активного взаимодействия в производственной и финансовой сферах.

Основное направление выстраивания более эффективного взаимодействия между странами БРИКС — это расширение связей в рамках разделения труда и развитие производственной кооперации. Выстраивание производственных цепочек на основе использования технологий, разработчиками которых являются страны БРИКС, позволит сбалансировать показатели взаимной торговли и повысит эффективность экономик. Производственная кооперация создаст фундамент для продвижения интеграции по финансовому и иным направлениям. Ключевым инструментом эффективного развития кооперации стран БРИКС должна стать скоординированная научно-технологическая политика. Преимуществом стран БРИКС при реализации стратегии развития может стать емкость их растущих рынков, отсутствие значимых ограничений по первичным и трудовым ресурсам.

GLOBAL FINANCIAL ARCHITECTURE: IN SEARCH OF SOLUTIONS

To deepen economic cooperation among BRICS countries, it's essential to create an independent, self-sufficient financial infrastructure and develop payment systems in national currencies. Experts from the VEO of Russia have identified promising areas for expanding financial cooperation among BRICS nations, assessed the prospects for creating a single BRICS currency, and examined the development of digital payments between member states of the association.

*Alexander Shirov,
Director of the Institute of Economic Forecasting of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

*Mikhail Golovnin,
Director of the Institute of Economics of RAS,
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

*Albert Bakhtizin,
Director of the Central Economics and Mathematics Institute (CEMI RAS),
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

*Nikita Maslennikov,
Leading Expert at the Center for Political Technologies,
Member of the VEO of Russia*

Prospects for a Single BRICS Currency

Although the concept of a single BRICS currency is disputable in scientific and expert communities, the prospects for establishing a euro-like supranational payment instrument remain uncertain, mainly due to several economic and political limitations cited by experts.

Golovnin: If we talk about creating a fully-fledged supranational currency (similar to the euro), I see the probability of such a scenario in BRICS as close to zero in the short and medium term, and extremely low in the long term. For a group of countries to realize the benefits of a single national currency, they must meet several conditions. These include close economic ties between countries (a high share of mutual trade and capital flows), similar macroeconomic indicators (inflation rates, interest rates, fiscal policy indicators, etc.), and low barriers to the movement of goods, services, and factors of production between countries. Let me remind you that for European countries, the path from the first steps in economic integration in the second half of the 20th century to the creation of a single currency took more than 40 years. Moreover, the economic results of introducing the euro for the Economic and Monetary Union aren't entirely unambiguous. It's enough to recall the European debt crisis of 2010–2013 and its consequences. Finally, BRICS countries are not politically ready (and the introduction of a single supranational currency is primarily a political decision) for such a step.

A more likely discussion is the use of the experience of creating the ECU. However, the ECU did not perform all the functions of money in practice since it aimed to facilitate mutual settlements. Please note that the ECU did not exist in a vacuum. It relied on long experience in regulating mutual exchange rates of European currencies (first within the Bretton Woods currency system, then within the so-called “snake in the tunnel” and the European Monetary System).

A third option is not related to the European currency integration experience. It involves the creation of a supranational digital currency (stablecoin) pegged to a commodity asset or a currency basket. The key question that arises with the possible implementation of this option is: who will issue such a currency? On the one hand, a state cannot act as the issuer, but on the other hand, using such a currency in mutual settlements requires a high degree of trust.

Shirov: The creation of a supranational payment instrument is a highly probable development given the current situation in the global economy. Large developing economies are interested in introducing settlement mechanisms free from the unilateral decisions of developed countries. However, building such a currency will require significant preparatory work and time.

Maslennikov: The prospects for creating a single BRICS currency that meets all the characteristics of the euro, for example, are currently vague, primarily due to a lack of conditions. European countries, unlike BRICS members, are located on a single continent and moved toward the result in stages over several decades, creating a common economic space with integrated markets for goods, services, capital, and labor; a dense network of production and technological cooperation ties and mutual investments; an intensive competitive environment; a high level of connectivity in transport communications, logistics, and overall infrastructure; and, of course, a tightly intertwined financial institutions. Europe had a strong economic and institutional foundation for its single currency. BRICS does not yet have such an analogue. It is difficult to say whether this trend will take hold, especially given the economic and geographic distribution of the member states. Most likely, interaction will increase through trade and financial flows, including investment transactions. At the same time, it's crucial to consider the inevitable transformation of the global monetary system, which supports monetary circulation in the global economy based on the progress of digital technologies, radically changing the speed and scale of financial flows in the pax economica, the costs of international payments and settlements, and the requirements for their security.

Single BRICS Currency: Pros and Cons

The key argument in favor of creating a single BRICS currency is the simplification and security of settlements between member states by dropping their dependence on the dollar and euro, and thus on the current economic or political climate. But there are also arguments against it.

Shirov: The key advantage is providing an alternative for payments, ensuring secure settlements regardless of the current economic or political situation, and the possibility of forming reserves in the new currency. Furthermore, it would help avoid distortions in the distribution of income in favor of developed countries. The drawbacks include the possible fragmentation of payment systems, which could limit the development of global trade.

Golovnin: The advantages of a single supranational currency are the promotion of mutual settlements, economic ties, and the construction of unified financial markets by reducing costs. The downsides include the negative impact of external shocks on some BRICS countries that cannot use the exchange rate mechanism to mitigate the effects of these shocks, as well as the loss of autonomy in conducting national monetary policy. If we are talking about a single unit of account, the positive effects are significantly weaker. They are related to facilitating mutual settlements and largely depend on the predictability of fluctuations in mutual exchange rates. It is unlikely that BRICS countries are currently ready for a coordinated currency policy. However, they do have potential mechanisms for smoothing fluctuations in mutual exchange rates, such as the Contingent Reserve Arrangement. An additional advantage of a single digital currency is the possibility of organizing settlements outside the monopolistic financial system controlled by Western countries. However, the main drawback is the difficulty of maintaining its stable exchange rate without a trusted issuer and without mutual coordination of the BRICS countries' currency rates.

Bakhtizin: Given the ongoing fragmentation of the global economic space, the need to gradually abandon the use of the US dollar for mutual settlements is becoming increasingly acute. The share of this currency in global foreign exchange reserves has noticeably declined.

Abandoning the dollar is also beneficial to governments because this measure can accelerate the growth of national economies. The authors of the study “Growth and Inflation Tradeoffs of Dollarization: Meta-Analysis Evidence” analyzed 43 papers containing 585 estimates of the macroeconomic effects of dollarization and concluded that dollarization contributes to increased GDP volatility and restrains economic growth.

In addition to abandoning the dollar, it is necessary to develop a sovereign payment system based on the growing BRICS inter-country association, which would become an alternative to the international interbank messaging and payment system (SWIFT) and diminish the latter's importance. The share of BRICS countries' GDP by purchasing power parity (PPP) in the world economy is almost 36%, compared to 29% for the Group of 20, and this gap is only increasing every year. The share of trade between BRICS countries is steadily growing, now accounting for one-fifth of global trade. The transition to a different payment system will weaken the Western financial system.

Naturally, this process causes serious concern in the US. No wonder the American think tank, the Atlantic Council, launched the online project “Dollar Dominance Monitor,” which publishes information on the dynamics of the de-dollarization process

and the positions of countries with interests in this global transition. In particular, Brazil and India are interested in limiting the influence of US monetary policy, reducing the volatility of their currencies, and cutting transactional costs. Meanwhile, China is interested in reducing the dollar's influence and shifting the world economy toward a multipolar currency system.

The project website also notes that since 2018, all BRICS members have been increasing their gold reserves at a faster pace than the rest of the world, despite historically high prices.

Furthermore, according to analysts at Nasdaq, a new BRICS currency could help strengthen the economic integration of the organization's countries, reduce the US's influence on the world stage, weaken the dollar's position as the world reserve currency, and lower price volatility.

SWIFT remains the dominant payment system, with over 11,000 organizations and about 50 million transfers per day. For comparison, the international Chinese cross-border interbank payment system (CIPS) added 62 direct participants between June 2023 and May 2024, and it now serves 142 direct and 1,394 indirect participants, handling about 40,000 transfers per day worth \$123 billion. Launched in 2015, it may expand significantly in the future, gradually displacing SWIFT. Moreover, in addition to CIPS, the creation of a new payment system for the expanding BRICS alliance is possible.

Barriers to a Single Currency

Several obstacles exist for a single currency among BRICS countries, and many of these limitations are currently hard to remove.

Shirov: The creation of a single currency always entails the relinquishing of a part of financial sovereignty. Not all countries are ready to take such a step in the short term. A second crucial limitation is the lack of a complete circuit for the exchange of scientific and technological products among BRICS countries. Continued dependence on technological imports from developed countries will significantly limit the potential of a new currency. Furthermore, China's leadership in mutual trade volumes requires additional solutions to balance the payments system.

Golovnin: The main limitations for creating a single currency are of an objective economic nature and are related to relatively weak economic ties between BRICS countries, as well as persistently high barriers to mutual economic connections. However, in practice, the main restrictions are political — a reluctance to renounce part of national

sovereignty, or even to coordinate economic strategy (if only mutual exchange rate regulation is involved). It is also worth noting the varying degrees of interest in creating a single currency among BRICS countries. It is higher for those states under sanctions and lower for BRICS members that continue to cooperate with Western countries.

Digital Settlements

The central banks of BRICS countries are developing the BRICS Bridge platform for settlements in national currencies, including digital ones. This new system would allow direct transactions between countries and reduce the influence of Western sanctions on international payments.

Shirov: Settlements in digital currencies are one of the most promising areas for expanding financial cooperation among BRICS countries, as they allow for the construction of a payment system based on direct interaction between central banks, provided they issue such currencies. One potential drawback of pursuing this path could be the reduced significance of traditional financial institutions, such as banks.

In the medium term, the development of a settlement payment system based on digital currencies is more likely. The transition to a single currency requires a significant number of additional actions and agreements. Key among these would involve developing mechanisms for determining the new currency's value, resolving disputes within the currency system, and managing problematic debts.

Golovnin: One option for developing mutual settlements and reducing their dependence on the existing monopolistic financial architecture is the use of digital currencies. However, the use of cryptocurrencies and stablecoins for these purposes is subject to legal restrictions of individual countries. Here, two goals conflict: facilitating external settlements versus ensuring monetary sovereignty in the national economy. Many BRICS countries opt for the second goal, prohibiting the circulation of private digital currencies. Nevertheless, through negotiations, certain private digital currencies could be selected (or new ones issued) for use in settlements between BRICS member states. The main limitation here is the previously mentioned lack of trust in the issuers of such currencies.

The use of central bank digital currencies (CBDCs) in mutual settlements appears much more promising. Without completely eliminating the issue of monetary sovereignty, this makes it more controllable. However, no BRICS country currently has a CBDC used for international transactions. China has advanced the furthest in CBDC development, working on issues such as using the digital yuan in cross-border transactions. Should BRICS

countries implement full-scale CBDCs, the task of selecting a platform for mutual settlements will arise. Considerations of economic security — the platform’s independence from the influence of unfriendly players — must play an important role here.

From the above, it is clear that projects related to creating new currencies or forms of national money that BRICS countries could use for mutual settlements are unlikely to be feasible in the short term. It doesn’t mean work shouldn’t continue on some of them. However, under these conditions, the development of payment systems in national currencies, independent of the existing international financial infrastructure, takes on special significance for mitigating the risks of possible unfriendly, including sanctions-related, impact.

Maslennikov: In the context of the current geopolitical crisis and sanctions pressure “from all directions,” digitalization is changing currency relations.

In its 2023 annual report, the Bank for International Settlements concluded that the new global monetary system will rely on the coexistence of central bank digital currencies, tokenized money, and digital rights to non-monetary assets on a unified ledger. The fundamental task is their seamless mutual convertibility. Some researchers believe the solution will emerge as Web 3.0 matures, when blockchain technologies allow for the ownership and exchange of tokens representing any digital asset. When this will happen is difficult to predict. For now, it is necessary to stay on top of already observed trends, which BRICS is managing to do.

More than 70 central banks worldwide have teams developing national digital currencies. In Nigeria, Jamaica, and the Bahamas, they are already available for retail purchases. China, India, Russia, Ghana, and Uruguay are launching central bank digital currencies. Seventeen countries, including Brazil, Iran, and Turkey, are testing digital currency solutions. More than 50 states are exploring their potential applications.

In 2023, BRICS announced the creation of an international digital payment platform, BRICS Bridge. Within this platform, central banks will, upon requests from foreign economic participants, issue digital financial assets (stablecoins) pegged either to national currencies, baskets of “agreed” commodities, or the value of gold. Specialists anticipate the full-scale launch of the platform in 18 to 24 months. The BRICS Bridge may also introduce a single unit of account for the association’s members. Its advantages are clear: faster and cheaper settlements, increased security, expanded mutual trade flows and financial transactions (direct investment and securities investments), and strengthening BRICS’s position as one of the key centers of the global economy. Progress toward this goal, however, requires solving several key

challenges: mitigating the high volatility of national currencies, ensuring digital financial assets and a single unit of account, creating “gateway” institutions in financial infrastructures for multilateral currency clearing, harmonizing national legislation on international payments and settlements, and, of course, leveling the digital maturity of BRICS member economies. Some argue that the expansion of BRICS could complicate intergovernmental consensus and slow the realization of joint projects. But at the same time, it may lead to their better development. The main advantage of BRICS expansion is the desire of an increasing number of sovereign states to form coordinated proposals for reforming the existing world economic order. The creation of the BRICS Bridge signals precisely this intention.

BRICS Expansion: Prospects

The expansion of BRICS unlocks new socioeconomic opportunities for member countries, including Russia, but realizing this potential requires overcoming certain limitations.

Shirov: The union of large developing economies promotes the formation of a unified negotiating position on key issues of global economic development, increasing the weight of these countries in shaping economic indicators. Furthermore, given the formation of new centers of power in the global economy, this enables the coordination of activities in the production and scientific-technological spheres, including the building of an effective system of production cooperation.

Currently, BRICS countries account for less than 25% of global R&D expenditures, which significantly restrains the development of production cooperation and maintains dependence on technological solutions developed in advanced countries. Significant trade imbalances among BRICS countries still limit their opportunities for active interaction in the production and financial spheres.

The primary focus for building more effective interaction among BRICS countries is expanding ties within the division of labor and developing production cooperation. Building production chains based on technologies developed by BRICS countries will help balance mutual trade indicators and improve economic efficiency. Production cooperation will create the foundation for advancing financial and other forms of integration. A coordinated scientific and technological policy should be the key tool for the effective development of BRICS cooperation. The capacity of their growing markets and the lack of significant restrictions on primary and labor resources can be an advantage for BRICS countries in implementing their development strategy.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Россия и Китай активно развивают сотрудничество. В сентябре 2025 года Москва и Пекин подписали более 20 документов о сотрудничестве в энергетике, аэрокосмической промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, научных исследованиях, образовании, СМИ и сфере искусственного интеллекта и других областях. На центральных мероприятиях VI Московского академического экономического форума, которые прошли в мае 2024 года в Российской академии наук, председатель Всемирной ассоциации политической экономики (WAPE) Чен Эньфу предложил ряд решений для укрепления и развития российско-китайских отношений. Они и сегодня не теряют актуальности.

Организаторы МАЭФ: Вольное экономическое общество России, Российская академия наук

Чен Эньфу,
*председатель Всемирной ассоциации политической экономики,
директор и главный профессор Исследовательского центра
социально-экономического развития
Китайской академии общественных наук*

Сценариев будущего экономического сотрудничества между Россией и Китаем много, поэтому приведу лишь несколько стратегически важных предложений, за которые выступают многие китайские ученые.

1. Создание новой международной клиринговой системы

Мы предлагаем России и Китаю взять на себя инициативу по созданию новой международной клиринговой системы (аналога международной платежной системы SWIFT, контролируемой США), которую смогут реализовать страны БРИКС. Это позволит постепенно снизить зависимость от западной финансовой инфраструктуры и повысить значимость таких интеграционных объединений, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), на мировой финансовой арене.

В 2015 году Россия официально запустила Систему передачи финансовых сообщений (СПФС), которая активно взаимодействует с китайской системой трансграничных платежей в юанях (CIPS). Страны уже работают над разработкой механизмов трансграничных платежей между Китаем и Россией.

Китайско-российский механизм трансграничных платежей уже относительно зрелый. Наши страны имеют тесные экономические и торговые обмены с государствами, которые входят в проект «Один пояс — один путь» и относятся к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Экономическое сотрудничество и политическое взаимное доверие между странами БРИКС и государствами — членами ШОС находится на высоком уровне. Все это закладывает прочную экономическую и политическую основу для продвижения новой системы SWIFT, возглавляемой Китаем и Россией. Решение этой задачи позволит противодействовать неоимпериализму и неокOLONIALИЗМУ США, основанному на господствующем влиянии доллара.

2. Развитие сотрудничества в области строительства российско-китайского порта Зарубино

Порт Зарубино — один из важных транспортных узлов арктического маршрута. Согласно прогнозам экспертов, этот морской хаб должен превратиться в порт № 1 в Северо-Восточной Азии, а его пропускная способность составит 60 млн тонн в год. Поэтому мы предлагаем Китаю и России разработать новые механизмы сотрудничества для ускорения реализации этого проекта и обеспечения инфраструктурных условий для развития Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России.

Работа в этом направлении идет с 2014 года, когда правительство провинции Цзилинь, корпорация China Merchants Group и крупнейший российский портовый оператор подписали соглашение о сотрудничестве в рамках реализации проекта по строительству порта Зарубино. Запланировано проложить железнодорожную ветку из морского порта Зарубино в Китай. В 2020 году был запущен мультимодальный маршрут Хуньчунь — порт Зарубино — Циндао. Правда, его эксплуатация пока не оправдала надежды.

3. Развитие сотрудничества в сфере строительства транспортной инфраструктуры

Рекомендуем России и Китаю активизировать совместную работу по строительству транспортной инфраструктуры в Центральной Азии — ключевом регионе, соединяющем Южную Азию, Ближний Восток и Западную Азию. Равнинная местность, малочисленное население и хорошая транспортная доступность делают Центральную Азию регионом стратегического значения.

Сейчас Китай принимает активное участие в строительстве железной дороги в Киргизии и Узбекистане. Согласно плану, общая протяженность дороги составляет 523 километра, из которых 213 километров приходится на Китай, 260 километров — на Киргизию и около 50 километров — на Узбекистан, а сам проект предлагается провести от Кашгара на юге китайской провинции Синьцзян к западу от границы, через Кара-Суу в Киргизии и до Андижана в Узбекистане. Если Россия сможет уча-

ствовать в строительстве железной дороги Китай — Киргизия — Узбекистан вместе с Китаем, это значительно ускорит ход реализации проекта.

Также рекомендуем проработать вопрос о строительстве железнодорожной линии из китайского Синьцзяна до российского Алтайского края, чтобы западный регион Китая имел прямое сообщение с центральной частью России. Реализация этого проекта позволит ускорить развитие западных регионов Китая и российской Сибири.

4. Разрешение китайским судам проходить в Японское море по пограничной реке Туманной (г. Хуньчунь)

Река Туманная протекает вблизи границы трех государств: Китая, КНДР и России и впадает в Японское море. Выход к морю в районе реки Туманной — это российская юрисдикция. Если России даст право Китаю использовать выход к морю в районе реки Туманной, это откроет для КНР Северо-Восточный логистический коридор, позволит развивать интермодальные речные и морские перевозки и активно содействовать развитию Северо-Восточного региона РФ, а также строительству инфраструктуры порта Владивостока.

5. Строительство судоходного пути в Северном Ледовитом океане

Россия — северная страна. С наступлением холодов она теряет ряд выходов к морю. Если построить морской незамерзающий канал вдоль восточной и западной береговой линии северного побережья России со стороны Северного Ледовитого океана (через Берингов пролив — к незамерзающим водам Тихого океана), по которому смогут ходить крупные грузовые суда, проблема зимних морских перевозок будет решена. Этот морской путь не требует высоких инвестиционных и эксплуатационных затрат и не будет замерзать зимой.

После завершения строительства судоходного пути через Северный Ледовитый океан по нему можно будет поставлять российское зерно в Китай и другие страны мира. Будет дан толчок развитию экономики всех прибрежных регионов Севера России. Снизится стоимость логистики для всех видов товаров. Китай может пересмотреть свою сельскохозяйственную политику и в сотрудничестве с Россией организовать

систему временного вывода земель из оборота для их восстановления. Кроме того, у России станет меньше конфликтов в спорных акваториях.

Китайские инженеры и техники уже передали рекомендации по китайско-российскому сотрудничеству в области строительства такого водного пути главе государства Владимиру Путину, которые были приняты Администрацией Президента РФ.

В заключение скажу: отношения между Россией и Китаем достигли наивысшей точки развития за всю свою историю. Уверен, наше сотрудничество в различных областях будет расширяться и углубляться. В то же время страны БРИКС и ШОС, ядром которых являются Китай и Россия, будут играть важную роль в противодействии гегемонии и неоколониализму США и Западной Европы, а значит, и в содействии построению Сообщества единой судьбы человечества.

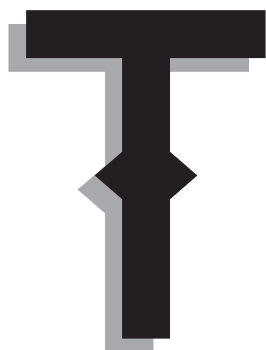
CHINA-RUSSIA COOPERATION: NEW SOLUTIONS

Russia and China are actively developing cooperation. In September 2025, Moscow and Beijing signed over 20 documents on cooperation in various fields, including energy, aerospace, agriculture, healthcare, scientific research, education, media, and artificial intelligence, among others. At the central events of the VI Moscow Academic Economic Forum, held in May 2024 at the Russian Academy of Sciences, Cheng Enfu, Chairman of the World Association for Political Economy (WAPE), proposed a series of solutions to strengthen and develop China-Russia relations. These proposals remain relevant today.

MAEF Organizers: VEO of Russia, Russian Academy of Sciences

*Cheng Enfu,
Chairman of the World Association for Political Economy,
Director and Chief Professor
of the Center for Economic and Social Development
at the Chinese Academy of Social Sciences*

There are many scenarios for future economic cooperation between Russia and China. Hence, I will only outline a few strategically vital proposals supported by many Chinese scholars.

1. Creating a New International Clearing System

We propose that Russia and China take the initiative to create a new international clearing system (an analogue to the US-controlled international payment system, SWIFT) for implementation by BRICS countries. This initiative will gradually reduce dependence on Western financial infrastructure and increase the global significance of integration blocs, such as BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

In 2015, Russia officially launched its System for Transfer of Financial Messages (SPFS), which actively interacts with China's Cross-Border Interbank Payment System (CIPS) in Yuan. The two countries are already working on mechanisms for cross-border payments between China and Russia.

The China-Russia cross-border payment mechanism is already relatively mature. Our countries have close economic and trade exchanges with states involved in the “Belt and Road Initiative” and those belonging to the Eurasian Economic Union (EAEU). Economic cooperation and political mutual trust between BRICS and SCO member states are high. All this lays solid political and economic foundations for promoting a new SWIFT-like system led by China and Russia. Solving this problem will help counter US neo-imperialism and neo-colonialism based on the dominant influence of the dollar.

2. Developing Cooperation on the Construction of the Chinese-Russian Port of Zarubino

Port of Zarubino is a key transport hub for the Arctic route. Experts forecast that this maritime hub should become the leading port in Northeast Asia, with a projected annual capacity of 60 million tons. Therefore, we propose that China and Russia

develop new mechanisms for cooperation to accelerate the implementation of this project and ensure the infrastructure conditions for the development of both Northeast China and the Russian Far East.

Work in this area has been ongoing since 2014, when the government of Jilin Province, China Merchants Group, and Russia's largest port operator signed a cooperation agreement for the Zarubino Port project. Plans include building a railway line from Zarubino seaport into China. The Hunchun — Port of Zarubino — Qingdao multimodal route launched in 2020, but its operation has not yet met expectations.

3. Developing Cooperation in Transport Infrastructure Construction

We recommend that Russia and China intensify joint efforts to build transport infrastructure in Central Asia — a key region connecting South Asia, the Middle East, and West Asia. The flat terrain, sparse population, and good transport accessibility make Central Asia strategically important.

China is currently taking an active role in building a railway in Kyrgyzstan and Uzbekistan. According to the plan, the total length of the railway is 523 kilometers, with 213 kilometers in China, 260 kilometers in Kyrgyzstan, and about 50 kilometers in Uzbekistan. The route will run from Kashgar in the south of China's Xinjiang Province to the west of the border, through Kara-Suu in Kyrgyzstan, and on to Andijan in Uzbekistan. If Russia can participate in the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway construction alongside China, it would significantly accelerate the project's implementation.

We also recommend exploring the construction of a railway line from China's Xinjiang to Russia's Altai Krai, which would provide the western region of China with a direct link to the central part of Russia. The realization of this project would accelerate the development of Western China and Russian Siberia.

4. Allowing Chinese Vessels Passage to the Sea of Japan via the Tumen River (Hunchun)

The Tumen River flows near the borders of three states — China, North Korea, and Russia — and empties into the Sea of Japan. The access point to the sea in the Tumen River area is under Russian jurisdiction. If Russia grants China the right to use

this sea access, it would open the Northeast Logistics Corridor for China, which, in turn, would enable the development of intermodal river and sea transport and actively contribute to the development of Russia's northeastern region, as well as the infrastructure of the Port of Vladivostok.

5. Constructing a shipping route in the Arctic Ocean

Russia is a northern country. With the onset of cold weather, it loses several sea outlets. Building a non-freezing maritime canal along the eastern and western coastlines of Russia's northern coast, extending from the Arctic Ocean (through the Bering Strait to the non-freezing waters of the Pacific Ocean), allowing large cargo ships to navigate it, would solve the problem of winter sea transport. This sea route requires low investment and operating costs and is navigable year-round (since it wouldn't freeze in winter).

Once completed, this Arctic shipping route could not only facilitate the supply of Russian grain to China and other countries worldwide but also boost economic development in all of Russia's northern coastal regions. Logistics costs for all types of goods would decrease. China could revise its agricultural policy and, in cooperation with Russia, establish a system for temporarily withdrawing land from cultivation for restoration. Furthermore, Russia would have fewer conflicts in disputed waters.

The Presidential Administration of the Russian Federation has already accepted recommendations submitted by Chinese experts to President Putin regarding Russian-Chinese cooperation in building the waterway.

In conclusion, I state that relations between Russia and China have reached their highest point of development in their history. I am confident that our cooperation in various fields will expand and deepen. At the same time, the BRICS and SCO countries, with China and Russia at their core, will play a vital role in countering the hegemony and neo-colonialism of the US and Western Europe, and thus promoting the construction of a Community of Common Destiny for Mankind.

俄中合作： 新方案

俄羅斯與中國積極發展合作。2025年9月，莫斯科與北京簽署了20多項合作文件，涵蓋能源、航天工業、農業、醫療、科學研究、教育、媒體及人工智慧等領域。在2024年5月於俄羅斯科學院舉行的第六屆莫斯科學術經濟論壇核心活動中，世界政治經濟學協會（WAPE）主席陳恩富提出了一系列加強和發展俄中關係的建議。這些建議至今仍具有現實意義。

MAEF 主辦單位：俄羅斯自由經濟學會、俄羅斯科學院

陳恩富

世界政治經濟學協會主席·

中國社會科學院社會經濟發展研究中心主任兼首席教授

俄

俄羅斯與中國未來經濟合作的情景多樣，因此我僅列舉幾項由許多中國學者支持的戰略性重要建議。

1. 建立新的國際清算系統

我們建議俄羅斯和中國主動倡議建立新的國際清算系統（類似於由美國控制的國際支付系統SWIFT），這個系統可由金磚國家實現。這將逐步降低對西方金融基礎設施的依賴，並提升像金磚國家和上海合作組織（上合組織）這樣的整合性聯盟在全球金融舞台上的重要性。

2015年，俄羅斯正式啟動了金融信息傳輸系統（SPFS），該系統與中國的人民幣跨境支付系統（CIPS）積極協作。兩國已在著手開發中俄之間的跨境支付機制。

中俄跨境支付機制已經相對成熟。我們兩國與「一帶一路」框架下的國家以及歐亞經濟聯盟（EAEU）成員國保持密切的經濟和貿易交流。金磚國家與上海合作組織成員國之間的經濟合作及政治互信水平均處於較高水平。所有這些為推進由中國和俄羅斯領導的新型SWIFT系統奠定了堅實的經濟和政治基礎。解決這一問題將有助於對抗以美元霸權為基礎的美國新帝國主義和新殖民主義。

2. 發展俄中扎魯比諾港口建設合作

扎魯賓諾港是北極航線上的重要交通樞紐之一。根據專家預測，這個海運樞紐將成為東北亞的第一大港口，其年吞吐量將達到六千萬噸。因此，我們建議中國與俄羅斯共同研發新的合作機制，以加快該項目的實施，並為中國東北地區及俄羅斯遠東地區的基礎設施發展提供保障。

自2014年以來，這一領域的工作便已展開，當時吉林省政府、中國招商局集團以及俄羅斯最大的港口運營商簽署了合作協議，以推進扎魯比諾港建設項目。計劃從扎魯比諾海港修建一條通往中國的鐵路支線。2020年，渾江—扎魯比諾港—青島多式聯運路線正式啟用。然而，該路線的運營迄今尚未達到預期的效果。

3. 促進交通基礎設施建設領域的合作發展

我們建議俄羅斯和中國加強在中亞地區的交通基礎設施建設合作——中亞是連接南亞、中東與西亞的關鍵地區。平坦的地形、人口稀少及良好的交通可達性，使中亞成為具有戰略意義的地區。

目前，中國正積極參與吉爾吉斯和烏茲別克的鐵路建設。根據計劃，鐵路總長度為523公里，其中中國境內為213公里，吉爾吉斯境內為260公里，烏茲別克境內約50公里。該項目擬從中國新疆南部的喀什出發，向西穿過邊境，經吉爾吉斯的卡拉蘇，直至烏茲別克的安集延。如果俄羅斯能夠與中國共同參與中—吉—烏鐵路建設，將顯著加快項目的實施進度。

我們還建議研究從中國新疆建設至俄羅斯阿爾泰邊疆區的鐵路線問題，以便中國西部地區能夠與俄羅斯中部地區建立直接連接。實施該項目將有助於加速中國西部地區及俄羅斯西伯利亞的發展。

4. 允許中國船隻通過位於邊境的圖們江（琿春市）進入日本海

霧河流經中國、朝鮮民主主義人民共和國和俄羅斯三國邊界附近，最終注入日本海。霧河河口地區的海權屬於俄羅斯管轄。如果俄羅斯允許中國使用霧河河口的出海權，將為中國開啟東北地區的物流走廊，有助於發展多式聯運的水路與海路運輸，積極促進俄羅斯東北地區的發展，以及符拉迪沃斯托克港口基礎設施的建設。

5. 在北冰洋建造航道

俄羅斯是一個北方國家。隨著寒冬的來臨，它失去了一些通往海洋的出入口。如果沿著俄羅斯北部海岸線的東西兩側建造一條海上不結冰的運河（從北冰洋經白令海峽通往不結冰的太平洋水域），大型貨船將能通行，冬季海上運輸問題將得到解決。這條海上航道不需要高額的投資和運營成本，且冬季不會結冰。

在穿越北冰洋的航道建設完成後，通過該航道可以向中國及世界其他國家運送俄羅斯的穀物。這將推動俄羅斯北部所有沿海地區經濟的發展。各類商品的物流成本將會下降。中國可能會重新考慮其農業政策，並與俄羅斯合作建立暫時休耕以恢復土地的制度。此外，俄羅斯在有爭議水域的衝突也將減少。

中國的工程師和技術人員已向國家元首弗拉基米爾·普京提交了關於中俄合作建設此類水道的建議，這些建議已被俄羅斯總統行政部門採納。

總結來說，我要說：俄羅斯與中國的關係已達到歷史發展的最高點。我相信，我們在各個領域的合作將會不斷擴展和深化。同時，以中國和俄羅斯為核心的金磚國家和上海合作組織的各成員國，將在應對美國和西歐的霸權主義及新殖民主義方面發揮重要作用，並因此促進構建人類命運共同體。

ЧАСТЬ III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

**НА ПУТИ К НООБЩЕСТВУ:
ТЕХНОЛОГИИ, ТРУД И КУЛЬТУРА**

**ON THE WAY TO A NOOSOCIETY:
TECHNOLOGY, LABOR AND CULTURE**

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ
КАК УСЛОВИЕ РОСТА**

**КАК КОВАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ**

НА ПУТИ К НООБЩЕСТВУ: ТЕХНОЛОГИИ, ТРУД И КУЛЬТУРА

Ежегодный Санкт-Петербургский экономический конгресс (СПЭК) — это площадка, которая объединяет уже 10 лет представителей академической науки для разработки практических мер и предложений, направленных на достижение национальных целей развития России. В этом году в фокусе внимания экспертов юбилейного конгресса были решения актуальных задач социально-экономического и научно-технологического развития страны, условия и предпосылки для трансформации экономики в ноономику, а социального устройства — в нообщество.

Организатор СПЭК-2025: Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте совместно с Вольным экономическим обществом России при участии Секции экономики Отделения общественных наук РАН

Тема СПЭК-2025: «Труд и трансформация общества: знание, творчество, нономика»

Сергей Бодрунов,
президент Санкт-Петербургского экономического конгресса,
директор Института нового индустриального развития
имени С. Ю. Витте, президент Вольного экономического
общества России, член-корреспондент РАН

Владимир Маевский,
главный научный сотрудник
Центра институционально эволюционной экономики
Института экономики РАН,
академик РАН

Сергей Глазьев,
академик РАН,
вице-президент ВЭО России

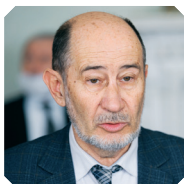
Альберт Бахтизин,
директор Центрального экономико-математического института,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Светлана Бодрунова,
руководитель Центра международных медиаисследований
Санкт-Петербургского государственного университета,
профессор Высшей школы журналистики и массовых
коммуникаций, член Правления ВЭО России

Валерий Крюков,
директор Института экономики и организации промышленного
производства Сибирского отделения РАН,
академик РАН,
член Президиума ВЭО России

Александр Бузгалин (1954–2023),
Директор Центра современных марксистских исследований
философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова,
вице-президент ВЭО России

Ван Вэнь,
эксперт международного дискуссионного клуба «Валдай»,
директор Института финансовых исследований «Чуньян»,
сопредседатель Экспертно-делового совета ВЭО России
по вопросам развития российско-китайского сотрудничества

Абел Аганбегян,
академик РАН

3

Знание, творчество, ноономика

Бодрунов: Уважаемые коллеги! Международный Санкт-Петербургский экономический конгресс проходит в десятый раз. Все эти годы мы исследовали механизмы трансформации современной экономики и установили принципиальную роль знания в формировании механизмов удовлетворения потребностей человека, развитии экономики и общества.

При этом мы показали, что современная социально-экономическая система в рамках своей трансформации, базисом и движущей силой которой является имплементирующийся в общественное производство научно-технический прогресс, подошла к особому этапу своего развития — своеобразной точке «бифуркации», говоря языком теории системного анализа. Современное состояние социально-экономической системы определяется как многофакторный кризис развития системы, причем одновременно по многим векторам (экономическому, технологическому, социальному, культурному, ценностному и другим).

Понятно, что кризис всегда чреват различными последствиями. В данном случае — радикальными последствиями для судьбы человеческого общества, определения путей дальнейшего существования и траектории развития цивилизации. Данная проблема предельно актуальна.

Попытки оценить ее глубину, найти драйверы ее позитивного разрешения в последнее время делаются многими теоретическими школами. В теории ноономики, предложенной нами в работах Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, в ходе изучения этой проблемы на предыдущих конференциях конгресса мы показали, что траектория глобального развития направлена по вектору от современного социально-экономического устройства, «сверхкапитализма», как говорят геополитэкономы, или продвинутой формы «Нового индустриального общества», описанной Джоном Кеннетом Гэлбрейтом, через формирование пятого-шестого технологических укладов и интеграль-

ного мирохозяйственного уклада, исследованных академиком С. Ю. Глазьевым, к «новому индустриальному обществу второго поколения» (НИО.2), принципиальное отличие которого состоит в зарождении седьмого технологического уклада, где впервые превалирующим ресурсом общественного производства и, соответственно, сохраняющегося — но качественно меняющегося — индустриального способа удовлетворения потребностей становится знание, а не материальные ресурсы. При этом последующее цивилизационное развитие в этом направлении создает объективные предпосылки для дальнейшей трансформации экономики в ноономику, а социального устройства — в нообщество.

Этот процесс поэтапной трансформации нами назван ноопереходом; его закономерности и детальное описание представлены нами на двух предыдущих конгрессах, а также в нашей совместной с академиком С. Ю. Глазьевым монографии, что освобождает меня сегодня от детализации характеристик и параметров как нооперехода, так и описания различных связанных с ним индустриально-технологических, экономических, социальных и гуманитарно-ценностных эффектов.

Однако в целях полноты сегодняшнего доклада упомяну о том, что факторами и одновременно драйверами нооперехода являются составные части так называемой квадриги ноономики — четверки векторов развития: это научно-технический прогресс (НТП), диффузия собственности, социализация общественного устройства и идеология солидаризма.

Исследуя первый из этих векторов, НТП, мы пришли к выводу, что в его основе лежит знание, и особенно — научное, наполнение которым человеческой деятельности обеспечивает так называемое ускорение ускорения НТП. Мы показали, в частности, что деградация механизмов имплементации знания в производство приводит к деиндустриализации экономики, редукции всех его компонент и в итоге — декомплицированию, упрощению как производства, так и продукта в качестве его результата и, соответственно, снижению возможностей удовлетворения общественных потребностей. Напротив, усиление знаниевой компоненты в производстве, увеличение доли знания в любых компонентах производства и в его продукте такие возможности повышает. Уровень, характеризующий долю знания в общественном продукте, мы назвали знаниеемкостью, а уровень ускорения имплементации знания в компоненты производства — знаниеинтенсивностью производства. Мы с вами показали, что важнейшими факторами интенсивного и эффективного, позитивного с точки зрения социальных эффектов развития экономики являются:

- а) отказ от парадигмы постиндустриализма и неолиберальной платформы в экономике;
- б) ее реиндустриализация на базе знаниеемких технологий наиболее продвинутых технологических укладов, обеспечивающих удовлетворение потребностей все более знаниеемким продуктом как результатом знаниеинтенсивного производства.

Завершив этот небольшой вступительный экскурс в наши предыдущие исследования, представленные на конгрессах в 2018–2023 годах, обратимся непосредственно к теме конгресса сегодняшнего.

Сегодня мы решили разобраться с трансформацией такой важнейшей компоненты общественного производства и экономической категории, как «труд».

Нам предстоит еще раз — теперь с означенных выше позиций — оценить роль и место труда в изменяющемся общественном производстве, и, что еще более важно, рассмотреть трансформацию самого труда.

Очевидно, что труд, как и другие компоненты производственного процесса, обеспечивающего удовлетворение потребностей людей, вместе с качественным изменением собственно производства, его содержания и структуры также не может не меняться — по своему в первую очередь содержанию, своему месту в удовлетворении потребностей, своей роли в обществе.

Эти изменения, отметим, также обусловлены повышением значения знания как фактора производства. Мы наблюдаем две тенденции:

- а) возрастание места знания в процессе производства и его доли в конечном продукте, роли знания как компоненты труда;
- б) возрастание роли знания в общественном производстве и социально-экономическом развитии в целом, в очевидном соответствии с известным из теории ноономики так называемым крестом, описывающим тенденции изменения знаниеемкости производства.

Данный процесс изменения роли и места труда является, с одной стороны, драйвером нооперехода, обеспечивающим его материальную базу, а также базу развития других векторов квадриги ноономики и, особенно, социализации общества, с другой — наблюдаемым подтверждением начала, «старта» нооперехода как этапа развития цивилизации.

Однако следующий вопрос: за счет чего, почему изменяются упомянутые роль и место труда?

Очевидно, это является следствием изменения содержания труда, трудового участия человека в создании продукта и в общественном производстве в целом. Изменение содержания труда, в свою очередь, обусловлено интенсификацией

имплементации знания в трудовую деятельность человека — знание в различных и любых формах: научного, технологического, навыков, «ноу-хау», идей и так далее.

Обратим внимание также и на изменение характера трудовой деятельности человека. Современное производство все дальше уходит от использования так называемого репродуктивного труда, передавая рутинные операции в рамках знаниеинтенсификации технологий автоматизированному и цифровизированному производству. Традиционные профессии, овладев которыми работник мог бы трудиться много лет, все больше сменяются компетенциями, позволяющими человеку оперативно менять сферу своей трудовой деятельности. «Привязка» работника к конкретному месту производства продукта сменяется тенденцией усиления фриланса. Наконец, в знаниеинтенсивной экономике существенно меняется организация производства, и, соответственно, это отражается на способах осуществления трудовой деятельности: человек все больше «уходит от труда», высвобождая от него время своей жизни и все больше замещая рабочее время свободным, поскольку для удовлетворения своих базовых потребностей с развитием (повышением знаниеемкости!) технологий человеку требуется все меньше времени.

Заметим, что в последнем случае мы затрагиваем важнейшую категорию из гуманитарно-ценностной области, исследуемой философскими и обществоведческими науками, а именно — категорию «свобода», поскольку человек все больше может свободно решать — чем, сколько, где и когда ему заниматься. Вспомним в связи с этим тезис, провозглашенный так называемыми молодыми марксистами, бывшими «народниками», в конце XIX века, об «освобождении труда». Речь шла, понятно, об освобождении человека от эксплуатации, рабства, зависимости, принуждения к труду. Здесь, полагаю, уместно обратить внимание на то, что во многих языках такое принуждение, неотделимое от труда, носит абсолютно негативную коннотацию. К примеру, в русском языке слова «труд», «трудно», «трудности» — однокоренные, как и однокоренными являются слова «работа» и «рабство». Сегодня, слава богу, рабство в своем первобытном виде изжито, а труд — отметим,

с повышением его знаниеинтенсивности! — становится все менее «трудным», хотя, заметим далее, экономическое общество, являясь своеобразной формой современного рабовладельческого формата рабства и принуждения, по-прежнему стремится диктовать «привязывание» человека к участию в производстве продукта. Но здесь мы в докладе несколько забегаем вперед. Исследование этого процесса освобождения человека через «освобождение» труда в рамках ценностной категории «свобода» не является темой нашего конгресса сегодня. Эту проблему, однако, мы рассмотрим в рамках

следующих конгрессов, где мы планируем исследовать вопросы формирования так называемого нооценностного ядра общества и гуманистических ценностных критериев, или «ноокритериальной базы ноономики», где мы также более детально рассмотрим идеологический вектор квадриги ноономики — солидаризм.

Сегодня же мы еще раз внимательно «всмотримся» в категорию «труд» и зададимся очередным вопросом: что же обеспечивает изменение содержания труда и его общественной роли, его характеристик?

Мы только что указали на важный фактор — рост знание-интенсивности труда. Однако, как оказывается, хотя это и важнейший фактор, его одного — мало. Есть нечто еще — некая сила, «переводящая», имплементирующая знание в продукт, структуру и содержание деятельности человека, в том числе его трудовой деятельности. Кто же этот «переводчик знаний в технологии»? Таким «транслятором-интерпретатором» является творчество. Что есть творчество?

До настоящего времени, несмотря на обилие разнообразных дефиниций, предлагаемых разными специалистами из разных сфер науки, строгого определения этого понятия не дано.

Наиболее часто творчество определяют как некую способность человека создавать нечто новое, порой подменяя при этом понятие термином «креативность» — что не одно и то же, ибо «креативность», вообще говоря, это проявление в реальности указанной способности.

Однако такое определение не дает нам «магического ключа» к пониманию сути феномена «творчество».

Некоторой ясности можно добиться, используя подход, который связывает процессы формирования новой идеи и ее реализации.

Не обращая напрямую к термину «творчество», известнейший наш коллега, британский профессор Алан Фриман ввел в научный оборот понятие «ментальный объект», то есть некий образ, который предшествует созданию человеком объекта материального. На наш взгляд, действительно — верно: не представив будущий, создаваемый предмет в «образе», человек не имеет «плана» его создания, «чертежа», «эскиза». При этом мы бы добавили несколько иной взгляд на этот тезис. Прежде чем создать, «сотворить» некий объект — материальный или, добавим, интеллектуальный, человек-творец создает объект ментальный, образ объекта, воплощающийся впоследствии в материальный объект либо остающийся в ментальном пространстве как объект интеллектуальный.

Но обратим внимание — русский язык позволяет, как замечательный инструмент, тот самый «волшебный луч», проникнуть глубже в суть представляемого профессором А. Фриманом понятия. Образ невозможно создать без знания. Любое создание, творение — это, говоря иными русскими словами, образование, «образовывание» этого объекта, образование его как некой сущности — в том самом «ментальном пространстве». Из чего? Из «ничего»? Наш ответ — из знания. Творец в «ментальном пространстве» не оперирует ничем, кроме доступного ему объема знания.

Отметим, подспудно люди понимают это издавна — к примеру, не зря в нашем русском языке — еще раз используем его как волшебный ключ или лампу, освещающую путь, — у нас слово «образование» (как процесс) синонимично фразе «получение знания». Получил знание — будет образ. Чем больше знания, тем более образован человек, и — тем больше у него возможностей для создания, творения, возможностей в творческой сфере.

Парадигма жесткой связки понятий «знание — возможности — творение» весьма ясно и недвусмысленно представлена в христианской философии: Господь всеведущ («веди» — синоним «знание») — в силу чего он и всемогущ — в силу чего Он может творить, и Он — Творец всего сущего.

Данная идея нашла отражение в славянской азбуке, созданной религиозными христианскими деятелями Кириллом и Мефодием: Аз (я), Буки (буква, образ), Веди (знание), Глаголь (слово, донесение знания, его имплементация), Добро (все то, что удовлетворяет потребности человека, чем он для этого пользуется, причем в более ранней, исконной коннотации, смысл которой был позже перенесен на абстрактное «добро» в отношениях людей).

Мы не будем отрицать этой цепочки зависимостей, более того, она представляется очевидной. Приведем простой иллюстративный пример. Ребенок строит из кубиков некую конструкцию, его знания ограничиваются, условно:

- а) характеристиками доступного количества кубиков;
- б) возможностью реализации его творческого потенциала, ограниченной количеством кубиков.

Добавим кубиков — и мы дадим ребенку возможность создавать более сложные — смысломентальные, формируемые в виде образов, а затем — реализуемые материально конструкции. Изменив же форму кубиков, их раскраску, добавив к кубикам пирамидки, мы снова увеличим его возможности. Но уберем часть кубиков — и эти возможности уменьшатся. При одном и том же, заметим, творческом потенциале данного человека.

Заменим в этом примере кубики и пирамидки условными «квантами» знания — и мы поймем роль знания в реализации творческого потенциала человека.

Есть и еще одна особенность. Увеличение доступного знания не просто позволяет индивиду увеличивать возможности реализации своего творческого потенциала, но и наращивать его! Не буду приводить аргументацию за краткостью отведенного для доклада времени — ее вы найдете в материале, опубликованном в свежем номере журнала «Экономическое возрождение России» (№ 1, 2025). Хотя, конечно, здесь не наблюдается измеряемой, а тем более прямой, зависимости.

Отметим также, с другой стороны, что кубики из нашего примера не создают конструкции без участия ребенка — то есть его «творчества». Знание без творческого его применения мертво. Это еще один важный вывод в понимании «взаимоотношений» знания и творчества.

Заметим дополнительно, что не только труд как компонента производства возвышается в своем творческом наполнении с ростом его знаниеемкости, и не только при этом возрастает и сам творческий потенциал человека в процессе творческой имплементации знания в знаниеемкий продукт производства, то есть развитие производства невозможно без творчества (и тут не обойтись без упоминания об инновациях, этот широко применяемый ныне термин ввел в научный оборот отец Алана Фримана — Кристофер Фриман), но — само производство является и процессом, и результатом творческого акта — от «придумывания» формы, организации, цели оно до его постоянного совершенствования. И снова рассмотрим в термин «производство» с помощью нашего «великого и могучего» языка: «производство» — от слова «водить», корень которого — «вести, а его — от «веди»; именно отсюда — «ведомый» (то есть идущий за тем, кто знает, куда идти, или ведущий, знающий путь; отсюда — «заводить» куда-то или что-то, завод, производство продукта

и многое другое). То есть сам смысл производства — в имплементации знания в продукт. Но — просто в имплементации, а именно — в творческой. И чем больше знаниеинтенсивность производства, помноженная, условно говоря, на творческий потенциал его акторов, тем более сложный и знаниеемкий продукт такое производство выдает и тем больше потребностей оно удовлетворяет.

Таким образом, наши возможности удовлетворения растущих потребностей людей — говоря теперь уже языком математических методов оптимизации — нелинейно определяются объемом доступного знания, позволяющего человеку:

- а) быть творцом;
- б) постоянно наращивающим свой творческий потенциал;
- в) создавать «ментальный объект», «образ» с возможной последующей материальной его реализацией, или, если угодно, материализацией.

Конечно, профессор Алан Фриман не употребляет термин «творчество», «креатив» в столь широком контексте. Но его идеи достаточно хорошо вписываются в предлагаемые здесь характеристики творческого процесса, провоцируя наш дальнейший поиск. Мы здесь лишь несколько расширили их трактовку, показав их применимость к описанию феномена «творчество».

Важен еще один аспект. Труд, как род деятельности, требующий применения знания, причем во все возрастающем объеме, безусловно, как было сказано, влияет на повышение творческих возможностей человека. Роль труда в этом, в «создании человека», образно в свое время отмечал Фридрих Энгельс. Не будем опровергать классика политэкономии. Хотя мы бы посмотрели на эту роль с наших позиций несколько иначе — да, это верно — с одной стороны. Но, с другой стороны, потребности человека заставили его «трудиться», то есть скорее человек создал («придумал!») труд, сформировав его как особый вид своей деятельности в рамках развития процесса удовлетворения своих потребностей — путем имплементации постигаемого знания — безусловно, с обратным уже влиянием этой трудовой деятельности на развитие человека-личности путем повышения его творческого потенциала, на что и указал — без этого уточнения — Энгельс.

Отметим также, что важные идеи относительно характеристик творчества замечены нами в работах еще одного нашего коллеги и, не побоюсь этого утверждения, живого классика современной политэкономии, профессора из Шанхая, президента Всемирной политэкономической ассоциации (WAPE) Чэна Эньфу, предложившего весьма значимую известную концепцию «интеллектуальной экономики», которая, по его словам, вписывается в теорию ноономики.

Наш коллега, один из зачинателей нашего конгресса, профессор МГУ Александр Бузгалин в своей известной работе для описания феномена творчества применяет известную методологию описания сложного объекта, не давая прямого определения по известным его характеристикам, чертам, создаваемым объектом эффектам.

Мы, последовав этой же методологии и в целях раскрытия нашей темы, а также в дополнение к вышеприведенной аргументации, отметим некоторые характеристики творчества как явления через те эффекты, которые оно проявляет

во взаимодействии с другими явлениями и, в частности, с категорией «знание», — равно как ученые исследуют поведение элементарных частиц в микромире, сталкивая их в особых условиях и выявляя новое знание о них в процессе их взаимодействия.

Рассматривая подобным образом «взаимодействие» знания и творчества, «творение» — и как процесс, и как результат творчества, — мы показали, что, во-первых, никакой акт творения не возможен без знания, во-вторых, с «увеличением объема» доступного знания возрастают возможности творения.

Возвращаясь к тезису о повышении знаниеинтенсивности производства, мы теперь можем в связи с этим сказать, что вместе с ней, соответственно, повышается и творческая компонента труда. Труд становится все более «замысловатым», требующим мысли, идеи, реализующих в рамках его творческого потенциала творческую сущность человека, его творческую (подчеркнем — и возрастающую!) ипостась.

Продолжая эти рассуждения, можно сделать ряд выводов, опираясь на базовые позиции теории ноономики. В частности, о том, что с повышением знаниеинтенсивности производства вместе с ростом доли знания объективно возрастает значение и место в трудовой деятельности ее творческой компоненты. При этом, однако, сам труд как таковой в качестве фактора производства с редуцированием экономического общества вследствие действия второго фактора «квадриги ноономики» (диффузии собственности) также редуцируется, все более замещаясь автоматизированным и цифровизованным самодействующим производством.

Однако исчезает ли вместе с ним и его творческая компонента? Или — уточним — его творческий потенциал? И вот здесь — видимый парадокс, но только на первый взгляд. В действительности ни знание, ни творчество никуда не исчезают. Ведь труд — это лишь «изобретенный» человеком способ их полезного для него применения для удовлетворения человеческих потребностей. Труд, как было сказано выше, меняясь качественно в своем содержании, становится все более творческим и одновременно — вместе с ростом свободного времени — переходит в творческую деятельность, не связанную с трудом (в экономическом или, если угодно, политэкономическом понятии). Найдет человек иной способ удовлетворения своих потребностей — через НТП, новые технологии, самодействующее автоматизированное производство — он «отставит» труд, как устаревшее свое изобретение, «в сторону». А знанию и творчеству найдет другое применение. На этапе ноономики наступит истинное «освобождение труда» — или, точнее, «освобождение от труда» в исконном, «русско-коннотационном» понимании, замещенного свободной творческой деятельностью личности.

Вероятно, возникнет еще один «законный» вопрос: ну, допустим, творчество и знание — это в труде, в НТП. Но вот искусство, культура и т. д. — где здесь роль творчества?

Мы полагаем, что и в этой сфере человеческого бытия, как и во всех иных, ситуация абсолютно та же.

Мы должны рассматривать и науку, и искусство, и философские концепции, включая религиозные, как разные способы познания человеком окружающего, сущего, мира.

В действительности нет ни «противостояния» указанных разных способов познания, ни применения в рамках их рассмотрения следствий из сделанных выше выводов. В любой сфере действуют те же законы: возрастание знаниеемкости (любого специального «раздела» знания) и в искусстве, и в создании артефактов культуры ведет к тому же самому — их усложнению в целях удовлетворения растущих потребностей личности и общества, в том числе духовных, ценностных и т. п., в рамках творческого акторства.

Вернемся к основной теме.

Завершим на этом наше теоретический дискурс в отношении данной проблемы — взаимоотношений знания и творчества в «едином флаконе» «труд». При всей его, этого дискурса, как нам представляется, важности, зададимся вопросом: «В чем состоит как раз важность этой проблемы для практики?» Ведь, как сказал поэт Гёте, «суха теория, мой друг, но древо жизни пышно зеленеет».

Какие практические выводы мы можем сделать?

На самом деле весьма и весьма важные. И мы на нашем конгрессе, дискутируя на теоретические темы, всегда «привязываем» их к живой практике.

Если мы хотим иметь в России развитую экономику, быть на лидерских позициях в наступающем ноопереходе, создать мощную базу Нового индустриального общества второго поколения и истинно «социальное» государство, нам следует самое пристальное внимание обратить на проблему труда. Причем не в традиционных ракурсах тривиальных сетований о недостатке трудовых ресурсов или труда как утилитарного экономического ресурса, не рассматриваемого как средство «освобождения человека», и не в контексте изучения важных, кто бы спорил, проблем миграции. В первую очередь мы должны — на самом высоком уровне принятия государственных решений, программ — обратить внимание на достижение качественно иного содержания труда, повышение его знаниеемкости и его творческой компоненты.

В мире в последние годы этому аспекту труда придается все большее значение. Первое. В научном дискурсе и в практике, к примеру, возник и активно применяется термин «креативные индустрии», подразумевающий отрасли производственной деятельности, в которых превалирующую, «львиную» долю занимает творчество.

Кроме того, большое внимание уделяется включению творческих элементов в любой вид деятельности, в том числе для смены парадигмы подготовки специалистов (от парадигмы «профессия» к парадигме «компетенция»).

Далее. Во многих развитых экономиках в рамках пространственного развития, современной урбанизации и других аналогичных процессов создается инфраструктура для развития таких индустрий — так называемые креативные пространства. Укажем, что в этом направлении практически работал и подробно описал эту свою работу в Лондоне наш коллега Алан Фриман в ходе реформ городского управления в период каденции мэра Лондона Кена Ливингстона.

К сожалению, в России, как мы видим — и из приведенной выше таблицы, и из многих иных документов и источников, — целенаправленному развитию именно «креативных индустрий», за исключением IT-сектора, уделяется недостаточно внимания. В то же время и мировая, и российская практика показывают, что креативные технологии обеспечивают новое качество труда, являясь драйвером такой его трансформации, которую мы назвали ароморфозом (от греческих слов «поднимать» и «форма»), — прогрессивного эволюционного изменения его «строения», приводящего к общему повышению уровня его организации, придающего новое качество и традиционным отраслям экономики, и развитию собственно креативных индустрий и обеспечивающего новое, прогрессивное и стремительное развитие экономики в целом, образно говоря, «творя» ее новое лицо. Подчеркнем еще раз: именно ароморфоз труда даст нам новую экономику.

Формирование такого облика экономики нам в России необходимо безотлагательно, поскольку без этого сегодня уже невозможны ни устойчивый и динамичный рост экономики, ни улучшение качества жизни людей и решение социальных вопросов. Подтверждением эффективности инвестиций и проявляемого государством внимания к таким технологиям является бурный рост того же нашего IT-сектора, который не только вырос за последние годы в разы, но и позитивно, наряду с начавшейся цифровизацией, уже повлиял на параметры нашей экономики в целом. Эти усилия надо, очевидно, активно наращивать и в других «креативных» сферах. Именно насыщение нашей жизни креативом, творчеством — на базе развития знаниеинтенсивности производства — станет залогом нашего успешного развития, поскольку подобные индустрии, креативные технологии, креативные продукты станут основой экономики переходного периода НИО.2.

Белые пятна экономической теории

Маевский: Экономическая теория развивается, при этом в фундаментальных знаниях есть пробелы. Что мы видим: одно незнание порождает другое, отсюда происходят симулякры — ошибочные, неточные представления об экономике, на основе которых строятся модели и делаются выводы, противоречащие здравому смыслу.

У руководителей банковской системы, которые доказывают целесообразность тех или иных решений, появляются мощные аргументы, основанные на математических моделях, разработанных нобелевскими лауреатами по экономике. На самом деле за этими аргументами стоит незнание. Особенно острая ситуация сложилась в области макроmodellирования. Я имею в виду в первую очередь DSGE-модели малой открытой экономики, применяемые сегодня в Центральном банке России и во многих международных банках. И никаких изменений в этой области не предвидится.

Принято считать, что DSGE-модели достаточно адекватно описывают экономику. При этом есть один нюанс: в этих моделях деньги не входят в состав переменных. Поэтому мы определяем, сколько денег нужно для реализации тех стратегий, которые выработала безденежная модель, с помощью функции предложения.

Деньги — это мотор развития, так же как и инновации. Эта истина известна со времен меркантилистов. Мы не можем ругать DSGE-модели за то, что они не учитывают деньги. Почему? Потому что мы не знаем, как строить модели, где деньги — мотор развития, до сих пор не до конца понимаем сущность кругооборота денежных средств в замкнутой экономике, которая воспроизводит основной капитал собственными силами.

Если биологи 400 лет назад выяснили, как работает система кровообращения, то мы пока очень интуитивно представляем себе, как происходит кругооборот денег в экономике. Как я понимаю кругооборот денег? Он напоминает кругооборот капитала, который описал Карл Маркс. Это кругооборот метаморфоз: капитал из одной формы переходит в другую и в конечном счете возвращается к первоначальному виду. То есть денежный капитал превращается в производительный — в товарный, товарный — снова в денежный, и так по кругу. То же самое с деньгами. Только деньги делятся на две части. Деньги как денежный капитал и просто деньги (средства, которые находятся на руках у домашних хозяйств и через налоги попадают в распоряжение государства). Один вид денег постоянно превра-

щается в другой в ходе экономических операций, связанных с производством и потреблением продукции. Правило превращения денежного капитала в потребительские деньги, потребительских денег — в денежный капитал должно соблюдаться. Но тут возникает нюанс: если это самовоспроизводящаяся экономика, то на что тратится денежный капитал, например амортизационные деньги, в той части экономики, которая сама производит свой основной капитал? Кажется бы, такой экономике амортизационные деньги не нужны. Маркс писал, что происходит переток амортизационных денег из одной машиностроительной отрасли в другую по мере того, как производства обмениваются запчастями. Проблема заключается в том, что такого холостого пробега денег быть не может, иначе в экономике было бы два кругооборота. Один — обычный, а второй — когда денежный капитал превращается снова в денежный капитал. Это нелогично. Как нужно представить экономику, чтобы этот процесс был более логичен? Нужно иначе представить, как осуществляются воспроизводственные процессы. Они осуществляются поочередно в переключающемся режиме.

Мы с коллегами, Сергеем Юрьевичем Малковым и Александром Александровичем Рубинштейном, построили модель, имитирующую переключающийся режим воспроизводства. В этой модели нам удалось уловить кругооборот денег таким, какой он есть на самом деле. То есть он не разваливается на два независимых кругооборота, в нем есть быстрые и медленные деньги.

Авторы DSGE-моделей знают об их слабых местах и пытаются доказать, что деньги в этих моделях не нужны, потому что они малоинформативны. На самом деле деньги очень нужны, потому что, управляя деньгами, мы в конечном счете можем управлять и инфляцией, и экономическим ростом (конечно, учитывая ограничения). В современных DSGE-моделях учитывается только отношение между микро- и макроуровнем, и получается, что они отрицают не только роль денег, но и мезоуровень. Между тем мезоуровень существует, и мы доказали это с помощью модели переключающегося режима производства.

На основе этих безденежных макромоделей нам предлагают снижать инфляцию путем сдерживания денежной эмиссии. Этот похож на средневековый метод лечения — кровопускание с помощью пиявок. Но в медицине время врачей-пиявочников прошло, а в экономике — нет. Поэтому наша задача — ускорить процесс перехода к более современным методам и отказаться от макромоделей, в которых деньги не являются мотором роста.

На пути к новому технологическому укладу

Глазьев: На прошлом конгрессе я рассказывал о результатах измерений, которые мы проводили в связи с распространением базовых технологий нового, шестого технологического уклада. Главный вывод заключался в том, что шестой технологический уклад вошел в фазу роста и окно возможностей для стран, которые технологически отстают, начало закрываться.

Хочу познакомить вас с новыми результатами нашего исследования распространения нового технологического уклада в России по сравнению с другими странами. Мы провели обобщение 149 динамических рядов, которые охватывают разные сферы базовых направлений роста нового технологического уклада: это роботы, вычислительная техника, информационные технологии и так далее.

Напомню, что ядро нового технологического уклада — это комплекс нанобиоинженерных, информационно-коммуникационных, аддитивных цифровых технологий. Практически все эти технологии в России представлены.

В России плохо обстоят дела с финансированием НИОКР. По наукоемкости наша экономика сильно отстает от развитых стран. Тем не менее благодаря интеллектуальному потенциалу наших специалистов у нас есть компании, которые развивают базовые технологии нового технологического уклада, есть ученые и инженеры, работающие в этих сферах.

По итогам нашего исследования в лидеры вышли две страны — США и Китай. Это государства, которые формируют траекторию нового технологического уклада. Третье место занимает Великобритания. Наша страна на почетном четвертом месте: все не так плохо, как можно было бы предположить. Однако если мы уберем цифровые финансы и торговлю из набора показателей, то Россия опустится на девятое место. Цифровые финансы и торговля неплохо развиты в России, потому что это отрасли, которые не требуют большого основного капитала, нужны только кадры — программисты и IT-специалисты.

Что касается материальной основы: по таким показателям, как уровень внедрения промышленных роботов, мы на порядок (в 10 раз) отстаем от мировых лидеров. Ничего удивительного, что в сфере производства мы занимаем последнее место из девяти ведущих стран мира.

Если посмотреть на показатель того, насколько экономика насыщена технологиями нового технологического уклада на единицу ВВП, то и здесь Россия занимает одно из последних мест (8-е место из 9). В лидерах — США, Великобритания, Южная Корея и Франция.

Как России выйти на лидирующие позиции, сократить разрыв в сфере производства и насыщения экономики новыми технологиями? Нужно стратегическое планирование. Его основные элементы созданы в России. Есть и документы, и программы, и механизмы частно-государственного партнерства. Но в стратегическом планировании не участвуют банки. Если мы создадим целевые каналы кредитования перспективных производств, то их расширение обеспечит нам рост эффективности производства и предложения товаров, повышение качества продукции и в конечном счете снижение инфляции. Потому что главным фактором борьбы с инфляцией является не сокращение спроса, а научно-технический прогресс. Он же является главным фактором экономического роста. Поэтому очевидное направление экономической политики — это переход к целевым механизмам кредитования в производственной сфере для стимулирования инвестиций в модернизацию экономики на базе нового технологического уклада.

Коротко напомним наши предложения по переходу к стратегии опережающего развития экономики. Это включение банковской сферы в систему стратегического планирования, использование целевых кредитов через специальные инструменты рефинансирования уполномоченных коммерческих банков и институтов развития для того, чтобы дать заемщикам возможность расширения производства и инвестиций.

Рост инвестиций должен быть главным показателем деятельности денежных властей и банковской сферы. Странно, что наше государство, пытаясь заниматься стратегическим планированием, не вовлекает в этот процесс банки, в которых оно имеет 70% капитала. Наши банки отчитываются объемом прибыли, которую они получают за счет в основном спекуляций и комиссий, а не объемом кредитования инвестиций в рамках национальных проектов или госпрограмм.

Примитивизация нашей денежно-кредитной политики связана с тем, что ключевая ставка регулирует цену денег в экономике и является магнитом, который привлекает капитал, препятствует его оттоку за границу.

В моделях, которые использует Центральный банк для прогнозирования уровня инфляции, отсутствует как производство, так и научно-технический прогресс. Поэтому мировоззрение регулятора ограничено работой со спекулятивным капиталом. Для того чтобы капитал не убежал из страны, они поднимают процентную ставку. Когда ее снижают, начинается отток капитала.

Если мы хотим реализовать модель опережающего развития, вернуть деньги в экономику и обеспечить кредит для развития экономики, нужно дать производствам доступные кредиты. Выдающийся ученый, директор Института экономики РАН Леонид Иванович Абалкин много раз говорил, что кредит —

это механизм авансирования экономического роста. У нас нет кредита в течение 30 лет, понятно, почему наш экономический рост топчется на нулевой отметке. Но для того, чтобы кредит работал, мы должны обеспечить определенную замкнутость нашей экономической системы, вводить ограничения на трансграничное перемещение капитала, что успешно делают и Китай, и Индия, и другие быстрорастущие экономики.

У России есть научно-технический потенциал, но не хватает кредита и макроэкономических условий для того, чтобы его реализовать. По данным за 2024 год, у нашей экономики неплохие показатели по ключевым производствам и услугам нового технологического уклада, но, если мы не совершим разворот денежной системы в сторону наращивания инвестиций и стимулирования модернизации экономики на базе нового технологического уклада, отставание России от стран-лидеров будет нарастать и мы не сможем войти в ядро нового мирохозяйственного уклада.

Дефицит кадров: прогнозы и решения

Бахтизин: Тема конгресса — трансформация рынка труда — очень актуальна. Это одна из важных задач социально-экономического развития.

Долгосрочные тренды говорят о том, что во всем мире будет снижаться доля трудоспособного населения и увеличиваться доля населения старше 65 лет. Это уже приводит к ряду таких непопулярных решений, как повышение пенсионного возраста, снижение социальных выплат и компенсация недостатка рабочей силы за счет роста миграции.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отмечает в ежегодном докладе «Взгляд на пенсии» (Pensions at a Glance), что к 2060 году в большинстве стран будет на 2 года увеличен пенсионный возраст.

В России это делать категорически нельзя, потому что разница между ожидаемой продолжительностью жизни и возрастом выхода на пенсию (особенно среди мужчин) составляет всего 4 года. Этот показатель меньше только в Камеруне, Намибии, Молдове и Непале. Для сравнения: в Южной Корее и Норвегии это примерно 20 лет.

Если говорить о миграции, Россия — уникальная страна. Мы, с одной стороны, входим в первую десятку стран — доноров международной миграции, с другой — в первую десятку стран — реципиентов международной миграции. Но этот обмен с миром неравноценный. Из России уезжает высококвалифицированная рабочая сила, а приезжают выходцы из стран СНГ (почти 88%), причем только 8% из них с высшим образованием. Таким образом, этот неравноценный обмен

вымывает демографический потенциал, который мы измерили. Расчеты ЦЭМИ РАН показали: если нивелировать это отрицательное миграционное сальдо, Россия может ежегодно получать прирост ВВП на 1,5–2% пункта.

Опубликовано много исследований, в которых оцениваются экономические последствия от миграционного притока. Однозначного мнения по этому вопросу нет. Например, по оценкам МВФ, рост миграции способствует экономическому росту: увеличение притока мигрантов на 1% относительно общей занятости населения способствует приросту выпуска на 1% через 5 лет. В США считают, что мигрант мигранту рознь. В Манхэттенском институте рассчитали, что среднестатистический мигрант без высшего образования и те, кто переезжает в США после 55 лет, в течение своей жизни в среднем наносят экономический ущерб на сумму около 400 тысяч долларов, а мигрант в возрасте до 35 лет с ученой степенью в среднем сокращает дефицит бюджета более чем на 1 млн долларов.

Демографическая проблема, которую я обозначил, свойственна для большинства стран. Есть три основных решения. Первое — это стимулирование рождаемости. Второе — это привлечение высококвалифицированных мигрантов, внедрение персональной ответственности работодателей, которые приглашают иностранных работников, соблюдение четких договоров с нанимателями и мониторинг условий труда. Третье — повышение производительности труда за счет внедрения технологий искусственного интеллекта и промышленных роботов. И здесь у России есть большое конкурентное преимущество, потому что у нас этих роботов пока нет. Это открывает возможности для увеличения производительности труда. Например, экономист Джон Брюгель рассчитал, что один дополнительный робот на тысячу работников снижает уровень занятости на 0,16%. Согласно исследованию Американской экономической ассоциации (American Economic Association), внедрение промышленных роботов на длительном горизонте сокращает занятость на 4%.

Политика нашего денежного регулятора привела к тому, что динамика вакансий по основным отраслям резко снизилась. Поэтому на текущий момент проблема дефицита рабочей силы не стоит так остро. Но в случае нехватки рабочей силы решить эту проблему можно за счет роста производительности труда.

Правительство России утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года, в которой обозначены приоритеты и целевые показатели (ожидаемая продолжительность жизни; суммарный коэффициент рождаемости и так далее). Намеченные

целевые показатели сверхоптимистичны и вряд ли достижимы, потому что они значительно превышают демографические прогнозы Росстата, ООН и Всемирной организации здравоохранения. Главное, за что критикуют эту Стратегию, — это отсутствие механизмов достижения этих показателей.

Материнский капитал, как мера повышения рождаемости, был достаточно эффективен до того момента, пока в 2020 году основная выплата не была перенесена со второго ребенка на первого. После этого коэффициент рождаемости вторых детей резко пошел вниз. Эффективность программы снизилась, потому что за последние 5 лет материнский капитал без поправки на инфляцию вырос в 1,8 раза, а стоимость жилья — в 2,7 раза. Возможность приобрести свое жилье для многих молодых людей отодвинулась на 10 лет. Это происходит не только в России, но и во всем мире.

Жесткая денежно-кредитная политика приводит к тому, что люди не могут позволить себе купить жилье и в стране снижается суммарный коэффициент рождаемости. Мы сами лишаем себя возможности достичь установленных показателей.

У России очень большой демографический потенциал. По численности населения наша страна занимает 9-е место в мире, но, учитывая сложившиеся тенденции, к концу XXI века мы опустимся на 20-е место. Кроме того, около 40% населения будут составлять мигранты первой и последующих волн.

В заключение хочу привести пример успешной программы по стимулированию рождаемости, которая была реализована в Бразилии. В этой стране можно получить жилье через консорциумы и государственные лотереи, которые разыгрывают сертификаты на покупку квартиры. В результате этой программы суммарный коэффициент рождаемости в стране увеличился на треть.

У России большой потенциал в этой области. Если посмотреть в страновом разрезе, в 2025 году наша страна находится на 70-м месте среди 104 стран мира по такому показателю, как доступность жилья. С помощью грамотной денежно-кредитной политики Центрального банка и программ строительства доступного жилья мы могли бы реализовать потенциал рождаемости и если не выйти на целевые показатели, то хотя бы значительно к ним приблизиться.

Компетенции будущего

Бодрунова: Я буду говорить о компетенциях в области медиатизации. Мой доклад проиллюстрирует, как ноономический нормативный подход (если рассматривать его как некую нормативную линзу, которую мы накладываем на разные процессы) позволяет найти стратегические лакуны в организации стратегического планирования и стратегиях развития регионов.

Я расскажу о предварительных результатах исследования, которое мы начали с коллегами из Высшей школы экономики, но прежде хочу сделать концептуальное отступление.

Экономическое сообщество, которое занимается изучением экономических процессов, часто забывает о важном аспекте, который ноономически является одной из новых форм социализации.

Социализация человека — это один из столпов нового экономического мышления и ноономического подхода. Современные медианаука и коммуникативистика говорят о том, что есть взаимодействие социальных подсистем, одна из них — это медиасистема. Логика медиасистемы и развития информационно-коммуникативных технологий, медиапотребления значительно влияет на развитие других социальных подсистем. Медиатизация повседневности требует от человека развития новых компетенций, потому что в противном случае он выпадает из современной социальности и остается в условиях старого коммуникативного уклада.

На мой взгляд, речь идет о четырех видах компетенций. Первый вид — это компетенции современного медиапотребления. Мы говорим о том, как человек потребляет информационный поток. Уделять внимание работе с такими рисками, как социальная поляризация, основанная на коммуникации, распространение дипфейков и информации в условиях постправды, следует не только отдельным индивидам, но и всему обществу в целом.

Второй вид компетенций — это медиатизированная социальная коммуникация: то, что мы делаем сегодня, когда сидим в наших телефонах. Такая социальная коммуникация становится огромной частью социализации и охватывает все новые и новые поколения. Происходит ароморфоз социальности. Мы имеем дело с быстрой трансформацией социальности, которая является, с одной стороны, революционной, а с другой — эволюционной.

Третий вид компетенций — это взаимодействие с большими языковыми моделями (LLM), а в будущем — с малыми языковыми моделями, которые будут более точны, чем LLM, и в целом с искусственным интеллектом.

Четвертый вид компетенций — это взаимодействие с интерфейсами (голосовыми помощниками, чат-ботами, AI-помощниками).

Уровень этих компетенций может оказаться важен для анализа того, насколько те или иные пласты общества готовы к будущему. Мы решили посмотреть, какое внимание Россия уделяет сегодня развитию этого комплекса компетенций, на региональном уровне. Оценили, какое место занимают эти компетенции в стратегиях развития наших регионов до 2030–2040 годов, посмотрели, какие меры направлены на развитие этих компетенций, их оценку как ресурса или как риска, угрозы, изучили региональные разрывы — как регионы интерпретируют необходимость развития этих компетенций. Мы подробно проанализировали ситуацию в 14 регионах и поверхностно — почти в половине субъектов России и выяснили, что компетенциям, связанным с медиатизацией, практически не уделяется внимания в стратегиях субъектов РФ. Это удивительно, учитывая, как активно у нас обсуждается в публичной сфере необходимость борьбы с фейками.

Общая рамка создания условий для внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере предложена в национальном проекте «Цифровая экономика». Из стратегий регионов очевидно, что цифровизация интерпретируется как управление через цифровые технологии, а развитие медиатизации человеческого капитала понято исключительно в эксплуатационном смысле.

Еще один вывод, который мы сделали из нашего анализа: в стратегиях представлено инфраструктурное видение развития человеческих компетенций в области цифры, медиа и коммуникации. То есть дайте человеку инфраструктуру, и он будет ее использовать. Это не так. Мы это видим по опыту потребления медиа. Распространение интернета и технологий искусственного интеллекта не сформирует у людей компетенций, не сделает их более свободными.

Некоторые регионы — молодцы. Они видят пространство как область медиатизации. К сожалению, этого недостаточно, потому что конкретных мер по развитию компетенций медиатизаций нет. Мы видим только инфраструктурное развитие и широкую рамку цифровизации. Компетенции не оцениваются ни как цель, ни как угроза.

Таким образом, в мышлении наших региональных стратегов медиатизационные компетенции оторваны и от цифровой экономики, и от человеческого капитала. Что касается региональных разрывов, мы видим логику пирамиды Маслоу. Регионы-лидеры задумываются о цифровом развитии, отстающие субъекты РФ фактически не занимаются этим вопросом. И это создает, на наш взгляд, нарастающий разрыв в области развития технологий.

Мегапроекты как локомотив роста

Аганбеян: Мегапроекты — важное условие научно-технологического и социально-экономического развития. Они, как правило, носят стратегический характер, а инвестиции в такие проекты измеряются десятками и сотнями миллиардов долларов.

Вероятно, в ближайшее время санкции будут ослаблены, и тогда встанет вопрос: как нам развиваться в новых условиях. Обратимся к истории. За 34 года ВВП России, по данным Росстата, увеличился на 3,1%. Это фактически топтание на месте.

Лучшие экономические показатели были в СССР в 1965–1975 годах. Напомню о крупнейших советских мегапроектах. Первый — атомный мегапроект, который запустил развитие ядерной медицины, строительство атомных подводных лодок, ледоколов, атомных станций. Второй — космический мегапроект. Третий — мегапроект по созданию в России передового здравоохранения по модели Н. А. Семашко. Знаете ли вы, что в 1964–1965 годы ожидаемая продолжительность жизни России достигла 70 лет. Это сопоставимо с показателями передовых стран в те годы. В СССР у нас были самые длительные в мире отпуска, развитая система диспансеризации, лучшие в мире санатории и профилактории, пионерские лагеря.

В СССР была создана крупнейшая в мире нефтегазовая провинция — Кузбасс. Это была фантастика. Первый миллион тонн нефти добыт в 1965 году. Затем начали добывать по миллиону тонн нефти в день. Три миллиона людей приехало на Кузбасс, чтобы это стало реальным.

Еще один пример — Ангаро-Енисейский макрорегион, где жили 40 тысяч человек. Они занимались отсталым сельским хозяйством, ручной деревообработкой и заготовкой. Туда приехали 600 тысяч россиян. Какие города созданы, какая железная дорога, какая промышленность! Байкало-Амурская магистраль — величайшая стройка мира. 4300 километров железной дороги! Москва-Сити — еще один мегапроект уже из новейшей истории России. С реализацией мегапроекта Северный морской путь (СМП) связано много надежд, потому что он открывает широкие перспективы по освоению природных богатств России. Кажется, что мы не стоим на месте, но если посмотреть на то, что происходит в мире, то Россия, конечно, пока отстает.

Самое высокое сооружение в мире — это «Бурдж-Халифа» в Дубае, высота которого составляет 828 метров. В Москве самое высокое здание — это «Башня Федерации Восток» (373 метра). В мире 85 зданий выше 350 метров — все это мегапроекты. Если люди могут построить такие здания, на что же еще они способны?

Самый известный в мире мегапроект — это крупный город на юго-востоке Китая Шэньчжэнь. Всего 44 года назад на этом месте был рыбацкий поселок с населением 30 тысяч человек. Сейчас здесь живет 17,6 млн человек. Город ежегодно производит продукцию стоимостью полмиллиарда долларов. Здесь работают совместные предприятия Китая, США, Германии, Великобритании и других стран, 150 крупнейших инновационных фирм мира, которых называют «единорогами» (в 2024 году в мире было всего 1658 «единорогов»).

В России есть всего два «единорога» — Wildberries и Avito. Россияне, переехавшие в другие страны, создали за границей еще 40 крупных инновационных компаний. Почему у нас так мало «единорогов»? Потому что у нас нет финансирования, венчурного капитала. В 2024 году венчурный капитал России составил 177 млн долларов. Для сравнения: венчурный капитал США — 279 млрд долларов.

Для структурной трансформации нашей экономики нужны крупные макроэкономические, макросоциальные и макротехнологические проекты. Особое внимание нужно уделять микроэлектронике и технологиям искусственного интеллекта. Мы собираемся потратить на развитие технологий 3 трлн рублей до 2030 года (около 50 млрд долларов). Это в 10 раз меньше, чем расходы США или Китая.

Нам нужны коренные изменения в области финансов и банковского дела. Инвестиционный кредит — главный источник социально-экономического развития. России следует переходить к финансовому форсажу инвестиций не только в основной, но и в человеческий капитал. Важно начать массовое технологическое перевооружение предприятий. Примерно две трети наших производств являются технологически отсталыми.

России нужны крупные региональные реформы (перевод регионов на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление, их укрупнение), социальные реформы, коренная реформа управления. Давно пора перейти к стратегическим пятилетним планам. Об этом говорит не только опыт Китая или Индии, которая в 2017 году закончила двенадцатую пятилетку. Это и опыт Турции, которая сейчас успешно осуществляет одиннадцатую пятилетку и ежегодно растет на 6%. Это опыт Японии и Южной Кореи, которые за шесть пятилеток сделали колоссальный рывок, превратились в передовые в индустриальном плане страны. Южная Корея — лидер по роботизации: здесь на каждые 10 тысяч работников приходится 1102 робота. В России на каждые 10 тысяч работников — 19 роботов. Как видите, разрыв огромный.

В заключение скажу: нас ждут великие дела, и мы в той или иной мере будем принимать в этом участие.

Кооперационный подход

Крюков: Для построения модели социально-экономического развития нам важно, во-первых, учитывать пространственную метрику (роль пространства в России очень велика, и это нельзя сбрасывать со счетов), во-вторых — наши природные ресурсы.

Важно понимать, как устроена наша экономика, как функционируют и реализуются воспроизводственные процессы, критически осмыслять подходы, которые были использованы в прошлом.

Какие проекты нам важны? Это проекты, основанные на кооперационных, интеграционных связях. В России очень плохо обстоят дела с кооперацией, интеграцией, взаимодействием хозяйствующих субъектов.

Отцы-основатели кооперационного подхода — это советский ученый Николай Колосовский и инженер Иван Бардин. В 20-е годы прошлого века они предложили идею создания цепочек добавленной социальной стоимости, которую мы сейчас развиваем в нашем институте.

Отход от унитарной модели реализации проектов нельзя сводить только к финансовым или к научно-технологическим аспектам. Очень важна та среда, в которой реализуются эти проекты. Очень важна гражданско-правовая модель реализации проектов, ориентация не только на показатели финансовой доходности, но и на интегральную социально-экономическую отдачу.

Что важно? Четкое и прозрачное определение роли государства в этом процессе. Без государства новая экономика не летает. Оно является импульсом, драйвером процессов в разных секторах или сегментах отечественной экономики. Об этом говорит мировой опыт.

В последние 30 лет произошел рост роли добывающих отраслей, примитивизация цепочек создания добавленной стоимости. Для нашей страны сегодня важно выделить круг проектов полного цикла. На следующем этапе — в рамках реализации проектов полного цикла — следует создать условия для формирования кластерных взаимодействий. У нас кластерами называют все что ни попадя: расположенные рядом хозяйствующие субъекты, территории переезжающего развития на Востоке, хотя по факту они кластерами не являются. Это, как правило, конгломераты. Кластер — это когда возникает синергетический эффект вследствие финансовых, организационных, технических и регуляторных действий со стороны акторов процесса.

Какая задача сегодня стоит перед экономической наукой? Это разработка принципиально новых решений. Нам нужно заниматься организационно-экономическим инжинирингом, понять, как соединить разные составляющие проектов, которые важны для пространственного развития России. Нужен научно-технический мониторинг проектов полного цикла.

В России минерально-сырьевой сектор дает 70% экспортных доходов. Это примерно 40–50% налогов, порядка 20% занятых и 30% инвестиций. То есть мы ресурсно-ориентированная экономика. Нужно научиться жить с этим. И наука должна присутствовать на всех стадиях, связанных с реализацией проектов полного цикла. Убежден, что формирование нового индустриального общества невозможно без учета особенностей экономики и пространства России.

Бодрунов: Александр Владимирович Бузгалин долгие годы был бессменным модератором пленарной сессии Санкт-Петербургского экономического конгресса. Он поддержал мою идею создать этот конгресс и много сделал для того, чтобы воплотить ее в жизнь. Александр Владимирович ежедневно работал над программой конгресса. В свое время ученый подготовил доклад, который посвящен творческому человеку в экономике будущего, и сегодня мы представляем его участникам конгресса.

Творческий человек в экономике будущего

Бузгалин: Вынесенная в заголовок доклада тема «Творческий человек в экономике будущего» имеет прямое отношение к наиболее актуальным практическим проблемам социально-экономической жизни, в частности к проблеме выхода из стагнации, в которую попала российская экономика в последние десятилетия. Подчеркну, речь идет не только об экономических, но и о социальных аспектах данной проблемы, и человек становится центром тех целей и средств, которые мы должны найти.

Марксистская политико-экономическая методология позволяет подойти к определению творческого человека, исходя из характера его деятельности, выяснив, субъектом какой именно деятельности он является, какой труд осуществляет, в какие отношения при этом вступает и какие цели реализует.

Верный методологический подход не решает, однако, менее сложной задачи — дать точное определение творческой деятельности. Относительно простую формулировку дает Алан Фриман: «Несмотря на значительные различия,

творчески занятые работники незаменимы. Их нельзя заменить машинами». Однако его можно использовать лишь как отправную точку. Пока точное определение отсутствует, можно пойти путем выделения набора признаков, каждый из которых в отдельности хорошо известен. Но при соединении в систему они дают очень важную совокупность координат, позволяющих определить границы, где Homo Creator есть, а где его нет.

Итак, первая черта творческой деятельности — это труд как потребность, когда главный мотив к труду — это содержание труда, а не некоторый внешний социальный, юридический или иной механизм. Отсюда свойства самомотивации. То есть главный мотив для того, чтобы работать, — сама деятельность.

Вторая черта творческой деятельности прямо вытекает из первой. У творческой деятельности как потребности нет границы между свободным и рабочим временем. Творческий процесс может возникать спонтанно в любое время. Если нет границы между рабочим и свободным временем, то появляется новая граница между трудом преимущественно творческим, реализующим творческие цели, и трудом репродуктивным. Эта граница принципиально важна, и творческий человек всегда ищет такую деятельность, где у него творческих функций больше, а репродуктивных — меньше. Более того, сам творческий человек определяется в этом случае как человек, стремящийся работать там, где больше творчества и меньше репродуктивных функций.

Третья черта. Творческая деятельность и творческий человек создают результат или продукт, который отличается от обычных продуктов труда. Этот результат можно определить как культурное богатство или культурную ценность. Его специфическими свойствами являются неуничтожимость потребления и возможность бесконечного распространения. К такому богатству может быть применено правило: все, что можно раздавать, не теряя, не должно продаваться. Однако в условиях господства частной интеллектуальной собственности его применение может быть лишь исключением из правила.

Последнее, что суммирует все эти черты, творчество — это труд, который в полной мере становится пространством развития личностных качеств субъекта. Когда говорят о гармоничном всестороннем развитии личности, потребность и необходимость в таком развитии генерирует в человеке именно творческая деятельность.

Отсюда можно сделать интересный вывод: творческий человек — это человек, осуществляющий труд, свободный по содержанию. То есть этот труд, который в своем содержании прямо ничем не детерминирован. Тем не менее социально-экономическая общественная форма оказывает на творческую деятельность существенное влияние.

С одной стороны, в условиях рынка и капитала только бытие как Номо Economicus, позволяет творческому человеку развиваться, жить и творить. С другой стороны, Номо Economicus тормозит, ограничивает и разрушает все те черты Номо Creator, которые мы упомянули выше.

Отмечу, с точки зрения неоклассической экономической теории труд — это обременение и издержка, поэтому его надо минимизировать. Чем меньше труда и выше зарплата, тем лучше для работника. На этом построена вся рыночная экономика.

Это первое противоречие — труд как потребность против труда как обременения.

Второе противоречие. В творчестве создается благо, которое принадлежит каждому. Создаются бесконечные культурные ценности. Это определение Номо Creator. Определенность деятельности Номо Economicus иная. Он создает товар, который продается на рынке и является частной собственностью, в большинстве случаев в условиях позднего капитализма не самого творческого человека, а хозяина фирмы, нанимающего креативного работника.

Следующий компонент творческого труда — отсутствие границы между свободным и рабочим временем. Но в условиях капиталистического найма она есть. Рабочее время надо минимизировать, а свободное время, точнее, в условиях отчужденного социального бытия время досуга, ничегонеделания, максимизировать.

Наконец, отчужденный труд в противоположность творческому — это труд, в котором человек не развивается, а потребляется. Это труд, который не создает возможности для личностного прогресса. В этом противоречие между Номо Номо Economicus и Номо Creator. То, что рационально для капитала, для творчества, творческого человека, общества и культуры является нерациональным.

Сегодня творческий человек выступает в большинстве случаев в качестве наемного работника. Иногда это дополняется элементами личной зависимости, своего рода крепостничеством XXI века.

Но вы можете выбрать иную сферу, которая является первым шагом в будущее. Вы можете работать в общественном секторе, быть занятым в деятельности профсоюзов, экологическом движении или бесплатно создавать общественные блага в рамках викиномики и тому подобное. В этом случае креативный работник получает деньги из общественного бюджета. Он создает ценности, которые принадлежат каждому члену общества. Однако реально он находится под контролем и подчинен тому же корпоративному капиталу и тотальному рынку.

Таким образом, в креатосфере в настоящее время соединяется отчужденная форма социально-экономического бытия человека, определяемая рынком и капиталом, с творческой деятельностью, которая по своему содержанию свободна. Соответственно, слой креативных работников, занятых в общественном секторе, обозначаемый термином «социалиат», с одной стороны, подчинен государственной бюрократии, с другой — работает на общество, участвуя в производстве общественных благ.

Что означает сказанное с точки зрения выявления объективных трендов продвижения в будущее? Чтобы продвигаться в направлении формирования адекватной социальной формы для творчества по содержанию труда, нужно устранить подчинение труда тотальному рынку и глобальному капиталу. Необходимыми условиями этого являются постепенный уход от найма работника вообще и креативного в частности, от частной интеллектуальной собственности и от существования бесполезного сектора.

Но это не все условия, необходимые для продвижения по пути освобождения труда. Чтобы сделать труд свободным по содержанию, необходимо вытеснение репродуктивной деятельности, передача автоматизированным системам того, что они могут делать без человека. Чтобы сделать труд свободным по социально-экономической форме, следует преобразовать систему социально-экономических отношений.

Оставим в стороне задачи качественного изменения существующей общественной системы и укажем на возможные шаги в пространстве реформ, позволяющие выстроить в рамках рыночно-капиталистической системы переходные отношения, содействующие освобождению труда.

Известно, что первый шаг навстречу свободному труду — это реальная общедоступность базовых благ (здравоохранение, образование, жилье и так далее). Второй важный шаг к свободному по форме труду — гарантированная занятость. Следующий компонент продвижения к свободному труду — участие работников в управлении, в идеале — в самоуправлении. И самый главный шаг — расширение сферы, в которой

интеллектуальная частная собственность дополняется, а в идеале — замещается собственностью каждого на всё. На этом пути может расширяться общедоступность и бесплатность культуры, но это все ограничено лишь формированием переходов отношений в рамках сохраняющегося позднего капитализма.

Стратегическая задача — переход к качественно новому общественному устройству, названному Марксом и Энгельсом «царством свободы». Возможен ли такой переход и какова будет роль экономических отношений в царстве свободы? Мои собственные исследования совместно с Андреем Колгановым привели к выводу, что в будущем обществе, которое приходит на смену предыстории человечества, человек избавится от давления экономической необходимости.

К аналогичным выводам приходили и другие марксисты, как западные, так и советские. Например, Виктор Вазюлин, занимавшийся исследованием концепции постиндустриального общества. Владислав Иноземцев прямо назвал будущее общество постэкономическим. В последние годы качественно отличную от постиндустриальных и существенно отличающуюся от марксистской теорию будущего как постэкономического бытия, теорию ноономики, развивает Сергей Бодрунов.

Но при всех различиях во всех этих исследованиях чем дальше, тем больше отмечается значимость прогресса творческой деятельности как атрибута будущего, и это не только теоретически значимый вывод.

Россия и Китай: экономика в эпоху знаний

Вэнь: Мы живем во время глобальных трансформаций. В связи с развитием технологий искусственного интеллекта в сфере знаний происходят значительные изменения. Будущее уже наступило, и мы являемся его частью.

Искусственный интеллект ускоряет поиск информации, способствует ее генерации и трансформации. Человек создал технологии ИИ, а искусственный интеллект, в свою очередь, способствует производству знаний.

Выделю три ключевые характеристики эпохи знаний. Во-первых, это расширение пространства для производства знаний. Во-вторых, это скорость распространения знаний. В-третьих, это разнообразие источников и путей применения знаний.

В связи с этим поделюсь своими наблюдениями. Первое — производство знаний становится децентрализованным. Сегодня в этом процессе играют большую роль не только западные страны. Второе — знания распространяются

значительно быстрее, чем раньше. ИИ сокращает время и затраты, которые необходимы для распространения знаний. Третье — объем информации в мире и скорость ее производства увеличивается.

Парадигма конкуренции в сфере знаний меняется от традиционной линейной модели, которая состояла из образования и патентов, к гонке, связанной с развитием вычислительных систем, инфраструктуры, алгоритмических инноваций и экосистем в сфере данных. Мощь знаний в будущем будет расти, потому что это человеческие способности, помноженные на технологический прогресс.

Сегодня технологии разрушают традиционные подходы. Конкуренция в сфере знаний между странами будет расти. Победят в этой борьбе те, у кого будут передовые технологии (в том числе ИИ) и кадры.

Поскольку мы живем в веке ИИ, то должны ускорять цифровую трансформацию всех сфер экономики, бизнеса, производства, государственного управления, образования. Нам следует внедрять в образовательный процесс новые технологии и ИИ. Китай уже проводит такую реформу.

Глобальный рынок искусственного интеллекта — это рынок, на котором доминирует процесс производства знаний. Я посчитал его размеры: 80% приходится на 10 стран-лидеров. Первое место занимают США, второе — Китай (Россия тоже входит в первую десятку). Китай конкурирует с США в сфере высоких технологий и ИИ. В будущем эта конкуренция будет нарастать. При этом Китай не стремится обладать всеми технологиями в мире. Мы не хотим соперничать с другими странами в этой сфере. Мы хотим иметь возможность делиться своими технологиями с другими государствами и таким образом способствовать развитию конкуренции в сфере производства технологий, а значит, и дальнейшему производству знаний.

Бодрунов: Мы скоро будем жить в другом мире, где искусственный интеллект создает сущности, которых уже нет, или еще нет, или никогда не будет. Наш конгресс — первая конференция в мире, где присутствуют сущности, которых нет. Например, мой доклад создан коллегами с телевидения и искусственным интеллектом. Мое изображение и видеоряд сгенерированы с помощью ИИ, как и доклад Александра Владимировича Бузгалина, который ученый опубликован в журнале «Экономическое возрождение России». Уверен, Александр Владимирович хотел бы сделать этот доклад на нашем конгрессе. Надеюсь, нам сегодня удалось немного приоткрыть завесу будущего.

ON THE WAY TO A NOOSOCIETY: TECHNOLOGY, LABOR AND CULTURE

The annual St. Petersburg Economic Congress (SPEC) is a platform that has been bringing together representatives of academic science for 10 years to develop practical measures and proposals aimed at achieving Russia's national development goals. This year, the anniversary X Congress experts focused on solving urgent problems of socio-economic, scientific and technological development of the country, the conditions and prerequisites for the transformation of the economy into a noonomy, and the social structure into a noosociety.

The organizer of SPEC-2025: The S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development in cooperation with The Free Economic Society of Russia (VEO of Russia) with the participation of the Economics Section of the Social Sciences Department of the RAS

The theme of SPEC-2025: "Labor and transformation of society: knowledge, creativity, noonomy"

Sergey Bodrunov,

*President of the St. Petersburg Economic Congress (SPEC),
President of the VEO of Russia,
Director of the S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development,
Corresponding Member of RAS*

Vladimir Mayevsky,

*Chief Researcher at the Center for Institutional and Evolutionary
Economics at the Institute of Economics of the RAS,
Academician of RAS*

Sergey Glazyev,
Academician of RAS,
Vice President of the VEO of Russia

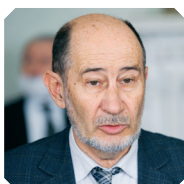
Albert Bakhtizin,
Director of the Central Economics and Mathematics
Institute (CEMI RAS),
Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia

Svetlana Bodrunova,
Head of the Center for International Media Studies
at St. Petersburg State University, Professor at the Higher School
of Journalism and Mass Communications,
Member of the Board of the VEO of Russia

Valery Kryukov,
Director of the Institute of Economics and Industrial Engineering,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Academician of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia

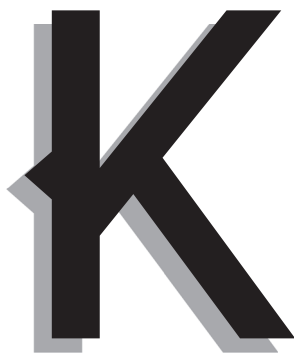
Alexander Buzgalin (1954–2023),
Director of the Center for Modern Marxist Studies,
Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
Distinguished Professor at Lomonosov Moscow State University,
Vice President of the VEO of Russia

Wang Wen,
Valdai Club Expert,
Director of the Chongyang Institute for Financial Studies,
Co-Chair of the VEO of Russia Expert and Business Council
for the Development of China-Russia Cooperation

Abel Aganbegyan,
Academician of RAS

Knowledge, Creativity, Noonomy

Bodrunov: Dear colleagues! The St. Petersburg Economic Congress is being held for the tenth time. All these years, we have been researching the mechanisms of transformation of the modern economy and have established the fundamental role of knowledge in shaping mechanisms for meeting human needs, developing the economy and society.

At the same time, we have shown that the modern socio-economic system, within the framework of its transformation, the basis and driving force of which is scientific and technological progress being implemented in public production, has reached a special stage of its development — a kind of “bifurcation” point, in the language of the theory of system analysis. The current state of the socio-economic system is defined as a multifactorial crisis of the system’s development, and simultaneously across many vectors (economic, technological, social, cultural, value, and others).

It is clear that a crisis is always fraught with various consequences. In this case, it has radical consequences for the fate of human society, determining the ways of further existence and the trajectory of the development of civilization. This problem is extremely relevant.

Attempts to assess its depth and find the drivers of its positive resolution have recently been made by many theoretical schools. In the theory of noonomy proposed by us in the works of the S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development, during the study of this problem at previous conferences of the congress, it was shown that the trajectory of global development is directed along a vector from the modern socio-economic structure, “supercapitalism”, as geopoliteconomists say, or an advanced form of the “New Industrial Society” described by John Kenneth Galbraith, through the formation of the fifth or sixth technological structures and an integral world economic structure, researched by academician S. Yu. Glazyev, to the “New Industrial Society of the Second Generation” (NIO.2), the fundamental difference of which lies in the emergence of the seventh technological order, where for the first time knowledge, rather than material resources, becomes the

predominant resource of social production and, consequently, the continuing but qualitatively changing industrial way of satisfying needs. At the same time, the subsequent civilizational development in this direction creates objective prerequisites for the further transformation of the economy into a noonomy, and the social structure into a noosociety.

We have called this process of step-by-step transformation “nootransition”; we presented its patterns and detailed description at two previous congresses, as well as in our joint monograph with Academician S. Yu. Glazyev, which frees me today from detailing the characteristics and parameters of both the nootransition and the description of various related industrial, technological, economic, social and humanitarian and value effects.

However, for the sake of completeness of today’s report, I will mention that the factors and at the same time the drivers of the nootransition are the components of the so-called noonomy quadriga — the four vectors of development: these are scientific and technological progress (STP), the diffusion of property, the socialization of the social structure and the ideology of solidarity.

Examining the first of these vectors, STP, we came to the conclusion that it is based on knowledge, and especially scientific knowledge, which is provided by the so-called acceleration of STP acceleration. We have shown, in particular, that the degradation of the mechanisms of knowledge implementation in production leads to the deindustrialization of the economy, the reduction of all its components and, as a result, the decomplication, simplification of both production and the product

as its result and, consequently, the reduction of opportunities to meet social needs. On the contrary, strengthening the knowledge component in production, increasing the share of knowledge in any components of production and in its product enhances such opportunities. The level that characterizes the share of knowledge in a social product is called knowledge intensity, and the level of acceleration of the implementation of knowledge in the components of production is called knowledge intensity of production. You and I have shown that the most important factors for intensive and effective economic development, which is positive from the point of view of social effects, are:

- a) the rejection of the post-industrialism paradigm and the neoliberal platform in the economy;
- b) its reindustrialization on the basis of knowledge-intensive technologies of the most advanced technological structures, ensuring the satisfaction of needs with an increasingly knowledge-intensive product as a result of knowledge-intensive production.

Having completed this short introductory digression into our previous research presented at the congresses in 2018–2023, let's turn directly to the topic of today's congress.

Today we decided to deal with the transformation of such an important component of social production and an economic category as “labor”. We will have to reevaluate the role and place of labor in the changing social production, and, more importantly, consider the transformation of labor itself.

It is obvious that labor, like other components of the production process that ensure the satisfaction of people's needs, along with a qualitative change in production itself, its content and structure, cannot but change — primarily in its content, its place in meeting needs, and its role in society. These changes, we note, are also due to the increasing importance of knowledge as a factor of production. We are seeing two trends:

a) the increasing place of knowledge in the production process and its share in the final product, the role of knowledge as a component of labor;

b) the increasing role of knowledge in social production and socio-economic development in general, in obvious accordance with the so-called cross known from the theory of economics, describing trends in the knowledge intensity of production.

This process of changing the role and place of work is, on the one hand, the driver of the nootransition, providing its material base, as well as the basis for the development of other vectors of the noonomy quadriga and, especially, the socialization of society, on the other hand, the observed confirmation of the beginning, the “start” of the nootransition as a stage in the development of civilization.

However, the next question is: why are the mentioned roles and places of work changing? Obviously, this is a consequence of changes in the content of labor, human labor participation in the creation of a product and in social production as a whole. The change in the content of work, in turn, is due to the intensification of the implementation of knowledge in human work — knowledge in various and any forms: scientific, technological, skills, “know-how”, ideas, and so on.

Let's also pay attention to the changing nature of a person's work. Modern production is moving further away from the use of so-called reproductive labor, transferring routine operations within the framework of the knowledge of technology intensification to automated and digitized production. Traditional professions, having mastered which an employee could work for many years, are increasingly being replaced by competencies that allow a person to quickly change the scope of their work. The employee's “attachment” to a specific place of product production is being replaced by a tendency to strengthen freelancing. Finally, in a knowledge intensive economy, the organization of production

is changing significantly, and, accordingly, this is reflected in the ways of working — people are increasingly “moving away from work”, freeing up their life time from it and increasingly replacing working time with free time, since to meet their basic needs with development (increasing knowledge intensity!) technology takes less and less time for a person.

Note that in the latter case, we are touching upon the most important category from the humanitarian and value field studied by philosophical and social sciences, namely, the category of “freedom”, since a person is increasingly free to decide what, how much, where and when to do. Let us recall in this connection the thesis proclaimed by the so-called young Marxists at the end of the 19th century, about the “emancipation of labor”. It was, of course, about the liberation of man from exploitation, slavery, dependence, and forced labor. Here, I think it is appropriate to draw attention to the fact that in

many languages such coercion, inseparable from labor, has an absolutely negative connotation. For example, in Russian, the words “labor”, “difficult”, “difficulties” are of the same root, as are the words “work” and “slavery”. Today, thank God, slavery in its primitive form has been eliminated, and labor, we note, with an increase in its knowledge intensity! — it is becoming less and less “difficult”, although, let us note further, economic society, being a peculiar form of the modern slave-owning format of slavery and coercion, still tends to dictate the “binding” of a person to participate in the production of a product. But here we are getting ahead of ourselves in the report. The study of this process of human liberation through the “liberation” of labor within the framework of the value category “freedom” is not the topic of our congress today. However, we will consider this problem in the framework of the following congresses, where we plan to explore the formation of the so-called noocritical core of society and humanistic value criteria, or the “noocritical base of noonomy”, where we will also take a closer look at the ideological vector of the noonomy s quadriga — solidarism.

Today we will once again take a closer look at the category of “labor” and ask ourselves another question: what ensures a change in the content of labor and its social role, its characteristics?

We have just pointed out an important factor — the growth of knowledge intensive work. However, as it turns out, although this is the most important factor, alone it is not enough. There is something else — a certain force that “translates”, implements knowledge into the product, structure and content of human activity, including his work. Who is this “translator of knowledge into technology”? Creativity is such a “translator-interpreter”. What is creativity?

To date, despite the abundance of various definitions offered by different specialists from different fields of science, no strict definition of this concept has been given. Creativity is most often defined as a certain ability of a person to create something new, sometimes replacing this concept with the term “creativity” — which is not the same thing, because “creativity”, generally speaking, is a manifestation in reality of this ability.

However, this definition does not give us the “magic key” to understanding the essence of the phenomenon of “creativity”. Some clarity can be achieved by using an approach that links the processes of forming a new idea and its implementation.

Without directly referring to the term “creativity”, our most famous colleague, British Professor Alan Freeman, introduced the concept of a “mental object” into scientific use, that is, a certain image that precedes the creation of a material object by a person. In our opinion, it is indeed true: without imagining the future object being created in an “image”, a person does not have a “plan” for its creation, a “drawing”, a “sketch”. At the same time, we would add a slightly different view on this thesis. Before creating, “creating” a certain object — material or, let’s add, intellectual, a human creator creates a mental object, an image of an object, which later incarnates into a material object or remains in the mental space as an intellectual object.

But let’s pay attention — the Russian language allows, as a wonderful tool, the very “magic ray”, to penetrate deeper into the essence of the concept presented by Professor A. Freeman. An image cannot be created without knowledge. Any creation, creation is, in other words, the formation, “formation” of this object, its formation as a kind of entity — in that very “mental space”. From what? From “nothing”? Our answer is from knowledge. The Creator does not operate in the “mental space” except for the amount of knowledge available to him.

Let’s note that people have understood this implicitly for a long time — for example, it’s not for nothing that in our Russian language we use it once again as a magic key or a lamp illuminating the way — the word “education” (as a process) is synonymous with the phrase “gaining knowledge”. If you have received knowledge, there will be an image. The more knowledge there is, the more educated a person is, and the more opportunities he has for creation, creation, and opportunities in the creative field.

The paradigm of a rigid bundle of concepts “knowledge — possibilities — creation” is very clearly and unambiguously presented in Christian philosophy: the Lord is omniscient (“lead” is a synonym for “knowledge”) — by virtue of which he is omnipotent — by virtue of which He can create, and He is the Creator of all things.

This idea is reflected in the Slavic alphabet, created by religious Christian figures Cyril and Methodius: Az (ya), Buki (letter, image), Vedi (knowledge), Verb (word, conveying knowledge, its implementation), Good (everything that satisfies a person's needs, what he uses for this, and in an earlier, primordial connotation, the meaning of which was later transferred to the abstract "good" in human relationships).

We will not deny this chain of dependencies, moreover, it seems obvious. Here is a simple illustrative example. The child builds a certain structure out of cubes, his knowledge is limited, conditionally:

- a) by the characteristics of the available number of cubes;
- b) the possibility of realizing his creative potential, limited by the number of cubes. Add cubes, and we will give the child the opportunity to create more complex — semantic, formed in the form of images, and then materializable constructions. By changing the shape of the cubes, their coloring, and adding pyramids to the cubes, we will increase its capabilities again. But if we remove some of the cubes, these possibilities will decrease. With the same, let's note: the creative potential of this person.

In this example, we will replace cubes and pyramids with conditional "quanta" of knowledge, and we will understand the role of knowledge in realizing a person's creative potential.

There is another feature. Increasing the available knowledge not only allows an individual to increase the possibilities of realizing his creative potential, but also to increase it! I will not give an argument for the brevity of the time allotted for the report — you will find it in the material published in the latest issue of the journal "Economic Revival of Russia" (No. 1, 2025). Although, of course, there is no measurable, much less direct, relationship here.

Note also, on the other hand, that the cubes from our example do not create constructions without the participation of the child — that is, his "creativity". Knowledge without its creative application is dead. This is another important conclusion in understanding the "relationship" between knowledge and creativity.

One more aspect is important. Work, as a type of activity that requires the application of knowledge, and to an ever-increasing extent, certainly, as mentioned above, affects the increase of a person's creative abilities. The role of labor in this, in the "creation of man", was figuratively noted by Friedrich Engels at the time. We will not refute the classic political economy. Although we would look at this role from our perspective in a slightly different way — yes, that's right — on the one hand. But, on the other hand, a person's needs forced him to "work", that is, rather, a person created ("invented!") work, forming it as a special type of his activity as part of the development of the process of satisfying his needs —

through the implementation of comprehended knowledge — of course, with the opposite effect of this work on human development by increasing the individual's creative potential, which is what Engels pointed out — without this clarification.

We should also note that we have noticed important ideas about the characteristics of creativity in the works of another of our colleagues and, I am not afraid of this statement, the living classic of modern political economy, Professor from Shanghai, president of the World Political Economic Association (WAPE) Chen Enfu, who proposed a very significant well-known concept of “intellectual economics”, which, according to him, fits into the theory of noonomy.

Our colleague, one of the initiators of our congress, Professor Alexander Buzgalin of Moscow State University, in his famous work, uses a well-known methodology to describe a complex object, without giving a direct definition based on its known characteristics, features, and effects created by the object.

Following the same methodology, and in order to expand our topic, as well as in addition to the above argument, we will note some characteristics of creativity as a phenomenon through the effects it exerts in interaction with other phenomena, and in particular with the category of “knowledge”, just as scientists study the behavior of elementary particles in the microcosm by bringing them together in special conditions and revealing new knowledge about them in the process of their interaction.

Considering in this way the “interaction” of knowledge and creativity, “creation” — both as a process and as a result of creativity — we have shown that, firstly, no act of creation is possible without knowledge, and secondly, with the “increase in the volume” of available knowledge, the possibilities of creation increase.

Returning to the thesis about increasing the knowledge intensity of production, we can now say in this regard that along with it, accordingly, the creative component of labor increases. Work is becoming more and more “intricate”, requiring thoughts and ideas that realize, within the framework of its creative potential, the creative essence of a person, his creative (and increasing!) hypostasis.

Continuing these arguments, we can draw a number of conclusions based on the basic positions of the theory of noonomy. In particular, the fact that with an increase in the knowledge intensity of production, along with an increase in the share of knowledge, the importance and place of its creative component in labor activity objectively increases. At the same time, however, labor itself as a factor of production with the reduction of economic society due to the action of the second factor of “quadriga of noonomy” (diffusion of ownership) is also being reduced, increasingly being replaced by automated and digitalized self-acting production.

However, does its creative component disappear with it? Or — to clarify — his creative potential? And here is a visible paradox, but only at first glance. In reality, neither knowledge nor creativity disappear anywhere. After all, labor is only a way “invented” by man to use them usefully to meet human needs. As mentioned above, labor, while changing qualitatively in its content, becomes more and more creative and at the same time — along with the growth of free time — turns into creative activities unrelated to labor (in an economic or, if you prefer, a political economic concept). If a person finds another way to meet their needs — through scientific and technological progress, new technologies, and self — operating automated production — they will “set aside” labor as an outdated invention. And knowledge and creativity will find other uses. At the stage of noonomy, there will be a true “liberation of labor” — or, more precisely, “liberation from labor” in the original, “Russian-connotational” understanding, replaced by the free creative activity of the individual.

Probably, another “legitimate” question will arise: well, let’s say creativity and knowledge are in work, in scientific and technical progress. But art, culture, etc. — where is the role of creativity here?

We believe that in this sphere of human existence, as in all others, the situation is absolutely the same.

We must consider science, art, and philosophical concepts, including religious ones, as different ways of understanding the world around us.

In reality, there is neither a “confrontation” between these different ways of cognition, nor the application of the consequences of the above conclusions in the framework of their consideration. The same laws apply in any field: the increasing knowledge intensity (of any special “section” of knowledge) in art and in the creation of cultural artifacts leads to the same thing — their complication in order to meet the growing needs of individuals and society, including spiritual values, etc., within the framework of creative acting.

Let’s get back to the main topic.

This concludes our theoretical discourse on this problem — the relationship between knowledge and creativity in the “single bottle” of “labor”. For all its importance, as it seems to us, let us ask ourselves the question: “What exactly is the importance of this problem for practice?” After all, as the poet Goethe said, “theory is dry, my friend, but the tree of life grows luxuriantly green”.

What practical conclusions can we draw?

Very, very important, actually. And at our Congress, when discussing theoretical topics, we always “link” them to live practice.

If we want to have a developed economy in Russia, be in a leading position in the coming technological transition, create a powerful base for a new Industrial Society of the Second Generation and a truly “social” state, we should pay close attention to the problem of labor. Moreover, not in the traditional perspectives of trivial complaints about the lack of labor resources or labor as a utilitarian economic resource, not considered as a means of “human liberation”, and not in the context of studying the important, who would argue, problems of migration. First of all, we must ensure that government decisions and programs are made at the highest level — pay attention to achieving a qualitatively different content of work, increasing its knowledge intensity and its creative components.

In recent years, this aspect of work has become increasingly important in the world. First. In scientific discourse and in practice, for example, the term “creative industries” has emerged and is actively used, implying industries in which creativity occupies a predominant, “lion’s share”.

In addition, much attention is paid to the inclusion of creative elements in any type of activity, including to change the paradigm of training specialists (from the “profession” paradigm to the “competence” paradigm).

Further. In many developed economies, as part of spatial development, modern urbanization and other similar processes, infrastructure is being created for the development of such industries — the so-called creative spaces. We would like to point out that our colleague Alan Freeman practically worked in this direction and described his work in detail in London during the reforms of city government during the tenure of London Mayor Ken Livingston.

Unfortunately, in Russia, as we can see from the above table and from many other documents and sources, not enough attention is paid to the targeted development of the “creative industries”, with the exception of the IT-sector. At the same time, both world and Russian practice show that creative technologies give a new quality to work, being the driver of its transformation, which we called aromorphosis (from the Greek words “lift” and “form”, a progressive evolutionary change in its “structure”, leading to a general increase in the level of its organization, giving a new quality to both traditional sectors of the economy, and the development of creative industries proper, and ensuring a new, progressive and rapid development of the economy as a whole, figuratively speaking, “creating” its new face. Let’s emphasize once again: it is the aromorphosis of labor that will give us a new economy.

We urgently need to form such an image of the economy in Russia, because without it, neither sustainable and dynamic economic growth, nor improving people's quality of life and solving social issues are possible today. The rapid growth of our IT sector, which has not only grown significantly in recent years, but has also positively influenced the parameters of our economy as a whole, along with the onset of digitalization, confirms the effectiveness of investments and the attention shown by the government to such technologies. Obviously, these efforts should be actively increased in other "creative" areas. It is the saturation of our lives with creativity, based on the development of knowledge and production intensity, that will be the key to our successful development, since such industries, creative technologies, and creative products will become the basis of the economy of the transition period of New Industrial Society of the Second Generation (NIO.2).

The White Spots of Economic Theory

Mayevsky: Economic theory is developing, but there are gaps in fundamental knowledge. What we see is that one ignorance generates another, hence the simulacra — erroneous, inaccurate ideas about economics, on the basis of which models are built and conclusions are drawn that contradict common sense.

The heads of the banking system, who prove the expediency of certain decisions, have powerful arguments based on mathematical models developed by Nobel laureates in economics. In fact, there is ignorance behind these arguments. The situation is particularly acute in the field of macro modeling. I am referring primarily to DSGE models of a small open economy, which are used today by the Central Bank of Russia and many international banks. And no changes are expected in this area.

It is generally accepted that DSGE models adequately describe the economy. However, there is one caveat: in these models, money is not included in the variables. Therefore, we determine how much money is needed to implement the strategies that the cashless model has developed using the supply function.

Money is the engine of development, as well as innovation. This truth has been known since the time of the Mercantilists. We can't blame DSGE models for not taking money into account. Why? Because we don't know how to build models where money is the engine of development, and we still don't fully understand the essence of the money cycle in a closed economy that reproduces fixed capital on its own.

If biologists figured out how the circulatory system works 400 years ago, then we still have a very intuitive idea of how money circulates in the economy. How do I understand the money cycle? It resembles the capital cycle described by Karl Marx. This is a cycle

of metamorphoses: capital passes from one form to another and eventually returns to its original form. That is, money capital turns into productive capital, productive capital into commodity capital, commodity capital back into money capital, and so on in a circle. It's the same with money. Only money is divided into two parts. Money as monetary capital and just money (funds that are in the hands of households and are placed at the disposal of the state through taxes). One type of money is constantly transformed into another in the course of economic transactions related to the production and consumption of products. The rule of converting money capital into consumer money and consumer money into money capital must be observed. But here a nuance arises: if this is a self-reproducing economy, then what is money capital spent on, for example, depreciation money, in that part of the economy

that produces its own fixed capital? It would seem that such an economy does not need depreciation money. Marx wrote that depreciation money flows from one machine-building industry to another as production exchanges spare parts. The problem is that there cannot be such an idle run of money, otherwise there would be two cycles in the economy. One is ordinary, and the second is when money capital is converted back into money capital. This is illogical. How should the economy be presented so that this process is more logical? It is necessary to imagine differently how reproduction processes are carried out. They are performed alternately in a switching mode.

My colleagues S. Yu. Malkov and A. A. Rubinstein and I have built a model that simulates a switching reproduction mode. In this model, we managed to capture the money cycle as it really is. That is, it does not fall apart into two independent cycles, it has fast and slow money.

The authors of DSGE models are aware of their weaknesses and are trying to prove that money is not needed in these models because they are uninformative. In fact, money is very necessary, because by managing money, we can ultimately manage both inflation and economic growth (of course, given the limitations). Modern DSGE models take into account only the relationship between the micro and macro levels, and it turns out that they deny not only the role of money, but also the meso level. Meanwhile, the meso-level exists, and we have proved this with the help of a switching production mode model.

Based on these non-monetary macro models, we are offered to reduce inflation by curbing monetary emission. This is similar to the medieval method of treatment — bloodletting with the help of leeches. But in medicine, the time of leech doctors has passed, but not in economics. Therefore, our task is to accelerate the process of transition to more modern methods and abandon macro models in which money is not the engine of growth.

On the Way to a New Technological Order

Glazyev: At the last congress, I talked about the results of measurements that we carried out in connection with the spread of basic technologies of the new, sixth technological order. The main conclusion was that the sixth technological order had entered a growth phase and the window of opportunity for technologically lagging countries was beginning to close.

I would like to introduce you to the new results of our research on the spread of a new technological order in Russia in comparison with other countries. We have summarized 149 dynamic series that cover different areas of the basic growth directions of the new technological order: These are robots, computing, information technology, and so on.

Let me remind you that the core of the new technological order is a complex of nanobioengineering, information and communication, and additive digital technologies. Almost all of these technologies are represented in Russia.

In Russia, the situation with R&D financing is poor. In terms of knowledge intensity, our economy lags far behind developed countries. Nevertheless, thanks to the intellectual potential of our specialists, we have companies that develop basic technologies of a new technological order, there are scientists and engineers working in these fields.

According to the results of our research, two countries emerged as leaders — the United States and China. These are states that are shaping the trajectory of a new technological order. The United Kingdom ranks third. Our country is in an honorable fourth place: everything is not as bad as one might assume. However, if we remove digital finance and trade from the set of indicators, Russia will drop to ninth place. Digital finance and trade are well developed in Russia, because these are industries that do not require large fixed assets, only programmers and IT specialists are needed.

As for the material base: in terms of indicators such as the level of implementation of industrial robots, we are 10 times behind the world leaders. It is not surprising that we occupy the last place out of the nine leading countries in the world in the field of production.

If you look at the indicator of how saturated the economy is with new technologies per unit of GDP, then Russia ranks among the last places here (8th out of 9). The leaders are the USA, Great Britain, South Korea and France.

How can Russia become a leader, narrow the gap in production and saturate the economy with new technologies? We need strategic planning. Its main elements were created in Russia. There are documents, programs, and mechanisms of public-private

partnership. But banks are not involved in strategic planning. If we create targeted lending channels for promising industries, their expansion will ensure that we increase the efficiency of production and supply of goods, improve product quality, and ultimately reduce inflation. Because the main factor of fighting inflation is not demand reduction, but scientific and technological progress. It is also the main factor of economic growth. Therefore, the obvious direction of economic policy is the transition to targeted lending mechanisms in the manufacturing sector to stimulate investment in economic modernization based on a new technological order.

Let me briefly recall our proposals for the transition to a strategy of advanced economic development. This is the inclusion of the banking sector in the strategic planning system, the use of targeted loans through special refinancing tools of authorized commercial banks and development institutions in order to give borrowers the opportunity to expand production and investment.

Investment growth should be the main indicator of the activities of monetary authorities and the banking sector. It is strange that our government, trying to engage in strategic planning, does not involve banks in this process, in which it has 70% of the capital. Our banks report on the amount of profit they receive mainly through speculation and commissions, rather than the volume of investment loans under national projects or government programs.

The primitivization of our monetary policy is due to the fact that the key rate regulates the price of money in the economy and is a magnet that attracts capital and prevents its outflow abroad.

The models used by the Central Bank to predict the inflation rate lack both production and scientific and technological progress. Therefore, the regulator's worldview is limited to working with speculative capital. In order to prevent capital from fleeing the country, they raise the interest rate. When it is reduced, capital outflow begins.

If we want to implement a model of advanced development, return money to the economy and provide credit for economic development, we need to give affordable loans to industries. Leonid Ivanovich Abalkin, an outstanding scientist and director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, has said many times that credit is a mechanism for advancing economic growth. We have not had a loan for 30 years, it is clear why our economic growth is stalling at zero. But in order for the loan to work, we must ensure a certain closeness of our economic system and impose restrictions on the cross-border movement of capital, which China, India, and other fast-growing economies are successfully doing.

Russia has scientific and technical potential, but it lacks credit and macroeconomic conditions to realize it. For 2024 our economy has good performance in key industries and services of the new technological order, but if we do not turn the monetary system around to increase investment and stimulate economic modernization based on the new technological order, Russia's lag behind the leading countries will increase and we will not be able to enter the core of the new global economic order the way of life.

Staff Shortage: Forecasts and Solutions

Bakhtizin: The theme of the congress — the transformation of the labor market — is very relevant. This is one of the important tasks of socio-economic development.

Long-term trends suggest that the proportion of the working-age population will decrease worldwide and the proportion of the population over 65 will increase. This has already led to a number of unpopular decisions, such as raising the retirement age, reducing social benefits and compensating for the shortage of labor due to increased migration.

The Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) notes in its annual Pensions at a Glance report that by 2060, most countries will have raised the retirement age by 2 years.

This is absolutely not allowed in Russia, because the difference between life expectancy and retirement age (especially among men) is only 4 years. This indicator is lower only in Cameroon, Namibia, Moldova and Nepal. For comparison, in South Korea and Norway it is about 20 years.

When it comes to migration, Russia is a unique country. On the one hand, we are among the top ten donor countries of international migration, and on the other hand, we are among the top ten recipient countries of international migration. But this exchange with the world is unequal. Highly skilled labor leaves Russia, while immigrants from the CIS countries come (almost 88%), and only 8% of them have higher education. Thus, this unequal exchange is washing away the demographic potential that we measured. Calculations by the Central Research Institute of the Russian Academy of Sciences have shown that if this negative migration balance is offset, Russia can receive an annual GDP increase of 1.5–2% points.

Many studies have been published assessing the economic consequences of the migration influx. There is no clear opinion on this issue. For example, according to IMF estimates, increased migration contributes to economic growth: a 1% increase in migrant inflows relative to total employment contributes to a 1% increase in output after 5 years. In the United States, they believe

that migrants are different from migrants. The Manhattan Institute calculated that the average migrant without a college degree and those who move to the United States after 55 years of age cause an average of about \$400,000 in economic damage during their lifetime, while a migrant under the age of 35 with a degree reduces the budget deficit by more than \$1 million on average.

The demographic problem that I have outlined is common to most countries. There are three main solutions. The first is to stimulate the birth rate. The second is the attraction of highly skilled migrants, the introduction of personal responsibility for employers who invite foreign workers, compliance with clear contracts with employers and monitoring of working conditions. The third is to increase labor productivity through the introduction of artificial intelligence technologies and industrial robots. And Russia has a big competitive advantage here, because we don't have these robots yet. This opens up opportunities to increase labor productivity. For example, economist John Bruegel calculated that one additional robot per thousand employees reduces employment by 0.16%. According to a study by the American Economic Association, the introduction of industrial robots reduces employment by 4% over the long term.

The policy of our monetary regulator has led to the fact that the dynamics of vacancies in the main industries has sharply decreased. Therefore, at the moment, the problem of labor shortage is not so acute. But in the case of a shortage of labor, this problem can be solved by increasing labor productivity.

The Russian government has approved an Action Strategy for the implementation of Family and Demographic Policy until 2036, which outlines priorities and targets (life expectancy, total fertility rate and so on). The planned targets are overoptimistic and unlikely to be achievable, because they significantly exceed the demographic forecasts of Rosstat, the United Nations and the World Health Organization. The main thing that this Strategy is criticized for is the lack of mechanisms to achieve these indicators.

Maternity capital, as a measure to increase fertility, was quite effective until the main payment was transferred from the second child to the first in 2020. After that, the fertility rate of the second children went down sharply. The effectiveness of the program has decreased because over the past 5 years, the maternity capital, without adjusting for inflation, has increased 1.8 times, and the cost of housing has increased 2.7 times. The opportunity to purchase their own housing for many young people has been postponed for 10 years. This is happening not only in Russia, but all over the world.

Tight monetary policy leads to the fact that people cannot afford to buy a house and the total fertility rate in the country is decreasing. We deprive ourselves of the opportunity to achieve the set targets.

Russia has a very large demographic potential. Our country ranks 9th in the world in terms of population, but given current trends, we will drop to 20th place by the end of the 21st century. In addition, about 40% of the population will be migrants of the first and subsequent waves.

In conclusion, I would like to give an example of a successful fertility promotion program that was implemented in Brazil. In this country, you can get housing through consortia and state lotteries that raffle certificates for the purchase of an apartment. As a result of this program, the total fertility rate in the country has increased by a third.

Russia has great potential in this area. If you look at the country profile, in 2025 our country ranks 70th among 104 countries in the world in terms of housing affordability. With the help of a sound monetary policy of the Central Bank and affordable housing construction programs, we could realize the potential of fertility and, if not reach the targets, then at least significantly approach them.

Competencies of the Future

Bodrunova: I will talk about competencies in the field of mediatization. My report will illustrate how the noonomy normative approach (if we consider it as a kind of normative lens that we impose on different processes) allows us to find strategic gaps in the organization of strategic planning and regional development strategies.

I will tell you about the preliminary results of the research that my colleagues and I started at the Higher School of Economics, but first I want to make a conceptual digression.

The economic community, which studies economic processes, often forgets about an important aspect, which is one of the new forms of socialization.

Human socialization is one of the pillars of the new economic thinking and economic approach. Modern media science and communication studies suggest that there is an interaction of social subsystems, one of them is the media system. The logic of the media system and the development of information and communication technologies, media consumption significantly affects the development of other social subsystems. The mediatization of everyday life requires a person to develop new competencies, because otherwise he falls out of modern sociality and remains in the conditions of the old communicative way.

In my opinion, we are talking about four types of competencies. The first type is the competence of modern media consumption. We are talking about how a person consumes the information flow. Not only individuals, but also society should pay attention to dealing with such risks as the formation of social polarization based on communication, a post-truth society and the spread of deepfakes.

The second type of competence is mediatized social communication: what we do today when we are on our phones. Such social communication is becoming a huge part of socialization and embraces more and more new generations. An aromorphosis of sociality occurs. We are dealing with a rapid transformation of sociality, which is, on the one hand, revolutionary, and on the other, evolutionary.

The third type of competence is interaction with large language models (LLM), and in the future — with small language models that will be more accurate than LLM, and in general with artificial intelligence.

The fourth type of competence is interaction with interfaces (voice assistants, chatbots, AI assistants).

The level of these competencies may be important for analyzing how well certain strata of society are prepared for the future. We decided to see how much attention Russia is paying today to the development of this set of competencies at the regional level. We assessed the place of these competencies in the development strategies of our regions until 2030–2040, looked at what measures are aimed at developing these competencies, assessing them as a resource or as a risk, threat, and studied regional gaps — how regions interpret the need to develop these competencies. We analyzed in detail the situation in 14 regions and superficially in almost half of the subjects of Russia and found that almost no attention is paid to competencies related to mediatization in the strategies of the subjects of the Russian Federation. This is surprising, considering how actively we are discussing the need to combat fakes in the public sphere.

The general framework for creating conditions for the introduction of digital technologies in the economy and social sphere is proposed in the national project “Digital Economy”. It is obvious from the strategies of the regions that digitalization is interpreted as management through digital technologies, and the development of the mediatization of human capital is understood exclusively in an operational sense.

Another conclusion that we have drawn from our analysis is that the strategies present an infrastructural vision for the development of human competencies in the field of digital, media and communication. In other words, give a person the infrastructure, and they will use it. That’s not so. We see this

from the experience of media consumption. The spread of the Internet and artificial intelligence technologies will not shape people's competencies or make them more free.

Some regions are doing well. They see space as an area of mediatization. Unfortunately, this is not enough, because there are no specific measures to develop the competencies of mediatization. We see only infrastructural development and a broad scope of digitalization. Competencies are not evaluated either as a goal or as a threat.

Thus, in the thinking of our regional strategists, mediatization competencies are disconnected from both the digital economy and human capital. As for regional gaps, we see the logic of Maslow's pyramid. The leading regions are thinking about digital development, while the lagging regions of the Russian Federation are not actually dealing with this issue. And this creates, in our opinion, a growing gap in the field of technology development.

A Cooperative Approach

Kryukov: In order to build a model of socio-economic development, it is important for us, firstly, to take into account the spatial metric (the role of space in Russia is very important, and this cannot be discounted), and secondly, our natural resources.

It is important to understand how our economy works, how reproduction processes function and are implemented, and to critically reflect on the approaches that have been used in the past.

Which projects are important to us? These are projects based on cooperative and integration ties. The situation in Russia is very bad with cooperation, integration, and interaction of economic entities.

The founding fathers of the cooperative approach are soviet scientist Nikolai Kolosovsky and engineer Ivan Bardin. In the 20s of the last century, they proposed the idea of creating social value chains, which we are currently developing at our institute.

The departure from the unitary model of project implementation cannot be reduced only to financial or scientific and technological aspects. The environment in which these projects are implemented is very important. The civil law model of project implementation is very important, focusing not only on financial profitability indicators, but also on integrated socio-economic returns.

What is important? A clear and transparent definition of the role of the State in this process. The new economy cannot fly without the state. It is an impulse, a driver of processes in different sectors or segments of the domestic economy. This is evidenced by world experience.

In the last 30 years, there has been an increase in the role of extractive industries and the primitivization of value chains. It is important for our country today to identify a range of full-cycle projects. At the next stage, as part of the implementation of full-cycle projects, conditions should be created for the formation of cluster interactions. In our country, everything is called clusters: business entities are located nearby, territories of relocating development in the East, although in fact they are not clusters. These are usually conglomerates. A cluster is when a synergistic effect arises due to financial, organizational, technical, and regulatory actions on the part of the actors in the process.

What is the task today? This is the development of fundamentally new solutions. We need to engage in organizational and economic engineering, to understand how to combine the different components of projects that are important for the spatial development of Russia. Scientific and technical monitoring of full-cycle projects is needed.

In Russia, the mineral resource sector accounts for 70% of export revenues. This is about 40–50% of taxes, about 20% of employees and 30% of investments. In other words, we are a resource-based economy. We need to learn to live with it. And science should be present at all stages related to the implementation of full-cycle projects. I am convinced that the formation of a new industrial society is impossible without taking into account the peculiarities of the Russian economy and space.

Bodrunov: Alexander Vladimirovich Buzgalin has been the permanent moderator of the plenary session of the St. Petersburg Economic Congress for many years. He supported my idea to create this congress and did a lot to bring it to life. Alexander Vladimirovich worked annually on the congress program. The scientist prepared a report dedicated to the creative person in the economy of the future, and today we are presenting it to the participants of the congress.

A Creative Person in the Economy of the Future

Buzgalin: The topic “A creative person in the economy of the future” included in the title of the report is directly related to the most pressing practical problems of socio-economic life, in particular, the problem of overcoming the stagnation that the Russian economy has fallen into in recent decades. I would like to emphasize that this is not only about the economic, but also about the social aspects of this problem, and a person becomes the center of the goals and means that we must find.

Marxist political and economic methodology allows us to approach the definition of a creative person based on the nature of his activity, finding out what kind of activity he is, what kind of work he performs, what relationships he enters into and what goals he implements.

However, the correct methodological approach does not solve the less difficult task of giving an accurate definition of creative activity. Alan Freeman gives a relatively simple definition: “Despite the significant differences, creatively engaged workers are indispensable. They cannot be replaced by machines”. However, it can only be used as a starting point. While there is no precise definition, you can go by highlighting a set of features, each of which is individually well known. But when combined into a system, they provide a very important set of coordinates that make it possible to determine the boundaries of where Homo Creator is and where he is not.

So, the first feature of creative activity is work as a need, when the main motive for work is the content of work, and not some external social, legal or other mechanism. Hence the properties of self-motivation. That is, the main motive for working is the activity itself.

The second feature of creative activity follows directly from the first. Creative activity, as a need, has no boundary between free and working time. The creative process can occur spontaneously at any time. If there is no boundary between working and leisure time, then a new boundary appears between primarily creative work, realizing creative goals, and reproductive work. This boundary is fundamentally important, and a creative person is always looking for an activity where he has more creative functions and fewer reproductive ones. Moreover, the creative person himself is defined in this case as a person who strives to work in a place where there is more creativity and fewer reproductive functions.

The third feature. Creative activity and a creative person create a result or product that is different from the usual products of labor. This result can be defined as cultural wealth or cultural value. Its specific properties are indestructibility of consumption and the possibility of endless distribution. A rule can be applied to such wealth: everything that can be given away without losing should not be sold. However, in conditions of the dominance of private intellectual property, its application can only be an exception to the rule.

The last thing that summarizes all these features, creativity is work, which fully becomes a space for the development of personal qualities of the subject. When people talk about the harmonious all-round development of a personality, it is creative activity that generates the need and necessity for such development in a person.

From this we can draw an interesting conclusion: a creative person is a person who performs work that is free in content. That is, this work, which in its content is not directly determined by anything. Nevertheless, the socio-economic social form has a significant impact on creative activity.

On the one hand, in the conditions of the market and capital, only being as Homo Economicus allows a creative person to develop, live and create. On the other hand, Homo Economicus slows down, restricts and destroys all those features of Homo Creator that we mentioned above.

I would like to note that from the point of view of neoclassical economic theory, labor is an encumbrance and a cost, therefore it must be minimized. The less work and the higher the salary, the better for the employee. The entire market economy is based on this.

This is the first contradiction — labor as a need versus labor as a burden.

The second contradiction. Creativity creates a benefit that belongs to everyone. Endless cultural values are being created. This is the definition of Homo Creator. The certainty of the activity of Homo Economicus is different. He creates a product that is sold on the market and is privately owned, in most cases under the conditions of late capitalism, not by the creative person himself, but by the owner of the company employing the creative employee.

The next component of creative work is the absence of a boundary between free and working time. But in the conditions of capitalist hiring, it exists. Working time should be minimized, and free time, more precisely, in conditions of alienated social existence, leisure time, doing nothing, should be maximized.

Finally, alienated labor, as opposed to creative labor, is labor in which a person does not develop, but is consumed. This is work that does not create opportunities for personal progress. This is the contradiction between Homo Economicus and Homo Creator. What is rational for capital, for creativity, for the creative person, society and culture is irrational.

Today, a creative person acts in most cases as an employee. Sometimes this is complemented by elements of personal dependence, a kind of serfdom of the 21st century.

But you can choose a different field, which is the first step into the future. You can work in the public sector, be involved in trade union activities, the environmental movement, or create free public goods through wikinomics, and the like. In this case, the creative worker receives money from the public budget. He creates values that belong to every member of society. However, it is actually controlled and subordinated to the same corporate capital and total market.

Thus, the alienated form of human socio-economic existence, determined by the market and capital, is currently being combined in the creatosphere with creative activity, which is free in its content. Accordingly, the stratum of creative workers employed in the public sector, designated by the term socialist, on the one hand is subordinate to the state bureaucracy, on the other hand, it works for society, participating in the production of public goods.

What does this mean in terms of identifying objective trends for moving into the future? In order to move towards the formation of an adequate social form for creativity based on the content of work, it is necessary to eliminate the subordination of labor to the total market and global capital. The necessary conditions for this are a gradual withdrawal from hiring an employee in general and a creative one in particular, from private intellectual property and from the existence of a useless sector.

But these are not all the conditions necessary to advance along the path of labor liberation. In order to make labor free in terms of content, it is necessary to displace reproductive activity, transferring to automated systems what they can do without humans. To make work free in a socio-economic form, it is necessary to transform the system of socio-economic relations.

Let's leave aside the tasks of qualitative change in the existing social system and point out possible steps in the area of reforms that make it possible to build transitional relations within the framework of the market-capitalist system that promote the liberation of labor.

It is well known that the first step towards free labor is the real accessibility of basic goods (healthcare, education, housing and so on). The second important step towards free labor is guaranteed employment. The next component of moving towards free labor is the participation of employees in management, ideally in self-government. And the most important step is to expand the sphere in which intellectual private property is complemented, and ideally replaced, by everyone's ownership of everything. Along this path, the accessibility and free availability of culture can expand, but all this is limited only by the formation of transitions of relations within the framework of the remaining late capitalism.

The strategic objective is the transition to a qualitatively new social structure, called the "kingdom of freedom" by Marx and Engels. Is such a transition possible and what will be the role of economic relations in the realm of freedom? My own research, together with Andrey Kolganov, led to the conclusion that in the future, a society that replaces the prehistory of mankind, people will get rid of the pressure of economic necessity.

Other Marxists, both Western and Soviet, have come to similar conclusions. For example, Viktor Vazyulin, who studied the concept of a post-industrial society. Vladislav Inozemtsev bluntly called the future society a post-economic one. In recent years, Sergey Bodrunov has been developing a qualitatively different theory of the future as a post-economic existence from the post-industrial ones and significantly different from the Marxist one.

But despite all the differences in all these studies, the further one goes, the more the importance of the progress of creative activity as an attribute of the future is noted, and this is not only a theoretically significant conclusion.

Russia and China: Economics in the Age of Knowledge

Wen: We are living in a time of global transformation. Due to the development of artificial intelligence technologies, significant changes are taking place in the field of knowledge. The future has already arrived, and we are a part of it.

Artificial intelligence accelerates the search for information, promotes its generation and transformation. Man has created AI technologies, and artificial intelligence, in turn, contributes to the production of knowledge.

I will highlight three key characteristics of the age of knowledge. First, it is the expansion of the space for the production of knowledge. Secondly, it is the speed of knowledge dissemination. Thirdly, there is a variety of sources and ways of applying knowledge.

In this regard, I will share my observations. First, knowledge production is becoming decentralized. Today, not only Western countries play an important role in this process. Secondly, knowledge spreads much faster than before. AI reduces the time and cost required to spread knowledge. Third, the volume of information in the world and the speed of its production is increasing.

The paradigm of competition in the field of knowledge is changing from the traditional linear model, which consisted of education and patents, to a race related to the development of computing systems, infrastructure, algorithmic innovations and ecosystems in the field of data. The power of knowledge will grow in the future, because it is human abilities multiplied by technological progress.

Today, technology is disrupting traditional approaches. Competition in the field of knowledge between countries will grow. Those who have advanced technologies (including AI) and human resources will win this fight.

Since we live in the age of AI, we must accelerate the digital transformation of all areas of the economy, business, manufacturing, public administration, and education. We should introduce new technologies and AI into the educational process. China is already carrying out such a reform.

The global artificial intelligence market is a market dominated by the knowledge production process. I calculated its size: 80% is accounted for by 10 leading countries. The United States ranks first, and China ranks second (Russia is also in the top ten). China competes with the United States in the field of high technology and AI. In the future, this competition will increase. At the same time, China does not seek to possess all the technologies in the world. We don't want to compete with other countries in this area. We want to be able to share our technologies with other countries, thus contributing to the development of competition in the field of technology production, and hence to the further production of knowledge.

Bodrunov: We will soon be living in another world where artificial intelligence creates entities that no longer exist, or don't exist yet, or never will. Our congress is the first conference in the world where entities that do not exist are present. For example, my report was created by colleagues from television and artificial intelligence. My image and video sequence were generated using AI, as was the report by Alexander Vladimirovich Buzgalin, which the scientist published in the journal Economic Revival of Russia. I am sure that Alexander Vladimirovich would like to make this report at our congress. I hope that today we have managed to lift the veil of the future a little.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Правительство России разрабатывает Стратегию развития образования до 2036 года и на перспективу до 2040 года. Принимая во внимание поставленную президентом России перед общественными институтами, научным и экспертным сообществом страны задачу конструктивного участия в разработке вопросов реформирования экономического образования с учетом новых требований к будущим экономистам, эксперты ВЭО России включились в дискуссию о содержании реформы экономического образования и представили на научном форуме «Абалкинские чтения» свои предложения и рекомендации.

Организатор форума: Вольное экономическое общество России при участии Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию

Тема форума: «Модель экономического образования: текущие реалии и стратегия развития»

Борис Порфирьев,
руководитель и модератор Научного форума «Абалкинские чтения»,
руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН,
научный руководитель Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Станислав Прокофьев,
ректор Финансового университета
при Правительстве РФ,
член Правления ВЭО России

Екатерина Харченко,
заместитель председателя Комитета Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
по науке и высшему образованию,
член Правления ВЭО России

Сергей Глазьев,
академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Владимир Строев,
ректор Государственного университета управления

Виталий Минашкин,
проректор РЭУ им. Г. В. Плеханова

Павел Моисеев,
ректор Тамбовского государственного
университета имени Г. Р. Державина,
член Правления ВЭО России

Владимир Щербаков,
председатель Совета директоров
группы компаний «Автотор»,
член Президиума ВЭО России

Абел Аганбегян,
академик РАН

Георгий Клейнер,
заместитель научного руководителя, руководитель научного
направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная
экономика» Центрального экономико-математического института
РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России

Единые стандарты образования

Прокофьев: На совещании Министерства образования и науки Российской Федерации замминистра Андрей Омельчук поделился тревожной новостью: экономическое образование перегрето. То есть, по мнению министерства, наблюдается всплеск интереса абитуриентов и студентов к этой области науки. Кроме того, в экономическом образовании заинтересованы и университеты: расширяется прием. Однако в таком количестве специалистов наша страна не нуждается.

Трудно оценить, сколько экономистов и юристов нужно России. Одно совершенно ясно: экономике необходимы высококвалифицированные и подготовленные кадры. И в этом есть доля истины. Зачастую не все экономисты, которых выпускают университеты, соответствуют требованиям.

Я вместе с коллегами из Финансового университета при Правительстве Российской Федерации решил проанализировать ситуацию с точки зрения вузов.

Нас сильно тревожит Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) по экономике. Сегодня мы видим, что эти требования — формальная рамка, которая не учитывает содержания профильного образования и допускает серьезные отклонения от принятых педагогами норм. В результате вузы двигаются в разные стороны: одни могут сами утверждать свои стандарты, другие — нет. Выпускники получают одинаковые дипломы о профессиональной квалификации, но отличаются по компетенциям и набору изученных дисциплин.

В связи с этим я считаю, что ФГОС должен быть единым для всех образовательных учреждений. Для этого необходимо объединить усилия и академического, и вузовского сообщества, и Вольного экономического общества, чтобы сконцентрироваться на разработке ФГОС четвертого поколения. В первую очередь нужно определить ядро экономического образования: одно должно быть понятно и системно. И здесь не обойтись без участия ученых Российской академии наук. Поэтому главная задача в ближайшее время — объединить усилия и разработать новый ФГОС.

Отсюда следуют и другие моменты, о которых нельзя забывать. Недавно нам на рецензию направили учебник, подготовленный в рамках проекта «ДНК России». Это книга по экономике для неэкономических специальностей российских вузов. Честно сказать, учебник произвел на меня неоднозначное впечатление. В нем отсутствуют многие базовые понятия. Например, нет определения, что такое ВВП. Кроме того, я заметил большую академическую небрежность в интерпретации теории циклов Кондратьева: она дважды упоминается в тексте и трактуется по-разному. В книге есть и новое понятие — «Экономический патриотизм». Но что заложено в это понятие? А этот учебник мог стать основой для обучения экономике во всех вузах России.

Я ставлю во главу угла Федеральный государственный стандарт потому, что сначала нам нужно определиться с ядром. И уже это мы сможем отразить в учебных материалах.

Однако вернусь к вышеупомянутой книге из серии «ДНК России». Можно было бы ожидать, что в учебнике будут представлены исследования отечественных ученых, но в нем описаны исключительно западные теории. Из российских авторов упоминаются только труды Абеда Гезевича Аганбегяна. На этом все. Эта книга — хороший пример отсутствия ядра в нашем образовании.

Очень часто ведется дискуссия о том, что узкопрофильные специалисты — пережитки прошлого. Я склонен согласиться с этим утверждением. Нам необходимо двигаться в сторону многопрофильности образования, и мы уже второй год идем по этому пути. Совместно с нашими партнерами, членами попечительного совета и выпускниками мы определили парные специальности. В прошлом году мы объявили о приеме на шесть таких комбинированных специальностей (например, экономист-юрист) с добавлением цифровой или языковой специализации. Это особенно актуально в условиях разворота экономики на Восток и ориентации на новых стратегических партнеров РФ.

Такие образовательные продукты востребованы. Они привлекают абитуриентов и находят отклик у работодателей. Наш первый курс по парным профилям успешно завершается, и почти все выпускники уже трудоустроены на третьем курсе. Однако существующие нормы не позволяют выдавать дипломы по парным специальностям. Я консультировался с Минобрнауки, где мне сказали, что только в 2026 году они готовы поднять данную тему для обсуждения. По моему мнению, этот процесс необходимо ускорять. Мы готовы приложить усилия в этом направлении и обращаемся к профессиональному и академическому сообществу с просьбой поддержать наши усилия.

Еще одна тема, которую я хотел бы обсудить, — странная дихотомия. Стране необходим приоритет в развитии технологий, а для этого нужны талантливые специалисты. Почему-то часто говорят о том, что экономические вузы отвлекают потенциальные кадры от выбора инженерной специальности. Однако проблема, как мне кажется, заключается не в этом. У абитуриентов отсутствует должная мотивация выбирать соответствующие предметы ЕГЭ и идти учиться на инженерные специальности. Тем не менее такая проблема существует, и мы, сотрудничая с РЭУ им. Г. В. Плеханова, серьезно задумались, какой ответ должны дать экономические вузы. Мы пришли к выводу, что существует специальность «инженер-экономист». Направление представлено главным образом в инженерных и технических вузах. Мы же хотим реализовать обратную тенденцию — «экономист-инженер». В рамках этой концепции наш университет и РЭУ им. Г. В. Плеханова пошли разными путями.

Финансовый университет наращивает собственную компетенцию в инженерных науках. Это долго, дорого, сложно, и мы всегда будем в роли догоняющих. Поэтому мы решили идти по пути сетевых программ с вузами, которые занимают лидирующие позиции в части инженерной компетенции. Наш первый проект, созданный вместе МГТУ им. Н. Э. Баумана, — специальность «экономист-инженер». При этом технические компетенции дает «Бауманка», а мы добавляем свою экономическую инструкцию. Аналогичную схему мы используем с Государственным университетом по землеустройству.

Однако существует проблема: как финансировать такие сетевые программы? Для абитуриентов это слишком дорого. Кроме того, в этом году в Минобрнауки нам сказали, что образовательные кредиты будут недоступны для экономистов и юристов. Такое решение воспринимается неоднозначно.

Сегодня мы наблюдаем еще один важный тренд — отраслевая специализация. Мы пришли к пониманию, что уже не может быть менеджера или экономиста общего профиля. В советское время всегда была отраслевая специализация, и я считаю, что к ней необходимо возвращаться. Мы уже начали это делать через механизмы создания базовых кафедр, где пытаемся определить профили для будущих специалистов. Все началось с магистерских программ, но в дальнейшем планируем переход на суверенную российскую модель образования. В результате под изменения попадет больше концепций, включая базовое высшее образование. Наши партнеры в этом процессе — банки, корпорации и органы власти. Мы активно работаем над созданием отраслевых

планов, в том числе с участием вузов, включая региональные. Например, мы планируем запустить образовательную программу по магистратуре «Экономика и финансы строительной сферы» при поддержке Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

Хочу обратить ваше внимание на важность поддержки и развития как корпораций и банков, так и органов власти. Еще одним важным трендом, который требует нашего внимания, является стимулирование и развитие студенческих дополнительных профессиональных образовательных программ и стажировок. Платные стажировки представляют собой отличную возможность для студентов реализовать свои проекты. Участвуя в этом, учащиеся приобретают не только навыки проектной работы, но и развивают «мягкие навыки», что в конечном итоге значительно повышает их шансы на успешное трудоустройство.

Экономика неравновесия

Глазьев: Мы неоднократно обсуждали эту тему, но рекомендации пока не получили реализацию. В связи с этим я бы хотел внести два предложения.

Первое — организационное. Происходящее сегодня с подготовкой новых учебников и стандартов не выдерживает никакой критики. Я рад, что на моем родном экономическом факультете создали учебно-методическое объединение (УМО), но то, что там происходит, — похоже на некую секту: они закрыты, никаких дискуссий нет. Наверное, представители ВЭО и Академии наук должны выйти на министерство и предложить пересмотреть всю организацию работ, а также подготовку новых стандартов и учебников.

Была хорошая идея — объединить менеджмент и экономику в одном УМО. Когда оно было в Госуниверситете управления, работа кипела, а теперь менеджмент отдали в экономику. Казалось бы, это хороший шаг. В свое время мы импортировали с Запада методики после распада Союза. Меня всегда поражал в США барьер между экономистами и менеджерами: первых готовили в университетах, вторых — в бизнес-школах. Это были совершенно разные предметы, и они друг друга вообще не понимали.

Мы унаследовали этот барьер. Учебники, которые мы перевели с английского на русский, не отражают реальности. В них прекрасно описаны формулы, модели, однако в бизнес-школах акцент делается на умении адаптироваться к ситуациям, на практических навыках управления организациями, технологиями.

Переходя ко второму тезису, отмечу, что «Экономикс», по которому учат сегодня в университетах, с реальностью связан концепцией экономического равновесия. А это частный случай, подходящий для относительно небольшого количества зрелых рынков. В итоге менеджеры от всего этого отказываются, а престиж экономического образования падает. Специалисты приходят на предприятие и сталкиваются с другой реальностью: неравновесной экономической ситуацией. Современная экономика никогда не бывает в состоянии равновесия — она в принципе к нему не стремится. Если куда-то и движется, то к сиюминутному аттрактору, который через секунду уже меняет свое положение. В учебниках, в том числе и в новых, отсутствует главная составляющая современного развития — научно-технический прогресс.

Вот пример. Сейчас идет дискуссия по поводу ключевой ставки. Люди в Центральном банке вроде все дипломированные специалисты, но, по сути, в своей работе они сменили одни догмы на другие. И вот они утверждают: повышение ключевой ставки — это нормально, потому что бизнес переходит от менее к более эффективным инструментам. В учебнике написано, что повышение процентной ставки — это увеличение требований к эффективности бизнеса. На практике повышение ключевой ставки ведет к залоговому рейдерству, к тому, что хорошие предприятия, самые эффективные в стране, не могут дальше выживать и развиваться, потому что они закредитованы и вынуждены либо сворачивать производство, либо оказываться в банкротстве.

Происходящее называется «залоговое рейдерство» — чудовищная болезнь нашей экономики. Через него сегодня проходит более 5 трлн активов. То есть высокая процентная ставка имеет следствие: бизнес не создает что-то новое, а отбирает, перераспределяет. Это нельзя назвать повышением эффективности экономики.

Не буду говорить про причины инфляции. Специалисты упрощают это сложное явление, сводя его к базовым аргументам и объясняя его как результат снижения конечного спроса. Современная теория денег экономистам-выпускникам неизвестна. Они не понимают, что деньги — это инструмент. Нам навязали концепцию, согласно которой деньги — это золотые монеты.

С тех пор мало что изменилось: монетаристы трактуют, что деньги — это товар особого рода, поэтому, если мы хотим снизить цены, надо поднять стоимость денег. В результате деньги станут дороже, как золотые монеты, и, соответственно, цены снизятся. Вот такая примитивная логика. На самом деле речь должна идти о фиатных деньгах, чье предназначение — связать ресурсы, добиться большей эффективности экономики.

В системе образования именно это надо учитывать, чтобы студенты не только понимали, как правильно управлять деньгами, но и осознавали, что инфляция может расти не только когда экономика перегрета, но и когда она недогружена. И если снизить количество денег в недогруженной экономике, то инфляция точно так же растёт, как если она перегрета.

Я согласен с тем, что должно быть много учебников, потому что если попытаться собрать все в один, то получится упрощенно и банально. В заключение скажу: нам нужно объединить усилия и провести диалог с руководством Минобрнауки, создать рабочую группу, которая бы постоянно с ним взаимодействовала. И последнее: нужно уходить от привязки всего преподавания к тем или иным видам экономического равновесия, четко объяснить студентам, что равновесие — это хорошо, но оно бывает только в теории и в редких случаях на практике.

Ядро экономического образования

Харченко: Мы должны объединить усилия. Именно для этого на форуме собрались сотрудники ведущих экономических вузов, эксперты, руководители. Всем нам небезразлично, чему мы будем учить будущее поколение. Президент ранее говорил, что нашу систему образования необходимо адаптировать к современным условиям, сохранив при этом традиции отечественного образования. Вот его цитата: «Нам нельзя растерять весь тот багаж, который был наработан нашей фундаментальной, прикладной наукой, высшими учебными заведениями за весь советский период и за прошедшие 30 лет».

Хочу отметить, что за все постсоветское время мы впервые наблюдаем такой дефицит кадров на рынке труда и дисбаланс между структурой национальной экономики и системой образования.

В настоящее время мы изучаем процесс формирования контрольных цифр приема (КЦП) и их распределения. Согласно данным, 70% КЦП направляется в региональные вузы. Однако прогнозов кадровой потребности на национальном уровне еще нет. Мы очень ждем появления данных со стороны правительства. Это позволит сделать работу в этой области более системной. Некоторые вузы, включая финансовые учебные заведения, Высшую школу экономики, московские университеты и ряд региональных учебных заведений, уже проводят собственные прогнозные исследования по структуре рынка труда и потребностям отраслей.

Очевидно, что большая реформа высшего образования напрямую скажется и на качестве, и на содержании образовательных программ. Поэтому мы все с нетерпением ждем результатов пилотного эксперимента, в котором участвуют шесть ведущих вузов. В то же время ряд университетов, не дожидаясь итогов, разрабатывают новые уникальные модели обучения. Наша задача — сесть за стол переговоров и прийти к пониманию единого образовательного ядра.

Сегодня на уровне страны принято решение о разработке стратегии образования до 2040 года. Я призываю всех активнее включаться в эту работу. Создано большое количество рабочих групп по отдельным предметным областям, где можно внести свои конструктивные предложения.

Что касается востребованности экономического образования, в 2024 году было подано более полумиллиона заявлений на это направление. При этом бюджетных мест выделено чуть более 14,5 тысячи. Это означает, что экономическая специальность продолжает пользоваться спросом у абитуриентов. Однако в то же время мы фиксируем кадровый голод.

В рамках новой модели образования нужно четко определить место бакалавриата. Вузы еще минимум 5 лет будут выпускать специалистов этой квалификации, и за прошедшие 30 лет было подготовлено значительное количество профессионалов. Важно правильно определить их место в системе квалификаций и дать верный сигнал рынку труда.

Размещение бакалавров с выпускниками среднего профессионального образования (СПО) на одном уровне создало неверное представление у работодателей о степени подготовки специалистов вузов. То есть бухгалтеры, финансисты, страховщики, поступившие в университет, могут получить образование СПО всего за пару лет. Рынок труда воспринимает этих специалистов как равных. Это задача для Министерства труда и соцзащиты и Национальной системы квалификаций.

В свою очередь, мы не должны допускать дискриминации как традиционного, так и нового российского специалитета. В последнее время наблюдается проблема с профстандартом специалистов по управлению персоналом, где уровень квалификации не соответствует магистерскому уровню, что приводит к несоответствию квалификации сотен тысяч кадровиков страны.

Хочу напомнить, что специалитет и магистратура относятся к одному уровню квалификации. В новой модели высшего образования предполагается, что специалитет и магистратура станут прямым путем к аспирантуре. Важно, чтобы обучение на последнем, девятом уровне квалификации заканчивалось защитой кандидатской диссертации по выбранной предметной области.

Одной из ключевых задач при создании обновленной модели образования является синхронизация с национальной системой квалификаций. Это потребует пересмотра содержания профессиональных стандартов, требований, а также возможного появления новых профессий и исчезновения устаревших. Благодаря этому реформа даст положительные результаты. Однако для достижения этой цели необходимо увеличить количество участников в переговорах, так как межведомственная работа всегда требует сложной координации. Площадка Вольного экономического общества является той самой независимой платформой, которая способна объединить субъектов, принимающих решения в рамках реализации госполитики.

В отечественном образовании особенно ценится фундаментальный подход, который включает в себя теоретическую подготовку, прикладные навыки, личностное развитие и сочетание профессиональных и мягких компетенций. Коллеги из вузовского сообщества подтвердят, что сегодня мы уделяем много внимания молодежной политике и воспитанию. Иногда возникают затруднения с интеграцией специальных дисциплин в учебный план из-за обилия предметов, связанных с развитием патриотизма и духовно-нравственных характеристик личности.

Мы не просто передаем студентам базовые знания и навыки, мы развиваем навык самостоятельной учебы, системное мышление и способность адаптироваться к быстро меняющемуся миру. Поэтому важно создать единое образовательное ядро. В этом контексте Федеральное учебно-методическое объединение (ФУМО) играет ключевую роль как методологическая площадка Министерства образования и науки в работе с реестром программ, разработке типовых учебных планов и так далее.

В настоящее время термин «бесшовность» стал широко использоваться среди специалистов отрасли. Разработка индивидуальной образовательной траектории начинается еще на школьном уровне и продолжается после получения высшего образования. Мы все замечаем уровень подготовки абитуриентов, поступающих к нам. К сожалению, чтобы повысить качество знаний, сотрудники вузов вынуждены идти в общеобразовательные учреждения.

Как отметил министр науки и высшего образования Валерий Фальков, в тех условиях, в которых существует рынок труда, университеты должны активно идти на рынок дополнительного профессионального образования (ДПО). А наша отрасль должна быть впереди планеты всей. Мы видим, что банки, крупные компании создают свои академические корпоративные структуры. Например, Т-Банк создал университет, в котором есть бюджетные места.

В сфере ДПО нужно направлять все усилия на борьбу с профанацией повышения квалификации, профессиональной переподготовки. В новом формате должны быть недопустимы ситуации, когда двухдневные курсы заменяют собой дипломы бакалавриата, специалитета или даже магистратуры.

Кроме того, вопрос сближения содержания профессиональных и образовательных стандартов является дискуссионным. Мы придерживаемся мнения, что необходимо учитывать опыт, накопленный вузами и научным сообществом, при разработке новых образовательных программ и их внедрении. В настоящее время наблюдается некоторый рассинхрон между образовательными и профессиональными стандартами, и максимальное совпадение составляет около 40–50%.

Хочу кратко рассказать о законопроекте, принятом осенью 2024 года в первом чтении. Он закрепляет важную роль Федеральных учебно-методических объединений. Проект предусматривает обязательное присутствие представителей работодателей, органов федеральной исполнительной и законодательной власти, а также обязывает региональные органы власти создавать подобные объединения для среднего профессионального образования.

Кроме того, законопроект направлен на совершенствование системы научно-методического обеспечения подготовки кадров с целью укрепления единства образовательного пространства. Часто бывает так, что студенты переводятся из одного вуза в другой. В таких случаях они сталкиваются с разнообразием образовательных программ, что затрудняет обеспечение единства образовательной сферы. Наш законопроект направлен на внесение изменений в статью 19 Федерального закона.

Безусловно, трансформация экономического образования требует новых механизмов. В этом процессе огромную роль играет научное сообщество. Сейчас куратором изменений является Министерство просвещения, поэтому эксперты не могут подключиться к созданию стратегии.

По итогу должен появиться механизм взаимодействия всех участников образовательного процесса: школ, колледжей, вузов и так далее. Наши университеты уже сейчас переходят от модели распределения человеческих ресурсов к модели создания ценностей. По словам председателя Комитета по науке и высшему образованию Сергея Кабышева, высшее образование формирует ответственных личностей, способных творить будущее и определять судьбу страны. Поэтому профессиональное образование на всех уровнях должно быть пронизано воспитанием на основе российских духовно-нравственных ценностей.

Нам необходимо искать ненавязчивые формы диалога со студентами, вовлекая в процесс представителей региональных органов власти. От преподавателя в аудитории зависит не только профессиональная подготовка студентов, но и их личностное развитие. Наша задача — построить образовательный процесс таким образом, чтобы выпускники стремились применять свои знания на практике, чувствовали свою важность для общества, находили удовлетворение в выбранной профессии, были уверены в своем будущем, готовы к постоянному росту, способны принимать решения в сложных ситуациях, брать на себя ответственность, эффективно работать в команде и выполнять свои обязательства.

Перспективы экономического образования

Строев: Вчера прошло большое заседание, на котором выступили министры и руководители разных структур. Хочу рассказать вам о планах.

Во-первых, речь шла о контрольных цифрах приема и о бюджете. Он будет неминуемо сокращаться, что и происходит в последние годы. Все мы осознаем необходимость этих действий и готовы принять вызов. Тем не менее наша основная задача — развитие и улучшение проектов.

Во-вторых, что касается ФУМО: заявлялось, что в следующем году будет очередная реформа. Предполагается, что организация начнет работать более активно, учитывая наличие многочисленных нареканий. Ранее в ФУМО было три секции по направлениям: менеджмент, госмуниципальное управление и управление персоналом. В нашем университете находится самая старинная кафедра управления персоналом, которая всегда привлекала внимание абитуриентов. В скором времени это направление перестанет существовать.

Еще один интересный момент — положительная динамика поступающих прогнозируется до 2030 года. У нас есть несколько лет, чтобы выстроить стандарты и коллаборации, так как никакой вуз не сможет работать в одиночку. Это можно воплотить в жизнь через сетевые программы. В Москве нам сложно эффективно взаимодействовать с коллегами, но с региональными вузами все идет довольно успешно.

Я бы также хотел рассказать о нашей работе, которая начиналась как эксперимент. Сегодня 100% обучающихся занимаются проектной работой. Это позволило нам гораздо активнее привлекать перспективных работодателей, которых мы вовлекаем в образовательный процесс с первого курса.

Один день в неделю посвящен проектной работе. В итоге к выпуску ребята, как правило, так или иначе трудоустроены, они получают необходимые навыки работы с конкретными производствами, фирмами в зависимости от направления. Поэтому мне кажется, что проектное обучение — это хорошая перспектива. Если этот опыт будет распространен и введен в образовательные стандарты, то всем будет намного проще поднимать качество обучения.

Экономическое образование: вызовы и решения

Минашкин: Мы осознаем, какие вызовы стоят перед экономическим образованием в настоящее время. Первый — технологическое развитие, второй — информационные технологии, в частности искусственный интеллект (ИИ). Сложно представить, каковы будут последствия использования нейросетей и как это отразится на образовательном процессе в целом.

Какие шаги мы предпринимаем в этом направлении? В РЭУ им. Г. В. Плеханова мы с 2022 года реализуем одну программу, которая называется «Технологические машины и оборудование». Конечно, мы понимаем, что наращивать компетенции в этом направлении сложно, поэтому движемся по пути сетевого взаимодействия. Наши сотрудники вместе с представителями Университета науки и технологий МИСИС разрабатывают программу для экономистов-инженеров, а совместно с Университетом транспорта — программу по направлению «Биоэкономика».

Кроме того, 2 года назад мы перестроили наш университет. Теперь он состоит из отдельных высших школ: финансов, права, кибертехнологии и так далее. Основное требование ректора заключалось в том, чтобы каждая школа сформировала список индустриальных партнеров, которые оказывают серьезную помощь. Речь идет о практических, методологических рекомендациях и финансировании. В этом году мы сдали большой корпус информационных технологий, где предоставляем места нашим индустриальным партнерам. Среди них «Ростелеком», «ЕвроХим», «Сбер».

Что касается второго вызова, здесь мы пошли нестандартным путем. Три года назад появился факультет талантливой молодежи «Форсайт». Изначально он формировался на условиях дополнительных и факультативных программ. Но сейчас это полноценный факультет, куда попадают талантливые студенты. В рамках ФГОС мы стараемся объединить две вещи: академические знания и практические работы. Благодаря такому подходу студенты все чаще выбирают это направление.

Хочу отметить, что РЭУ им. Г. В. Плеханова был создан в 1907 году предпринимателями для обучения предпринимателей. Мы стараемся развить соответствующие компетенции, но это не так просто. У нас существует отдельный бизнес-факультет «Капитаны». Помимо основной программы студенты получают дополнительные знания по формированию предпринимательских навыков. Это могут быть стартапы, формирование команды и многое другое.

Принципы экономического образования

Моисеев: Сегодняшний обмен мнениями — часть более общей дискуссии о внутренних и внешних вызовах, которые стоят перед страной, об образе будущего России в изменившихся макроэкономических условиях. Хотел бы поделиться некоторыми соображениями, какие принципы необходимо заложить в трансформацию модели экономического образования в РФ, как их можно представлять в классическом вузе с экономическим факультетом.

Первый — интеграция теории и практики. Россия сейчас находится в качественно новой международной ситуации. В стране началась глубокая перестройка экономики, и вместе с тем экономическая теория и образование остаются в своей основе такими же, какими и были в 1990-е годы. Они основаны на западных подходах в духе неоклассической теории, разрыв между образованием и практикой здесь налицо.

Следует также посмотреть на ряд тем, которые считались раньше периферийными. Например, политика санкций и их преодоление, трансфер военных технологий в гражданское производство и так далее. Здесь необходимо переосмыслить место в учебном плане курсов, раскрывающих специфику функционирования российской экономики. В этом контексте по-иному начинает звучать понятие «экономическая безопасность» и угрозы, связанные с ней. На мой взгляд, здесь есть некоторое раздвоение теории на активную и реактивную, что обязательно учитывать при построении различных финансовых моделей и стратегий.

Второй — говоря об интеграции теории и практики, нужно по-новому посмотреть на поддержку научных исследований. Направлением в поддержке вузовской науки и образования могли бы стать исследования региональных экономик и пространственного развития домашних территорий. Здесь важно, с учетом последних законодательных изменений, говорить о том, кто будет являться квалифицированным заказчиком в научных фондах, проектах и так далее. С другой стороны, правительство разрабатывает «Стратегию про-

странственного развития территорий», которая должна строиться на научных подходах. Пространственное развитие для нас — один из ключей к тому, как развивать регион с учетом «печальных» демографических процессов.

Третий — проектное обучение. Оно позволяет студентам применять теоретические знания на практике, поскольку специалистам, чтобы соответствовать запросам современного рынка, нужно проявлять не только гибкость, но и способность адаптироваться к новым условиям. Именно для развития таких качеств и нужна эта дисциплина, для нее важны практики и стажировки. Думаю, что все университеты уже так или иначе внедрили проектное обучение. Нам необходимо и дальше идти по этому пути.

Нужно подумать про подходы к предпринимательскому образованию. Его необходимо понимать не как сферу общественной занятости, а как некую альтернативу трудоустройству. Университетам следует выполнять немного другую роль. Они должны стать партнерами, популяризаторами, наставниками. К этому выводу можно прийти, изучив ситуацию как в западных странах, так и в быстроразвивающихся азиатских государствах. Например, в Китае, где высокий запрос на предпринимательское образование.

Четвертый — цифровые технологии. Всем понятно, что современный экономист должен уметь использовать эконометрические модели и количественные подходы к анализу социально-экономических явлений. Специалисты, не владеющие этим, — не конкурентоспособны. Кроме того, знания о технологиях блокчейна, криптовалютах, машинном обучении, нейросетевых моделях становятся важными для понимания новых финансовых инструментов.

Пятый — гибкость и адаптивность программ. Учебные материалы должны регулярно обновляться с учетом современных изменений и требований, ведь знания со временем устаревают. Мы должны также учитывать огромный кадровый дефицит, который в регионах ощущается еще сильнее. Он усугубляется крупными федеральными университетами, оттягивающими на себя лучших абитуриентов.

Здесь бы хотел акцентировать внимание на междисциплинарности. Она позволяет обновлять предметы исследований и противостоять новым вызовам.

Подводя итог, можно определить главные задачи при подготовке экономистов. Во-первых, они должны уметь адаптировать теории к решению конкретных практических задач, избегая зависимости от конкретных схем и идеологий. Во-вторых, специалистам нужно быть готовыми к формированию новой повестки общественного развития. Для

этого необходимы как дисциплины, развивающие необходимые навыки, так и специальный блок социально-гуманитарных предметов, который поможет в создании новых смыслов и понимании крупных вызовов. В-третьих, экономисты должны обладать актуальными знаниями об экономике России. В-четвертых, экономика и политика всегда были тесно связаны. В этом смысле геополитический поворот России на Восток — это один из магистральных путей развития нашей страны и ее экономики в XXI веке. То есть мы должны изучать опыт западных стран, готовить специалистов для работы на китайском, азиатском, африканском и других рынках.

И последнее: качество подготовки абитуриентов падает. Уровень преподавания математики и технических дисциплин в школах существенно снижается, уменьшается и количество выпускников, выбирающих точные науки на экзамен. Говоря про высшее образование, нельзя не сказать и про школьное образование.

От дискуссий к конкретике

Щербаков: Мы потерпели поражение по многим направлениям из-за кризиса в системе образования. Недавно я с удивлением узнал, что выход единого учебника истории России перенесен с 2025 года на 2027–2028 годы. Это всего лишь учебник, но уже здесь видно, как система образования утратила связь с реальностью. Научное сообщество постоянно обсуждает, что нужно делать, но не принимает никаких конкретных мер. В этом и кроется основная проблема: нет результатов. За последние 10–15 лет ко мне приходили и экономисты, и инженеры. Но они никогда не работали на предприятиях.

Сегодня мы обсуждаем важность привлечения индустриальных финансовых партнеров. Но давайте разберемся, зачем они нужны, если у меня нет возможности приобрести нужный товар? Университеты предлагают «кота в мешке»: я не знаю, какими навыками обладает студент и что он может предложить моему заводу. Кроме того, идея проводить с учащимися совместные мероприятия раз в неделю не решает проблему, поскольку у меня нет специалистов, которые могли бы этим заниматься, да и партнеры часто меняются. Отмечу, что, если завод или индустриальный партнер оплачивает обучение, за этим могут стоять не только образовательные цели, но и иные интересы, возможно, продиктованные родственными связями или собственной выгодой.

Позвольте мне объяснить наше положение как производителей. Допустим, к нам обращается клиент, и мы привлекаем для консультации технолога. Что представляет собой технолог? Он должен иметь представление о происхождении материала, степени трудоемкости, применяемых технологиях и так далее. И в конце специалист должен сказать, как это сделать выгоднее. Но если в начале обучения на производственной линии его учат рабочие, то как это сделать дешевле? Он даже не понимает, что такое себестоимость, и не способен разложить стоимость процесса на составляющие элементы. Если приходится экономист, он вообще не может понять, как оценить внедренные технологии. Даже бизнес-план для него ничего не значит. Он смотрит на конечные цифры, которые сходятся, но не отражают всю суть процесса.

Это результат деятельности научного сообщества за последние 30 лет. Я не хочу никого персонально обвинять, но наша образовательная система деградировала.

Второй момент, на котором я хочу остановиться. Образовательная отрасль превратилась в сферу услуг: хочешь — покупай, не хочешь — не покупай. В итоге некоторых совсем ленивых студентов исключают, а более приличных дотягивают до выпуска.

Мы не можем позволить себе пренебрегать образованием на производстве. Это важно не только для заводов, но и для всей страны. Нам необходимо вернуть в образовательную систему функцию воспитания на всех уровнях. Мы стремимся к тому, чтобы вырастить специалистов, которые умеют адекватно воспринимать мир, стремятся к знаниям, умеют аргументированно высказывать свою точку зрения, спорить и бороться за свои убеждения. Я не понимаю, куда исчезли все эти качества.

В послевоенное время были кружки при школах, институтах, начиная от моделирования до других различных занятий. Сейчас я этого не вижу. При этом на заводе есть много тем для курсовых, дипломных работ. Но больше времени потратишь на объяснение, потому что студент не понимает каких-то вещей и видит тебя первый раз в жизни.

Мне бы хотелось, чтобы научное сообщество перешло от обсуждения к конкретным действиям. Потому что сейчас все мы находимся в глубоком кризисе: предприятия не могут найти инженеров. Конкуренты начинают переманивать сотрудников друг у друга. Поэтому мое пожелание: обсудите, как все подготовить, и начните действовать.

Инновации в образовании

Аганбегян: В институтах проходит большое количество занятий, и времени на самостоятельную работу не остается. Для нас важно, чтобы студент учился сам исследовать и познавать мир, ведь в реальной жизни никто не будет за него принимать решения. Самостоятельная работа — сложный процесс, но он необходим для личного роста. Это во-первых.

Во-вторых. Перед посещением занятия студент должен самостоятельно изучить тему лекции. Тогда преподаватель сможет не только рассказывать материал, но и взаимодействовать с учащимися. Такой подход превращает простой урок в интерактивный.

Кроме того, нам необходимо четко определить цели образования. Главная задача заключается не только в передаче знаний, но и в развитии умений. Например, чтобы научиться управлять автомобилем, нужно садиться за руль, ездить под руководством инструктора, применять знания, полученные на уроках.

Как обстоят дела за границей? Моя внучка всю жизнь мечтала стать преподавателем латыни. Она успешно окончила бакалавриат в Колледже Вильгельма и Марии, однако столкнулась с трудностями при поиске работы в школах США. Для того чтобы занять должность, ей необходимо отработать 350 часов стажировки в специализированных латинских школах. Диплом сам по себе не дает ей права преподавать, если у нее недостаточно практического опыта. Ведь знание латыни и умение ее преподавать — это разные вещи. Преподаватель должен знать, как общаться с учениками, проверять их работы. Эти навыки нельзя приобрести только в институте.

В крупных компаниях в США и Англии финансовый директор обязательно должен иметь степень MBA (Master of Business Administration), а для этого нужно минимум 3 года отработать на соответствующей должности. Кроме того, необходимо сдавать разные экзамены. Существует такое понятие — «лицензирование». Вы можете иметь диплом, но, чтобы занять определенную должность, нужно будет пройти дополнительные курсы, сдать экзамены и так далее.

Отмечу, что Россия входит в топ-20 стран по числу взрослых, имеющих высшее, среднее и специальное образование. Наши студенты — лучшие в области информационных технологий (ИТ). Например, университет ИТМО уже восемь раз побеждал такие престижные институты, как Гарвард, Стэнфорд, Кембридж и Оксфорд. Однако никто из победителей не создал ни одной крупной фирмы в области ИТ, несмотря на свои выдающиеся знания.

Есть инновационные фирмы, которые стоят миллиарды долларов, их называют «единорогами». С 2020 года в России не появилось ни одной такой компании. В то же время в США их насчитывается более 1700. Российским выпускникам трудно создать подобную фирму из-за отсутствия венчурного финансирования и необходимых условий. Поэтому они вынуждены основывать компании за рубежом.

Важно включить инновации в образовательный процесс. Студентов нужно стимулировать на поиск новых идей. Наша страна сильно отстает в развитии инноваций, поэтому необходимо выделить дополнительные средства на образование. Степень социального неравенства в обществе огромна. Даже если ваша зарплата достигает 100 тысяч, она может считаться высокой на периферии, но это не гарантирует возможности отправить своего талантливого ребенка учиться в московский университет. Поэтому нужны кредиты на образование под 3%.

Экономическое образование как система

Клейнер: Моя тема звучит следующим образом: «Системное экономическое образование как ответ на вызовы времени». Сегодня мы сталкиваемся с разными вызовами. Один из ключевых — сложность окружающей среды, процессов, а также экономики. Все это связано между собой.

Экономика — единственная из наук, которая объединяет в себе четыре компонента: производство, распределение, обмен, потребление. В данных сферах работают специалисты разного профиля. Если мы посмотрим на экономическую реальность, то она распадается, она фрагментируется, в ней отсутствуют связи между различными компонентами. А ведь от этого темп роста и само экономическое состояние становятся неустойчивыми. И решить проблему может только экономист, а не инженер.

Еще одним вызовом нынешнего времени стала нестабильность факторов: меняются обстановка, технический прогресс. Самое печальное, что экономисты не могут предотвратить или спрогнозировать различные явления. В XX и XXI веке мы видели много таких примеров. А мы даже не можем их обсудить, потому что языки, на которых говорят представители сфер, — разные.

Один из главных вопросов, который стоит перед нами, — это системность в экономике. Важно осознать, что многие из наших учебников и научных работ сосредоточены на достижении успеха отдельного индивидуума, конкретного предприятия. Но кто такой этот индивидуум? Это тот, кто стремится к максимизации собственной прибыли, не обращая внимание на общие цели. Именно эта дезинтеграция целей становится бичом нашей экономики.

Теперь о том, что такое системное экономическое образование. Это такое образование, в результате которого выпускник видит экономику как систему, как совокупность взаимосвязанных между собой отдельных подсистем. И вот такой экономист необходим современной экономике. Чтобы воспитать подобных специалистов, нужно преподавать связь между теорией экономики, экономической политикой, управлением экономикой и практикой — это четыре базисных компонента. То есть нужно изучать не только предметы, но и их взаимосвязь между собой, что часто игнорируется. В современном обучении эти сферы разделены, общая структура из них не складывается. Такое «полосочное» мышление — еще одна проблема.

Я предлагаю в рамках самой экономики хотя бы разные дисциплины объединять в виде так называемых дуэтных занятий, когда на одной и той же кафедре находится и преподаватель, который занимается налогами, и преподаватель-управленец. Тогда столкновение этих двух позиций для студентов окажется стимулом к интеграции.

И последнее: вопрос управления талантами, из чего и произрастает человеческий капитал. Если мы не будем отдельно стимулировать развитие талантов в наших вузах, мы не сможем двигаться дальше. Мы должны обеспечить интеграцию, соединение эмпирического подхода и теоретического подхода.

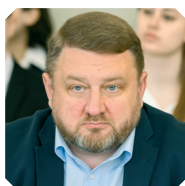
Порфирьев: Хочу еще раз призвать всех внести свой вклад в подготовку нашей резолюции и дать те предложения, которые уже прозвучали. Эти соображения представляются очень ценными, но, видимо, любое лекарство перед употреблением нуждается во взбалтывании. Сегодня это «встряхивание» произошло, нужно продолжать размышлять на тему экономического образования.

Наверно, не стоит сводить все только к вопросам об экономистах или инженерах. Прозвучала хорошая идея о том, что нужно готовить экономистов-инженеров. Мы должны поддержать эту инициативу и продвигать дальше.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РОСТА

Общероссийская образовательная акция «Всероссийский экономический диктант» проходит с 2017 года во всех регионах России и в зарубежных странах. Ежегодно свою экономическую грамотность проверяют около 400 тысяч россиян. Этот материал рассказывает о целях и задачах акции, ее заданиях и участниках и включает интервью с профессором Романом Головым, подготовленное пресс-службой ВЭО России, цитаты ученых, государственных деятелей и представителей образовательного сообщества.

Организатор Экономического диктанта: Вольное экономическое общество России при участии Российского исторического общества, Фонда Юрия Лужкова, администраций субъектов Российской Федерации, ведущих вузов РФ

Роман Голов,
заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга
высокотехнологичных отраслей промышленности МАИ,
руководитель методической комиссии, Аналитической группы
и рабочей комиссии по проверке результатов
Экономического диктанта,
член Президиума ВЭО России

Сергей Рябухин,
первый заместитель председателя Комитета
по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации
Федерального Собрания РФ,
вице-президент ВЭО России

Олег Смолин,
первый заместитель председателя Комитета
Государственной Думы по науке и высшему образованию,
член Президиума ВЭО России

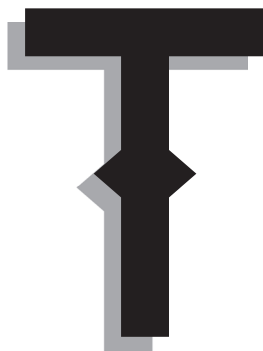
Александр Широ́в,
директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Михаил Эскинда́ров,
президент, научный руководитель Финансового университета
при Правительстве РФ,
вице-президент ВЭО России

Яков Си́лин,
ректор Уральского государственного экономического университета,
президент Уральского отделения ВЭО России,
вице-президент ВЭО России

Три причины написать Экономический диктант

Россияне пишут Экономический диктант с 2017 года. Как менялся состав участников акции?

Голов: Всероссийский экономический диктант стал самой масштабной образовательной акцией в сфере экономики. В нем принимают участие люди самых разных возрастов и профессий. Большая часть участников первых акций — молодые люди в возрасте от 14 до 18 лет: школьники, ученики средних специальных образовательных учреждений, студенты первых курсов вузов. В 2018 году доля молодых людей от общего числа участников составила 66%, в 2019 году — 63%, в 2020 году — 58%. Мы обратили внимание на рост доли участников в возрасте от 19 до 25 лет — студентов вузов и молодых профессионалов. Если в 2018 году она составляла 29%, то в 2023 — уже 38%. При этом нужно иметь в виду, что аудитория Экономического диктанта ежегодно расширяется, а значит, уменьшение процентной доли более юной возрастной категории не означает сокращения количества молодых людей, которые участвуют в акции.

Почему повышение экономической грамотности россиян находится сегодня в фокусе внимания как государства, так и общественных организаций?

Голов: Экономическая грамотность — навык, который определяет наше благосостояние и качество жизни. Осознаем мы это или нет, каждый день нам нужно принимать экономические решения. Простой пример: нам всем приходится планировать семейный бюджет — учитывать доходы и расходы, стараться свести к минимуму лишние траты. Вместе с тем нужно определить приоритетные статьи затрат (продукты, здоровье, вещи, необходимые близким). И с учетом этих статей важно рационально распределить имеющиеся средства так, чтобы в конце месяца остаться в плюсе. Не выйти за рамки бюджета — непростая задача. Нас искушают таргетированной рекламой, которая учитывает наши поисковые запросы. Здесь становится очевидна важность умения вести семейный бюджет. Без четкого плана доходов и расходов, которого необходимо придерживаться, мы рискуем начать делать «спонтанные покупки» и столкнуться с дефицитом бюджета, когда средств не хватит даже на базовые статьи затрат.

Когда вы научились управлять семейным бюджетом, можно переходить к решению более сложных экономических задач, понять, как приумножить свои средства. Научиться сравнивать варианты и выбирать лучший. К примеру, можно хранить деньги под подушкой или открыть вклад в банке, купить ценные бумаги и так далее. Экономически грамотный человек откроет вклад в банке или купит ценные бумаги, потому что он руководствуется крылатым выражением «деньги должны работать». Вместе с тем он сопоставит эти два варианта с учетом потенциальной выгоды и рисков. Если у него отсутствует опыт биржевой торговли, то, скорее всего, он выберет вклад, который обеспечит ему доход более скромный, но надежный.

Кроме того, мы все платим налоги. Экономически грамотный человек знает, что можно получить социальные вычеты за образование, лечение, лекарства, покупки недвижимости и так далее. Все эти примеры говорят о том, что экономическая грамотность определяет благосостояние как отдельного человека, так и его семьи. Ежегодный прирост аудитории Экономического диктанта свидетельствует о том, что все больше людей понимают это.

По какому принципу разрабатываются задания акции?

Голов: Методическая комиссия, работой которой мне выпала честь руководить, старается отразить в заданиях акции всю многогранность экономики. Мы хотим продемонстрировать участникам, что экономика, как в зеркале, отражается в шедеврах классической литературы и искусства, в мировой истории, а также в нашей повседневной жизни. Обратимся к литературе. Приведу цитату из книги Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок». В ней идет речь о подпольном миллионере Александре Корейко, сколотившем свое состояние на разных махинациях: «Александр Иванович с беспокойством видел, как деньги, которые он наживал с великими ухищрениями, превращаются в ничто. Тиф валил людей тысячами, Саша торговал краденными со склада медикаментами. Он заработал на тифе пятьсот миллионов, но денежный курс за месяц превратил их в пять миллионов. На сахаре он заработал миллиард. Курс превратил эти деньги в порошок». Авторы романа пишут о гиперинфляции, которая случилась в 1918 году в СССР и нанесла значительный урон экономике. Этот отрывок показывает читателям, что такое гиперинфляция: это стремительное обесценивание денег, приводящее к хаосу в финансовой и социальной сферах.

Увидеть отдельные экономические явления можно и через призму мировых шедевров живописи. Пример того, как экономика находит отражение в мировом искусстве, — знаменитая картина Владимира Маковского «Крах банка». В основе ее сюжета банкротства Московского ссудного коммерческого банка и Скопинского банка, которые произошли во второй половине XIX века. Художник изобразил вкладчиков банка, лица которых выражают широкую палитру эмоций — от негодования до отчаяния. Они потеряли все свои накопления. В наше время такой сюжет невозможен. С 2004 года Агентство страхования вкладов производит выплаты вкладчикам обанкротившихся банков.

Есть интересные факты и в истории нашего Отечества. В этом году Россия празднует 80-летие Великой Победы. Но немногие знают, что именно Советский Союз первым из стран — участниц антигитлеровской коалиции отменил продуктовые карточки. Это произошло в 1945 году. В Чехии карточки были отменены только в 1953 году, в Великобритании — в 1954 году, в Японии — в 1952 году. Еще один интересный факт: несмотря на огромные военные расходы, бюджет СССР стал профицитным уже в 1944 году (величина профицита была впечатляющей — 4,7 млрд рублей). Таким образом, мы видим, что изучение экономики через призму истории позволяет нам узнать не только о любопытных фактах, но и о достижениях России. Это, безусловно, помогает воспитывать в участниках акции патриотические чувства.

Растет ли экономическая грамотность населения?

Голов: Размер аудитории Экономического диктанта ежегодно увеличивается. Растет число как новых, так и постоянных участников. Сложно выявить зависимость между приростом уровня экономической грамотности россиян и количеством проведенных акций, потому что каждый год к нам присоединяются десятки тысяч новых участников. В то же время мы отмечаем постепенный прирост уровня экономической грамотности россиян.

По итогам Экономического диктанта мы формируем два рейтинга. Первый — топ-20 регионов России по уровню экономической активности населения. Мы рассчитываем отношение числа участников из конкретного региона к числу жителей данного региона. Этот рейтинг позволяет зафиксировать заинтересованность жителей отдельных регионов в оценке уровня своей экономической грамотности. Второй — рейтинг экономической грамотности, при построении которого мы определяем долю участников (с высокими баллами) относительно общего числа участников Экономического диктанта в конкретном регионе.

Как меняются результаты школьников в контексте того, что в школах сейчас активно внедряются основы финансовой грамотности. Как вы считаете, с какого возраста детям нужны эти знания?

Голов: Учащиеся школ — самая многочисленная категория участников акции. Учитывая, что они только начинают изучать основы экономики, мы разрабатываем для них отдельный комплекс заданий, адаптированный к их уровню. Анализируя результаты акций разных лет, мы видим, что экономическая грамотность школьников растет. Это обусловлено тем, что в последние годы в образовательную программу были включены темы и предметы, связанные с экономикой. Это, безусловно, важный вклад в развитие экономической грамотности подрастающего поколения. На мой взгляд, «чем раньше, тем лучше», но в меру разумного. Начинать стоит с азов экономики, простейших категорий и понятий. Их освоение позволит подготовить учащихся к дальнейшему изучению экономики в старших классах и заложит надежный фундамент экономической грамотности.

Со своей стороны мы стремимся содействовать развитию экономического образования в школах и вузах. Каждый год мы анализируем результаты Экономического диктанта и разрабатываем рекомендации для Министерства просвещения РФ и Министерства науки и высшего образования РФ. В этих рекомендациях мы выделяем пробелы в знаниях наших юных

участников и предлагаем решения по совершенствованию программ по разным дисциплинам, в рамках которых школьники получают знания по экономике. Таким образом, каждый Экономический диктант вносит значимый вклад в совершенствование содержания образовательных программ.

Каких практических знаний по экономике не хватает россиянам?

Голов: Прежде всего это те знания, которые напрямую влияют на благосостояние граждан. Все люди так или иначе каждый день соприкасаются с экономикой. Нам приходится принимать решения о покупке товаров и услуг, вести учет расходов и доходов, планировать серьезные покупки и так далее. Экономическая грамотность позволяет управлять имеющимися средствами максимально эффективно. Можно использовать для этих целей специальные приложения, в которых фиксируются расходы и доходы. Это позволяет развивать финансовую дисциплину. Этот навык помогает сократить лишние расходы, не снижая качество жизни, сформировать подушку безопасности и достичь финансовой стабильности.

В то же время мы сталкиваемся с рисками и угрозами, которые стараемся отразить в заданиях Экономического диктанта. Цель — вооружить участников акции знаниями, необходимыми для того, чтобы не попасть в «экономические ловушки». Одно из заданий Экономического диктанта мы посвятили мисселингу. Так называются схемы, которые финансовые организации используют для того, чтобы навязать клиентам ненужные им продукты. В задании мы привели пример мисселинга, когда под видом банковского вклада клиенту предлагают инвестиционный или страховой продукт. Еще один риск, с которым может столкнуться каждый, — это звонки мошенников. По данным Центрального банка, аферисты ежедневно похищают со счетов россиян около 50 млн рублей. Важно понимать, как не попасться на удочку таких мошенников.

Кроме того, нужно иметь представление о современных финансовых технологиях. Например, одно из заданий Экономического диктанта было посвящено новой форме национальной валюты — цифровому рублю. Пилотные эксперименты по его использованию в России начались в августе 2023 года.

Безусловно, важны и практические навыки, связанные с проведением несложных экономических расчетов. Например, мы предложили участникам акции рассчитать, как изменится доход клиента банка при досрочном закрытии одного вклада и одновременном открытии другого вклада с более высокой процентной ставкой.

Как меняется география акции?

Голов: Действительно, география Экономического диктанта постоянно расширяется. Первыми зарубежными государствами, жители которых приняли участие в Экономическом диктанте в 2018 году, стали Монголия, Приднестровская Молдавская Республика и Таджикистан. В 2019 году в число участников акции вошли граждане Беларуси, в 2020 году к ним присоединились жители Армении. А в 2023 году свою экономическую грамотность проверили жители уже 12 государств, в том числе Китая, Сирии и Турции. Расширение международной географии Экономического диктанта говорит о том, что экономическое просвещение может быть объединяющей силой.

Вместе с тем есть объективные факторы, которые влияют на результаты иностранных участников. Некоторые из заданий Экономического диктанта посвящены российской истории, классической литературе и искусству, элементам государственной политики в области экономики. Очевидно, что для людей, которые не живут в России и могут быть незнакомы с нашей культурой, законодательством, историей, выполнение таких заданий сложнее, чем для россиян. В то же время мы ценим активность наших иностранных участников и их желание проверить свою экономическую грамотность. Зарубежные государства также организуют региональные площадки акции. Например, в Киргизии пишут Экономический диктант. В рамках подготовки к акции прошлого года мы провели встречу с членом Коллегии (министром) по энергетике Евразийской экономической комиссии Арзыбеком Орозбековичем Кожошевым, который предложил рассмотреть Киргизию в качестве одной из основных зарубежных площадок для проведения акции. Он выразил уверенность в том, что Экономический диктант может стать объединяющей силой для государств — участников Евразийского экономического союза и способствовать продвижению интеграции на пространстве ЕАЭС.

Почему стоит принять участие в Экономическом диктанте?

Голов: Первая причина: Экономический диктант позволяет объективно оценить свои знания в области экономики. Задания акции максимально полно освещают все области экономики, в которых следует разбираться людям разных возрастов и профессий. Мы стремимся сделать опыт участия в Экономическом диктанте интересным и запоминающимся.

Вторая причина: акция помогает россиянам выявить пробелы в своих знаниях и устранить их, чтобы в будущем принимать грамотные экономические решения.

Третья причина: Экономический диктант дает возможность посмотреть на экономические идеи и принципы через призму искусства, классической литературы, отечественной и мировой истории. Благодаря этому опыту наши участники понимают, что экономика оказывает большое влияние на нашу жизнь и изучать ее можно не только в рамках формального образовательного процесса, но и через соприкосновение с искусством и историей.

В заключение скажу: Экономический диктант вносит большой вклад в развитие экономической культуры российского общества. Это важное условие социально-экономического развития страны. Для нас особенно ценно, что большая часть участников акции — это молодые люди, те, от кого зависит будущее нашей страны и российской экономики. Их активное участие в акции формирует прочный фундамент для экономического процветания России.

Экономическая грамотность — условие для устойчивого развития

Рябухин: Общероссийская образовательная акция «Всероссийский экономический диктант», которая стала традиционной, имеет большое значение для повышения уровня экономической грамотности россиян. Отмечу, что развитие экономической культуры населения — одна из приоритетных задач властей. Об этом неоднократно говорил президент Российской Федерации и на прямых линиях, и в своих посланиях Федеральному Собранию. От уровня экономической грамотности граждан зависит их активность, а значит, и судьба национальных проектов. Чтобы достичь целевых показателей национальных целей развития России, важно, чтобы граждане понимали свою роль в этой работе, осознавали причастность к масштабным изменениям в нашей экономике.

Например, программа «Народный бюджет» дает возможность каждому жителю страны участвовать в распределении бюджетных средств. Каждый рубль бюджетных ассигнований должен работать на результат. По всем направлениям расходов бюджета заложены большие финансовые ресурсы. От того, насколько эффективно они будут использоваться, зависит успех. В Ульяновской области уже на протяжении 9 лет работает программа «Народный бюджет», объединяющая неравнодушных граждан, которые хотят благоустроить

свой двор или детскую площадку, сделать пешеходный переход, отремонтировать мост. Они активно участвуют в разработке технического задания и проектной документации, получают финансовую поддержку из регионального или муниципального бюджетов. При этом такая деятельность требует от населения элементарной экономической грамотности. Такие акции, как Экономический диктант, очень важны с точки зрения повышения экономической грамотности россиян и вовлечения их в инициативное бюджетирование.

Эскиндаров: От того, насколько сильна экономика России, зависит, какую политику проводит страна — экономическую, политическую, социальную. И конечно, мы заинтересованы в том, чтобы молодые люди, которые пишут Экономический диктант, были вовлечены в процессы, которые происходят в стране, а они действительно грандиозные и фактически связаны с возрождением отечественной экономики: сегодня строятся новые заводы, фабрики, дороги, развивается автомобильное производство и самолетостроение. Неважно, какую профессию выберут участники акции. Главное, чтобы они понимали: то, что происходит сегодня, — это важный этап в отечественной экономической истории.

Экономический диктант как стимул

Смолин: Экономический диктант — это стимул для школьников начать всерьез читать труды по экономике, в том числе работы по экономической теории. Мой личный опыт показывает, что экономическая теория проходит мимо ребят. Я встречался с девятиклассниками. Да, они все знакомы с программным произведением А. С. Пушкина «Евгений Онегин», герой которого читал Адама Смита и «был глубокий эконом, то есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золото ему, когда простой продукт имеет». Спрашиваю: кто такой Адам Смит? Тишина. А ведь ребята с шестого класса изучают обществознание. Поэтому комплексный характер диктанта очень важен. Экономический диктант — замечательная инициатива.

Силин: Проверять свои знания, вы не только получаете новые, но и можете оценить свои сильные и слабые стороны, понять, какие знания вам еще необходимы. Это уникальная возможность для самосовершенствования, за которую никто не ставит оценок и не ругает. Проверяйте себя, посмотрите, в чем вы сильны, а в чем нет, какие знания вам еще нужны.

Экономика — не сухая наука

Широв: Далеко не у всех молодых людей есть представление о том, что такое профессия экономиста сегодня — и в академическом, и в прикладном смысле. Такие акции, как Экономический диктант, позволяют молодым людям, которые собираются поступать в экономический вуз, задуматься, какой диапазон знаний должен быть у современного экономиста. Не бывает экономистов только в области банковского дела или финансов. Экономист — это человек с кругозором, который понимает связку экономики и с правом, и с гуманитарными науками. Экономика невозможна и без точных вычислений — без того же прогнозирования и моделирования. Хочется, чтобы участники Экономического диктанта поняли: экономика — это не сухая наука, она может быть увлекательной, как детектив. И несмотря на ее сложное положение в ряду научных дисциплин, экономика, конечно, заслуживает того, чтобы выбрать ее своей профессией.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ: КАК КОВАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Сильная экономика, централизованное управление народным хозяйством, достижения отечественной науки и техники внесли большой вклад в приближение Победы в Великой Отечественной войне. В преддверии ее 80-й годовщины эксперты всероссийской научной конференции «Экономика Великой Победы» назвали основные экономические факторы Великой Победы и обсудили, как СССР удалось в кратчайшие сроки перевести экономику на военные рельсы.

Организатор конференции: Вольное экономическое общество России

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор Института нового индустриального развития
имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН

Даурен Абаев,
чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Казахстан
в Российской Федерации

Руслан Гагкуев,
исполнительный директор фонда «История Отечества»,
председатель Правления Российского
исторического общества

Валерий Макаров,
научный руководитель Центрального экономико-математического
института РАН, директор Высшей школы государственного
администрирования МГУ имени М. В. Ломоносова,
академик РАН, член Президиума ВЭО России

Александр Петриков,
директор Всероссийского института
аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова,
академик РАН,
член Президиума ВЭО России

Александр Широ́в,
директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Ирина Караваева,
заведующая кафедрой экономической теории
Института экономики РАН

Владимир Буровцев,
ректор Дальневосточного государственного университета
путей сообщения, руководитель Хабаровского краевого отделения
ВЭО России, руководитель регионального отделения Российского
военно-исторического общества в Хабаровском крае

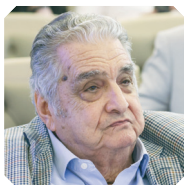
Михаил Воейков,
заведующий сектором политической экономики
Института экономики РАН,
член Правления ВЭО России

Александр Карлик (1946–2025),
заведующий кафедрой Санкт-Петербургского
государственного экономического университета,
член Президиума ВЭО России

Ирина Ильина,
директор Российского научно-исследовательского института
экономики, политики и права
в научно-технической сфере (РИЭПП),
главный редактор журнала «Управление наукой и наукометрия»

Абел Аганбегян,
академик РАН

Бодрунов: Годы Великой Отечественной войны — это было время испытаний духа, верности и патриотизма. Одержав Великую Победу нам позволили беспрецедентные сила духа, патриотизм советского народа, стойкость и мужество солдат на передовой, решимость и самоотверженность тружеников тыла, советское военное искусство, талант многих военачальников. Но не только. Несомненно, большой вклад в Великую Победу внесла сильная экономика, столпами которой были централизованное управление народным хозяйством и люди, стоявшие у станков на производстве, руководители предприятий, ученые, экономисты, инженеры и конструкторы. Экономика и наука — важные компоненты Великой Победы.

Я хотел бы, пользуясь случаем, привести пример петербургского завода «Пирометр», где я сначала занимал должность начальника отдела, а потом стал генеральным директором предприятия. В 1995 году, в пик развала оборонной промышленности, мне пришлось восстанавливать предприятие. Понимая, что без кооперации завод не сможет дальше функционировать, мы создали «Объединенный авиаприборостроительный консорциум».

На заводе производят все базовые комплектующие для современных истребителей, ракетной техники. Поэтому сегодня и С-300, и С-400, и С-500, и отечественные самолеты (МИГ, Sukhoi Superjet) существуют благодаря работе коллектива «Пирометр».

Во время блокады Ленинграда завод работал без остановок. Более 300 его сотрудников погибли — они трудились днем и ночью, не отходя от станков. Об этом помнят люди, работающие сегодня на «Пирометре».

К Победе нас привели не только решения в области экономической политики и героизм российских солдат, но и люди, которые стояли у станков и производили продукцию, доставляли ее, спасали семьи фронтовиков. Перечислять можно бесконечно. И все это связано с одним словом — экономика. Экономика — это важнейший компонент любой победы.

Пользуясь случаем, хотелось бы напомнить, что Казахстан был тем местом, где во время эвакуации находилось огромное количество людей, где была оказана помощь населению России. Жители Казахстана внесли большой вклад в нашу общую Победу над фашистской Германией.

Казахстан — надежный тыл

Абаев: Великая Отечественная война обсуждалась главами наших стран, Касым-Жомартом Токаевым и Владимиром Путиным, в ноябре прошлого года. Поэтому сегодня, в преддверии этой даты, Казахстан и Россия проводят совместную культурную, образовательную и просветительскую работу, нацеленную на сохранение памяти о подвиге наших предков. Ведь нет ничего важнее, чем передача бессмертных историй той войны подрастающему поколению.

Для Казахской Советской Социалистической Республики война стала периодом беспрецедентной мобилизации всех ресурсов: экономических, научных, культурных, людских. Из Казахстана на фронт отправились более 1,3 млн человек. Это составляло пятую часть населения Республики. Свыше 100 тысяч воинов награждены орденами и медалями, а более 500 человек удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них Алия Молдагулова, Маншук Маметова, Бауыржан Момышулы, Талгат Бегельдинов, Султан Баймагамбетов, Малик Габдуллин и многие другие.

Восемь соединений, сформированных в Казахстане, участвовали в битве под Москвой, девять защищали Ленинград, а 10 участвовали в Сталинградской битве. Тысячи казахов бились в грандиозном сражении за Днепр, по итогам которого 122 жителя Республики были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них самым юным на момент награждения оказался 18-летний сержант Жанбек Елеусов. Кроме того, в штурме Берлина участвовали четыре воинских соединения. Так, 30 апреля красноармейцы Рахимжан Кошкарбаев и Григорий Булатов в числе первых водрузили Знамя Победы над Рейхстагом.

Несмотря на то что на землях Казахстана не проходили сражения, вклад Республики в победу трудно переоценить. В годы войны вся страна жила под лозунгом «Все для фронта, все для победы», и я бы хотел кратко остановиться на экономическом вкладе Казахской ССР.

С началом Великой Отечественной войны Казахстан превратился в надежный оплот тыла, снабжавший армию вооружением, продовольствием и обмундированием. Республика стала основной базой по производству легкой и пищевой промышленности. Кроме того, более 220 промышленных предприятий были эвакуированы в Казахстан, что стимулировало развитие добычи цветных металлов. Для работы в этой отрасли правительство мобилизовало 670 тысяч граждан. Тем самым Казахстан стал промышленной кузницей, где ковалась Победа. Все знают, что 9 из 10 пуль были отлиты из казахстанского свинца.

Особое значение имело обеспечение фронта топливом. Республика стала ключевым поставщиком нефти, добыча которой увеличилась на 39%. Карагандинский угольный бассейн обеспечивал до 65% всего коксового угля, необходимого для металлургии. Также хочу поделиться интересным фактом. За годы войны шахтеры Караганды выдали 34 млн тонн угля, в то время как за последующие 80 лет работы местных шахт было добыто 30 млн тонн угля. Это означает, что за 4 года войны люди добывали больше, чем за 80 лет работы в мирное время. Представляете, сколько было вложено труда для достижения таких результатов?

Рудники Жезказгана и Балхаша поставляли до 35% меди, необходимой для производства боеприпасов и средств связи. Восточно-казахстанские предприятия обеспечивали значительную долю производства свинца — до 85% от общесоюзного объема, необходимого для выпуска снарядов. Казахстан также производил до 60% молибдена, 65% висмута и 79% полиметаллических руд.

Сельское хозяйство сыграло невероятно важную роль. Труженики села обеспечивали фронт продовольственными ресурсами. Так, во время войны в Республике было собрано более 5 млн тонн зерна, поставлено для нужд фронта 150 тысяч тонн мяса, тысячи тонн шерсти и молочной продукции. Жители подготовили более 300 тысяч лошадей, что также имело ключевое значение.

Однако вклад Казахстана в Победу не ограничивался только экономикой и людскими ресурсами. Весь период войны республиканские научные институты и культурные учреждения активно работали. Интересный факт: с 1941 по 1944 год работники культуры и искусства Казахстана провели около 20 тысяч концертов для фронта, госпиталей, призывных пунктов и тыловых частей Красной армии.

Творческие деятели, такие как Джамбул Джабаев, Мухтар Ауэзов, Роза Багланова и многие другие, не только сохраняли, но и расширяли культурное наследие, вдохновляя людей своим искусством. В трудные годы войны Казахская филармония, театры и писатели продолжали свою деятельность, поднимая боевой дух населения и фронтовиков.

Казахская ССР стала важным центром медицинских исследований, в Республике разрабатывали препараты для лечения раненых, проводили научные работы по санитарии и эпидемиологии. Вспоминая вклад Казахстана в Великую Победу. Экономические достижения, самоотверженность людей, научные и культурные свершения стали неотъемлемой частью общей истории триумфа. События тех дней объединяют наши народы, напоминая о силе единства и солидарности в любых испытаниях. Сегодня Казахстан остается верен принципам мира, добрососедства и уважения исторической правды.

Сохранение исторической памяти

Гагкуев: Экономический аспект событий Великой Отечественной войны — это не самая известная, но очень яркая и значимая страница отечественной истории. Война стала огромным вызовом для экономики Советского Союза. Быстрая перестройка производства на военные рельсы, мобилизация ресурсов, обеспечение эвакуации промышленных предприятий потребовали огромных усилий.

Кроме того, многочисленные экономические достижения были сделаны нашей страной и после 1945 года, когда возрождались целые города, деревни, фактически стертые в пыль оккупантами. Накопленный за годы войны опыт востребован и сегодня, когда российские компании уверенно преодолевают санкции, а в приграничных районах ведется восстановление инфраструктуры, пострадавшей от рук киевского режима.

Работу по сохранению памяти о ВОВ ведут Российское историческое и Вольное экономическое общество России, а также Фонд «История Отечества». Не так давно, 18 марта, мы подвели итоги конкурса по поддержке социально-значимых просветительских инициатив. Победившие проекты будут реализованы при совместной поддержке вышеупомянутых организаций. В их числе, например, выставка о трудовом подвиге Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, которую подготовил Кубанский государственный университет, книга о мировой экономике в годы Первой мировой войны, написанная коллективом авторов из Санкт-Петербурга.

Во многих городах нашей страны в этом году состоятся выставки, посвященные вкладу тыла в Великую Победу, и, конечно, на них будут затрагиваться вопросы и экономического развития страны.

Бодрунов: Трудно понять многие вещи без знания истории, работа в этом направлении, в том числе и наша совместная, очень важна. У Российского исторического общества и Вольного экономического общества России есть общее поле деятельности — это работа с молодежью, которая будет формировать будущее нашей страны.

Экономика Великой Отечественной войны

Широв: Экономика нашей страны до сих пор формируется под воздействием событий времен Великой Отечественной войны. Важно понять, какие решения и подходы в области экономической политики и управления народным хозяйством, разработанные в прошлом, могут быть применены сегодня. Следует обратить внимание, как переключаются экономики современной России и СССР в годы войны, чтобы извлечь уроки и определить пути дальнейшего развития.

Давайте посмотрим на результаты индустриализации, которых удалось достигнуть к 1940 году. Несмотря на рывок в производстве станков, автомобилей, цемента, электроэнергии, наша страна в 1930-е годы достаточно сильно отставала от ведущих стран мира — США и Германии.

Я бы обратил внимание на производство автомобилей. К 1940 году мы выпускали 136 тысяч машин, в то время как Германия — всего 87 тысяч. Но нужно сказать, что основой нашего производства были автомобили грузоподъемностью полторы тонны, а у немцев — трехтонные грузовики. При этом и СССР, и Германия сильно отставали от США. Соединенные Штаты производили 776,9 тысячи машин. Этот колоссальный разрыв имел серьезные последствия во время Великой Отечественной войны, когда Советский Союз и Германия были вынуждены осуществлять логистику и транспортировку артиллерии при помощи лошадей. В составе отечественной армии числилось 3,5 млн лошадей, в то время как в Германии этот показатель составлял 2,5 млн. Для сравнения: американцы использовали всего около 56 тысяч лошадей в ходе войны.

Великая Отечественная война изменила уровень цен и направление государственных расходов. Так, в 1940 году военные расходы составляли примерно 7% от ВНД (валовый национальный доход), в 1941–1942 годах этот показатель приблизился к 30%.

Сейчас наши совокупные расходы на оборону и безопасность составляют примерно 8,5%, до начала специальной военной операции этот показатель держался на уровне 6–7%. Это означает, что уровень интенсивности военных действий и воздействие конфликта на экономику в период военных действий значительно возросли.

Кроме того, наибольший рост цен зафиксирован в 1943 году. В условиях советской военной экономики отсутствовал параметр инфляции, однако существовали отдельные показатели, выступающие в роли прокси-индикаторов и отражающие данную ситуацию. Например, цены на колхозных рынках в 1943 году увеличились на 1311% по сравнению с уровнем 1940 года. Это объясняется тем, что доступ к продукции был ограничен, государство ввело карточные системы и механизмы распределения. В результате рост цен на основные виды продукции привел к тому, что на месячные зарплаты можно было приобрести всего 2–3 килограмма хлеба.

Многие задаются вопросом: какой же советская экономика вышла из Великой Отечественной войны? У нас недостаточно информации про сам период, но есть цифры, полученные из балансов Юрия Еременко за 1950–1970-е годы. Мы видим, что произошла радикальная перестройка экономики. Даже к 1950 году мы имели порядка 42% валовой продукции. Это продукция агропромышленного комплекса, то есть сельское хозяйство и пищевое производство. При этом машиностроение в структуре советской экономики занимало всего 8%, а химия — около 2%.

Очевидно, что экономика СССР после ВОВ не соответствовала нашим ожиданиям. В период войны мы производили десятки тысяч самолетов, танков и других видов вооружения. Однако таких результатов удалось добиться благодаря мобилизации рабочих сил. Нельзя не признать, что за годы войны мы не смогли радикально улучшить качество нашей экономики.

Что произошло потом? Во-первых, советская экономика испытала трансформационный шок после окончания Великой Отечественной войны. В 1945 году динамика валовой продукции промышленности серьезно упала на 12% по сравнению с предыдущим годом, примерно та же ситуация сложилась и в производстве продукции. Спад наблюдался по таким важным направлениям, как пищевое и текстильное производство.

Во-вторых, если посмотреть на среднегодовые темпы роста отдельных видов деятельности в советской экономике, то мы увидим, что рост показателей приходится на 1951–1955 годы. Это произошло благодаря запуску крупнейших национальных проектов, важнейшим из которых стал атомный. Именно он позволил значительно развить

строительную, химическую, машиностроительную и электроэнергетическую сферы. В этот момент и появляются двукратные темпы роста производства.

В-третьих, нужно упомянуть демографию, которая напрямую связана с Великой Отечественной войной. Сейчас у нас осталась всего 21 тысяча трудовых ресурсов в возрасте 80+. Это свидетельствует о том, что поколение, родившееся во время войны и даже работавшее в те годы, сокращается. На данный момент мы наблюдаем дефицит рабочей силы в возрасте от 10 до 35 лет, а также от 50 до 60 лет. Это является серьезной проблемой, влияющей не только на рынок труда, но и на структуру национальной экономики. Именно из-за этой ситуации мы вынуждены активно внедрять автоматизацию, повышать производительность труда и перестраивать российскую экономику в пользу менее трудоемких секторов.

Поэтому, с одной стороны, эта неразрывная связь времен будет влиять на экономику нашей страны и дальше. С другой стороны, у нас есть время подумать, как будет выглядеть наша экономика через 5–7 лет и какие действия нужно предпринять, чтобы поддержать отрасль.

Бодрунов: До войны наша автомобильная промышленность, ориентированная на выпуск полуторок, не могла бы обойтись без студебекеров из Соединенных Штатов. Эти грузовики составляли 80–90% всей техники, используемой на фронтах для доставки боеприпасов и технического оборудования, что было важно для нас.

Советская промышленность за годы войны произвела более 100 тысяч самолетов, что превышает объем поставок по ленд-лизу от США в 10–14 раз. Отечественные заводы выпустили в 15 раз больше танков, чем было получено по ленд-лизу. Важно отметить, что все поставки по ленд-лизу были оплачены до последней копейки со всеми процентами до 1992 года. Поэтому Россия, как преемница Советского Союза, не имеет никаких долгов.

В то же время нынешний президент США санкционировал выпуск медалей, на которых три флага: американский, британский, французский. Соединенные Штаты не признали нашу страну победителем во Второй мировой войне. Поэтому нужно понимать, какой контекст кроется во всей этой помощи. Это первый комментарий.

Второй комментарий касается того, как перестраивалась экономика после войны. Завод, на котором я работал уже в наше время, эвакуировали из Санкт-Петербурга сначала в Подмоскowie, в Раменское, а затем в Казань, после чего в Уфу. После войны в этих точках образовались дочерние предприятия, которые со временем стали отдельными заводами. Сегодня они являются основой авиаприборостроительного комплекса, производящего современное оборудование.

Мы не должны забывать об этом. Помимо значительного прорыва в различных сферах в послевоенное время, у нас развивалась авиационная отрасль. Были созданы первые реактивные самолеты, ракеты, появились космические проекты. Важно отметить, что эти достижения были возможны благодаря сохраненной инфраструктуре и технологиям, которые остались в центральной части России после войны. Это было ключевым фактором в стимулировании технологического прогресса.

Что касается сельского хозяйства, то на горбу наших крестьян ковалась эта Победа. Они привнесли огромный вклад в экономику Победы. Речь идет не только о фронте, но и, например, о блокадном Ленинграде. Благодаря тому что полуторки были легкие, эти автомобили возили по льду Ладожского озера, по Дороге жизни, тот самый хлеб, который спас миллионы людей, запертых в городе. Как писала Ольга Берггольц в своем знаменитом стихотворении: «125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам...» Именно труд наших крестьян спас ленинградцев.

Великий казахский поэт Джамбул Джабаев говорил: «Ленинградцы, дети мои!» Наша страна и Казахстан после подъема целины дали немало хлеба всему народу. Вся техника, сформированная после войны, была брошена на подъем целинных земель.

Роль планирования в годы Великой Отечественной войны

Макаров: Мне было 4 года, когда началась война. Мои родители были железнодорожниками. Они работали даже ночью и почти не появлялись дома. Я вообще не знал своих родителей, я знал только бабушку, которая была рядом. Когда война закончилась, оказалось, что у меня замечательная мама.

В то время родилась теория планирования, в основном она была создана моим учителем Леонидом Витальевичем Канторовичем. Это очень серьезная наука, на которую нам важно обратить внимание, особенно сейчас. К теории относятся и договоры по производству вооружений, например пушек.

Это говорит о том, что роль планирования во время войны увеличивается. В наше время появилось новое понятие «национальные проекты» — их много, большинство из них имеет прямое отношение к планированию: как это сделать, организовать, кто должен быть начальником и так далее. В принципе при работе над вопросом о планировании, правильном формулировании стратегии и выполнении задач возникает немало проблем.

Пока настоящей цифровой платформы планирования, если говорить о нынешних реалиях, нет. Существуют ситуационные центры, заложены основы, но этого недостаточно. Все знают, что бухгалтеры пользуются системой 1С. Однако эта программа относится только к договору. Поэтому нам необходима платформа планирования.

Мы в Центральном экономико-математическом институте начали рассуждать о том, как правильно сделать ее. Я призываю к тому, чтобы большее число людей задумалось о теории планирования, в которой ключевую роль играют цифровые двойники. Госплан должен содержать не одну стратегию, а несколько, учитывая различные факторы. Во времена ВОВ это было невозможно организовать, но сейчас мы живем в других реалиях.

Труды об экономике Победы

Караваева: Мой отец был экономистом в области сельского хозяйства. Многие годы он работал во ВНИИЭСХ, был подводником на Восточном фронте. Очерк о нем есть в книге, изданной Вольным экономическим обществом России. Это великий, важный и чрезвычайно полезный труд.

Хочу также рассказать о научно-исследовательской работе, которой сейчас занимается Институт экономики РАН. В этом году под руководством нашей дирекции готовится монография, посвященная экономике Победы. Мы постарались объединить все то ценное и важное, что было накоплено за 15 лет серьезной научной работы.

Немного подробнее познакомлю вас с тем, чем сейчас занимается институт. Первая книга «Экономика Победы. К 65-летию Победы в Великой отечественной войне» издана в 2010 году. Этот труд создавался при поддержке Государственного экономического архива, с привлечением серьезного объема документов. Далее вышел сборник научных статей с таким же названием.

Через 5 лет, к 9 мая 2015 года, вышла монография, которая была посвящена 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В книге мы отразили широкое обсуждение феномена мобилизационной экономики.

В 2020 году был опубликован очень интересный сборник под руководством профессора Воейкова («Экономика Победы: уроки истории и современность»). В нем сделан шаг вперед — были даны теоретические и политико-экономические оценки. То есть учитывалась как довоенная, так и послевоенная обстановка.

В заключительных материалах был сделан вывод, что либерально-экономическая концепция должна быть заменена национально ориентированной экономической концепцией государственного регулирования, причем с ориентацией на будущее.

Новый том к 80-летию Победы включает в себя все эти работы. Первый раздел посвящен внутриэкономической и внешнеэкономической политике СССР в преддверии Второй мировой войны. Нельзя забывать, что этот глобальный конфликт стал решением экономического кризиса как для наших противников, так и для наших союзников.

Это был выход на новые сырьевые и энергетические источники. Говоря об уровне развития, об объеме авто- и авиапромышленности, нельзя забывать о том, что для той же Германии это была единственная возможность не попасть в очередной кризис. Как и для США, где производство снижалось в период с 1937 по 1939 год и только затем начало расти.

Отмечу, что примерно четверть авторов данной монографии являются либо участниками ВОВ, либо ее современниками. Также мы представили материалы о попытках остановить войну, включая малоизвестные протоколы переговоров между СССР и Германией.

В одном из разделов изучается формирование мобилизационной модели советской экономики — достаточно оригинальное направление, в котором применяется не чисто исторический подход. Чрезвычайно интересна заключительная глава данного раздела, написанная профессором Колгановым, — «Экономическая загадка Победы». Он рассматривает процесс развития российской экономики и ее влияние на ситуацию на фронте. Подход своеобразный, четкий и глубоко аргументированный, поэтому он заслуживает внимания.

Третий раздел посвящен экономике тылов в фундаменте мобилизационной модели управления: это сельское хозяйство, работа над кадрами в промышленности, сами производства, создание предприятий. В этом разделе есть интересная глава, посвященная системе государственного снабжения в решении продовольственной проблемы.

Четвертый раздел рассказывает о ленд-лизе. Это было не всегда эффективно и очень дорого. Мы долго расплачивались за него. В издании рассказано, как это происходило, в каких объемах, в какой последовательности.

Последний раздел: «Уроки экономики Победы в современной экономической теории». В нем приведены теоретические и политэкономические оценки результатов Победы (с точки зрения экономики). В разделе «Почему СССР победил нацистскую Европу» представлен объемный фактологический материал, в котором авторы проводят параллели с современной ситуацией.

ВОВ глазами ученых-экономистов

Воейков: ВОВ стала колоссальным испытанием, в том числе для советской экономики. Но отрасль смогла выдержать. Я расскажу о роли ученых-сотрудников Института экономики АН СССР. В октябре 1941 года институт был эвакуирован в Казахстан и пробыл там до 1943 года. В военный период ученые выпустили более 30 книг, посвященных военной тематике.

Процитирую некоторых из них. Так, Израиль Бровер написал небольшую книжку в сентябре 1941 года под названием «Советские патриотки у станков куют победу над фашизмом». Многие мужчины ушли на фронт, заменить их могли только женщины — они сыграли большую роль в этой войне.

Другой сотрудник Института экономики Грановский писал: «Миллионы женщин Советского Союза идут работать на фабрики, заводы, шахты, железные дороги». В качестве примера приводится история 50-летней домохозяйки. Мать троих сыновей, находящихся в Красной армии, не смогла сидеть сложа руки и пошла работать на завод «Красная Этна». Женщины не только работали на станках, но и кратно выполняли план.

Еще одна книга, посвященная событиям Великой Отечественной войны, — «Экономией сырья и топлива укрепим оборонную мощь нашей Родины» — была написана Ноткиным в 1942 году. Он полагал, что борьба за экономию стала одним из проявлений советского патриотизма, ведь каждый сэкономленный килограмм металла, нефти, угля — это увеличение силы и огневой мощи Красной армии. Это добавочный удар по врагу Родины. Сегодня в нашей российской экономике очень много неэкономного. Что-то делается, тратится, и неизвестно на что, зачем и почему.

Важно сказать, что сотрудники Института экономики РАН пошли добровольцами на войну. В самом начале Великой Отечественной войны, 6 июля, 27 ученых собрались на площади возле здания Института на Волхонке и вступили в состав дивизии народного ополчения Киевского района Москвы. Среди этих сотрудников были Анчишкин, Шепилов, Маркус, Бессонов, Кронрот, Телятников, Куркин, Маневич, Фейгин и некоторые другие. Отмечу, что Шепилов с 1937 года работал в Институте экономики, имел докторскую степень, публиковал научные монографии, был ученым секретарем. Но, несмотря на все это, пошел на фронт. Шепилов действительно был талантливым человеком и быстро поднялся по карьерной лестнице. Войну он закончил в чине генерал-майора.

На фронтах Великой Отечественной войны воевали не только ученые Института экономики РАН. Например, советский политэконом Яков Кронрод пошел добровольцем в дивизию народного ополчения Киевского района Москвы. Вот что он писал: «6 июля 1941 года я надел солдатскую шинель. В 1941 году предстояли тяжелые бои под Москвой, отступление, окружение, прорыв через линию фронта к своим. Наконец, остановка немцев на подступах к Москве».

Плановая экономика — экономический фактор Великой Победы

Карлик: Экономику Советского Союза за все его существование можно разделить на три периода: война, восстановление после войны и подготовка к следующей войне.

Возьмем 1919–1921 годы. Это начало восстановления народного хозяйства. После этого идет подготовка к войне и сама война. Затем начинается новый период — восстановление народного хозяйства, и так по кругу вплоть до 1960 года, пока у нас не появились энергоносители. Мы не могли провести структурную перестройку, не подняв народное хозяйство.

В 1942 году был образован Институт уполномоченных Госплана в краях, областях, автономных и союзных республиках. Стоит сказать, что институт был создан еще до начала войны. В 1939 году появились первые уполномоченные, но это было разовое явление. В своем окончательном виде организация начала работать в 1942 году. На аппарат возлагались следующие задачи:

- проверка выполнения государственных народно-хозяйственных планов по всем предприятиям и хозорганам, находящимся в республиках;
- предоставление предприятиям и хозорганам результатов проверки выполнения государственных планов;
- определение урожайности с/х культур для органов ЦСУ;
- распределение электроэнергии, разработка материальных балансов и планов кооперирования промышленных предприятий по заданиям правительства.

Институт координировал всю деятельность на данной территории, и через него решались все межрегиональные, межотраслевые и межфункциональные вопросы.

Как формировался этот аппарат? Я провел небольшое исследование и сравнил 50 уполномоченных, работавших в институте при Совете народных комиссаров СССР. Выяснилось, что 12 человек из 50 окончили Институт народного хозяйства имени Энгельса в Ленинграде.

В 1942 году мой отец уже был назначен заместителем уполномоченного Госплана. Все решения о выборе уполномоченного и его заместителя всегда принимал председатель организации. И возникает вопрос, как мой отец, Евсей Моисеевич, попал на эту должность.

Еще до войны он начал преподавать в Ленинградском инженерно-экономическом институте. В это время отец написал и опубликовал ряд работ по проблемам развития черной и цветной металлургии, металлопотребления в СССР и капиталистических странах, а также по методике проектирования машиностроительных заводов. Именно по этим работам Евсея Моисеевича выбрали на пост замуполномоченного, так как были определенные достижения.

Хочу отдельно отметить, что люди, занимавшие пост уполномоченного Госплана, оканчивали Институт народного хозяйства имени Энгельса. С чем это связано? В учреждении велась целевая подготовка. Студенты должны были многое знать, уметь и делать. Ни о каких компетенциях, которым много внимания уделяется сейчас, разговора не шло.

Например, была поставлена конкретная задача — подготовить высококвалифицированных экономистов, которым предстояло решать вопросы финансирования промышленных предприятий, снабжения заводов и так далее. Этим и занимался Институт народного хозяйства имени Энгельса. А люди, получившие такое образование, занимали определенное место в системе планирования военной экономики.

В настоящее время нам бы пригодился Институт уполномоченных Госплана. Посмотрите, что происходит в рамках развития нашего оборонно-промышленного комплекса. Предприятия работают семь дней в неделю по 24 часа в сутки. Но возникает противоречие между указаниями наших органов власти. Нет координирующего аппарата в данном случае.

К примеру, у руководителя предприятия есть гособоронзаказ. Он не может отказаться от него или не выполнить. Перекидывать деньги с одного проекта на другой нельзя, потому что это не целевое использование. В этом случае могла бы помочь какая-то координирующая структура, которая позволяла бы решить эти вопросы.

Вклад транспортной отрасли в Великую Победу

Буровцев: Великая Отечественная война стала колоссальным вызовом для экономики, в частности для транспортного комплекса. В это время были разработаны и внедрены новые технологии. Одним из примеров строгой дисциплины и требовательности в период войны был плакат, который висел у каждого машиниста паровоза. На нем было написано: «Проезд под красный сигнал семафора — это измена Родине».

Первоочередное продвижение воинских эшелонов и грузов, связанных со стратегическим развертыванием Советских Вооруженных Сил, сдваивание составов, принудительная выгрузка несрочных грузов, перевод на военный лад всей деятельности Министерства путей сообщения — все это говорило о переходе к мобилизационной экономике. Среди новшеств в транспортной сфере того времени стоит выделить мобильные паровозные колонны особого резерва и мобильные депо, которые обеспечивали обслуживание в прифронтовой зоне. Колонны из 30 паровозов находились в непосредственной близости от ведения боев и открывали новые возможности для управления.

Конечно, важно упомянуть людей, которые проявили себя на фоне текущих событий. Например, Николай Алексеевич Вознесенский — выдающийся советский ученый и экономист. Он занимал ключевые должности в Правительстве СССР и являлся одним из организаторов экономической политики во время войны.

Важнейшее направление — эвакуационные перевозки. Требовалось обеспечить два встречных мощных потока: стратегических перевозок на запад и эвакуоперевозок на восток. Первый поток требовал 1280 тысяч вагонов, второй — 1500 тысяч вагонов. Они перевозили:

- население;
- промышленное оборудование предприятий, заводов, шахт и металлургических комбинатов Донбасса;
- сырье;
- топливо;
- ресурсы сельского хозяйства;
- транспортное оборудование железных дорог;
- учебные и научные учреждения, больницы;
- другие материальные и культурные ценности.

К середине 1942 года мобилизационный уровень перевозок достиг значительных показателей, и большинство эвакуированных предприятий было успешно восстановлено и начало выпуск продукции. Это заслуга многих работников, включая железнодорожников. К 1943 году Советский Союз уже опередил Германию в производстве военной техники. А к 1944 году доля восточных регионов в общем промышленном производстве СССР превысила половину.

Важный след в истории оставил народный комиссар путей сообщения Иван Владимирович Ковалев. Он внедрил новые методы управления железнодорожными перевозками и организовал эвакуацию промышленности.

Перевод транспортной логистики на военные рельсы характеризовался целым рядом направлений. Это и увеличение грузопотоков, и реконструкция путей. В кратчайшие сроки были построены новые железнодорожные линии, например Волжская рокада. Этот путь сыграл ключевую роль в снабжении Сталинградского фронта.

В то время ученые разрабатывали методы рационального использования вагонов, оптимизации маршрутов и распределения ресурсов. Кроме того, специалисты оценивали новые направления с учетом рисков диверсий и бомбардировок.

Ключевое направление того периода — укрепление кадров. Так, в 1942 году был прекращен призыв железнодорожников в армию. Наиболее квалифицированных специалистов начали возвращать с фронта на транспорт. К 1943 году все работники вернулись на места прежней работы. В том же году железные дороги перешли на военное положение.

Одновременно СНК СССР утвердил Устав о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта. Появились новые формы и методы работы. Люди начали перевыполнять план на 200–300% (движение двухсотников). Также было хорошо известно движение лунинцев. Оно характеризовалось тем, что ремонт паровозов осуществлялся силами самой локомотивной бригады, а пробег локомотивов между деповскими ремонтами увеличивался.

Проявил себя начальник Главного управления тыла Красной армии Андрей Васильевич Хрулев. Он использовал много новых подходов в организации железнодорожного комплекса. Если посмотреть на цифры, то мы увидим, что железнодорожный транспорт сыграл ключевую роль в перевозке грузов и пассажиров. В 1941 году доля отрасли в грузообороте составляла 93%.

В военное время было перевезено 20 млн вагонов с солдатами, снарядами, техникой, продовольствием. Если выстроить эти эшелоны по цепочке, то ими можно обернуть Землю по экватору четыре раза. Отмечу, что поезда шли сплошным потоком. Иногда интервал между ними составлял 600–700 метров. Это критически малые величины.

Всегда говорят о строительстве, но на самом деле наши граждане не только возводили, но и вовремя уничтожали железные дороги. Это был важный момент. Заградительные работы производились в основном двумя способами: механическим и взрывным.

В годы Великой Отечественной войны железнодорожные войска совместно со спецформированиями Наркомата путей сообщения восстановили 117 тысяч километров главных станционных и подъездных путей. Для сравнения: в России эксплуатируется 86 тысяч километров путей.

Сегодня много говорилось о ленд-лизе. Так, реконструкция Транссиба позволила пропустить из портов Дальнего Востока в центральные и прифронтовые районы более 4 млн тонн груза.

Именно этими усилиями ковалась Победа. Были сделаны выводы, на которые мы сегодня опираемся. Технологический суверенитет РФ является важнейшим фактором безопасности и эффективности транспортного комплекса. На данный момент у нас есть базы, где хранятся паровозы, которые готовы в любой момент в случае отсутствия электроэнергии встать на рельсы.

Кроме того, сохранена и приумножена сеть образовательных учреждений, которые имеют двойное назначение: университеты и военные учебные центры. Это тоже важнейший фактор обороноспособности государства.

«Пространство науки» о Великой Победе

Ильина: Вопросы, касающиеся производительности труда и развития науки, возникали еще во время Первой мировой войны. С 1920 по 1930 год доля женщин-ученых увеличилась до 25%, к 1988 она выросла до 40%. Это данные к теме поиска возможных вариантов решения проблемы.

Я представляю журнал «Пространство науки». Первый номер издания посвящен 80-летию Победы в Великой Отечественной войны, а создан он был в 2024 году. Особенность издания — это углубленное изучение и систематизация знаний об истории отечественной науки и техники, развитии медицины и об особенностях применения исторического опыта в развитии страны с учетом современных условий. Главным редактором является Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, председатель Правления Российского исторического общества.

Я бы хотела рассказать о тех проектах, с которыми работают наши коллеги. В данном журнале опубликовано интервью с Александром Михайликом, заместителем руководителя Казначейства России, одним из инициаторов, организаторов и участников проекта «Наркомы Великой Победы». В интервью описана система организации и управления народным хозяйством в эпоху ВОВ. Например, опыт эвакуации Госзнака буквально за две недели.

Заместитель директора по научной работе АРАН Осипова в своей статье «О доблестях, о подвигах, о славе...» говорит о том, что наши ученые во время ВОВ проводили ряд серьезных разработок. В частности, приведены документы о системе размагничивания боевых кораблей, аэродинамических систем, бронестекла «БС», снарядов реактивных минометов «Катюша» и так далее.

Один из блоков журнала посвящен шефской помощи, оказываемой членами Академии наук Красной армии. К 1943 году научным обществом было собрано 2,5 млн рублей, переданных для строительства танковой колонны «За передовую науку». Это очень важно. Кроме того, мы также собрали фотографии ученых, академиков, которые принимали участие в ВОВ.

Наша коллега Татьяна Реброва поделилась с нами, что в этом году мы отмечаем не только 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, но и создание специального комитета при Государственном комитете обороны, с образования которого начинается история развития отечественной атомной промышленности. На комитет была возложена организация всей деятельности по использованию атомной энергии в СССР.

В своей работе мы также говорим о роли транспортной отрасли, которая повлияла на войну. В этом году исполняется 95 лет Институту экономики и финансов РУТ (МИИТ).

Завершить хочу словами о проекте Ужанова «Решение проблемы сбережения военно-мемориального наследия в едином пространстве памяти Второй мировой войны». В коллективной защите в Европе нуждаются 4300 военных мемориалов, в которых захоронено более 2 млн советских воинов-освободителей. По данному направлению Минобороны было паспортизировано около 32 тысяч захоронений. Из них 50% погибших было опознано перед захоронением.

Крестьянство для фронта

Петриков: Я буду говорить о крестьянстве и его вкладе в Победу. У меня есть три тезиса.

Первый. В 1939 году, по данным переписи населения, крестьянство составляло 67% от общей численности населения СССР. Это 131 млн человек. Городское трудоспособное население в значительной степени занималось оборонной и транспортной промышленностью. Поэтому большинство воинов Красной армии были выходцами из советских деревень. Об этом никогда нельзя забывать.

Второй. Мне бы хотелось подчеркнуть роль экономических методов регулирования хозяйственной деятельности, которые применялись в годы войны. Я могу привести факты на примере аграрной экономики. Так, военные колхозы и совхозы имели ряд преимуществ: снижение плана до 50% и освобождение обязательных поставок государству. Также стоит упомянуть о расширении личных огородов для городского населения и развитии личных подсобных хозяйств сельского населения, которое во многом обеспечивалось именно этими источниками продовольствия.

Методы экономического стимулирования, которые применялись во всех сферах народного хозяйства для превышения плановых показателей, и увеличение рабочего времени сыграли значительную роль в военной экономике. Например, можно упомянуть следующие факты. Анализируя структуру источников продовольственного обеспечения рабочих городов, к 1950 году можно увидеть, что поступления от колхозных рынков и из личных хозяйств составили почти 90%: овощей — 53%, а мяса — 50%. Все это было результатом использования экономических, а не мобилизационных мер.

Колхозы проявили удивительную жизнеспособность в период войны по сравнению с государственными совхозами. Важно отметить, что колхозы сумели более успешно сохранить посевные площади и скот, а также в меньшей степени сократили товарное производство. Кроме того, эти коллективные предприятия обладали большим уровнем самостоятельности и использовали демократические методы управления. Например, председатели избирались колхозниками. Эти факты необходимо учитывать и помнить, когда рассматривается история данного периода.

Третий. Я хотел бы отметить дифференцирование поставок по ленд-лизу по разным позициям продовольственного характера. Например, доля поставок хлеба по ленд-лизу составляла 0,66% от общего объема, хлебобулочных изделий — 1,3%, сахара и растительных жиров — около 23%.

Удивлением для меня был тот факт, что советское правительство на самом деле не отказалось от продовольственного экспорта во время войны. Он составил 633 млн рублей. Это существенно меньше, чем импорт, но, тем не менее государство зарабатывало за счет этого экспорта валюту и использовало для покупки нужных товаров. В США мы за время войны отгрузили 94 тонны икры, десятки тысяч ящиков с консервами крабов и так далее.

К концу войны, когда мы еще не восстановили свой аграрный потенциал и наше население испытывало продовольственные трудности, мы стали снабжать продовольствием освобожденные государства, впоследствии их стали называть странами народной демократии.

В заключение хочу сказать, что крестьянство и аграрная наука выполнили свой долг перед страной.

Удар по демографии

Аганбегян: Существуют разные оценки. Согласно последним данным, во Второй мировой войне СССР потерял 26,6 млн граждан, из которых служивших в армии и силовых структурах — около 8 млн. За все время насчитывается более 18 млн раненых, которым удалось выжить.

Германия потеряла порядка 6 млн человек, а ее союзники — 1,7 млн. Эти цифры заставляют задуматься о демографических последствиях, которые мы до сих пор остро ощущаем.

Также приведена цифра, касающаяся национальных богатств. Потери СССР составили около 30%, так как военные действия охватили самые экономически развитые и густонаселенные районы.

Бодрунов: В завершение хочу подчеркнуть важность сохранения памяти о прошлом. Сегодня мы вспоминаем многое из того, что каждый из нас пережил лично, а также то, что пережили наши близкие.

Моя мать часто рассказывала мне о своей жизни после того, как ее отец ушел добровольцем на фронт и погиб. Она описывала, насколько трудны были испытания того времени и как ей пришлось бороться за выживание. Эти истории у меня остались в памяти, и я понимаю, насколько важно помнить прошлое и извлекать уроки из него.

Мероприятия, которые мы организуем, помогают связать прошлое с настоящим. К сожалению, иногда история повторяется, поэтому важно учиться на ошибках.

ЧАСТЬ IV

ВЭО И ГЛАВНЫЕ
РЕФОРМЫ РОССИИ.
260 ЛЕТ В АВАНГАРДЕ
ПРОГРЕССА

РОЛЬ ВЭО РОССИИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

РОЛЬ ВЭО РОССИИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

В 2025 году Вольному экономическому обществу России исполняется 260 лет. Это старейшая общественная организация Европы и мира, первый институт гражданского общества России. Какой вклад внесло ВЭО России в развитие здравоохранения, образования, народного просвещения, научного и технологического прогресса, становление новых отраслей хозяйства, модернизацию аграрного сектора и пространственное развитие, обсудили эксперты научно-практической конференции «Роль Вольного экономического общества России в истории Отечества».

Организаторы конференции: Вольное экономическое общество России и Российское историческое общество

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор Института нового индустриального развития
имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН

Константин Могилевский,
сопредседатель Российского исторического общества,
заместитель министра науки и высшего образования РФ

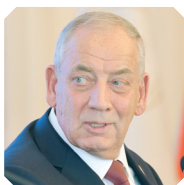
Руслан Гагкуев,
председатель Правления Российского исторического общества,
исполнительный директор фонда «История Отечества»

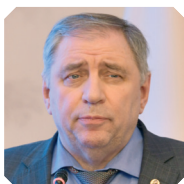
Олег Смолин,
первый заместитель председателя
Комитета Государственной Думы
по науке и высшему образованию,
член Президиума ВЭО России

Борис Порфирьев,
руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН,
научный руководитель Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Сергей Митин,
первый заместитель председателя
Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ
по аграрно-продовольственной политике и природопользованию,
вице-президент ВЭО России

Александр Петриков,
директор Всероссийского института
аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова,
академик РАН,
член Президиума ВЭО России

Григорий Циденков,
доцент кафедры управления и сервиса Самарского
государственного социально-педагогического университета,
член Российского исторического общества

Бодрунов: Рад приветствовать вас на конференции, приуроченной к славному юбилею Вольного экономического общества России — 260-летию со дня основания. Конференцию мы проводим совместно с Российским историческим обществом (РИО). В перечень приоритетных тем работы РИО на 2025 год включена эта знаковая дата. С РИО Вольное экономическое общество России связывает долговременное динамично развивающееся сотрудничество, плодотворная совместная работа, направленная на реализацию просветительских инициатив, сохранение и популяризацию научного, исторического и культурного наследия нашей страны.

Сегодня мы будем обсуждать ключевые инициативы и начинания, получившие развитие под эгидой ВЭО и кардинально повлиявшие на ход истории нашей страны.

ВЭО России и РИО: сохраняя историко- экономическое наследие

Могилевский: Мы с вами находимся в Доме Российского исторического общества. Здесь с 2016 года располагается штаб-квартира РИО. Это особняк Рахмановых — одной из богатейших старообрядческих семей дореволюционной Москвы, которая заработала свое состояние на торговле хлебом. Это были меценаты, люди с широким кругом интересов. Их городская усадьба сохранилась и с 2016 года является одним из центров исторического просвещения в Москве. РИО плодотворно сотрудничает с Вольным экономическим обществом России, считаем эту работу полезной и востребованной.

Безусловно, отечественная история неразрывно связана с развитием экономической теории и практики. Создание купеческих гильдий, появление банков и акционерных компаний, новая экономическая политика и мобилизация советской экономики в годы Великой Отечественной войны — все это яркие страницы нашего прошлого. Поэтому мы уделяем большое внимание популяризации экономической истории страны. В прошлом году мы проводили круглый стол, посвященный освоению целинных земель, а в этом — состоялись дискуссии по истории биржевого дела и Северного морского пути, стратегически важной транспортной артерии для страны. Все эти мероприятия были организованы совместно с Вольным экономическим обществом России.

260-летний юбилей ВЭО России входит в число приоритетных тем работы РИО на 2025 год. ВЭО России еще со времен императрицы Екатерины Великой объединяет ведущих ученых и экспертов страны для поиска ответов на актуальные вызовы, содействует социально-экономическим преобразованиям.

Сегодня российские экономисты, продолжая славные традиции прошлого, вносят значимый вклад в достижение национальных целей развития страны. Подчеркну, что у экономистов и историков много общего. Важно находить в обилии фактов закономерности, которые помогают не только ответить на вопросы прошлого, но и делать прогнозы. Поэтому нам всегда есть что обсудить.

Гагжуев: В последние годы Российское историческое общество и фонд «История Отечества» плотно сотрудничают с Вольным экономическим обществом России. Это крепкие, партнерские, по-настоящему дружеские отношения. В марте этого года они были подкреплены трехсторонним соглаше-

нием о сотрудничестве. В основе нашего тесного взаимодействия лежит стремление сохранять и приумножать традиции отечественной экономической мысли, извлекать из прошлого востребованные в современности уроки, сохранять нашу общую историю.

Важно, что эта работа приносит конкретные результаты. В начале этого года Вольное экономическое общество России и фонд «История Отечества» впервые провели совместный конкурс историко-просветительских проектов. По его итогам финансовую поддержку получили четыре самых перспективных проекта из области экономической истории: в Барнауле в Алтайском государственном университете открылась выставка «Первые горняки и металлурги Алтая: от эпохи бронзы до Акинфия Демидова», в Краснодаре в Кубанском государственном университете прошла выставка, посвященная Стахановскому движению, «Трудовая слава народов СССР как залог Победы в Великой Отечественной войне». В Елецком

государственном университете имени И. А. Бунина состоится Всероссийская научно-практическая конференция «Основы российской экономической мысли: из прошлого в будущее», приуроченная к 260-летию Вольного экономического общества России. Кроме того, наши коллеги из Санкт-Петербургского государственного университета сейчас активно готовят к публикации монографию «Россия на экономических фронтах Первой мировой войны». Реализация всех этих проектов была поддержана РИО и ВЭО России.

РИО активно участвует в подготовке масштабного общероссийского проекта Вольного экономического общества России — образовательной акции «Всероссийский экономический диктант». Эксперты РИО задействованы в подготовке заданий акции. Напомню, в прошлом году Экономический диктант написали почти 400 тысяч человек.

Подводя итог, скажу: в год 260-летия Вольного экономического общества России мы ведем особенно насыщенную совместную работу в области исторического просвещения. Уверен, наше сотрудничество будет укрепляться.

ВЭО и главные реформы России. 260 лет в авангарде прогресса

Бодрунов: Итак, коллеги, я хотел бы провести небольшой экскурс и рассказать об основных вехах в истории Вольного экономического общества России, которые неразрывно связаны с ключевыми этапами развития российского государства, помогают понять прошлое, настоящее и будущее нашей страны, масштаб деятельности отечественных общественных институтов, их определяющую роль в социально-

экономическом развитии страны и колоссальный вклад в культуру, образование, науку и экономическую практику.

260 лет назад, 31 октября (11 ноября по новому стилю) 1765 года императрица Екатерина Великая издала Указ об учреждении первого института гражданского общества в стране — Императорского Вольного экономического общества — и разрешила использовать в символике общества свой герб и девиз: «Пчелы, в улей мед приносящие» с надписью: «Полезное».

Идея создания организации, основной целью которой было народное просвещение, внедрение в народное хозяйство передовых практик, разработка идей реформирования экономики, социальной жизни, государственного управления с учетом российских реалий, зарубежного опыта, интересов населения, принадлежала великому русскому ученому-энциклопедисту Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Согласно глубокому убеждению ученого, синергия трех сил — науки, образования и гражданского общества — должна была стать двигателем социально-экономического прогресса. Обеспечение такого триумвирата позволяло переложить результаты фундаментальных исследований на почву общественного знания и обсуждения, а затем — интегрировать в народное хозяйство. ВЭО стало недостающим звеном в цепи «наука — образование — гражданское общество», первой в истории России трибуной, призванной продвигать передовую научную и экономическую мысль в практику.

Благодаря идеям Михаила Васильевича Ломоносова и решительности Екатерины Великой в России появилась первая площадка, которая объединила ведущих ученых, общественных и государственных деятелей ради общей цели: поиска решений насущных задач хозяйственной жизни страны, просвещения и внедрения в практику прогрессивных экономических новелл.

Учреждение ВЭО — не просто важное, это поворотное событие в истории нашей страны. ВЭО стало первой ласточкой и предвестником гражданского общества в России, альма-матер всех созданных позднее организаций и быстро сняло славу авторитетного центра общественной и научной мысли, рупора общественного мнения по актуальным вопросам социально-экономического развития страны.

С момента основания ВЭО к его работе была привлечена вся интеллектуальная элита страны. Ведущие ученые своего времени, лучшие умы Академии наук разрабатывали под эгидой ВЭО комплексные решения сельскохозяйственных и социально-экономических проблем страны.

Как писал первый историограф ВЭО Алексей Иванович Ходнев, «большая часть членов Академии были долгое время членами Вольного экономического общества и принимали самое деятельное участие в его занятиях, разрабатывая здесь вопросы в ближайшем применении к России и занимаясь исследованием естественных ее произведений, они сближали науку с жизнью и желали принести непосредственную пользу стране».

Несколько примеров того, как ВЭО сближало науку с практикой. Автор периодической системы химических элементов Дмитрий Иванович Менделеев по заданию ВЭО проводил опыты в области агрохимии и нашел решение одной из ключевых задач того времени — повышения урожайности культур. По заданию ВЭО известный российский географ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский и публицист Николай Яковлевич Данилевский исследовали возможности вовлечения земель Черноземья в сельскохозяйственный оборот. Создатель теории химического строения органических веществ и глава Пчеловодной комиссии ВЭО Александр Михайлович Бутлеров развивал в стране передовые практики пчеловодства. Важное значение имело всегда тесное сотрудничество Императорского ВЭО с Академией наук. Практически все члены Академии наук являлись членами ВЭО. Так, активное участие в жизни ВЭО во второй половине XVIII века принимали академики: картограф Якоб фон Штелин, математик Леонард Эйлер, географ Петр Рычков, минералог Иоганн Леман, химик и ботаник Эрик Лаксман, историк Иван Тауберт, механик и изобретатель Андрей Нартов и многие другие.

Кроме того, Академия наук и ВЭО снаряжали совместные научно-исследовательские экспедиции. По поручению и на средства ВЭО академик Василий Васильевич Докучаев предпринял ряд экспедиций для исследования чернозема в 1877–1881 годах. Результатом этой работы стал фундаментальный, единственный в своем роде труд «Русский чернозем», который был удостоен благодарности ВЭО и Макарьевской премии Академии наук.

ВЭО сыграло ведущую роль во многих сферах развития сельского хозяйства, в становлении отечественной статистики, страхового дела, дошкольного, школьного и коммерческого образования, здравоохранения. «Не было ни одного вопроса в экономической и хозяйственной жизни страны, в котором бы наше общество не принимало участия, а нередко и не являлось начинателем», — отмечал в 1890 году секретарь ВЭО и знаменитый ботаник Андрей Николаевич Бекетов.

Одна из ярких страниц в истории ВЭО — борьба с оспой. Общество помогло искоренить самую страшную болезнь XIX века, оказывая поддержку всеобщей вакцинации. ВЭО закупало лекарства, обучало медицинский персонал и отправляло медиков во все регионы страны. Трудно переоценить значение просветительской деятельности ВЭО. В 1861 году был основан Комитет грамотности. За 35 лет работы эта структура издала более 2 млн экземпляров образовательной литературы, азбук, книг, учебных пособий, которые распространялись через церковно-приходские школы, ремесленные училища и благотворительные учреждения.

ВЭО активно содействовало ремесленническому обучению и созданию в стране системы среднего специального образования, высшего образования, а также стояло у истоков формирования институтов гражданского общества. Принципы организации ВЭО стали образцом для созданных позже общественных организаций, в том числе Русского географического общества, Российского исторического общества, научно-технических, сельскохозяйственных обществ.

Принципы работы ВЭО остаются неизменными уже более двух с половиной веков.

Первый принцип — открытость. ВЭО никогда не было закрытым клубом для избранных. Его двери были открыты для представителей всех экономических и общественных течений, которым небезразлична судьба страны. На площадке ВЭО каждый мог свободно высказывать свою позицию. Писатель Викентий Викентьевич Вересаев отмечал: «Зал заседаний III отделения Вольного экономического общества, где делались доклады на злободневные экономические темы, ломился от публики... всюду кипели споры». В ВЭО всегда с уважением относятся к любым идеям и предложениям при условии, что они направлены на благо страны, и это позволяет находить оптимальные решения приоритетных задач социально-экономического развития.

Второй принцип — междисциплинарность. С первого дня работы общество объединяло представителей разных отраслей знания. В его рядах трудились не только экономисты, но и географы, химики, социологи, обществоведы, политологи, агрономы, ботаники, металлурги, статистики, писатели и поэты. Мы бережно храним эту традицию. ВЭО России вовлекает в свою работу весь отечественный научный корпус, тесно сотрудничает с Российской академией наук, ведущими научными и аналитическими центрами страны. Среди экспертов общества — специалисты, представляющие как общественные науки, так и естественные.

Третий принцип — служение России. Работа ВЭО всегда направлена на благо страны. Сегодня общество ведет активную просветительскую работу, а также научно-экспертную и аналитическую деятельность по разработке решений, направленных на достижение национальных целей развития РФ. Результаты этой работы принимают во внимание на самом высоком уровне. Президент России Владимир Владимирович Путин указал на значительный вклад ВЭО России в «организацию открытых дискуссий по важнейшим вопросам национальной повестки» и «активное участие в жизни страны».

Четвертый принцип — международный научный поиск. Еще на заре своей истории ВЭО привлекало к работе зарубежных исследователей. Например, на конкурс по проблемам земельной собственности крестьянства, объявленный императрицей Екатериной II, поступило около 160 работ. Всего семь из них были на русском языке. Сегодня ВЭО России укрепляет и развивает научное сотрудничество с зарубежными государствами, в том числе с Китаем, Индией и другими дружественными странами. В портфеле активных контактов ВЭО России — известные ученые и специалисты из 60 стран.

Летопись достижений ВЭО России так же многогранна, как история нашей страны. Обратимся лишь к некоторым из ключевых сюжетов истории ВЭО России и событий, которые дают общее представление, насколько полезную деятельность на благо процветания Отечества ведет ВЭО России на протяжении более четверти тысячелетия.

ВЭО разработало основы решения крестьянского вопроса, тормозившего развитие России в XVIII–XIX веках. Крепостное право было отменено. Еще в 1766 году ВЭО поставило конкурсную задачу о том, «нужна ли поземельная собственность крестьянину для благоденствия общественного», и дала старт общественному обсуждению крестьянского вопроса. Было получено 160 работ из России и из-за рубежа. В 1855 году вышла «Записка об освобождении крестьян» президента ВЭО Константина Кавелина, в которой изложен его проект отмены крепостного права. Многие положения реформы 1861 года основаны на идеях Кавелина.

ВЭО решало насущные проблемы отечественного здравоохранения. В 1768 году ВЭО включилось в работу по борьбе с оспой. В течение 100 лет организация изготовляла и распространяла оспенную материю и инструменты для прививок, готовила специалистов по оспопрививанию.

ВЭО занималось профильным развитием территорий страны: изучало состояние земель и недр, проводило цикл экспедиций по исследованию полезных ископаемых и природных ресурсов, ставило практическую аналитику на службу народного хозяйства. В 1804 году экспедиция Александра Купфера, снаряженная ВЭО, обнаружила на Урале залежи алунита, что сократило импорт квасцов на 80%.

ВЭО развивало и модернизировало аграрный сектор России. В 1766 году была построена беспрецедентная по масштабам для своего времени система централизованной рассылки семян в российские губернии. В 1803 году при ВЭО создан постоянно действующий «музеум» сельскохозяйственных машин и произведений. В 1824 году при ВЭО открыта сельхозмастерская, которая принимала заказы на изготовление новых моделей сельхозорудий. В 1828 году при поддержке ВЭО открыта первая в России школа практического пчеловодства.

ВЭО инициировало создание новых отраслей и сельскохозяйственных культур. Сыроварение, маслоделие, культивирование и распространение картофеля, производство сахара, овцеводство — все это появилось в стране благодаря усилиям Вольного экономического общества. В 1767 году ВЭО активно участвовало в распространении картофеля в России: рассылало клубни и семена по губерниям, печатало наставления по выращиванию картофеля и приготовлению блюд из него. В 1802 году ВЭО активно распространяло в губерниях семена сахарной свеклы для снижения зависимости от дорогого импортного тростникового сахара, подготовило почву для создания новой отрасли промышленности и строительства первых крупных свеклосахарных заводов. В 1802 году ВЭО инициировало переход к тонкорунному овцеводству в России и снизило зависимость страны от импорта. В 1865 году при поддержке ВЭО Николай Верещагин создал первую в России сыроваренную артель, положившую начало становлению и развитию сыроваренной отрасли и молочной промышленности в стране. Под эгидой ВЭО была реализована система развития отрасли: организованы школы молочного хозяйства (1871), поддержка племенных хозяйств, выставок, опытов по повышению удоев, внедрены передовые технологии сыроварения и маслоделия.

ВЭО стало родоначальником выставочной деятельности — новой перспективной формы экономического сотрудничества. В 1850 году ВЭО провело первую сельскохозяйственную выставку в Санкт-Петербурге, в 1860 году — выставку народных достижений в Санкт-Петербурге, на которой представлено более 3700 объектов.

ВЭО основало коммерческое и экономическое образование в России. В 1779 году при участии ВЭО создана Царскосельская земледельческая школа — первое в России специализированное учебное заведение сельскохозяйственного профиля, в 1796 году при активной поддержке и софинансировании ВЭО открыта Школа земледелия, горных и лесных наук. В 1804 году ВЭО основано Московское коммерческое училище (первое учреждение коммерческого образования в России). Президент ВЭО граф Иван Чернышев принял непосредственное участие в работе Комиссии, которая одобрила план по созданию училища, и в разработке первого Устава вуза.

ВЭО инициировало ликвидацию безграмотности во всех губерниях России. В 1861 году был создан Комитет грамотности при ВЭО, который за 35 лет работы издал более 2 млн экземпляров образовательной литературы, азбук, книг, учебных пособий.

ВЭО принимало активное участие в становлении и развитии российской статистики. В 1766 году начались работы по сбору статистических сведений о российской экономике. В 1849–1884 годах на средства ВЭО была снаряжена статистическая экспедиция под руководством Петра Семенова-Тян-Шанского для изучения и верификации данных в регионах.

ВЭО налаживает международные контакты, представляет достижения народного хозяйства России за рубежом. В 1867 году ВЭО приняло участие во Всемирной выставке в Париже, в 1873 году — представило на выставке в Вене исследования по российскому сельскому хозяйству и кустарным промыслам, в 1876 году организация привезла на выставку в Филадельфию достижения в области технических культур и лесоводства.

Инициативы Вольного экономического общества России внесли огромный вклад в развитие всех отраслей народного хозяйства, в модернизацию образования, здравоохранения, науки и техники, оказали значительное влияние на развитие России, ход исторических событий. История не знает сослагательного наклонения. Тем не менее без ВЭО пути развития нашего Отечества, без сомнения, были бы совершенно иными. Организация во все времена объединяет лучшие умы России, которые работают на пользу и во благо Отечества, служит трибуной для прогрессивных идей, способствует их воплощению в жизнь, внедрению в практику. Члены ВЭО, выдающиеся ученые, государственные и общественные деятели на протяжении нескольких веков, созидая, формируют наш культурный код и прокладывают путь к социально-экономическому и научно-технологическому прогрессу России. Сегодня

как никогда важна работа по сохранению и развитию нашего научного, исторического, экономического, культурного наследия, ценностных ориентиров, великих традиций — отечественного культурного кода. Именно в культурном коде, и это не раз подчеркивал президент России, заложена основа стабильности государства. В наших традициях и культурном коде — мощный потенциал России, ее настоящего и великого будущего.

ВЭО России — консолидирующая сила

Порфирьев: Коллеги, мы видим, какой колоссальный вклад внесло ВЭО России в социально-экономическое развитие нашей страны. Но я бы хотел обратиться к нашим дням и подчеркнуть, что ВЭО России сегодня является мощной консолидирующей силой, которая объединяет ученых, экспертов, представителей власти, бизнеса, образовательного сообщества.

Большое значение имеет региональный аспект деятельности ВЭО России. В структуру организации входят 65 региональных организаций и отделений во многих субъектах РФ, это позволяет аккумулировать комплекс экспертных предложений от специалистов со всей страны, вовлекать в просветительские инициативы ВЭО России молодежь из всех субъектов РФ. В частности, образовательная акция «Экономический диктант» ежегодно объединяет порядка 400 тысяч участников со всей России.

Хочу отметить междисциплинарный характер работы ВЭО России. Организация объединяет не только экономистов, но и представителей всех отраслей науки. Например, в Московском академическом экономическом форуме, который прошел в этом июне, принимали участие не только экономисты, но и медики, энергетики и геологи. Мне кажется, у нас даже есть некоторый потенциал для усиления междисциплинарности.

Важно, что ВЭО России всегда оперативно реагирует на актуальные вызовы, которые стоят перед нашей страной. Организация консолидирует научно-экспертное сообщество для поисков ответов на них. Приведу пример: сегодня один из центральных вызовов — это обеспечение технологического суверенитета страны и реализация так называемых проектов научно-технологического лидерства. Институты РАН (экономического профиля) и ВЭО России ведут активную работу, связанную с научно-технологическим прогнозированием, которая необходима для разработки экономической политики на среднесрочную перспективу.

Последнее, что я хотел сказать: ВЭО России — это не только авторитетная площадка, объединяющая интеллектуальный потенциал страны, но и люди. В разные годы в его деятельности принимали участие такие выдающиеся ученые, как Леонид Абалкин, Дмитрий Сорокин и Виктор Ивантер.

ВЭО — ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Петриков: Одной из важных заслуг ВЭО перед Россией является его вклад в развитие отечественного сельского хозяйства. Об этом следует не только помнить, но и применять накопленный обществом опыт в современных условиях, несмотря на то что современное сельское хозяйство и его роль в экономике кардинально отличаются от времени, когда этот опыт накапливался.

Несколько причин делают аграрный опыт ВЭО актуальным. Во-первых, сельское хозяйство в XXI веке, как и прежде, остается отраслью, определяющей экономическую идентичность России, является нашим стратегическим преимуществом на мировом рынке. И по мере обострения глобального продовольственного положения значимость отрасли будет только нарастать. Во-вторых, ряд технологий и факторов развития сельского хозяйства, над которыми работало ВЭО,

актуальны и сегодня. Речь идет об использовании малоинтенсивных (природоподобных) технологий, аборигенных сортов сельскохозяйственных культур, адаптации стандартных систем ведения сельского хозяйства к местным природно-климатическим условиям и т.д. В-третьих, ВЭО накопило огромный институциональный опыт модернизации сельского хозяйства, использование которого крайне необходимо нам сегодня, когда решается задача формирования научно-технологического суверенитета России в аграрной сфере. И наконец, материалы «Трудов ВЭО» и других изданий общества по сути являются сельскохозяйственной летописью России и имеют большое значение для составления объективной истории отечественного сельского хозяйства, аграрной науки и политики.

Говоря о ВЭО как институте сельскохозяйственной модернизации, необходимо выделить два аспекта — социальный и отраслевой. Сначала о специфике ВЭО как социального института, принципы деятельности которого содействовали аграрному развитию.

Прежде всего следует отметить всесословность и открытость ВЭО для всех социальных групп, заинтересованных в развитии сельского хозяйства. В предуведомление к Плану и Уставу Общества, опубликованным в первом выпуске

«Трудов ВЭО» (1765 год), его учредители писали: «Весьма будет нам приятно, если кто станет нам сообщать известия о особенном домостроительстве каждой провинции... Не останутся без благодарности и те, кои какой-либо учинят с успехом опыт в деле, касающемся до домостроительства или земледелия... Мы просим о том всех любезных сограждан наших, какого бы кто чина и звания ни был, и приглашаем их к вспоможению нам в сем нашем полезном труде».

Членами ВЭО были представители высшей знати, крупные землевладельцы и мелкопоместные дворяне, ученые, промышленники и купцы. В решении конкурсных задач участвовали крестьяне. В 1790 году специально для крестьян ВЭО объявило 14 конкурсных задач. Премия 10 рублей получил лифляндский крестьянин Петр Сиркаль за то, что «наибольшее количество картофеля в один год, кроме своего огорода, на поле развел и собрал».

Согласно поправкам в устав ВЭО 1824 года, его членами могли быть женщины, в то время как право учиться в высших учебных заведениях они законодательно получили только в начале XX века.

Всесословному составу ВЭО способствовало разнообразие статусов участников общества, демократичный характер и открытость его деятельности, включая самостоятельность принятия решений, а также постепенно сформированная финансовая независимость общества.

ВЭО содействовало учреждению других общественных институтов по развитию аграрной экономики, и прежде всего Императорского Московского общества сельского хозяйства (ИМОСХ) в 1820 году. Неслучайно в 1915 году президент ВЭО, профессор Санкт-Петербургского университета М. М. Ковалевский в речи по случаю 150-летия общества назвал Московское общество сельского хозяйства «младшим собранием ВЭО».

Основными направлениями деятельности ВЭО как отраслевого института были следующие: широкое изучение условий ведения сельского хозяйства, развитие сельскохозяйственных технологий путем экспертизы и адаптации к местным условиям имеющихся отечественных и зарубежных разработок, выполнения конкурсных задач общества, организации членами общества опытов и экспериментов в своих усадьбах, проведения научных исследований на опытных полях и учебных фермах ВЭО.

Только за первые 100 лет обществом было объявлено 243 конкурсные задачи и на 100 из них получены удовлетворительные ответы. Большинство из них касались сельского хозяйства. Члены ВЭО должны были проводить в своих имениях практические опыты по выращиванию и акклиматизации новых сортов зерновых культур, кормовых трав, овощей

и фруктов, испытывать новые сельхозорудия, применять на практике прогрессивные приемы земледелия, животноводства, рыбоводства, описывать свои опыты и присылать отчеты в ВЭО.

Членами общества являлись основатель российской агрономии Андрей Болотов, профессор сельского хозяйства Санкт-Петербургского университета, первый редактор «Земледельческой газеты» Степан Усов, гениальный русский химик Дмитрий Менделеев, сформировавший первую в России географическую сеть опытов по испытанию удобрений, создатель науки о почвах Василий Докучаев, выдающийся русский химик и пчеловод Александр Бутлеров, один из основоположников отечественной школы физиологов растений Климент Тимирязев, выдающийся русский агрохимик Дмитрий Прянишников, всемирно известный экономист-аграрник, создатель теории трудового крестьянского хозяйства Александр Чаянов и многие другие ученые-аграрники.

Одним из основных направлений деятельности общества по развитию растениеводства было рассылка семян для опытных посевов и испытаний растений в различных районах страны. В 1801 году, после того как Александр I предоставил обществу часть Петровского острова в Санкт-Петербурге, ВЭО начинает собственные полевые опыты по испытанию полезных растений и деревьев. Опыты проводились также на Охтенской ферме, арендованной обществом в 1847 году у Морского министерства. Практиковались командировки членов общества в различные регионы для изучения передового сельскохозяйственного опыта.

Действия общества по развитию сельскохозяйственного образования включали организацию новых учебных заведений и поддержку уже существующих, выделение стипендий на содержание учеников в государственных и частных сельскохозяйственных училищах, проведение публичных лекций на сельскохозяйственные темы в доме общества в Петербурге.

В 1825 году общество поддержало предложение графини Софьи Владимировны Строгановой об учреждении «Школы земледельческой, сельского хозяйства и горнозаводских наук с присовокуплением особого отдела ремесел». В 1843 году под покровительством общества открывается земледельческое училище с небольшой опытной усадьбой близ Гатчины.

За счет вкладов своих членов и закупок общество формировало различного рода коллекции, в том числе коллекции почв, ботанические гербарии, коллекции семян и колосьев, изделий народных промыслов. В 1803 году при Вольном экономическом обществе был открыт постоянно действующий музей сельхозинвентаря и техники. В нем были представлены сельскохозяйственные орудия и машины или их уменьшенные модели.

В 1850 году в Санкт-Петербурге при участии общества была проведена первая Всероссийская сельскохозяйственная выставка.

Впечатляют масштабы издательской деятельности ВЭО. К концу XIX века было опубликовано 259 томов «Трудов ВЭО» — главного печатного органа общества с тиражом от 600 до 6 тысяч экземпляров, ряд других периодических изданий, 176 отдельных сочинений (в основном аграрных), 126 книг для народного чтения.

С первого года своего существования ВЭО развернуло широкую программу по изучению условий развития сельского хозяйства России. Уже в первом выпуске «Трудов ВЭО» опубликована программа для описания условий ведения и состояния сельского хозяйства в российских провинциях, составленная Тимофеем Клингштетом, одним из учредителей общества, вице-президентом Юстиц-коллегии ливонских и эстляндских и финляндских дел, под названием «Экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций». Программа включала 65 вопросов о почвах провинций, выращиваемых сельскохозяйственных культурах, способах удобрения земли, разведении скота и птицы, применяемых орудиях обработки почвы и уборки хлебов, лесоводстве, пчеловодстве, рыбных и иных промыслах, переработке и сбыте продуктов, доходах поместий и крестьян, несельскохозяйственных занятиях населения.

В последующем изучению России в сельскохозяйственном отношении общество придавало очень большое значение. В 1829 году на основе хозяйственных сведений, присланных помещиками, издан «Русский земледельческий календарь, или Практическое руководство по части сельского хозяйства». В 1847 году опубликован свод сведений о средних ценах на хлеб и состоянии хлебной торговли, собранных в 1841–1847 годах. В 1867–1868 и 1871–1873 годах ВЭО и Императорское русское географическое общество на свои средства и при финансовой поддержке Министерства государственных имуществ, Министерства внутренних дел, Морского и Военного министерств провели совместную экспедицию по изучению хлебной торговли и производительности в 12 экономических районах страны. Материалы экспедиции публиковались в «Трудах ВЭО» и «Известиях РГО».

В 1878 году ВЭО составило программу для исследования сельской поземельной общины, разослало ее в губернские статистические комитеты, сельскохозяйственные общества, губернские земские управы, редакции газет и журналов и всем желающим лицам. С аналогичной инициативой выступило РГО. С 1880 года поступающие материалы публиковались обществами в виде «Сборника материалов для изучения сельской поземельной общины», который вызвал большой интерес в российском обществе.

В 1885 году обществом учреждена особая комиссия и разработана программа по изучению внешней торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Результаты исследования опубликованы в монографии «Труды комиссии при Императорском вольном экономическом обществе по вопросу о внешней хлебной торговле» (1885 год).

В начале XX века общество исследует социально-политические вопросы развития сельского хозяйства и российской деревни. Согласно докладу Сергея Прокоповича, в ноябре 1907 года общество распространило в 47 губерниях европейской части страны бланк для изучения аграрного движения. Результаты опроса опубликованы в 1908 году.

В 1911 году ВЭО выступило с предложением организовать новое исследование, посвященное анализу итогов Столыпинской реформы. Результаты этой работы были обобщены И. В. Чернышевым и изданы ВЭО в 1917 году.

Важнейшее направление деятельности ВЭО — формирование общих (экономических и политических) условий для развития сельского хозяйства. Речь прежде всего идет о дискуссиях по крестьянскому вопросу и участию в отмене крепостного права и в других аграрных реформах. Начало этой традиции было положено Екатериной II: в 1766 году она (под именем неизвестной особы) предложила членам общества премию и задачу: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны».

Крестьянский вопрос периодически возникал в обществе в дискуссии 1819–1822 годов о ликвидации чересполосицы в крестьянском землепользовании, в сочинении профессора Харьковского университета Людвиг Якоба о сравнительной выгоды вольнонаемного и крепостного труда.

Члены ВЭО приняли участие в работе редакционных комиссий по подготовке документов реформы 1861 года, в исследовании эффективности столыпинских преобразований.

В апреле 1917 года ВЭО совместно с Московским обществом сельского хозяйства и другими организациями образовало межпартийную Лигу аграрных реформ. Ряд положений трудов Лиги нашли отражение в земельных декретах и законах советской власти.

Говоря о лоббировании интересов отрасли в органах государственного управления, следует вспомнить деятельность Николая Мордвинова, президента общества с 1823 по 1840 год, автора многочисленных «мнений» и записок в правительственные инстанции с целью улучшения положения в отрасли. В 1833 году во время постигшего Россию голода Мордвинов обратился к Николаю I с Всеподданейшим

докладом о мерах по сельскому хозяйству и возглавил Комитет об усовершенствовании земледелия в России. В результате в 1837 году было образовано Министерство государственных имуществ, ставшее впоследствии Министерством земледелия. Таким образом, можно с существенной долей уверенности утверждать, что Мордвинов является крестным отцом Министерства сельского хозяйства России.

ВЭО заботилось об улучшении продовольственного обеспечения, поощряя помещиков заводить на случай голодных лет запасные хлебные магазины. Оказывало масштабную помощь населению во время голода 1891–1892 годов.

При поддержке президента ВЭО принца Ольденбургского в 1845 году общество организовало обсуждение проекта промышленника С. И. Мальцова «Об удержании средних цен на хлеб». Автор предлагал в урожайные годы, когда цены на зерно снижались, скупать его или принимать в залог под ссуду. При неурожае, когда рыночные цены повышались, хлеб из государственных запасов должен был продаваться по твердым ценам. Общество поддержало проект, но он так и не был претворен в жизнь.

Много внимания уделяло общество стимулированию агробизнеса по всей России, в том числе в отдаленных районах Юга и Сибири. Символично, что первым стал конкурс ВЭО среди экспортеров зерна, объявленный в 1765 году: «Золотая медаль в 25 червонцев тому, кто в течение 1766 года, до ноября, отправит через Санкт-Петербургский и Архангельский порты наибольшее количество русской пшеницы за границу, на российских или иностранных кораблях, однако же не меньше, как от 500 до 1000 четвертей». Золотую медаль и премию получили архангельские купцы Беренд, Иоанн Родде и Бейль за отпуск в 1766 году через Архангельский порт 10 489 четвертей пшеницы.

Общество содействовало формированию производственной инфраструктуры отрасли (семеноводства, снабжения средствами производства, сельскохозяйственной кооперации). Не всегда эта работа была успешной в части торговли семенами и сельскохозяйственной техникой, но ряд проектов оказали благоприятное влияние на отрасль. Например, поддержанный обществом проект Николая Верещагина по развитию артельного масло- и сыроделия, в котором участвовал и Дмитрий Менделеев.

В заключение следует остановиться на двух вопросах, часто возникающих при обсуждении сельскохозяйственной деятельности ВЭО.

Первый — насколько эффективной была эта деятельность. История знает два варианта ответа на этот вопрос. В царское время общество считали эффективной организацией: все императоры, кроме Павла I, выражали ему благоволение. Павел формально благоволение не выразил, но, как показали недавние исследования, фактически работу ВЭО одобрял. О положительной оценке деятельности общества свидетельствуют и выделяемые ему государственные субсидии, а также периодические поручения властей, хотя взаимоотношения ВЭО и чиновников переживали иногда не лучшие времена, в частности на рубеже XIX и XX веков и в начале Первой мировой войны.

В советское время преобладали критические оценки деятельности ВЭО. Основными аргументами было отставание в развитии сельского хозяйства и его низкая эффективность по сравнению с передовыми зарубежными странами. С нашей точки зрения, это сомнительная аргументация. Общество по определению не могло нести ответственности за общее состояние отрасли.

И второй вопрос — насколько необходимы такие институты по развитию сельского хозяйства, какими были Императорское Вольное экономическое общество или Императорское Московское общество сельского хозяйства, в наши дни. Ответ на него не очевиден, ведь многие задачи по развитию отрасли решаются правительственными учреждениями, научно-исследовательскими институтами и вузами, отраслевыми ассоциациями и союзами агробизнеса. Но одновременно следует отметить, что направления их деятельности часто не согласованы, предлагаемые

меры с необходимой глубиной не проработаны и не применены на практике, принимаемые решения и рекомендации не доведены до широких кругов сельских хозяев. Все эти задачи в свое время и решались ВЭО и ИМОСХ. С закрытием ВЭО в 1919 году и Московского общества сельского хозяйства в 1929 году их функции выполнялись с 1929 года Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), созданной при активном участии Николая Вавилова. В 1992 году ВАСХНИЛ была трансформирована в Российскую академию сельскохозяйственных наук, которая прекратила свое существование в 2013 году. Не стоит ли воссоздать такой универсальный научно-образовательный, экспертный и консультационный институт по модернизации сельского хозяйства, каким было Вольное экономическое общество и Московское общество сельского хозяйства? О целесообразности такого шага говорит и опыт ряда стран с развитым сельским хозяйством. В Англии работает основанное в 1838 году Королевское сельскохозяйственное

общество, в Германии — созданное в 1885 году Немецкое сельскохозяйственное общество, во Франции — Французская сельскохозяйственная академия — правопреемник учрежденного в 1761 году Сельскохозяйственного общества Франции.

Победа над оспой — триумф ВЭО

Митин: Созданное в Российской империи 260 лет назад (31 октября 1765 года) Вольное экономическое общество — по существу, первая в России независимая научная общественная организация.

Один из идеологов создания общества — Михаил Васильевич Ломоносов предполагал, что преимущество общества будет заключаться в независимости и неподчинении его никаким правительственным организациям, в том числе и самому правительству. Отмечу, что время создания ВЭО совпало с временем реформ системы государственного управления, проводимого Екатериной II.

Значительные изменения произошли в кадровой политике правительства по отношению к государственной службе дворянства. Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 года законодательно отменил обязательную государственную службу дворянского сословия.

В 1763 году была проведена сенатская реформа. Сенат лишился своей законодательной функции, но по-прежнему сохранял функции контроля и высшего судебного органа. Их сочетание в одном учреждении было главным недостатком реформы.

В 1764 году была проведена секуляризация церковных земель, по которой все монастырские земли с жившими на них крестьянами перешли в ведение государства. Это значительно увеличило размеры государственной земли и проживающих на ней крестьян, но и повысило ответственность государства.

В июле 1763 года создана Канцелярия опекунства иностранных — одно из центральных государственных учреждений империи, которое подчинялось непосредственно императрице. Возглавлялась Канцелярия президентом — графом Григорием Орловым. Канцелярия получала ежегодно 200 тысяч рублей на оказание помощи при переселении. Одновременно с этим вышел Манифест Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах».

Готовилась масштабная реформа местного управления, которая была проведена в 1775 году.

Екатерина II пришла к власти в результате «дворцового» переворота, совершенного в июне 1762 года, и, не имея никаких формальных юридических прав на российский престол, нуждалась в надежных и авторитетных сторонниках. Екатерине II понравилось предложение о создании нового органа власти, независимого от правящей верхушки, которая была не очень лояльна к императрице. Тем более что инициатором создания этого органа был близкий ей человек — Григорий Орлов.

Учитывая несовершенство и забюрократизированность государственной системы управления того времени, создание независимого органа, берущего на себя функции просвещения и продвижения передовых идей в огромной многонациональной стране, можно рассматривать как очень смелое и своевременное решение, направленное на совершенствование государственного управления.

Это подтверждают государственные акты в виде письма императрицы Екатерины II и рескриптов императоров Александра I, Николая I и Александра II, которые одобряют работу общества.

Подтверждает это и 260-летний юбилей ВЭО. На протяжении двух с половиной веков работа ВЭО сопровождалась научно обоснованными предложениями по реформированию и совершенствованию государственного управления страной.

Очень символично, что в преддверии 260-летнего юбилея под эгидой ВЭО и РАН под редакцией Сергея Глазьева и Сергея Бодрунова вышел новый классический учебник «Современное государственное управление», что продолжает традиции ВЭО.

Вернемся к моменту основания ВЭО. Общество возникло по инициативе передовых представителей дворянства и деятелей науки, которые были заинтересованы в успешном развитии сельского хозяйства и промышленности.

И конечно, справедливо будет выделить среди учредителей роль графа Григория Орлова.

Первое собрание учредителей состоялось 15 июня 1765 года в Санкт-Петербурге, в бывшем Штегельмановом доме, где жил Григорий Григорьевич.

На собрании общества 21 сентября 1765 года в присутствии графа Орлова было принято решение ходатайствовать перед императрицей «о принятии общества в единственное свое покровительство, не завися ни от какого правительства». После составления письмо было подписано «самим его сиятельством графом Григорием Григорьевичем Орловым и всеми членами». И по единодушной просьбе всех членов общества Григорий Орлов поднес это письмо императрице.

31 октября 1765 года Екатерина II в ответном послании объявила о согласии создания общества и утвердила его название. В этом огромная заслуга Григория Орлова, который не только поставил свою весьма весомую подпись под посланием Екатерине II, составленным инициативной группой, но и лично представил его императрице и добился ее положительного решения.

Одной из основных задач общества было распространение полезных знаний. Реализовалось это через выпуск печатных трудов общества. Причем Орлов добился, что все издания общества печатались за счет Кабинета Ея Императорского Величества (еще в начале учреждения общества граф Орлов объявил на одном из собраний, что последовало Высочайшее повеление, чтобы общество печатало свои сочинения на счет Кабинета).

Общество создавалось с твердым намерением изучать условия хозяйственной жизни страны и распространять полезные сведения. С этой целью учредители впервые продекларировали необходимость систематически собирать статистические сведения.

Общество пыталось выяснить причины высокой заболеваемости и смертности населения, которые мешали развитию производства и достижению военных целей, стоявших перед русским государством.

С 1766 по 1915 год ВЭО издало 280 томов научных трудов и провело около 250 конкурсов, в которых среди прочего уделялось внимание медицинским проблемам.

Заметный след в истории общества оставил один из его учредителей и первый президент Медицинской коллегии Александр Иванович Черкасов.

В 1768 году именно он пригласил в Россию англичанина доктора Томаса Димсдейла, который успешно сделал прививку императрице Екатерине II, наследнику престола Павлу и Григорию Орлову. Тем самым было положено начало вакцинации против оспы в России.

Екатерина прекрасно понимала, что привить императрицу и ее ближайших сторонников это хороший пример, но этого недостаточно для огромной, не понимающей пользы прививки страны. И инструмент для этого был найден — ВЭО. В течение более 100 лет (1765–1895 годы) Вольное экономическое общество являлось научно-практическим центром по распространению оспопрививания.

Однако кроме оспы страну потрясли и другие инфекционные болезни. В России началась эпидемия чумы. Москва пострадала от смертельно опасной болезни больше других российских городов.

27 сентября 1771 года в Московский Донской монастырь ворвалась яростная толпа, вооруженная топорами и кольями. Осатаневшие жители Первопрестольной мечутся по городу в поисках виновников своей беды — бывшая столица погибает от моровой язвы, как тогда называли чуму.

К сентябрю умирает уже до 800 москвичей в сутки. Толпа ищет архиепископа Московского Амвросия. Виноват, по мнению простого народа, конечно, он, потому что именно архиепископ запретил массовые паломничества к Боголюбской иконе Божией Матери, что над Варварскими воротами Китай-города. Архиепископа забили насмерть.

21 сентября 1771 года Екатерина была вынуждена назначить своим манифестом Григория Григорьевича Орлова генерал-губернатором Москвы. Для Орлова это был шанс проявить себя: он не боялся чумы и был убежден, что эпидемии можно было не допустить, если бы вовремя обо всем распорядиться.

Орлов не оплошал. Быстро преодолев осеннюю распутицу, Григорий Орлов с полками прибывает в Москву через две недели. Орлов лично обходил больницы, сопровождая врачей, и проверял качество содержания больных, принимал чрезвычайные меры по наведению порядка и проведению санитарных процедур.

За месяц с небольшим Орлову удалось сделать то, что до него не удавалось сделать целый год. 14 ноября был издан императорский указ о том, что с 1 декабря можно открыть все публичные места столицы. Григорий Орлов побеждает чуму правильно организованными санитарными мероприятиями и общественным порядком. Показывает пример борьбы с эпидемиями.

В честь Орлова отчеканена памятная медаль. На одной ее стороне изображен сам граф, а на другой — силуэт Москвы, на фоне которого Орлов. А над ним — полукругом надпись: «Россия таковых сынов в себе имеет».

Оспа поражала все слои общества. В XVIII веке в Европе от оспы ежегодно умирало 400 тысяч человек. В России конца XVIII века оспа убивала каждого седьмого ребенка. К 1804–1810 годам оспа заразила в России около 8 млн человек.

ВЭО активно включилось в борьбу со страшной болезнью прежде всего через пропаганду здорового образа жизни и убеждения прививаться. Впервые были использованы материалы труда доктора Андрея Гавриловича Бахерахта, который описал пользу прививок от оспы на примере императрицы Екатерины II. Брошюра вышла в 1769 году, была перепечатана в «Трудах ВЭО» в 1772 году и впоследствии удостоена серебряной медали ВЭО.

Во второй половине XVIII века в «Трудах ВЭО» публиковались статьи, побуждающие население до начала эпидемий добровольно прививать натуральную оспу.

После открытия английским врачом Дженнером нового, более безопасного способа предупреждения болезни ВЭО занялось пропагандой прививания людям коровьей оспы. Использовались научные данные, которые необходимо было распространить среди непонимающего населения.

В 1815 году в России был учрежден Оспопрививательный комитет, а в 1824 году ВЭО учредило специальное V отделение общества, «имеющее попечение о сохранении здоровья человеческого и домашних животных» (с 1859 года — Медицинский комитет). В него входили ученые и практикующие врачи различных медицинских специальностей, медицинские чиновники, фармацевты и ветеринары, что обеспечивало разносторонний подход к решаемым проблемам.

На первом заседании этого отделения председатель отделения, действительный статский советник Голынский внес на прививание от оспы 5 тысяч рублей собственных средств.

Президент общества Николай Мордвинов, положительно оценив этот момент, предложил из денежного капитала общества выделить 10 тысяч на эти же цели и ежегодно из доходов общества отпускать еще по 2 тысячи рублей, назначив также от себя тысячу рублей.

На это откликнулись и другие члены отделения, внося достаточно большие суммы, сделав капитал общества на оспопрививание значительным.

С 1824 по 1857 год по распоряжению Николая I каждая губерния должна была ежегодно переводить в ВЭО по тысяче рублей на осуществление деятельности по оспопрививанию. В 1857 году это решение было продлено еще на 10 лет.

Показательна Выписка из журналов Кабинета министров об отпуске в распоряжение ВЭО для распространения по всей империи прививания оспы по одной тысяче рублей в год из суммы, собираемой на земские повинности по каждой губернии.

Это наглядный пример реализации ВЭО своих принципов: организация формировала общественные институты в стране и сотрудничала с государством, при этом оставаясь независимой.

Существенные пожертвования делали многие члены ВЭО. На эти средства закупались и отправлялись в регионы стекла и ланцеты для прививок, печатались учебные пособия, рекламные листовки о пользе оспопрививания и производилась подготовка специалистов по вакцинации.

В 1811 году правительством (а с 1801 года вопросы здравоохранения в Российской империи реализовались через МВД) в губерниях были организованы оспенные комитеты. Общество стало выделять им по 500 рублей, а также снабжало бесплатно инструментарием, прививочным материалом, разрабатывало инструкции по оспопрививанию, контролировало работу губернских комитетов по оспопрививанию и подготовке специалистов.

Особого внимания заслуживает деятельность ВЭО в пропаганде и распространении вакцинации, развившаяся главным образом после 20-х годов XIX века. Во многом это способствовало тому, что вакцинация в Российской империи приняла довольно широкие масштабы.

16 февраля 1826 года указом императора Николая I была учреждена медаль «За привитие оспы» золотого и серебряного литья. Медали изготавливали на средства императорского Вольного экономического общества.

С 1826 года общество за «усердия в сем благотворительном деле» стало раздавать в награду серебряные и золотые медали. Священникам и чиновникам, отличившимся в деле оспопрививания, давалась золотая медаль без ленты, остальным же серебряные. Было предложено «наблюдать, чтобы награждения сими медалями было чинимо с особою осмотрительностью (дабы число людей, медали получающих, не слишком умножалось)».

С первых лет создания ВЭО раздавались и распространялись книги по оспопрививанию. После 1824 года работа общества в этой области приняла особенно широкие размеры.

С 1840 года общество рассылало в каждую губернию специальное руководство по оспопрививанию. Так, в отчетах общества, опубликованных в его «Трудах», значится следующее. 1840 год: «...Напечатано руководство по прививке оспы, составленное К. Грумом, и разослано в числе 20–30 экземпляров в каждую губернию с тем, чтобы в губернском оспенном комитете хранился один экземпляр как казенная собственность, а прочие затем выданы были грамотным оспопрививателям».

С 1840 года общество рассылало в каждую губернию специальное руководство по оспопрививанию. Количество рассылаемых пособий для того времени было достаточно велико:

- в 1841 году — 5870 экземпляров;
- в 1843 году — 6846 экземпляров.

В 1845 году было направлено:

- 38 485 наставлений на русском языке;
- 800 наставлений на польском языке;
- 1200 наставлений на татарском языке;

- 800 наставлений на калмыцком языке;
- 800 наставлений на монгольском языке;
- 700 наставлений на грузинском языке;
- 900 наставлений на армянском языке.

Кроме пособий общество рассылает во все губернные оспенные комитеты медицинские инструменты и материалы. Только в 1841 году разослано: ланцетов — 6900, склянок с оспенной материей — 114 и простых — 13 926.

В 1846 году в доме Вольного экономического общества начал работать первый в России постоянно действующий прививочный кабинет.

В 1851–1853 годах в Санкт-Петербурге ВЭО были учреждены три оспопрививательных пункта, где работали сами члены общества.

Здесь же функционировали курсы подготовки оспопрививателей. В отчете общества за 1847 год содержатся интересные данные о количестве привитых в России: число младенцев, которым была привита оспа, с 1824 года достигло 23 млн. Занимавшихся оспопрививанием насчитывалось более 15 тысяч человек. В некоторых отдаленных местах империи общество содержало на иждивении искусных оспопрививателей.

Стоит отметить, что процесс внедрения оспопрививания в отдаленных регионах проходил довольно болезненно, нередко само население противостояло санитарно-гигиенической политике властей и медицинских чиновников.

ВЭО оперативно реагировало на эти факторы, информационные материалы печатались на национальных языках. Это сыграло важную роль, так как люди впервые получили возможность понять происходящее на родном языке.

Всего во все губернии и области было разослано более 916 тысяч ланцетов и оспопрививательных игл, более 157 тысяч стеклышек с оспенной материей, более 367 тысяч наставлений на 12 языках, 40 тысяч пасторских наставлений для церквей, вручено 814 золотых и серебряных медалей.

С помощью общества была сформирована и полноценно функционировала система вакцинопрофилактики натуральной оспы. Были учреждены основные врачебно-вспомогательные органы, порядок подготовки медицинских кадров и непосредственно оспопрививателей, что давало существенные результаты. Общее количество младенцев, которым была привита оспа при содействии ВЭО, превышает 41 млн человек. Работа продолжалась до конца XIX века.

В 1870 году общество приобрело 300 экземпляров «Руководства к изучению оспопрививания» С. И. Щенсновича и направило их в регионы. В 1871 году для получения оспенного материала общество устроило телятник, где обучалось 2105 человек. А в 1887 году на гигиенической выставке

в Варшаве за этот учебный центр общество получило почетный Диплом 1-го класса. В 1873–1874 годах издало по 10 тысяч экземпляров брошюры Михаила Первушина, заведующего вакцинационным заведением при ВЭО, «Прививайте оспу». Эта брошюра печаталась и в советское время.

В Советском Союзе в 1918 году Владимир Ленин подписал декрет об обязательном оспопрививании. С 1919 года началась планомерная борьба с этой болезнью, которая закончилась ее ликвидацией в СССР в 1936 году. Таким образом, работа ВЭО по оспопрививанию внесла реальный вклад в борьбу с эпидемиями. Сейчас в структуру ВЭО России входят 65 региональных организаций, которые ведут активную научно-практическую, экспертную и просветительскую деятельность в субъектах РФ. Ежегодно ВЭО России и его региональные организации проводят более тысячи разноформатных (научно-экспертных, просветительских, деловых) мероприятий, в которых принимают участие более 300 тысяч экспертов и специалистов из всех регионов страны, что позволяет аккумулировать широкий спектр мнений по актуальным вопросам социально-экономического развития страны. ВЭО России ежегодно публикует 30 тысяч экземпляров информационно-аналитических, научных и просветительских изданий, которые распространяются на бесплатной основе.

ВЭО — рупор просвещения

Смолин: Я историк по первому образованию, поэтому позволю себе провести параллели между деятельностью Вольного экономического общества России в досоветский и в постсоветский период. Георг Гегель утверждал, что история повторяется, а Карл Маркс добавлял, что она повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз — в виде фарса. История Вольного экономического общества России показывает, что история может повторять дважды в позитивном ключе.

Я буду говорить прежде всего о работе Вольного экономического общества России в области образования и просвещения. Назову несколько направлений этой работы.

Первое направление работы ВЭО России — экономическое просвещение. Автор идеи Вольного экономического общества Михаил Васильевич Ломоносов полагал, что образование должны получать все слои населения. Вольное экономическое общество России всегда стремилось распространять просвещение не только среди помещиков и купцов, но и среди крестьян, которые были основной производительной силой в то время. Вольное экономическое общество России сегодня является наследником этой благородной традиции.

Один из главных принципов работы ВЭО России — знания — должны приносить пользу. Сейчас в государственных кругах обсуждается вопрос воссоздания национально ориентированной системы высшего образования. Ее три кита, по мнению министра науки и высшего образования Валерия Фалькова, — это фундаментальность, воспитание и практико-ориентированность. Поэтому принципы работы ВЭО России и сегодня остаются актуальными.

Второе направление работы ВЭО России — повышение уровня грамотности населения. В 1861 году ВЭО учредило Комитет грамотности, который работал до 1895 года. За 35 лет своей работы (до закрытия в 1895 году) Комитет издал свыше 2 млн экземпляров образовательной литературы, которая доходила до населения через церковно-приходские школы, ремесленные училища и благотворительные учреждения. Актуальна ли сейчас эта задача? Как ни странно, да. Казалось бы, безграмотность была ликвидирована в советское время, но, если мы посмотрим на результаты социологических опросов, окажется, что 44% россиян считают всю радиоактивность вокруг нас искусственной, 30% населения убеждены, что гены содержат только генетически модифицированные растения. В 2007 году 28% респондентов полагали, что Солнце — это спутник Земли, в 2011 году так думали 32%, а по последним данным — уже 35% граждан. Коллеги, нам пора создавать комитет ликвидации функциональной неграмотности или комитет функциональной грамотности, потому что умение читать и писать еще не делает человека даже функционально грамотным, не говоря уже о том, чтобы сделать его образованным. Я считаю, что нам нужно повышать грамотность россиян. ВЭО России активно занимается повышением экономической грамотности населения.

Комитет грамотности ВЭО создал сеть сельских библиотек — это прекрасный проект. Сегодня уровень доступности информации такой, о котором предыдущие поколения и мечтать не могли. Вместе с тем сегодня молодое поколение — первое поколение после эпохи Возрождения, которое знает меньше, чем предыдущее.

Третье направление работы ВЭО России — это книгоиздание. Только с 1880 по 1890 год Комитет грамотности ВЭО издал 650 тысяч книг, а распространил (бесплатно или по символической цене) миллион экземпляров. Потрясающий результат. Хорошо, что эта традиция не прервалась. ВЭО России издает сегодня журналы и научно-популярные издания.

Четвертое направление работы ВЭО России — это создание образовательных учреждений. ВЭО стояло у истоков не только коммерческого образования в России, но и сельскохозяйственного. Начало аграрному образованию положило открытие в 1779 году по личному распоряжению Екатерины II и при участии ВЭО Царскосельской земледельческой школы — первого в России специализированного учебного заведения сельскохозяйственного профиля.

ВЭО основало даже женскую школу, где готовили учительниц, но она была закрыта в 1860-х годах либералом Александром II. Очевидно, тогда считали, что женщинам не нужно образование. Сегодня в стране достаточно вузов и среднеспециальных учебных заведений, но очень важно, что ВЭО России участвует в разработке учебников и образовательных программ.

Пятое направление работы ВЭО России (которое выходит за пределы сферы образования) — это разработки мер и решений для социально-экономического развития страны. Мы уже говорили о том, что проект президента ВЭО Кавелина лег в основу многих положений реформы 1861 года и отмены крепостного права. А Комитет грамотности ВЭО в 1890-е годы активно разрабатывал вопросы введения всеобщего начального образования в России. Сегодня в России обсуждают новую стратегию образования. ВЭО России принимало участие в подготовке направлений реформирования высшего экономического образования в стране.

Мне кажется, нам всем нужно использовать формулу Sapere aude Иммануила Канта, который, кстати, был подданным Российской империи. Это переводится как «Осмелюсь знать» или «Имей мужество пользоваться собственным умом». Если мы будем помнить о заветах Канта, то сможем оказать позитивное влияние на социально-экономическое развитие страны. России нужен экономический прорыв. Об этом неоднократно говорил президент Российской Федерации.

ВЭО на передовой борьбы с голодом

Циденков: Мое выступление будет посвящено роли ВЭО в борьбе с голодом и неурожаем в 1906 и 19011 годах. До революции помощь голодающим оказывали разные общественные организации и объединения. ВЭО выделяется на их фоне. Во-первых, спецификой организации работы по помощи голодающим, во-вторых, ее эффективностью.

В 1871 и 1874 годах под руководством барона Корфа были проведены экономические исследования производства хлеба в Поволжье и на Урале. ВЭО получило полную информацию

о том, как производится хлеб, куда он идет на продажу, какое место занимает в экспорте Российской империи и как это отражается на российских крестьянах. Хлебопроизводящие губернии работали исключительно на производство экспортных хлебов. У крестьян не было другого заработка.

При этом Поволжье — это зона рискового земледелия, где раз в несколько лет случаются засухи и суховеи, которые полностью уничтожают урожай. Неурожаи разоряют крестьян, потому что они обременены большим количеством платежей, в том числе выкупных. В неурожайные годы у крестьян нет средств, чтобы купить себе еду. В урожайные годы цены на хлеб резко падают, и крестьяне не могут вылезти из долговой ямы, им приходится постоянно брать новые кредиты.

ВЭО предупреждало правительство о цикличности неурожаев и голодов. В 1891 году голодающим крестьянам помогало рекордное количество обществ и объединений, известных людей. ВЭО тогда провело анкетирование всех участников кампании помощи голодающим, чтобы получить полную картину.

Благотворительная помощь позволяла крестьянам не занимать хлеб под высокие проценты и дотянуть до весны. Но проблема состояла в том, что никто толком не представлял, как правильно организовывать стабильную помощь голодающим. Кроме того, организации зависели от пожертвований. Эти средства поступали нерегулярно, что сказывалось на работе благотворителей. Губернии выделяли обществам районы для работы и снимали население с довольствия. Общества начинали работать на выделенных территориях, через какое-то время поток пожертвований заканчивался, и организации закрывали столовые. И снова голод, а губерния уже не может направить средства в этот район. ВЭО знало обо всех этих проблемах.

У ВЭО родилась стратегия помощи голодающим, которая прекрасно себя зарекомендовала в 1906 и в 1911 годах. ВЭО отказалось от экспедиций в голодающие губернии, чтобы не перегружать губернские власти бюрократической работой. ВЭО начинает работать через общества и организации, которые себя хорошо зарекомендовали, оно перечисляет им деньги на открытие столовых зимой 1906 года — это самый тяжелый период, когда нет фуража, а аренда лошадей стоит дорого. При этом нужно везти в пострадавшие губернии топливо, организовывать питание. Тогда все Поволжье было охвачено аграрными беспорядками. В Самаре убили губернатора Блока. Несколько сел объявили себя независимыми республиками. В губернии, где было много неблагонадежных революционеров, был запрещен въезд многочисленным обществам. У ВЭО были на этих территориях свои представитель-

ства. В Казани местная дворянка, член ВЭО Наталья Петровна Куприянова создала Комитет помощи голодающим. ВЭО перечисляло ей средства крупными суммами по 3–5 тысяч рублей единовременно. То есть ВЭО создавало подушку безопасности для Комитета, позволяло открыть столовые, покупать и завозить в них продукты и не сильно зависеть от пожертвований частных лиц.

В Самарской губернии работал Самарский комитет общественной помощи голодающим. Он напрямую обратился к ВЭО и Московскому пироговскому обществу врачей за помощью. Столичные общества взяли Самарский комитет под свою опеку, в результате чего он стал именовать себя в документах Самарским отделением Пироговского и Вольного экономического обществ. К марту 1907 года он обеспечивал питанием до 14 тысяч человек в беднейших уездах. В октябре 1906 года ВЭО перевело в Самарский комитет 3 тысячи рублей, в ноябре 1906 года — 2 тысячи рублей, в декабре 1906 года — 3 тысячи рублей, в январе 1907 года — 5 тысяч рублей. Эти суммы составляли примерно три четверти общего сбора Самарского комитета и позволяли ему расширять географию помощи голодающим. На эти средства открывали новые столовые, завозили в них продукты и кормили людей.

Если мы посмотрим, как была организована помощь голодающим от Самарского и Казанского комитетов, то увидим, что она строилась на научных началах: население кормили щами, бульоном и кашей. Уносить еду домой было нельзя. Это было сделано для того, чтобы крестьяне получали необходимое количество калорий и отдавали свою еду домочадцам.

В 1911 году голод поразил три губернии: Казанскую, Самарскую и Саратовскую.

Благодаря интенсивной работе Казанского комитета ВЭО в пяти уездах Казанской губернии на протяжении 1911 года были открыты столовые в 76 селениях, в которых довольствовались 8900 человек. Наталья Куприянова привлекала к работе по организации помощи самих крестьян: были доверенные, которые отвечали за хранение продуктов и их доставку в труднодоступные местности. Этот опыт впоследствии будет использован в 1921 году при советской власти. Владимир Ленин лично изучал труды ВЭО и работу его Комитета, который обеспечивал финансирование помощи голодающим. Тогда же появилась идея создать в СССР Институт голода, который занимался бы мониторингом продовольственной ситуации и собирал сведения о голоде не только в стране, но и в мире.

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2024–2025, Москва
Научно-популярное издание

Том XIII–XIV

Под редакцией С. Д. Бодрунова,
члена-корреспондента РАН, д. э. н., профессора

© Институт нового индустриального развития (ИНИР)
имени С. Ю. Витте,
© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 16.10.2025.
Тираж 400 экз.
Заказ № 02781-25

Отпечатано в типографии
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

ISBN 978-5-00020-136-7